

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

4'2022

Выпуск 4 (222)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 4 (222) 2022

ТОМСК
2022

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

- А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);*
С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);
Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);
В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);
А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);
М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);
Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);
А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);
А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);
С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия; Барселона, Испания);
С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);
Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);
В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);
В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);
E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);
S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);
R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);
S. Odintsov, профессор (Барселона, Испания);
M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Полякова, А. В. Курьянович, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 52-06-17, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ.

Адрес издательства, типографии: ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 01.07.2022. Дата выхода в свет: 15.07.2022. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18,75. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1219/Н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Технический редактор: О. А. Турчинович. Корректор: Г. В. Кругликова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2022. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 4 (222) 2022

**TOMSK
2022**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);*
S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);
V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);
A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)
M. P. Voytekhevskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);
L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);
A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor; Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);
S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russian Federation);
G. G. Slyshkin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Moscow, Russian Federation);
V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);
V. D. Chernyak, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
S. Odintsov, (Barcelona, Spain);
M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

N. V. Polyakova, A. V. Kur'yanovich, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Corresponding address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, tel./fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061.

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 01.07.2022. Submitted for printing: 15.07.2022. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1219/H

Production editor: L. V. Dombrauskayte. Text designer: O. A. Turchinovich. Proofreading: G. V. Kruglikova

© Tomsk State Pedagogical University, 2022. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Волкова А. Б., Кобенко Ю. В.</i> Псевдозаимствованные онимы в немецком литературном языке: словообразовательный аспект	7
<i>Новицкая И. В., Федоринова З. В., Воробьёва В. В.</i> Окаzionale словообразование абстрактных существительных в древнескандинавском языке	15

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Мехризи М. А., Аввал А. М., Голами Х.</i> Сопоставительный анализ распространенных ошибок при использовании управления в русском и персидском языках	26
<i>Сидаш В. В., Крицкая Н. В.</i> Особенности передачи идиостиля В. Пелевина в английском переводе романа «Generation „П“»	34

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Богданова А. Г., Захарова Е. О., Мьмрина Д. Ф.</i> Функционально-структурная специфика многокомпонентных терминов англоязычного медийного экологического дискурса	41
<i>Полякова Н. В.</i> Сопоставительный анализ современных QA-инструментов для письменного перевода	51
<i>Трофимова Н. А., Щитова О. Г.</i> Фреймное моделирование семантики термина предметной области «Строительные технологии» в русском языке	62
<i>Хуан Сяоюй.</i> Концепт <i>театр</i> в индивидуально-авторской картине мира М. Плисецкой	73
<i>Го Мин.</i> Учение о природе символов и теория диалога М. М. Бахтина в рецепции китайских ученых-филологов	85
<i>Быкова К. С.</i> Лингвокогнитивные механизмы формирования научного мифа в научно-популярном дискурсе: к постановке проблемы	96

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Шуков Д. А.</i> Эхо творчества В. А. Жуковского в повестях Н. В. Гоголя «Невский проспект», «Портрет», «Шинель»	107
<i>Ажель Ю. П.</i> Интерпретация женских образов романа Б. Дизраэли «Генриетта Темпл: история любви» в русских переводах XIX века	121
<i>Эфендиева Н. Р., Поплавская И. А. С. Я.</i> Маршак как переводчик поэзии и прозы Дж. Родари	137
<i>Пуряева Н. Н.</i> Анонимные повести о Параше Сибирячке: к вопросу о сюжетном коде	147

ПЕДАГОГИКА

<i>Лю Вэньцзя.</i> Обучение переводу в Китае на современном этапе	155
<i>Игна О. Н.</i> Кейс-технология в методической подготовке учителей иностранных языков	168

CONTENTS

GERMANIC LANGUAGES

<i>Volkova A. B., Kobenko Yu. V.</i> Pseudo-Borrowed Onyms in the German Literary Language: Aspect of Word Formation	7
<i>Novitskaya I. V., Fedorinova Z. V., Vorobeva V. V.</i> Occasional Word-Formation Types of Abstract Nouns in Old Norse	15

COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Abuei M., Madaenei A., Gholami H.</i> Comparative Discussion of Common Mistakes by Using the Government in Russian and Persian Languages.	26
<i>Sidash V. V., Kritskaya N. V.</i> Features of V. Pelevin's Idiostyle in English Translation of "Generation "P""	34

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Bogdanova A. G., Zakharova E. O., Mymrina D. F.</i> Functional and Structural Specificity of Multicomponent Terms in English-Language Media Ecological Discourse.	41
<i>Polyakova N. V.</i> Comparative Analysis of Modern QA Tools for Written Translation	51
<i>Trofimova N. A., Shchitova O. G.</i> Frame Modeling of the Term Semantics of the Subject Area "Construction Technologies" in Russian	62
<i>Huang Xiaoyu.</i> Concept Theater in M. Plisetskaya's Individual-Author's Picture of the World	73
<i>Guo Ming.</i> Study of the Nature of Symbols and M. M. Bakhtin's Theory of Dialogue in the Reception of Chinese Philologists.	85
<i>Bykova K. S.</i> The Problem of Identifying Linguocognitive Mechanisms of Scientific Myth Formation in Popular Science Discourse	96

LITERARY STUDIES

<i>Shchukov D. A.</i> The echo of V. A. Zhukovsky's works in N. V. Gogol's Stories "Nevsky Prospekt", "The Portrait", "The Overcoat"	107
<i>Azhel Yu. P.</i> Interpretation of Female Images of the Novel 'Henrietta Temple: Love Story' by Benjamin Disraeli in Russian Translations of the XIXth Century	121
<i>Efendiyeva N. R., Poplavskaya I. A. S. Ya.</i> Marshak as a Translator of Poetry and Prose by G. Rodari	137
<i>Puryayeva N. N.</i> Anonymous Short-Stories about Parasha Sibiryachka	147

PEDAGOGY

<i>Liu Wenjia.</i> Interpreting Training in China at the Present Stage	155
<i>Igna O. N.</i> Case Technology in the Methodical Training of Foreign Language Teachers	168

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112'373.2'373.613

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-7-14>

ПСЕВДОЗАИМСТВОВАННЫЕ ОНИМЫ В НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Алевтина Борисовна Волкова¹, Юрий Викторович Кобенко²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

¹ volkova.translator@yandex.ru

² serpentis@list.ru

Аннотация

Введение. Онимная лексика в разряде немецких псевдозаимствований представляется в настоящее время малоизученной. Если псевдозаимствования традиционно рассматриваются в этимологическом и словообразовательном аспекте, то в практике анализа онимного разряда и его этимологических сегментов большую роль играет выделение ономастических субклассов псевдозаимствованных онимов, констелляция которых определяется характером эмпирического материала. Обращение к способам и моделям словообразования обусловлено необходимостью выделения структурно-системных признаков исследуемых единиц и их роли в псевдооноязычном имяречении средствами немецкого литературного языка.

Цель – определить способы и модели образования онимов в классе немецких псевдозаимствований.

Материал и методы. Эмпирической базой исследования являются 190 псевдозаимствованных онимов, отобранных с учетом критериев апостериорности, нарушенной обратимости и принадлежности к классу *nomina propria* из ряда немецкоязычных печатных и онлайн-изданий, среди которых переводные комиксы, ономастические регистры и регулярно обновляемые словарные издания Duden и DWDS. Словарный поиск велся преимущественно при использовании слов-маркеров, содержащих немецкий конфикс «pseudo-». В качестве эпистемологического фундамента анализа избран структурно-системный подход, целью имплементации которого выступает раскрытие структурных особенностей исследуемого словарного множества. Для анализа материала использован корпус обще- и частнонаучных методов. Общенаучными методами выступили приемы логики (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и статистики (квантитативные методы, метод группировки), частнонаучными (лингвистическими) – методы структурной лингвистики (метод компонентного анализа и традиционно-комплексный метод).

Результаты и обсуждение. Большую часть сегментов эмпирического корпуса данного исследования составляют псевдогаллицизмы первой и второй групп, а также псевдолатинизмы. Несмотря на то, что галлицизмы второй группы и псевдолатинизмы образованы от элементов, заимствованных из мертвых галльского и латинского языков, они продолжают использоваться в немецкой литературной речи. Большое разнообразие субклассов представляют псевдолатинизмы, среди которых встречаются антропонимы, большое количество эргонимов, прагматонимы, пейзажонимы и разряд фикционимов в субклассе антропонимов. Имена героев комиксов в переводе на немецкий язык, представленные разрядом фикционимов и субклассом антропонимов, образованы с помощью разнообразных словообразовательных моделей. Кроме того, одно из рассматриваемых в данной работе вымышленных имен героев в сегменте псевдоиспанизмов, обладает наибольшей лексической длиной (11 элементов). Таким образом, можно сделать предположение о том, что благодаря такому разнообразию способов образования лексических единиц авторам и переводчикам комиксов удается передать экспрессию и в определенной степени отличительные черты некоторых героев. Словообразовательные возможности псевдозаимствованных онимов в немецком языке в значительной степени зависят от того, какие сегменты и субклассы образуют эмпирический корпус.

Заключение. Предлагаемый материал призван расширить представления о природе псевдозаимствований в немецкой литературной речи и углубить дифференциацию онимного и апеллятивного разрядов данного класса лексики. Результаты могут быть использованы в лексикографических и учебных целях, в практике перевода и преподавания современного немецкого языка.

Ключевые слова: немецкий литературный язык, псевдозаимствования, псевдозаимствованные онимы, сегменты, способы и модели словообразования

Для цитирования: Волкова А. Б., Кобенко Ю. В. Псевдозаимствованные онимы в немецком литературном языке: словообразовательный аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 7–14. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-7-14>

GERMANIC LANGUAGES

PSEUDO-BORROWED ONYMS IN THE GERMAN LITERARY LANGUAGE: ASPECT OF WORD FORMATION

Alevtina B. Volkova¹, Yuriy V. Kobenko²

^{1,2} *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *volkova.translator@yandex.ru*

² *serpentis@list.ru*

Abstract

Introduction. The onymic vocabulary in the category of German pseudo-borrowings is currently understudied. While pseudo-borrowings are traditionally considered in the etymological and word-formation aspect, in the practice of analysis of the onymic category and its etymological segments a great role is played by the selection of onomastic subclasses of pseudo-borrowed onyms, the constellation of which is determined by the nature of the empirical material. The appeal to ways and models of word formation is conditioned by the necessity to highlight the structural and systemic features of the studied units and their role in the pseudo-foreign naming by means of the German literary language.

The aim of the paper is to identify the ways and models of onym formation in the German pseudo-borrowings class.

Material and research methods. The empirical basis for the study is 190 pseudo-borrowed onyms, selected according to the criteria of posteriority, impaired reversibility and belonging to the class *nomina propria* from a number of German-language print and online editions, including translated comics, onomastic registers and regularly updated dictionaries Duden and DWDS. The dictionary search was carried out mainly with the use of marker words containing the German confix “pseudo-”. The epistemological basis of the analysis is the structural-systems approach, the implementation of which is aimed at revealing the structural features of the studied vocabulary set. A corpus of general and special scientific methods was used to analyze the material. General scientific methods were the methods of logic (analysis, synthesis, comparison, generalization) and statistics (quantitative methods, the method of grouping), private scientific (linguistic) – methods of structural linguistics (method of component analysis and traditional-complex method).

Results and discussion. Most of the empirical corpus segments of this study consist of pseudo-Gallicisms of the first and second groups as well as pseudo-Latinisms. Although the Gallicisms of the second group and Pseudo-Latinisms are derived from elements borrowed from dead Gallic and Latin, they continue to be used in German literary speech. A great variety of subclasses are represented by pseudo-Latinisms, among which there are anthroponyms, a large number of ergonyms, pragmatonyms, peisonyms and a class of fictionyms in the subclass of anthroponyms. The names of comic book characters translated into German, represented by the class of fictionyms and the subclass of anthroponyms, are formed using a variety of word-formation models. In addition, one of the fictional character names considered in this paper, in the segment of pseudo-Hispanisms, has the greatest lexical length (11 elements). Thus, it can be assumed that thanks to such a variety of ways to form lexical units the authors and translators of comics manage to convey the expression and, to a certain extent, the distinctive features of certain characters. The word-formation possibilities of pseudo-usage onyms in German depend on which segments and subclasses form the empirical corpus.

Conclusion. The proposed material is intended to expand the understanding of the nature of pseudo-borrowings in German literary speech and to deepen the differentiation of onymic and appellative categories of this class of vocabulary. The results can be used for lexicographical and educational purposes, in translation practice and in the teaching of modern German.

Key words: German literary language, pseudo-borrowings, pseudo-borrowed onyms, segments, ways and models of word formation

For citation: Volkova A. B., Kobenko Yu. V. Psevdozaimstvovannye onimy v nemetskom literaturnom yazyke: slovoobrazovatel'nyy aspekt [Pseudo-Borrowed Onyms in the German Literary Language: Aspect of Word Formation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 7–14 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-7-14>

Введение

Феномен псевдозаимствования в немецком литературном языке уже несколько столетий является объектом пристального внимания языковедов, пуристов, кодификаторов и историков [1, с. 88]. Манипуляцию иноязычным материалом с целью подражания более престижному языку можно рассматривать двояко: с одной стороны, как некую эволюционную константу развития всех языков, ведь скопировать преимущества чужого всегда удобнее и быстрее, чем создавать собственные; а с другой стороны, как признание несостоятельности словообразовательных возможностей собственного языка, нуждающегося в ресурсах якобы более развитого, успешного и привлекательного идиома. В сущности, вся социология немецкого языка с XVII в. строилась, в отличие от английского, не на принципе собственного превосходства, а на идее паритетности, поэтому немцы экспортировали свой национальный язык всегда subtly, доверительно и на равноправных началах. Манипуляция иноязычным материалом при таком подходе не только ожидаема, но и неизбежна, ведь немецкий язык добровольно устремлялся в иноязычные среды, желая скопировать их эволюционные преимущества, и «поглощал» их по завету И. В. фон Гёте [2, с. 132].

В результате такого отношения к чужому сегодня в составе немецкого языка содержатся лексические единицы, однозначно происходящие из материала престижных языков-доноров (латыни, английского, французского и др.), однако отсутствующие в них как таковые. Такие лексические единицы обозначаются *псевдозаимствованиями*, и данное название уже само по себе выдает их особенность: они лишь выглядят как слова других языков, однако при более детальном их изучении возникает понимание их «ложного» заимствования. Л. А. Нефёдова дает следующее определение псевдозаимствованиям в немецком языке: «Как правило, это слова, образованные от иноязычных элементов и являющиеся, таким образом, продуктами словообразования немецкого языка» [3, с. 121].

Немецкий язык обладает высокой лояльностью к иноязычной лексике и, следовательно, разнородностью ресурсов, в процессе своего исторического развития он всегда был открыт для заимствований из других языков. Так, в его составе существуют различные иноязычные адстраты, элементы которых были заимствованы в различные периоды истории. Наиболее продолжительным является влияние французского языка, на втором месте находится лексика англоязычного происхождения

[4, с. 22]. Из ранее заимствованного материала носители немецкого языка комбинируют новые слова, отсутствующие в языках-донорах и неизвестные их носителям, ср. псевдоанглицизм *Dressman* (англо-нем. *мужской манекен*), образованный в немецком языке путем сложения английских основ *dress* (англ. *платье*) и *man* (англ. *мужчина, человек*). В самом же английском языке данное слово отсутствует, что, однако, никак не влияет на его англоязычный облик. Поэтому ведущими аспектами изучения псевдозаимствованной лексики немецкого литературного языка выступают словообразование и этимология.

Несмотря на живой интерес к проблеме псевдозаимствований в составе немецкого языка в отечественном и, безусловно, зарубежном языкознании, наименее изученным остается разряд псевдозаимствованных онимов (ПЗО), под которыми понимаются «апостериорные единицы, образованные по принципу нарушенной обратимости и принадлежащие к классу *nomina propria*» [5, с. 93]. Апостериорность противопоставлена априорности, т. е. собственно заимствованию, и подразумевает манипуляцию уже заимствованным языковым материалом. Образование по принципу нарушенной обратимости означает, что прототипы таких единиц отсутствуют в языке-доноре [6, с. 57]. Принадлежность к классу *nomina propria* в немецком литературном языке графически не выделяется, как, к примеру, в русском или английском языках при помощи капитализации заглавных букв, и устанавливается имплицитно по наиболее общим признакам имен собственных: индивидуализации и отсутствию связи с понятием [7, с. 473]. Вместе с тем известны случаи конверсии ПЗО, значительно затрудняющие выработку критериев их идентификации, ср. обиходное междометие *tschüssikowski* (нем. **покавский*).

Необходимо также отметить, что четкое разграничение заимствований с различной степенью ассимиляции и псевдозаимствований само по себе не всегда возможно. Это обусловлено тем, что псевдозаимствование существует на стыке «собственно заимствования, ассимиляции (германизации), деэтимологизации и словообразования» [4, с. 30] как явление в большей мере функционального (не системного) характера [8, с. 39], т. е. как средство имитации иноязычного звучания, а в случае ПЗО – иноязычного имяречения. Сами ПЗО имеют контекстную (ситуативную) обусловленность, в значительной степени определяемую особенностями того или иного жанра [9, с. 102]. К тому же данные

единицы на практике не отделяются от других онимов, что зримо затрудняет их обнаружение в ономастической полифонии современной Европы.

Материал и методы

Материалом данного исследования послужили 190 ПЗО, отобранных с учетом вышеизложенных критериев из ряда печатных и онлайн-изданий. К примеру, сегмент антропонимов отбирался из следующих интернет-ресурсов, посвященных этимологии немецких имен и фамилий: *genwiki.genealogy.net*, *de.geneanet.org*, *www.namenforschung.net*, *www.onomastik.com*. Основную базу для поиска фикционимов (имен вымышленных людей) в данном сегменте составляют переводные немецкоязычные комиксы «*Asterix und Obelix*» и «*Mosaik*». Вторичной базой послужили такие сайты, как *www.asterix.com* и *www.mosapedia.de*, на которых содержатся объяснения происхождения имен вымышленных героев, а также словники таких ведущих лексикографических справочников немецкого языка, как *Duden* (*www.duden.de*) и *DWDS* (*www.dwds.de*). Критериями поиска ПЗО выступили следующие слова и словосочетания: *pseudospanisch* (нем. псевдоиспанский), *pseudolateinisch* (нем. псевдолатинский), *pseudofranzösisch* (нем. псевдогалльский), *italienisiert* (нем. итальянизированный), *latinisiert* (нем. латинизированный), *mit französisierender Endung* (нем. с галлизирующим окончанием), *mit romanisierender Endung* (нем. с романизирующей финалью) и т. п., например:

Franziskus ist der im Deutschen latinisierte Vorname des italienischen Namens Francesco [10, с. 68] (нем. Францискус – это латинизированная немецкая версия итальянского имени Франческо).

Основным подходом для исследования ПЗО в данной работе является структурно-системный, позволяющий изучать структуру и порядок организации данных лексических единиц в системе современного немецкого языка. Для анализа материала привлекался корпус обще- и частнонаучных методов. К *общенаучным* относятся методы логики (а) и статистики (б), к *частнонаучным* (лингвистическим) – методы структурной лингвистики (в):

а) методы логики: *анализ* (выделение этимологического признака у исследуемых ПЗО в составе немецкого литературного языка); *синтез* (объединение указанных лексических единиц в этимологически родственные сегменты, разряды и субклассы); *сравнение* (установление сходства и различий способов словообразования ПЗО); *обобщение* (нахождение общих способов словообразования лексических единиц);

б) методы статистики: *квантитативные методы* (использование числовых данных для обработки корпуса материала); *метод группировки* (си-

стемное разделение исследуемых ПЗО по этимологическим, субклассовым и словообразовательным признакам);

в) методы структурной лингвистики: *метод компонентного анализа* (исследование системных свойств ПЗО); *традиционно-комплексный метод* (классификация и типология исследуемых лексических единиц).

Все вышеперечисленные методы позволяют системно классифицировать исследуемые псевдозаимствованные онимы на этимологические сегменты, разряды и субклассы, выделить их словообразовательные признаки, а также наиболее частотные модели образования данных лексических единиц, что полностью оправдывает имплементацию системно-структурного подхода.

Кроме того, приведенные методы позволяют выделить ПЗО от ассимилятов, которые могут быть ошибочно отнесены к псевдозаимствованиям. К примеру, некоторые немецкие фамилии образованы от славянских топонимов с присоединением таких суффиксов, как *-in* (*Cammin*), *-itz* (*Dewitz*, *Nemitz*), *-ow* (*Flotow*, *Grabow*, *Vangerow*) и др. К данной группе можно причислить и германизированные топонимы славянского происхождения, например, название австрийского города *Pulkau*, имеющего ранее славянское название *Рѣкава*, или крупнейшего города Саксонии *Leipzig*, ранее именовавшегося *Лірсь*.

Результаты и обсуждение

Структурный анализ апеллятивной и онимной лексики в классе немецких псевдозаимствований традиционно предваряет этимологическая сегментация отобранного материала, итогом которой стало выделение семи сегментов ПЗО, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Результаты этимологической сегментации

№	Сегмент	Ед.	%
1	Псевдогаллицизмы первой группы	47	24,73
2	Псевдогаллицизмы второй группы	42	22,11
3	Псевдолатинизмы	37	19,47
4	Псевдоитальянизмы	30	15,78
5	Псевдоиспанизмы	16	8,42
6	Псевдославизмы	15	7,89
7	Псевдогерманизмы	3	0,52
Итого		190	100

Наиболее крупными сегментами ПЗО выступают псевдогаллицизмы первой (24,73 %) и второй (22,11 %) групп. Преобладание псевдогаллицизмов первой группы, образованных из заимствованного языкового материала французского происхождения, обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как географическая близость ареалов распространения немецкого и французского идиомов, продолжительность галльского влияния на не-

мецкий язык и возобновляющийся интерес пользователей современного немецкого литературного языка к ассимилированному галльскому пласту [11, с. 6–7]. Наибольшее число данных ПЗО составляют эргонимы (25 ед.), фикционимы, относящиеся к субклассу антропонимов (3 ед.), и один мифоним.

Псевдогаллицизмы второй группы образованы от галльского языка, одного из мертвых языков кельтского ареала. Сегмент лексических единиц, относящийся к данному сегменту, представляют антропонимы (43 ед.), являющиеся именами героев в немецких переводах комиксов об Астериксе и Обеликсе. Таким образом, сегмент псевдогаллицизмов второй группы полностью представлен фикционимами.

Псевдолатинизмы (19,47 %) составляют третий по величине сегмент, состоящий из различных субклассов: антропонимов (11 ед.), 5 из которых являются фикционимами; эргонимов (18 ед.); прагматонимов (9 ед.), ойкодонимов (2 ед.) и одного пейзаонима. Латинский адстрат в немецком языке является наиболее старым и освоенным и функционирует как платформа для заимствований из других языков романской ветви, совокупно образующих маккаронский адстрат [4, с. 23].

Сегмент псевдоитальянизмов (15,78 %) представляет синтез двух субклассов – реалионимов и фикционимов. Реалионимы включают в себя значительное количество прагматонимов (14 ед.), которые являются в основном названиями различных торговых марок. В их числе одно название поваренной книги *Aldidente* и название робота-портретиста *Legonardo* [12, с. 957]. Помимо прагматонимов, к реалионимам также относятся антропонимы (2 ед.), топонимы (5 ед.) и один артионим. Субкласс антропонимов (8 ед.) содержит фикционимы, используемые в качестве имен героев серии комиксов «*Mosaik*».

Сегмент псевдоиспанизмов (8,42 %) представлен фикционимами в субклассе антропонимов (16 ед.), также функционирующих в качестве имен героев серии комиксов «*Mosaik*».

Сегмент псевдославизмов (7,89 %) составляет 15 лексических единиц, 13 из которых – антропонимы, 2 – топонимы. Фикционимы в данном сегменте представлены 8 антропонимами.

Наименьший по количеству сегмент образуют псевдогерманизмы (3 ед.) в функции немецких фамилий (*von Gostkowski, von Lisiecki, von Zelazinski*).

Таким образом, в полученных сегментах выявлено 55,78 % реалионимов (106 ед.) и 44,21 % фикционимов (84 ед.), составляющих два основных субкласса ПЗО. Фикционимы зафиксированы во всех выделенных сегментах кроме псевдогерманского. Сегменты псевдоиспанизмов и псевдогаллицизмов второй группы образованы исключительно

фикционимами в субклассе антропонимов. Необходимо отметить, что, помимо одного мифонима *Dragonne Paprés* (галло-нем. *вымышленное имя дракона в компьютерной игре «Elder Scrolls»*) в псевдогалльском сегменте первой группы, прочие фикционимы являются антропонимами.

Как показано в табл. 2, наибольшим субклассом в разряде ПЗО являются антропонимы (51 %), содержащиеся во всех сегментах. В свою очередь, наиболее крупным их кластером выступают фикционимы (84 ед. из 97 ед.). Причина такого количественного различия между реалионимами (8 %) и фикционимами (92 %) в составе антропонимов заключается в том, что основной материальной базой настоящего исследования являются переводные тексты комиксов двух серий «*Asterix und Obelix*» и «*Mosaik*» с вымышленными именами героев, коррелирующих с реалиями фиктивных миров [13, с. 59].

Таблица 2

Субклассы ПЗО

№	Субкласс	Ед.	%
1	Антропонимы	97	51
2	Эргонимы	41	21,57
3	Прагматонимы	27	15
4	Тиронимы	9	5
5	Топонимы	7	3,68
6	Остальные онимы	9	4,73
	Итого	190	100

Второй по величине субкласс составляют эргонимы (21,57 %), наибольшее число которых относится к названиям профессий в сегменте псевдогаллицизмов первой группы, например: *Balletteuse* (нем. *балерина*), *Exporteur* (нем. *экспортёр*), *Konfektionneuse* (нем. *закройщица*) и др.

Наибольшую часть прагматонимов составляют названия торговых марок, относящиеся к сегментам преимущественно псевдоитальянизмов (*Brölio, Senkomat, Triolade* и др.) и псевдолатинизмов (*Infineon Technologies, Cognis, Altana* и др.).

Субкласс тиронимов (5 %) содержит обозначения сортов сыра и относится к сегменту псевдогаллицизмов первой группы (*St Môret, Saint Albray, Saint Agur, Lou Pérac, Le Cabrissac, Brebicet, Toastinette, Rondelé, Chèvreteine*).

Субкласс топонимов (3,68 %), отобранных для данного исследования, распределен по сегментам псевдоитальянизмов (5 ед.) и псевдославизмов (2 ед.). К псевдоитальянизмам относятся топонимы Южного Тироля, а именно *Valle Aurina, Campo Tures, Sarentino, San Candido* и *Corno del Renon*; к псевдославизмам – прусские топонимы *Gröbenzin* и *Massowitz*, которые на сегодняшний день принадлежат топонимике Польши.

К остальным ПЗО относятся один артионим *Anscavallo* (название скульптуры, псевдоитальянизм), один уфасмоним *Frottee, Marquisette* и *Welline*

(названия тканей, псевдогаллицизмы первой группы), один мифоним *Dragonne Paprés*, один ороним *Lambeau de Recouvrement* (название рифовой зоны во Франции, псевдогаллицизм первой группы), один пейзажизм *Horribilicribrifax* (название комедии, псевдолатинизм), два ойкодониима *Universitas Saraviensis* (название университета, псевдолатинизм) и *Futurium* (название музея, псевдолатинизм).

Структурные особенности ПЗО образуют их словообразовательные признаки и лексическая длина.

Как отражено в табл. 3, ведущими способами словообразования являются лексические (88,94 %), второе место занимают лексико-семантические (смешанные) способы (8,94 %) и наименее частотными способами выступают семантические способы (2,11 %). Лексическими способами являются любые структурные преобразования материальной стороны знака при словообразовании, семантическими – содержательной стороны. Смешанные способы предполагают преобразования обеих сторон знака.

Таблица 3

Способы словообразования ПЗО

Ед.	%
Лексические способы	
169	88,94
Семантические способы	
4	2,11
Лексико-семантические способы	
17	8,94
Всего	
190	100

Наиболее разнообразные словообразовательные модели обнаружены в сегментах псевдоитальянизмов (7 моделей), псевдогаллицизмов первой (10 моделей) и второй (7 моделей) групп, а также псевдолатинизмов (7 моделей). В сегментах псевдогаллицизмов первой и второй групп встречаются все три вида способов словообразования. Псевдоиспанизмы, представленные в данной работе фикциями, образованы лишь двумя моделями словообразования – суффиксацией и смешанно – суффиксацией + инфиксацией, в то время как псевдославизмы – исключительно суффиксацией.

Основным лексическим способом словообразования выступает суффиксация (95 ед.) и ее сложные разновидности: суффиксация + инфиксация (*Alonso Gomez y Saladas Mayonese*, 12 ед.), суффиксация + словосложение (*Kokolorix*, 12 ед.), суффиксация + приложение (*Meister Panix*, 4 ед.). У сегмента псевдолатинизмов можно встретить расширенные модели с суффиксацией: суффиксация + словосложение + апакопа (*ArsKRIPPANA*, 1 ед.), суффиксация + соположение + апакопа (*pro aurum*, 1 ед.). Модель суффиксации встречается во всех выделенных

сегментах. Другими наиболее частотными лексическими моделями образования ПЗО являются: графон (*Ottilia*, 5 ед.), контаминация (*Mochaccino*, 10 ед.) и соположение (*glasus vulgus*, 6 ед.).

Смешанными (лексико-семантическими) способами образованы 17 лексических единиц. Наиболее частотной моделью выступает пародия с суффиксацией (*Brebicet*, 11 ед.). Другими моделями данного способа словообразования псевдозаимствованных единиц в немецком языке являются: пародия + эпентеза (*Legonardo, Aldidente*, 2 ед.), пародия + параграмма (*Lionardo da Vinci*, 1 ед.), пародия + суффиксация (*Vodafone*, 1 ед.), пародия + префиксация (*AUBADE*, 1 ед.), пародия + словосложение (*Jellosubmarine*, 1 ед.). Данные лексико-семантические способы зафиксированы в сегментах псевдоитальянизмов и псевдогаллицизмов первой и второй групп.

Семантические модели словообразования установлены всего у 4 псевдозаимствованных единиц, относящихся к сегменту псевдогаллицизмов первой и второй групп. Данными моделями выступают: переразложение (*Du Merzac = dummer Sack*, 1 ед.), пародия (*Lambeau de Recouvrement, Nullnullsix*, 2 ед.) и переразложение с элементами мондегринизма (*Zinédine Zidane*, 1 ед.).

Наибольшей лексической длиной в рамках данного исследования обладает фикцией немецкого перевода комиксов «Mosaik», относящийся к сегменту псевдоиспанизмов и состоящий из 11 элементов – *Marchese Ferrando Esteban Carotto Ruinez Totales en des Tillas Randaes Festos*. ПЗО с наибольшей лексической длиной зафиксированы в сегменте псевдоиспанизмов.

Заключение

Разряд ПЗО в классе немецких псевдозаимствований обнаруживает совершенно другие словообразовательные и этимологические закономерности, нежели разряд апеллятивов. Во-первых, лексическая длина ПЗО в среднем больше, так как они представляют собой чаще составные единицы. Во-вторых, отсутствие псевдоанглийского сегмента ставит под вопрос правомерность отнесения онимов и апеллятивов к одному классу псевдозаимствований. Данная мысль уже высказывалась ранее (ср.: [5, с. 100]): очевидно, правильным можно считать не выделение общего родового термина «псевдозаимствование», а изначальное разделение лексики на онимы и апеллятивы для последующего оперирования внутренними разрядами и субклассами, которые, несмотря на аффиinitет, типологически неоднородны, как это демонстрирует анализ. Косвенным доказательством здесь следует признать слабую лексикографическую освоенность ПЗО, которые пока не отделяются от апеллятивной

лексики [14, с. 122]. В-третьих, манипуляция материалом мертвых языков убеждает в правильности вывода, что такой феномен заимствования заслуживает особого типологического статуса и не может быть без остатка отнесен к явлениям, обусловленным престижностью языка-донора.

На наш взгляд, и перевес тех или иных способов словообразования, и картина субклассов в значительной степени определяются характером отобранного материала и экспрессивными задачами коммуникации. В этом смысле ономастикон переводных комиксов категорически нельзя ставить в один ряд с псевдогерманской топонимикой, так как рассматриваемые субклассы обнаруживают различный генез. Превалирование фикционимов однозначно свидетельствует о необходимости решать задачи искусственной номинации или эвокации, заданных особенностями жанра [15, с. 142], в то время как псевдоитальянские онимы обнаруживают выраженный манипуляторный характер их образования [16, с. 33].

Тем не менее в природе ПЗО и псевдозаимствованных апеллятивов присутствует одна общность: они, как это следует из практики их лексикографической интерпретации, решают преимущественно функциональные задачи. Данное познание нельзя рассматривать как повод для отказа им в статусе полноценных словарных единиц, однако их выраженный функциональный детерминизм может быть симптомом бытия, так сказать, «комбинации в единице». Речевая комбинаторика, как известно, использует принцип дискретности через множественность, и псевдозаимствования реализуют ее, пусть и не всегда, в пределах дискретных единиц. Следовательно, их можно рассматривать как комбинации словарных элементов других языков-доноров с целью решения собственных (немецких) задач коммуникации. Таким образом, описание ПЗО в немецкой литературной речи представляется комплексной задачей германского языкознания, требующей повышенного внимания германистов различного профиля.

Список источников

1. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache. Ein Lehrbuch für das germanistische Studium. 11., verb. u. erw. Aufl. / E. Berner, N. R. Wolf (Hrsg.). Stuttgart: S. Hirzel Verlag, 2013. 514 S.
2. Götze L. Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache – Normen – Deutsch als Fremdsprache // DaF. 2003. Nr. 3. S. 131–134.
3. Нефёдова Л. А. Иноязычная лексика современного немецкого языка (аспекты культурной интеграции). М.: Изд-во Московского пед. гос. ун-та, 2018. 184 с.
4. Кобенко Ю. В., Карпова Н. А., Рябова Е. С. Сегменты псевдозаимствований в современном немецком литературном языке: историко-социолингвистический и системно-функциональный аспекты // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2020. № 2 (46). С. 18–34.
5. Кобенко Ю. В., Солодовникова О. В., Рябова Е. С. Системно-структурные особенности онимов в классе немецких псевдозаимствований // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2022. Вып. 1 (53). С. 91–104.
6. Кабакчи В. В., Егорова К. А. Лексикография словаря ксенонимов // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. тр. по материалам второй междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26 марта 2015 г.): в 2 ч. СПб.: Изд-во СПб. гос. эконом. ун-та, 2015. Ч. 1. С. 56–63.
7. Подольская Н. В. Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 473–474.
8. Савицкий В. М., Доладова О. В. О противоречиях во взглядах на системность языка // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 35–44.
9. Elsen H. Die sprachliche Gestaltung phantastischer Szenarien – die Rolle der Namen // Muttersprache. 2008. № 2. S. 97–107.
10. Gerr E. Das große Vornamenbuch. 12., aktual. Aufl. Humboldt. Hannover: Schlütersche, 2011. 344 S.
11. Кобенко Ю. В., Меремкулова Т. И. Галльские заимствования в современном немецком языке: структурно-системные и функционально-динамические особенности. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2018. 192 с.
12. Митрофанова Л. А. Итальянизмы и псевдоитальянизмы тематической группы «национальная кухня» в современном немецком литературном языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 2 (4). С. 956–959.
13. Elsen H. Komplexe Komposita und Verwandtes // Germanistische Mitteilungen. 2009. Nr. 69. S. 57–71.
14. Нефёдова Л. А. Псевдозаимствования в современном немецком языке: проблема презентации в толковом словаре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (19). С. 121–123.
15. Сапожникова Л. М. Типы первичной ономастической номинации при актуализации реалионимов и мифонимов // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. 2017. № 2. С. 139–145.
16. Кобенко Ю. В. Экстралингвистический детерминизм природы псевдозаимствования // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 1 (11). С. 29–35.

References

1. Schmidt W., Berner E., Wolf N. R. (Hrsg.). *History of the German Language. A textbook for German studies*. 11th ed. S. Hirzel Verlag: Stuttgart, 2013. 514 p.
2. Götze L. Development Trends in Contemporary German – Standards – German as a Foreign Language. *DaF*. 2003. Nr. 3. p. 131–134.
3. Nefyodova L. A. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo nemetskogo yazyka (aspekty kul'turnoy integratsii)* [Foreign language vocabulary of the modern German language (aspects of cultural integration)]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2018. 184 p. (in Russian).
4. Kobenko Yu. V., Karpova N. A., Ryabova E. S. Segmenty psevozaimstvovaniy v sovremennom nemetskom literaturnom yazyke: istoriko-sotsiolingvisticheskiy i sistemno-funktsional'nyy aspekty [Segments of pseudo-borrowings in modern German literary language: historical-sociolinguistic and system-functional aspects]. *Sovremennyye lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya – Modern linguistic and methodical didactic research*, 2020, no. 2(46), pp. 18–34 (in Russian).
5. Kobenko Yu. V., Solodovnikova O. V., Ryabova E. S. Sistemno-strukturnyye osobennosti onimov v klasse nemetskiykh psevozaimstvovaniy [Systemic and structural peculiarities of onyms in the class of German pseudo-borrowings]. *Sovremennyye lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya – Modern linguistic and methodical didactic research*, 2022, no. 1 (53), pp. 91–104 (in Russian).
6. Kabakchi V. V., Egorova K. A. Leksikografiya slovary ksenonimov [Lexicography of the xenonym dictionary]. *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsiyu: sbornik nauchnykh trudov po materialam vtoroy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 26 marta 2015 g.). V 2 chastiyakh* [Language and Culture in the Age of Globalisation. Proceedings of the Second International Scientific Conference (St. Petersburg, 26 March 2015). In two volumes: V. 1]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2015. Pp. 56–63 (in Russian).
7. Podolskaya N. V. Sobstvennoye imya [Proper name]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Edited by Yartseva V. N. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. p. 473–474 (in Russian).
8. Savitsky V. M., Doladova O. V. O protivorechiyakh vo vzglyadakh na sistemnost yazyka [On the contradictions in views on the systematic language]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal – The world of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 2017, vol. 35–44 (in Russian).
9. Elsen H. The linguistic design of fantastic scenarios – the role of names. *Muttersprache*, 2008, no. 2, pp. 97–107.
10. Gerr E. *The big first name book*. 12., upd. ed. Humboldt. Schlütersche: Hannover, 2011. 344 p..
11. Kobenko Yu. V., Meremkulova T. I. *Gall'skiye zaimstvovaniya v sovremennom nemetskom yazyke: strukturno-sistemnyye i funktsional'no-dinamicheskiye osobennosti* [Gallic borrowings in the modern German language: structural-system and functional-dynamic features]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2018. 192 p. (in Russian).
12. Mitrofanova L. A. Italianizmy i psevoitalyanizmy tematicheskoy gruppy “natsional'naya kukhnya” v sovremennom nemetskom literaturnom yazyke [Italianisms and pseudo-Italianisms of the theme group “national cuisine” in modern German literary language]. *Izvestia of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences – Izvestia RAS SamSC*, 2014, no. 2 (4), vol. 16, p. 956–959 (in Russian).
13. Elsen H. Complex Composites and Related. *Germanistische Mitteilungen*, 2009. Nr. 69. p. 57–71.
14. Nefyodova L. A. Psevozaimstvovaniya v sovremennom nemetskom yazyke: problema prezentatsii v tolkovom slovare [Pseudo-borrowing in modern German: the problem of presentation in a dictionary]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2013, no. 1 (19), pp. 121–123 (in Russian).
15. Sapozhnikova L. M. Tipy pervichnoy onomasticheskoy nominatsii pri aktualizatsii realonimov i mifonimov [Types of primary onomastic nomination in the actualisation of realonyms and mythonyms]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universitetat. Seriya: Filologiya – Vestnik TvGU Series: Philology*, 2017, no. 2, pp. 139–145 (in Russian).
16. Kobenko Yu. V. Ekstralingvisticheskiy determinizm prirody psevozaimstvovaniya [The extralinguistic determinism of the nature of pseudoborrowing]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 2016, no. 1(11), p. 29–35 (in Russian).

Информация об авторах

Волкова А. Б., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Кобенко Ю. В., доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Volkova A. B., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Kobenko Yu. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 17.04.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 17.04.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 811.113

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-15-25>

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОМ ЯЗЫКЕ

Ирина Владимировна Новицкая¹, Зоя Владимировна Федоринова², Виктория Владимировна Воробьева^{3, 4, 5}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

^{2, 3} *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия*

⁴ *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

⁵ *Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, Москва*

¹ *irno2012@yandex.ru*

² *fav1@rambler.ru*

³ *vorobeveva@tpu.ru*

Аннотация

Введение. Область именного древнегерманского словообразования стабильно остается в фокусе исследований в последние десятилетия. Широкий спектр проблемных вопросов, разрабатываемых в научных работах, свидетельствует о важности изучения функционирования словообразовательной системы и ее компонентов в древнегерманских языках. Одним из аспектов анализа является изучение деривационного потенциала древнегерманских языков для производства абстрактных имен.

Цель состоит в характеристике фрагмента поля словообразовательной категории, репрезентированного окказиональными словообразовательными типами суффиксальных абстрактных существительных, в древнескандинавском языке.

Материал и методы. Материалом исследования послужили существительные с абстрактным (отвлеченным) значением, образованные при помощи словообразовательных суффиксов -átta-, -andi-, -erni-, -eskja-, -osta-, -gi- от именных или глагольных основ. Эмпирический материал для анализа формировался с помощью приема сплошной выборки. Анализ языкового материала выполнен с применением методов научного описания и обобщения, интерпретации результатов, метода анализа словарных дефиниций, приема количественного подсчета.

Результаты и обсуждение. Группа существительных с суффиксами -átta-, -andi-, -erni-, -eskja-, -osta-, -gi- представляет словообразовательные типы из периферии словообразовательного поля абстрактных имен и в древнескандинавском языке относится к типам склонения существительных на -ōn женского рода (производные с суффиксами -osta-, -átta-, -eskja-), на -īn женского рода (производные с -andi-, -gi-), на -an мужского рода (производные с -andi-), на -ia среднего рода (производные с -erni-). Доля лексем с анализируемыми суффиксами, являющимися «визитной карточкой» древнескандинавского, составляет 2,4 % от общего количества отобранных абстрактных существительных. Указанные суффиксы по своему происхождению восходили к индоевропейским суффиксальным элементам, на уровне древнескандинавского обладали фонетической отчетливостью и обнаруживали тенденцию к присоединению к адъективным или глагольным основам для образования абстрактных существительных. Ограниченный объем древнескандинавских производных с суффиксами не позволяет выявить тематический профиль каждого из суффиксальных элементов, однако обращение к этимологии самих словообразовательных морфем позволяет вскрыть мотивационные признаки, которые могли способствовать формированию моделей производства имен существительных с данными формантами.

Заключение. Анализ этимологических связей древнескандинавских суффиксальных морфем абстрактных производных позволяет предположить, что в словообразовательные типы с указанными суффиксами были включены в процесс формирования словообразовательной категории абстрактных имен и отражали результаты апробации разных моделей словопроизводства.

Ключевые слова: древнескандинавский язык, древнегерманские языки, абстрактные существительные, словообразование, суффикс

Для цитирования: Новицкая И. В., Федоринова З. В., Воробьева В. В. Окказиональное словообразование абстрактных существительных в древнескандинавском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 15–25. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-15-25>

OCCASIONAL WORD-FORMATION TYPES OF ABSTRACT NOUNS IN OLD NORSE

Irina V. Novitskaya¹, Zoya V. Fedorinova², Viktoriya V. Vorobeva^{3,4,5}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{2,3} National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

⁴ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

⁵ Ivannikov Institute for System Programming of the RAS, Moscow, Russian Federation

¹ irno2012@yandex.ru

² fav1@rambler.ru

³ vorobeva@tpu.ru

Abstract

Introduction. This article focuses on studying the functioning of the word-formation system and its components in Old Norse, one of the ancient Germanic languages, on studying the derivational potential of the Old Germanic languages for the production of abstract nouns. The *purpose* of the article is to describe a fragment of the field of the word-formation category, represented by occasional word-formation types of suffixed abstract nouns in Old Norse.

Material and methods. The study draws on an analysis of Old Norse nouns with abstract meanings, marked by derivational suffixes -átta-, -andi-, -erni-, -eskja-, -osta-, -gi- and derived from nominal or verbal stems. The language data resulted from continuous sampling from etymological dictionaries of Old Norse. The analysis of the linguistic material involved using the methods of scientific description, generalization, and interpretation of results, the method of analyzing dictionary definitions, and the method of quantitative calculation.

Results and discussion. The group of nouns marked by the Old Norse suffixes -átta-, -andi-, -erni-, -eskja-, -osta-, -gi- represents derivational types from the periphery of the derivational field of abstract nouns and refers to the declension types of feminine nouns in -ōn (derivatives with the suffixes -osta-, -átta-, -eskja-), of feminine nouns in -in (derivatives with the suffixes -andi-, -gi-), of masculine nouns in -an (derivatives with the suffix -andi-), of neuter nouns in -ia (derivatives with the suffix -erni-). The proportion of lexemes with the analyzed suffixes, which are attested in Old Norse alone, is 2.4 % of the total number of abstract nouns corpus. These suffixes were formed on the basis of the Indo-European suffix morphemes, they were phonetically distinguishable in Old Norse and tended to join adjective or verbal stems to form abstract nouns.

The limited number of Old Norse derivatives with these suffixes does not allow us to reveal the thematic profile of each suffix, however, the etymological links of the word-forming morphemes allow us to reveal some motivational features that might have contributed to the formation of the derivational types for the production of nouns with these formants.

Conclusion. An analysis of the etymological connections of the Old Norse suffixes of abstract derivatives -átta-, -andi-, -erni-, -eskja-, -osta-, -gi- suggests that the word-formation types with them were included in the process of developing the word-formation category of abstract nouns and reflected results of their approbation.

Keywords: Old Norse, Old Germanic languages, abstract nouns, word-formation, suffix

For citation: Novitskaya I. V., Fedorinova Z. V., Vorobeva V. V. Okkazional'noye slovoobrazovaniye abstraktnykh suchshestvitel'nykh v drevneskandinavskom yazyke [Occasional Word-Formation Types of Abstract Nouns in Old Norse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 15–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-15-25>

Введение

Словообразовательные процессы в древнегерманских языках стабильно привлекают внимание исследователей-германистов уже много десятилетий [1–7]. В многочисленных работах обсуждаются важные вопросы, касающиеся продуктивности отдельных словообразовательных типов и словообразовательных аффиксов, закономерностей фор-

мирования сложносоставных производных различных частей речи, происхождения отдельных суффиксальных морфем и др. Отдельной темой в проведенных исследованиях выступает именное словообразование абстрактных и отвлеченных производных [8].

Цель настоящей статьи – принять участие в актуальном обсуждении словообразовательных ти-

пов абстрактных имен в древнескандинавском языке на примере окказиональных моделей с суффиксами *-átta-*, *-andi-*, *-erni-*, *-eskja-*, *-osta-*, *-gi-*. Такой подход представляется весьма целесообразным, если учесть, что окказиональные типы производства абстрактных имен в древнегерманских языках редко попадают в фокус внимания исследователей, производные с указанными выше древнегерманскими суффиксами составляют немногочисленный пласт единиц трех грамматических родов, относящихся преимущественно к консонантным типам основ существительных (на *-īn*, *-ōn*, *-an*). Интерес к окказиональному словотворчеству также связан и с тем фактом, что оно отражает нетиповые подходы к производству новых слов в языке, новаторское использование языковых средств, деривационный потенциал языка в целом.

Материал и методы

В исследовании в качестве материала привлекаются языковые данные древнескандинавского языка (Old Norse), определение которого неоднозначно. С одной стороны, термин Old Norse используют для обозначения диалектного континуума Дании, Норвегии, Швеции, Исландии и скандинавских колоний в эпоху викингов (с. 750–1050) и в начале Средних веков (с. 1050–1350). С другой стороны, то же название соотносится только с древнорвежским языком или только с западными, т. е. норвежскими (с. 750–1350) и исландскими (с. 870–1550), диалектами в начальный период Средних веков [9, с. 1–2]. В данной статье термин Old Norse употребляется для обозначения совокупности всех скандинавских диалектов в период с IX по XIII в., т. е. охватывает все диалектные варианты древнескандинавского языка, восходящие к протоскандинавскому языку-основе (urnordisk) до момента их расхождения на отдельные языки [10; 11, с. 1232]. Этот древний вариант языка, известный в современном исландском как *poðæna*, а в норвежском как *poðtønt*, представляет северную ветвь германских языков и благодаря значительной письменной культуре племен, населявших территории Исландии и Норвегии, достаточно широко задокументирован в письменных памятниках, самые ранние из которых относятся к периоду ок. 1150 г. [9, с. 1–2]. Основной массив письменных памятников на древнескандинавском (Old Norse) относится к периоду с. 1150–1350, язык которых обнаруживает значимое единство, позволяющее отграничить его от древнегерманских диалектов западной ветви.

Объектом анализа в настоящей статье выступают существительные с абстрактным (отвлеченным) значением, словообразовательно отмеченные

суффиксами *-átta-*, *-andi-*, *-erni-*, *-eskja-*, *-osta-*, *-gi-*. Сплошная выборка существительных с абстрактным значением из словарей древнескандинавского языка [12; 13; 14; 15] позволила выявить корпус суффиксальных производных объемом более 3300 лексических единиц, подробно проанализированных в [16], из которых только 78 единиц содержат отмеченные выше суффиксальные морфемы. В древнескандинавском языке словообразовательные типы с указанными суффиксами относятся к периферии словообразовательного поля абстрактных имен и представляют типы склонения существительных на *-ōn* женского рода (производные с суффиксами *-osta-*, *-átta-*, *-eskja-*), на *-īn* женского рода (производные с суффиксом *-andi-*, *-gi-*), на *-an* мужского рода (производные с суффиксом *-andi-*), на *-ia* среднего рода (производные с суффиксом *-erni-*).

При анализе производных с абстрактным значением использовались такие общенаучные методы исследования, как метод научного описания, обобщения, интерпретации результатов, метод анализа словарных дефиниций, прием количественного подсчета.

Теоретическая база исследования

В настоящей статье принято рабочее определение абстрактных существительных. Они понимаются как единицы словарного состава, служащие для наименования различных явлений внеязыковой действительности (таких как свойства, качества, признаки, процессы, состояния, действия, отношения и т. п.) в отвлечении от носителей или исполнителей этих действий, признаков и качеств, но с опорой на их чувственный образ [16, с. 54]. В качестве средства выражения абстрактности в древнегерманских языках выступает внутренняя форма лексической единицы, отмеченная словообразовательным маркером. Группы производных существительных, маркированные специализированными словообразовательными аффиксами и относящиеся к классу единиц с обобщенным значением предметности, формируют *словообразовательные типы*, понимаемые как «совокупность производных слов, объединенных тождеством семантики, части речи производящих слов и словообразовательного форманта (тождеством основного форманта в отличие от тождества формантного варианта – показателя словообразовательной модели)» [17, с. 191]. Анализируемые в настоящей работе словообразовательные типы репрезентированы лексическими единицами, в морфологической структуре которых имеется словообразовательный формант, фиксирующий семантику опредмеченности той сущности, которая называется производящей основой. Опредмеченные свойства, признаки, действия, отноше-

ния и т. п. не содержат указания на носителя или исполнителя этих признаков и действий, т. е. мыслятся как отвлеченные. Совокупность словообразовательных типов указанного вида образует словообразовательную категорию абстрактности, которая может анализироваться с позиции теории поля [18].

В морфологической структуре древнегерманского абстрактного существительного в качестве словообразовательного аффикса может выступать как основообразующий суффикс (например, *-an-, *-ja-, *-īn-, *-ōn- и др.), так и собственно суффикс (например, готск. суф. *-īþa-, -duþ-, герм. суф. *-ingō/-ungō) [19]. В настоящей статье именно производные с собственно суффиксами представляют окказиональные словообразовательные типы абстрактных существительных.

Результаты и обсуждение

Древнескандинавские производные с абстрактным значением, анализируемые в настоящей статье, маркированы собственно суффиксами -átta-, -andi-, -erni-, -eskja-, -osta-, -gi-, которые можно рассматривать как «визитную карточку» северной древнегерманской ветви, наряду с другими суффиксами германского происхождения, например, суффиксами -sla-/zla-, -ska-/zka-, skapr-, -dómr-, -ni-, -lœti-, -leiki-, -semi-, -semd-.

Словообразовательные типы анализируемых производных с суффиксами -átta-, -andi-, -erni-, -eskja-, -osta-, -gi- сконцентрированы в дальней периферийной зоне словообразовательного поля и количественно репрезентированы следующим образом. В тип склонения существительных женского рода на -īn включены 12 производных с суффиксом -andi- и 24 производных с суффиксом -gi-, а в тип склонения на -ōn женского рода – 15 производных с суффиксом -osta-, 12 производных с суффиксом -átta- и пять производных с суффиксом -eskja-. Тип склонения на -an мужского рода представлен двумя производными с суффиксом -andi-, а тип склонения существительных среднего рода на -ia включает восемь производных с суффиксом -erni-. Полный список всех производных с анализируемыми суффиксами представлен в [16].

В древнескандинавском языковом материале производные абстрактные существительные женского рода количественно составляют вторую по объему группу, уступая группе производных среднего рода. Производные женского рода, относящиеся к типу основ на -n- с огласовкой -ī- или -ō-, могли быть образованы как при помощи самих основообразующих суффиксов (-īn или -ōn соответственно), так и при помощи собственно суффиксов, к числу которых относятся и анализируемые суффиксы -átta-, -andi-, -eskja-, -osta-, -gi-.

Рассмотрим последовательно каждую из представленных выше суффиксальных морфем и группу производных, образованную при их участии.

Суффикс -átta-. Этимологически древнескандинавский суффикс -átta- связан с формой -átt-, восходящей к древнескандинавскому слову со значением «владеть» (eiga), имеющему когнаты в других германских языках [1, с. 83; 20, с. 6]. Сам суффикс в указанной форме в других древнегерманских языках не засвидетельствован. Можно констатировать факт значительного фонетического расхождения между формой древнескандинавского суффикса и формой его этимологического источника. В древнескандинавском языке засвидетельствована форма числительного átta «восемь», родственного санскритскому и готскому когнату, однако как самостоятельная лексическая единица форма -átta- с семантикой «собственность» в текстах не обнаружена [12, с. 48]. Рассматриваемый суффикс входит в структуру древнескандинавских существительных с абстрактным значением женского рода основ на -ōn, образованных от именных, глагольных и других основ, например, отглагольное производное со значением «спор, конфликт» (barátta от berja «бить, молотить») [14, с. 25–26], производное от предлога *for- «перед, до» со значением «предлог, повод» (forátta) [20, с. 119; 14, с. 138], отглагольное производное со значением «знание» (kunnátta) [1, с. 83], litarátta «цвет лица» от lítr (м. р.) «цвет, синий» [12, с. 390], однокорневые отыменные производные единицы со значением «погода, температура» (veðrátta) и «плохая погода» (uveðrátta), а также однокорневые производные ástvinátta «близкая дружба», ástsemdarvinátta, ástsemdarvinátta «дружба и любовь», léttivinátta «легкая, мимолетная дружба», úvinátta «вражда, недружелюбность»; víðrátta «дела, взаимодействие» от víð(r) предл. «с, совместно», а также «напротив, в направлении к» [12, с. 701], villátta «смущение, озадаченность» от villa «смущать, сбивать с толку» [12, с. 706].

Учет семантики этимологического источника суффикса -átta- и лексических значений производных с ним позволяет предположить общую первоначальную семантику суффикса -átta-, которая, возможно, была связана с обозначением факта «обладания, владения чем-то, обозначенного основой».

Суффикс -osta-. Пятнадцать существительных с абстрактным значением в древнескандинавском языке были оформлены суффиксом -osta-, также встречающимся в форме -usta- (полный список приведен в [16]). Источниками для анализируемых производных, относящихся к основам на -ōn ж. р., послужили именные и глагольные корни. Например, orrosta «сражение» восходит к orrostligr «военный», ört (N) «шрам», ört «быстрый», к этой

группе также примыкают *höggorrosta* «рукопашный бой» и *skipaorrosta* «морской бой»; *hollusta* (*hollostá*) «верность, преданность, почитание, уважение» восходит к прилагательным *holligr* «искренний» или *hollr* «верный, преданный» и связано с существительным *úhollusta* «нездоровье». К этой рассматриваемой группе суффиксальных производных относятся отглагольное образование *kunnusta* «знание», также *fákunnusta* и *vankunnusta* «невежество, нехватка знаний»; *þjónusta* (*þjónasta*) «служба, служение» от *þjóna* «служить, обслуживать», *altariþjónusta* «служба у алтаря», *ástariþjónusta* «служение любви», *eptirlætisþjónusta* «проявление снисходительности», также более поздняя форма *þénusta* «служба, служение» и *forþénusta* «достоинство, заслуга», **forosta* «руководство», также существительное с конкретным значением *unnasta* или *unnusta* «любимый человек», восходящее к глаголу *unna* «даровать, позволять» [1, с. 83; 21, с. 157].

Происхождение данного суффикса точно не установлено. А. К. Шапошников высказал предположение о том, что суффикс *-osta/-usta-* может восходить к одному из и.-е. диалектных суффиксов, на что указывает наличие этого суффикса в составе **Parosta*, **Rokusta*, **Salusta* (синдо-меотские (индоарийские) топонимы) и существование аналога в составе топонима *Алушта* [22, с. 34]. Тот факт, что древнескандинавские производные с анализируемым суффиксом часто образованы от основ прилагательных, направляет внимание на суффиксы степеней сравнения прилагательных в древнеисландском *-ag-* (< общегерманский **-ōk-*) и *-ast/-st-* (< общегерманский **-ōst/-ist-*), например, древнескандинавское *spakr* «мудрый» – *spakari* «мудрее» – *spakastr* «самый мудрый» [23], готские *reiks* «могущественный» – *reikista* «самый могущественный», *lasiws* «слабый» – *lasiwostai* «самые слабые». В отношении общегерманских суффиксов превосходной степени **-ōst-* и **-ist-* высказывалось мнение о том, что они генетически могут восходить к сочетанию суффикса сравнительной степени с усиительной частицей и.-е. **-to-*, древнескандинавские **-is-ta-*, **-æs-ta-* [13; 24]. В этой связи можно предположить, что древнескандинавские производные с суффиксом *-osta/-usta-* представляют собой субстантивированные формы прилагательных в превосходной степени, переосмысленные как абстрактный признак.

Суффикс *-eskja-*. Древнескандинавский суффикс *-eskja-* представляет собой расширение суффикса *-ska/-zka-*, встречающегося в готском языке в форме *-isk-*, а в древневерхненемецком и древнеанглийском в форме *-isc-*. В древнесеверном языке этот суффикс засвидетельствован у небольшого числа производных *jōn-*основ женского рода (пол-

ный список приведен в [16]). К этой группе также относится существительное с конкретным значением *harneskja* «сбруя, броня», засвидетельствованное также в метафорическом значении «жесткость» [12, с. 240], и существительное *herneska* «броня» [12, с. 258], по происхождению связанное с основой в *hernaðr* «грабеж, нападение».

Ф. Клуге установил, что древнескандинавский суффикс существительных *-ska/-zka-* (*-skja-*), послуживший основой для суффикса *-eskja-*, использовался для образования производных от прилагательных на *-skr-* (полный список приведен в [16]), например, *tízka* «обычай, мода» от *tíðr* «частый, традиционный», *lymska* «лукавство, хитрость» от *lymskr* «хитрый», *elska* «любовь, привязанность» от *elskr* «любящий, привязанный» [1, с. 84]. Анализ семантики производных с суффиксом *-ska-* показал, что функционально данный словообразовательный формант был первоначально ориентирован на маркирование семантики качества [25, с. 86], а впоследствии обнаружил тенденцию к словообразовательному маркированию значения состояния у отглагольных существительных [26, с. 79].

В других древнегерманских языках рассматриваемый суффикс использовался главным образом для производства имен прилагательных, как например, в древнеанглийском и древневерхненемецком. В форме *-isc-* этот суффикс засвидетельствован как словообразовательный элемент в структуре относительных прилагательных, обозначающих происхождение и принадлежность той или иной этнической или территориальной общности, а также прилагательных, обозначающих определенные моральные качества [27, с. 106]. Достаточно широко суффикс *-isk-* засвидетельствован в готских текстах в составе атрибутивных имен [28, с. 205] и в небольшом количестве производных существительных: *aiwiski* (Nja) «стыд, позор» связано с **aiwa-* [29, с. 14], гот. *aiwjan* «стыдиться» [30, с. 21–22], прил. **aiwisks* [1, с. 59].

Суффикс **-isko-* считается новообразованием древнегерманских языков [31, с. 38]. Он был заимствован славянскими языками с сохраненной функцией маркера семантики «принадлежности к определенной группе» [32, с. 292]. Ю. К. Кузьменко реконструировал происхождение продуктивного древнегерманского суффикса *-isk-* (< **-iska-*) из сочетания двух суффиксальных элементов *-s-* и *-k-*, отметив, что как древнегреческий суффикс *-sk-*, так и германский суффикс *-k-* были засвидетельствованы в деминутивном значении [33, с. 104]. В. М. Жирмунский также придерживался мнения о сложносоставной природе суффикса **-iska-*, восходящего к и.-е. составному суффиксу вторичного происхождения **-is-ko-*, этимологически связанно-

му с начинательным глагольным суффиксом *-sk-, который, в свою очередь, является сочетанием и.-е. элементов *-is и *qo- [34, с. 215]. К. Бругман также усматривал тождественность происхождения форм *-s-ko- и *-sqo- [27, с. 106]. Реконструкцией первоначальной семантики рассматриваемого суффикса занимался Э. Бенвенист, который считал, что древнегерманский суффикс -isk- маркировал идею коллективности, противопоставленной семантике индивидуальности. Данное направление поиска развивал также М. Коэн, который считал, что в древнегерманских языках словообразовательно противопоставлялись лексемы, обозначающие «земные» понятия (производные с суффиксом -isk-), и лексемы, обозначающие «благородные» понятия (производные с суффиксом -kunds) [27].

Суффикс -andi-. Древнескандинавский суффикс -andi-, засвидетельствованный также в формах -endi-/indi-/yndi-, рассматривается как инновационное образование и в других древнегерманских языках не встречается [26, с. 81].

В древнескандинавском языковом материале анализируемый суффикс маркировал существительные ж. р. склонения на -īn с абстрактным значением, произведенные от глаголов или прилагательных (полный список приведен в [16]): *hyggindi* (*hyggjandi*) «осмотрительность, осторожность, мудрость», *föstubindandi* «воздержание во время поста», *fákunnandi* «невежество, неведение», *margkunnindi* «колдовство», *úkunnandi* «невежество»; *kveðandi* «исполнение песни», *bíðandi* «выжидание, задержка», *leikandi* «шутка», *talandi* (или м. р.) «красноречие» от *tala* «говорить», *líkandi* «форма, очертание» от *lík* «тело» [12].

Этим же суффиксом маркированы и существительные, относящиеся к основам на -an мужского рода, но с конкретным значением, например, *brennandi* «огонь» от *brenna* (ж. р.) «огонь, горение (сжигаемого тела)», *dómandi* «судья» от *dómr* «суд (учреждение)», *hlammandi* особое название для «столкновения» от *hlamma* «наносить тяжелую рану», *metandi* «оценщик» от *meta* «оценивать, облагать налогом», *ryðjandi* «истец» от *ryða* «прояснять, расчищать», *yfirdómandi* «верховный судья» от *yfirdómr* «высший суд». К числу абстрактных можно отнести *atrekandi* «прикладываемые усилия, напряжение» от *reki* (м. р.) «выброшенное на берег», *spekiandi* «дух мудрости» от *speki* (ж. р.) «мудрость».

Среди производных с суффиксом -andi-/endi-/indi-/yndi- выделяется совокупность существительных среднего рода основ на -ia (полный список приведен в [16]), многие из которых употреблялись только во мн. ч. и обозначали конкретное качество [21, с. 155, 233], например, *hægindi* «удобства» от *hægd* (ж. р.) «удобство».

Этимологически суффикс -endi-/indi-/yndi- связан с самостоятельной лексемой *wandja-, *wundja, производной от глагола *vinda* «поворачивать» [26, с. 81]. Производные лексические единицы с рассматриваемым суффиксом выступают в древнескандинавском как субстантивированные причастия настоящего времени [12, с. xxxii]. В западногерманском ареале общегерманский глагол *windan послужил источником для суффикса качественных прилагательных с абстрактным значением *-wandi-, который засвидетельствован в др.-англ. -wende-, например, *lēðfwende* «любимый» от *lēðf* «любимый» и др.-верх.-нем. -wenti-, -wetig- [35, с. 56].

Суффикс -erni-. Древнескандинавский суффикс -erni- с неустановленным происхождением встречается в составе отыменных абстрактных существительных среднего рода склонения на -ia (полный список приведен в [16]). Примеры включают такие единицы, как *lunderni* «нрав, характер», от *lund* (ж. р.) «ум, нрав», *ætterni* «семья, происхождение» от *aett* (ж. р.) «родной, рожденный, свой», *þjóðerni* «национальность» от *þjóð* (ж. р.) «народ», *salerni* «укромный уголок» от *salr* (м. р.) «зал» и др. [1, с. 84]. По мнению исследователей, данный суффикс первоначально был ориентирован на маркирование семантики родства, а впоследствии и отношения [21, с. 155; 12, с. xxxiii; 25, с. 85].

Суффикс -gi-. В древнескандинавском суффикс -gi- образовывал существительные женского рода слабого склонения от прилагательных на -ig и глаголов [12, с. xviii]. Полный список производных с данным формантом приведен в [16]. В качестве иллюстрации типа отыменных производных с указанным суффиксом можно назвать *kergi* «упрямство», *kyngi* «(магическое) знание», *græðgi* «жадность, алчность», *mælg* «болтовня». Суффикс также мог привносить отрицательную семантику: *úlfgi* «не волк» от *úlfr* «волк», *manngi* (местоимение) «никто». Список древнескандинавских именных форм с суффиксом -gi- также включает сложные слова со вторым компонентом *helgi* «святость» (от *heilagr* «святой»), *mælg* «болтовня», *kyngi* «(магическое) знание». Примерами таких единиц являются *fríðhelgi* «неприкосновенность», *hofshelgi* «пир, праздник», *kirkjuhelgi* «церковное служение», *úhelgi* «провозглашение состояния несвятости», *varðhelgi* «убежище», *dagshelgi* «святость дня», *baugshelgi* «личная святость, смерть, которую должен искупить оборотень», *bakmælg* «злословие», *bermælg* «свобода слова», *hámælg* «громкая речь», *illmælg* «клевета», *langmælg* «многословный разговор», *lausmælg* «туманная, непонятная речь», *margmælg* «словоохотливость», *ofrmælg* (*ofmælg*) «хвастовство», *simælg* «болтливость», *skjótælg* «необдуманная речь», *illkyngi* «легкомыслие», *man-*

nýðgi «человечность» со вторым компонентом, образованным от прилагательного *-úðig* «мыслящий» и встречающимся только в композитах.

Сходный суффикс *-(i)gi-* засвидетельствован в составе существительных с абстрактной семантикой в древневерхненемецком языковом материале. Производные с рассматриваемым суффиксом относились к основам на *-ī* женского рода, образованным от глагольных и именных корней, например др.-верх.-нем. *wirdīgī*, *wirdigi* «стоимость, достоинство», образованное от *wirdīg* «ценный, достойный» и др.

Суффикс *-gi-/ki-* в системе древнескандинавских имен и наречий исследовал Ю. К. Кузьменко. По мнению исследователя, суффикс *-gi-/ki-* для выражения значения отрицания (у глаголов – суф. *-at-*) появился в период VIII–X вв. в результате саамского влияния на скандинавские языки [36, с. 122]. Примеры суффиксальных производных, в которых засвидетельствована отрицательная семантика суффикса, включают др.-исл. *þörfgi* «не-нужный», *úlfgi* «не волк», *hornigi* «не рог», также формы современного исландского *ekki* (<*eitt-ki*) «не» (первоначально «ничто»), *eingi*, *einginn* «никто, ничто», *aldrigi* «никогда», *eigi* «не» (первоначально «никогда») и т. п. [36, с. 121]. Ю. К. Кузьменко считает, что суффиксированное отрицание в древнескандинавском языке этимологически связано с саамскими неизменяемыми глагольными отрицательными формами, например, сев.-саам. отрицательные формы *leat*, *cohkket*, *ráhkát*, которые представляют собой редуцированные образования от трехсложных *cohkkeit* «сидеться», *ráhkadit* «делать» и от односложного глагола *leat* «быть». Подобный процесс реконструируется в сочетаниях типа **ne etr a(t)* «не ест», образованных из полноценных конструкций типа **ne etr ainat* «ничего не ест» или **ne etr aiwa* «никогда не ест», в которых последний элемент реинтерпретирован как суффикс по аналогии с саамским суффиксом в конструкции типа *(ii) borat* (от *bora* или *borah*) «не ест». Автор подчеркивал, что древнескандинавский вариант подразумевает использование скандинавского постпозитивного усилителя в качестве суффикса, что согласуется с морфологической моделью, зафиксированной в саамском [36, с. 122]. Закреплению указанной тенденции способствовало фонетическое сходство скандинавских постпозитивных усилителей с саамскими суффиксами.

Кроме того, по мнению Ю. К. Кузьменко, возможен и иной эволюционный ход древнескандинавского суффикса *-gi-/ki-*, имевшего отрицательную семантику. Этимологические данные свидетельствуют в пользу того, что рассматриваемый суффикс может быть сопоставлен с и.-е. усилительной частицей *ge*, которая этимологически род-

ственна русской частице *же* и сходна саамской усилительной частице *ge*. В составе конструкций саамских отрицательных и вопросительных предложений усилительная частица *ge* входит в состав местоимений и наречий и переосмысливается как суффикс. В качестве примеров выступают, сев.-саам. *mastege* (лок. п. ед. ч.), *mahkege* (им. п. мн. ч.) «что-нибудь, ничто», *gostege* «откуда-нибудь, ниоткуда», *gosage* «куда-нибудь, никуда» и др. Эта усилительная частица сочетается и с именами, и с так называемым отрицательным глаголом (*in*, *it*, *ii...*). Последний не имеет основных глагольных категорий времени и наклонения, поэтому не интерпретируется как глагол. В данном элементе усматривается спрягаемая по лицам и числам отрицательная частица [36, с. 123]. Формирование у древнескандинавской частицы *-gi-/ki-* отрицательной семантики может быть связано со «свертыванием» скандинавской конструкции **ne aiwa gin* в **(ne) ei gi* «никогда», которая впоследствии развилась в отрицательную частицу *eigi* «не» [36, с. 123]. Подобное преобразование могло опираться на фонетическое сходство саамского и скандинавского.

Заключение

Область периферии словообразовательного поля абстрактных существительных в древнескандинавском языке представлена словообразовательными типами отглагольных и отыменных суффиксальных производных, среди которых вычленились модели с суффиксами, имеющими ограниченный ареал распространения. Так, только в древнескандинавском языке засвидетельствованы производные существительные с абстрактными значениями, маркированные суффиксами *-átta-*, *-andi-*, *-erni-*, *-eskja-*, *-osta-*, *-gi-*. Указанные суффиксы восходят к индоевропейским суффиксальным морфемам, а изменение фонетического облика способствовало их большей отчетливости. В кратком виде этимологические связи анализируемых древнегерманских суффиксов абстрактных имен представлены в табл. 1.

Таблица 1

Этимология древнескандинавских суффиксов

Древнескандинавские суффиксы	Источники
<i>-átta-</i>	древнескандинавское <i>eiga</i> «владеть»
<i>-ska-/zka-, -eskja-</i>	и.-е. <i>*-iska-</i> < <i>*-is-</i> + <i>*-ko-</i> или <i>*-s-</i> + <i>*-k-</i>
<i>-endi-/andi-/indi-/yndi-</i>	древнескандинавское <i>*wandja-</i> , <i>*wundja</i> < <i>vinda</i> «поворачивать»
<i>-erni-</i>	Не установлено
<i>-osta-/usta-</i>	Возможно, связано с общегерманским суффиксом <i>*-ōst-/ist-</i> < и.-е. <i>*-ōz/iz-to-</i>
<i>-gi-</i>	и.-е. усилит. частица <i>*ge</i>

Представленные выше этимологические связи словообразовательных суффиксов окказиональных словообразовательных типов древнескандинавского языка поддерживают предположение о том, что маркирование существительных древнескандинавскими суффиксальными формантами связано с семантикой суффиксов-источников. Учет относительной хронологии вхождения анализируемых суффиксов в сферу словообразовательной категории древнегерманских абстрактных имен, а также их эмпирической продуктивности, степени их фонетического преобразования и типа производящей основы позволяет заключить, что древнескандинавские суффиксы *-átta-*, *-andi-*, *-erni-*, *-eskja-*, *-osta-*, *-gi-* не относятся к наиболее древнему слою словообразовательных элементов, на древнегерманском уровне выступают как малопродуктивные или непродуктивные, имеют ограниченный ареал своего распространения. В морфологической структуре абстрактных существительных они достаточно

прозрачны и легко выделяемы. Указанные суффиксы служили для образования как морфологически простых, так и сложносоставных существительных преимущественно от основ прилагательных и глаголов.

Древнескандинавский языковой материал не позволяет выявить семантическую специализацию анализируемых суффиксов, однако преимущественно абстрактная семантика производных с указанными суффиксами свидетельствует в пользу того, что в языке происходил процесс расширения группы словообразовательных типов абстрактных имен за счет вовлечения в словообразовательные процессы грамматикализованных в разной степени лексических единиц (*-átta-*, *-endi-/andi-/indi-/yndi-*), за счет диверсификации словообразовательных элементов, маркирующих значения отношения и принадлежности (*-eskja-*, *-erni-*) и значения опредмеченного отвлеченного свойства или качества (*-osta-/usta-*, *-gi-*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl. Halle: M. Niemeyer, 1926. 155 S.
2. Lehmann W. P. Proto-Indo-European derivational morphology in chronological perspective // For Gordon Fairbanks. Honolulu, 1985. P. 67–76.
3. Meid W. Germanische Sprachwissenschaft. Teil 3: Wortbildungslehre. Berlin, 1967. 270 S.
4. Beifuss H. Diachrone Betrachtungen zur Wortbildung im Germanischen. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1991. 224 S.
5. Naumann B. Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen. 3. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2000. 90 S.
6. Pimenova N. Zur semantischen Leistung der nominalen Suffixe *-ī(n)-*, *-ō-* in Althochdeutschen und im GemeinGermanischen // Sprachwissenschaft. Heidelberg, 2000. Bd. 25, Heft 3. S. 297–334.
7. Casaretto A. Nominale Wortbildung der gotischen Sprache. Die Derivation der Substantive. Heidelberg: Winter, 2004. 718 S.
8. Ahlsson L.-E. Die Altfriesischen Abstraktbildungen. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1960. 272 p.
9. Barnes M. A new introduction to Old Norse. Part I. Grammar. 3d edition. Viking Society for Northern Research, University College London, 2008. 270 p.
10. The Nordic Languages: An International Handbook of the History of the North Germanic Languages / Ed. by O. Bandle, K. Braunmüller, E. H. Jahr, A. Kärker, H. P. Naumann, U. Teleman (eds.), 2002/2005. 2 vols. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science, 22) Berlin: de Gruyter. 2002–05. xxvii+2208 pp. (the set).
11. Penzl H. Old Germanic Languages // The study of languages. De Gruyter Mouton, 2019. C. 1232–1281.
12. Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic – English Dictionary / ed. by G. Vigfusson. 2-d ed. Oxford: Clarendon press, 1957. 833 p.
13. Köbler G. Altnordisches Wörterbuch [Die elektronische ressource]. 4. Aufl. Die elektronische ressource. 2014. URL: <http://www.koeblergerhard.de/anwbhinw.html> (дата обращения: 08.01.2022).
14. Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: E.J. Brill, 1957. 512 S.
15. Zoëga G. T. A Concise Dictionary of Old Icelandic. Oxford: The Clarendon Press, 1910. 551 p.
16. Новицкая И. В. Древнегерманские абстрактные существительные: когнитивные основания становления словообразовательных типов (на материале готского, древневерхненемецкого и древнеисландского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2014. 456 с.
17. Евсеева И. В. Комплексные единицы словообразовательной системы // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2011. № 3. С. 188–194.
18. Попова З. Д. Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989. С. 3–8.
19. Логутенкова Т. Г. Исследование производных суффиксальных существительных с абстрактными значениями в древнегерманской переводной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 24 с.
20. Orel V. E. et al. A handbook of Germanic etymology. Leiden: Brill, 2003. 722 p.
21. Rask E. A Grammar of the Icelandic or Old Norse Tongue / transl. by G. W. Dasent. London: William Pickering, 1843. 273 p.
22. Шапошников А. К. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопр. языкознания. 2005. № 5. С. 30–67.

23. Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М.: Едиториал УРСС, 2002. 288 с.
24. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык / под ред. В. В. Пасека. М.: Филол. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
25. Bayldon G. An elementary grammar of the Old Norse or Icelandic language. Williams and Norgate, 1870. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=uKpDAAAACAAJ&oi=fnd&pg=PR1&dq=word+formation+in+Old+Norse&ots=6QaLKNzM3B&sig=5-Zb5UGb4mWKOo5PFMIR8N_8mnQ&redir_esc=y#v=onepage&q=word%20formation%20in%20Old%20Norse&f=false (дата обращения: 05.04.2022).
26. Логутенкова Т. Г. Историко-типологическое исследование германских литературных языков донационального периода (на материале древнеанглийского, древневерхненемецкого и древнеисландского языков). Тверь: Тверской гос. ун-т, 1993. 170 с.
27. Лебедько М. Г. Особенности производных прилагательных с суффиксом -isk- в готском языке // *Lingua Gotica: новые исследования*. М.; Калуга: Эйдос, 2011. Вып. 2. С. 105–109.
28. Гухман М. М. Готский язык. М.: Иностр. лит., 1958. 288 с.
29. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: A. Francke AG. Verlag, 1949–1959. 1184 S.
30. Feist S. Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Halle: Druck von Karras, Kröber und Nietschmann, 1920. 448 S.
31. Топорова Т. В. Германские языки // *Языки мира (германские языки, кельтские языки)*. М., 2000. С. 13–43.
32. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Соцэкгониз, 1938. 510 с.
33. Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011. 266 с.
34. Жирмунский В. М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // *Общее и германское языкознание*. Л., 1976. С. 209–235.
35. Жердева М. О. К вопросу о выборе словообразовательных моделей в переводах церковной прозы на древние германские и латинский язык // *Вестник Московского гос. ун-та леса*. 2002. № 3. С. 50–57.
36. Кузьменко Ю. К. Причины появления морфологических особенностей скандинавских языков. СПб.: Институт лингвист. исследований РАН, 2002. С. 117–126.

References

1. Kluge F. *Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte*. 2 aufl. Halle: M. Niemeyer, 1926. 155 S.
2. Lehmann W. P. Proto-Indo-European derivational morphology in chronological perspective. In: *For Gordon Fairbanks*. Honolulu, 1985. P. 67–76.
3. Meid W. *Germanische Sprachwissenschaft*. Berlin, 1967. Teil 3: Wortbildungslehre. 270 s.
4. Beifuss H. *Diachrone Betrachtungen zur Wortbildung im Germanischen*. Frankfurt an Main: Peter Lang Verlag, 1991. 224 S.
5. Naumann B. *Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen*. 3 aufl. Tübingen: Niemeyer, 2000. 90 S.
6. Pimenova N. Zur semantischen Leistung der nominalen Suffixe -ī(n)-, -ō- in Althochdeutschen und im Gemeingermanischen. *Sprachwissenschaft. Heidelberg*, 2000, Bd. 25, Heft 3. S. 297–334.
7. Casaretto A. *Nominale Wortbildung der gotischen Sprache. Die Derivation der Substantive*. Heidelberg: Winter, 2004. 718 S.
8. Ahlsson L.-E. *Die Altfriesischen Abstraktbildungen*. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1960. 272 S.
9. Barnes M. *A new introduction to Old Norse*. Part I. Grammar. 3d edition. Viking Society for Northern Research, University College London. 2008. 270 p.
10. *The Nordic Languages: An International Handbook of the History of the North Germanic Languages*. Ed. by Bandle, O., Braunnüller, K., Jahr, E. H., Karker, A., Naumann, H. P., and Teleman, U. (eds.), 2002/2005. 2 vols. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science, 22) Berlin: de Gruyter. 2002–05. xxvii+2208 pp. (the set).
11. Penzl H. Old Germanic Languages. *The study of languages*. De Gruyter Mouton, 2019, pp. 1232–1281.
12. Cleasby R., Vigfússon G.; ed. by G. Vigfusson. *An Icelandic – English Dictionary*. 2-d ed. Oxford, Clarendon press, 1957. 833 p.
13. Köbler G. *Altnordisches Wörterbuch* [Die elektronische ressource]. 4. aufl. Die elektronische ressource. 2014. URL: <http://www.koeblergerhard.de/anwbhinw.html> (accessed 08 January 2022).
14. Vries J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden, E. J. Brill, 1957. 512 S.
15. Zoëga G. T. *A Concise Dictionary of Old Icelandic*. Oxford, The Clarendon Press, 1910. 551 p.
16. Novitskaya I. V. *Drevnegermanskiye abstraktnye sushchestvitel'nye: kognitivnye osnovaniya stanovleniya slovoobrazovatel'nykh tipov (na materiale got'skogo, drevneverhnenemeckogo i drevneislandskogo yazykov)*. Dis. dokt. filol. nauk [Old Germanic Abstract Nouns: Cognitive Bases of the Development of the Derivative Types (a case study of Gothic, Old High German and Old Icelandic Languages). Diss. of doct. philol. sci.]. Barnaul, 2014. 456 p. (in Russian).
17. Evseyeva I. V. Kompleksnye edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy [Complex Units of Word-Formative System]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2011, no. 3, pp. 188–194 (in Russian).
18. Popova Z. D. *Polevye struktury v sisteme yazyka* [Field structures in the language system]. Voronezh, 1989. Pp. 3–8 (in Russian).

19. Logutenkova T. G. *Issledovaniye proizvodnykh suffiksalykh sushchestvitel'nykh s abstraktnymi znacheniyami v drevnegermanskoj perevodnoj proze. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Study of derived suffix nouns with abstract meanings in Old Germanic translated prose. Abstract of thesis. doct. philol. sci.]. Moscow, 1984. 24 p. (in Russian).
20. Orel V. E. et al. *A handbook of Germanic etymology*. Leiden, Brill, 2003. 722 p.
21. Rask E. *A Grammar of the Icelandic or Old Norse Tongue*; transl. by G. W. Dasent. London: William Pickering, 1843. 273 p.
22. Shaposhnikov A. K. Indoarica v Severnom Prichernomor'e [Indoarica in the Northern Black Sea region]. *Voprosy jazykoznanija – Topics in the study of language*, 2005, no. 5, pp. 30–67 (in Russian).
23. Steblin-Kamenskiy M. I. *Drevneislandskiy yazyk* [Old Norse]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 288 p. (in Russian).
24. Smirnitskiy A. I. *Drevneangliyskiy yazyk* [Old English]. Eds. V. V. Paseka. Moscow, 1998 (in Russian).
25. Bayldon G. *An elementary grammar of the Old Norse or Icelandic language*. Williams and Norgate, 1870. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=uKpDAAAACAAJ&oi=fnd&pg=PR1&dq=word+formation+in+Old+Norse&ots=6QaLKNzM3B&sig=5-Zb5UGb4mWKOo5PFMIR8N_8mnQ&redir_esc=y#v=onepage&q=word%20formation%20in%20Old%20Norse&f=false. (accessed 05 April 2022).
26. Logutenkova T. G. *Istoriko-tipologicheskoye issledovaniye germanskikh literaturnykh yazykov donatsional'nogo perioda (na materiale drevneangliyskogo, drevneverkhnenemetskogo i drevneislandskogo yazykov)* [Historical and Typological Study of the Germanic Literary Languages of the Pre-National Period (on the Material of Old English, Old High German and Old Icelandic)]. Tver, TSU Publ., 1993. 170 p. (in Russian).
27. Lebed'ko M. G. Osobennosti proizvodnykh prilagatel'nykh s suffiksom -isk- v gotskom yazyke [Features of derived adjectives with the suffix -isk- in the Gothic language]. *Lingua Gotica: novye issledovaniya. Vypusk 2* [Lingua Gotica: new researches. Vol. 2]. Moscow, Kaluga, Eydos Publ., 2011. Pp. 105–109 (in Russian).
28. Gukhman M. M. *Gotskiy yazyk* [The Gothic language]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958. 288 p. (in Russian).
29. Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, A. Francke AG. Verlag, 1949–1959. 1184 S.
30. Feist S. *Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache*. Halle, Druck von Karras, Kröber und Nietschmann, 1920. 448 S.
31. Toporova T. V. Germanskiye yazyki [Germanic languages]. *Yazyki mira (germanskiye yazyki, kel'tskiye yazyki)* [Languages of the world (Germanic languages, Celtic languages)]. Moscow, 2000. Pp. 13–43 (in Russian).
32. Meye A. *Vvedeniye v sravnitel'noye izucheniye indoevropeyskikh yazykov* [An Introduction to the Comparative Study of the Indo-European Languages]. Moscow, Leningrad, 1938. 510 p. (in Russian).
33. Kuz'menko Yu. K. *Ranniye germantsy i ikh sosedi: Lingvistika, arkhheologiya, genetika* [The Early Germans and Their Neighbors: Linguistics, Archaeology, Genetics]. Saint Petersburg, 2011. 266 p. (in Russian).
34. Zhirmunskiy V. M. Proiskhozhdeniye kategorii prilagatel'nykh v indoevropeyskikh yazykakh v sravnitel'no-grammaticheskom osveshchenii [The origin of the category of adjectives in Indo-European languages in the comparative grammatical interpretation]. *Obshcheye i germanskoye yazykoznanie* [General and German linguistics]. Leningrad, 1976. Pp. 209–235 (in Russian).
35. Zherdeva M. O. K voprosu o vybere slovoobrazovatel'nykh modeley v perevodakh tserkovnoy prozy na drevniye germanskiye i latinskiy yazyk [On the question of the choice of word-formation models in translations of church prose into ancient Germanic and Latin languages]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa*, 2002, no. 3, pp. 50–57 (in Russian).
36. Kuz'menko Yu. K. *Prichiny poyavleniya morfologicheskikh osobennostey skandinavskikh yazykov* [Reasons for the emergence of morphological features of the Scandinavian languages]. Saint Petersburg, Institute for Linguistic Research, Russian Academy of Sciences Publ., 2002. Pp. 117–126 (in Russian).

Информация об авторах

Новицкая Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Федоринова Зоя Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Воробьева Виктория Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050); магистрант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061); исследователь, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (улица Солженицына, 25, Москва, Россия, 25109004).

Information about the authors

Novitskaya I. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of English Philology, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Fedorinova Z. V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Vorobeva V. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050); master's degree student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061); Research Fellow, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (ul. Solzhenitsyna, 25, Moscow, Russian Federation, 25109004).

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 19.01.2022; accepted for publication 01.06.2022

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-26-33>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ОШИБОК ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Мохсен Абуи Мехриз¹, Али Мадаени Аввал²,
Хусейн Голами³

^{1,2,3} Тегеранский университет, Тегеран

¹ Mohsen.abooi@gmail.com

² amadayen@ut.ac.ir

³ hgholamy@ut.ac.ir

Аннотация

Введение. Правильное использование грамматического управления в русском языке иногда сопряжено с трудностями, обусловленными структурными отличиями грамматических способов выражения управления в русском и персидском языках, и отсутствием многофункциональной категории падежа в персидском языке. Тема статьи приобретает особую актуальность для обучающихся, которые изучают русский и персидский языки. Управление в русском языке достаточно исследовано, но в персидском языке по данной теме написано небольшое количество диссертаций и статей.

Целью исследования является анализ ошибок, связанных с употреблением управления в русском языке, и их сопоставление с персидским языком.

Материал и методы. Материалами послужили грамматические пособия по обоим языкам и специализированные книги и статьи по теме управления (особенно в русском языке). Распространенные ошибки при использовании управления в русском языке рассматриваются методом сопоставительного анализа, после чего результаты дополнительно исследуются, сопоставляются с персидским языком и выявляются сходства и различия грамматических способов выражения управления между русским и персидским языком.

Результаты и обсуждение. Результаты могут быть полезны для изучающих русский и персидский языки, которые, во-первых, в связи с нехваткой исследований по этой теме (особенно по управлению в персидском языке) не могут сравнивать способы выражения управления на иностранном языке с родным языком и вследствие этого страдают от неполного понимания данной темы и, во-вторых, в связи с незнанием распространенных ошибок при использовании управления не могут их избежать.

Заключение. Делаются выводы о разных подходах к определению термина «управление» как грамматического термина в области лингвистики. Не все лингвисты в русском языке разделяют существующие определения управления. Исследователи персидского языка тоже обращают внимание на управление в персидском языке, хотя некоторые, например Л. С. Пейсиков, полностью отрицают факт наличия управления, но в данном исследовании доказывается, что нельзя отказаться от грамматического значения управления.

Ключевые слова: русский, персидский, грамматика, управление

Для цитирования: Мехриз М. А., Аввал А. М., Голами Х. Сопоставительный анализ распространенных ошибок при использовании управления в русском и персидском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 26–33. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-26-33>

COMPARATIVE DISCUSSION OF COMMON MISTAKES BY USING THE GOVERNMENT IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

Mohsen Abui Mehrizi¹, Ali Madayeni Avval², Husein Gholami³

^{1,2,3} University of Tehran, Tehran, Iran

¹ Mohsen.abooi@gmail.com

² amadayen@ut.ac.ir

³ hgholamy@ut.ac.ir

Abstract

Introduction. The correct usage of grammatical government in Russian sometimes encounters difficulties, on the other hand, due to the structural differences in grammatical ways of expressing government in both Russian and Persian languages and moreover, the absence of a case category in Persian, the topic of the article acquires special relevance for teaching Russian and Persian languages.

The topic of government in the Russian language has been researched a lot and many books and articles have been written on this topic, but in the Persian language. Linguists did not pay much attention to this topic, only at the level of dissertations and articles, not a large number of works have been written by linguists with knowledge of the Russian language.

The aim of the study is to analyze the errors associated with the use of government in Russian and compare them with the Persian language.

Material and methods. In this article, using the method of comparative linguistics, common mistakes are considered when using government in Russian language, after which the results are additionally analyzed and compared with the Persian language, and as a result, the similarities and differences in grammatical ways of expressing government between the Russian and Persian languages will be revealed.

The material of this article is grammar guides in both languages and specialized books and articles on the topic of government, especially in Russian.

The objectives of this study are to increase the understanding of government among students in two languages, familiarize themselves with the mistakes in connection with the use of government in Russian and their comparison with the Persian language.

Results and discussion. The results of the article can be helpful for students of both named languages, who, firstly, due to the lack of research on this topic, especially on government in Persian, cannot compare the ways of expressing government in a foreign language with their native language and, as a result, suffer from an incomplete concept of this topic and secondly, due to the lack of familiarization with common mistakes when using government, they are often mistaken in their application.

Conclusions are drawn about different theories on the definition of the term “government” as a grammatical term in the field of linguistics. Not all linguists in Russian accept all existing generally accepted definitions of government. Researchers of the Persian language also pay attention to government in the Persian language, although some, such as L. S. Peisikov, completely deny the existence of government, but this study confirms that the grammatical meaning of government cannot be abandoned.

Keywords: language, Russian, Persian, grammar, government

For citation: Mehrizi M. A., Avval A. M., Gholami H. Sopotavitel'nyy analiz rasprostranennykh oshibok pri ispol'zovanii upravleniya v russkom i persidskom yazykak [Comparative Discussion of Common Mistakes by Using the Government in Russian and Persian Languages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 26–33 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-26-33>

Введение

Грамматические значения в каждом языке могут иметь свои эквиваленты в других языках, но способы их выражения не всегда совпадают.

На начальных этапах изучения русского и персидского языков обучающиеся часто сталкиваются с такими вопросами: какой падеж, какой предлог необходимо использовать после данного слова?

Нарушение в правилах, с правилами или правил? نقض در قوانین، همراه با قوانین یا قوانین؟

Оповестить директора или оповестить о директоре? خبر دادن مدیر را یا خبر دادن به مدیر؟

Отказаться от встречи или отказать во встрече? سرباز زدن از دیدار؟ یا سرباز زدن دیدار را؟

На данный вопрос в русском языке отвечает управление. Управление является одним из видов связи в словосочетании, наряду с согласованием и примыканием. На самом деле, управление – это выбор падежной формы имени существительного (или местоимения) под влиянием грамматической формы или семантики господствующего слова: обожали музыку داشتیم خیلی دوست را موسیقی، удивлен способами выражения недовольства شگفت زده شده از روش های بیان نارضایتی [1]. عطش موفقیت

Наличие управления в персидском языке спорно, некоторые лингвисты даже не принимают факт его существования: Л. С. Пейсиков отказывается от термина «управление» в персидском языке, он считает, что управление применяется только к языкам, которым присущи падежные связи. По его мнению, в предложении *او از این کتاب استفاده کرد* (он использовал эту книгу), сказуемое *استفاده کرد* не управляет дополнением, потому что форма дополнения не меняется [2]. Не принимая его мнение, Ю. А. Рубинчик подчеркивает, что невозможно отказаться от ясного и установленного термина «управление». Необходимо отметить, что управление может осуществляться с помощью предлогов и послелога *را* [3]. Кроме того, в древнеперсидском языке существовало 8 падежей: именительный, звательный, винительный, творительный, дательный, отложительный, родительный и местный [4].

Общеизвестно, что если не встречается четкого лингвистического наименования падежа в персидском языке, факт наличия понятия падежа все равно не отрицается:

Избушка фермера *کلبه کشاورز*, фермер был дома *کشاورز در خانه بود*, фермер пошел домой *روی سقف خانه*, на крыше дома *کشاورز به خانه رفت*, выйти из избышки *از کلبه بیرون آمدن*.

Склоняемая форма в русском языке является одним из главных способов выражения падежных значений, а в персидском языке употребление предлогов – важный способ выражения таких падежных значений [5].

Полноценное управление в русском языке у русских лингвистов спорно, некоторые из них наличие предлогов не считают управлением: по мнению М. Д. Лесника, управление встречается только при употреблении косвенного падежа имени существительного (или любого субстантивного слова) в связи с лексическими значениями или грамматическими особенностями господствующего слова [6]. Если косвенный падеж у зависимого слова не обнаруживается из свойств господствующего слова, тогда не существует управления, а есть только падежное примыкание. В словосочетании «плаваю с братом» на самом деле есть падежное примыкание, потому что употребление формы «с братом» не вызывается лексическим значением глагола, но в сочетании «ссорюсь с братом» встречается управление, потому что глагол «ссориться» предполагает совместное действие и поэтому требует указания на второго производителя действия [7].

Далее на основе общепринятых толкований управления рассмотрим типичные ошибки по использованию управления в русском языке со стороны носителей и студентов, родной язык которых является персидским.

1. Причина возникновения ошибок при употреблении управления

Лексические и даже коннотативные значения способны управлять зависимыми словами, этим объясняются трудности в использовании словосочетаний с управлением и возникающие при этом многочисленные речевые ошибки.

В любом языке смысл высказанного является особо определяющим по грамматическим отношениям слов в словосочетании, и в связи с этим возникают затруднения, например, само слово «управление» может управлять по-разному:

Управление глагола *هدایتِ فعل (هدایتی که فعل از خود دارد)*, управление заводом *هدایت کردن کارخانه*.

Творительный падеж используется, если имя существительное сохраняет значение глагола и родительный падеж, если управление выступает как определение.

2. Классификация ошибок при применении управления

Для того чтобы лучше ознакомиться с привычными ошибками в связи с употреблением управления, классифицируем самые типичные из них:

а) типичные ошибки, связанные с наличием однокоренных слов

Однокоренные слова определяются как близкие по смыслу слова, имеющие общую часть, в которой заключено общее лексическое значение [8].

В русском языке имеется большое количество однокоренных слов, как и в персидском, а в персидском языке для добавления оттенков значения используются дополнительные слова или предлоги, в русском языке часто встречаются приставки, аффиксы и т. п., и таким образом на основе одного корня образуются новые слова:

Антон *ездил* в Москву *آنتون سفری به مسکو داشت*
Антон *объездил* все города

آنتون سفری به تمام شهرها داشته است (تمام شهرها را زیر پا گذاشته است)

Если представить слово *سفر* как эквивалент к слову *ездить*, то понятно, что в этом примере дополнительные значения к слову *ездить* в русском языке выражаются приставкой -об-, в персидском языке – сопутствующими словами: *تمام*;

б) ошибки, связанные с употреблением управления с предлогами

Еще одна группа ошибок может быть на основе использования управления с предлогами или без предлогов. Необходимо отметить, что управление с предлогами в русском языке многофункциональнее, чем управление с послелогами [9], и еще больше, чем управление без предлога. При этом возникает больше ошибок особенно у носителей персидского языка, потому что они, скорее всего, сравни-

вают русский язык с родным языком и на основе интерференции родного языка образуются неправильные формы слов. Например:

В русском языке предлог «без» в основном применяется в рамках родительного падежа:

Встреча без результатов دیدار بی نتیجه, деревья без плодов درختان بدون میوه.

Как было отмечено ранее, многие обучающиеся на начальных этапах, чтобы образовывать новые формы слов и словосочетаний, опираясь на родной язык, дословно переводят конструкции образования форм словосочетаний на основе первоначальных значений предлогов с родного языка. В русском и персидском языках во многом первоначальные эквиваленты совпадают. Это видно в данном примере: слово «بدون» является самым принятым эквивалентом в персидском языке к слову «без», тогда ясно, что при дословном переводе обучающиеся с персидского на русский и обратно могут образовывать правильную форму словосочетаний, но это не всегда остается в силе, затруднение встречается тогда, когда предлоги при дословном переводе не совпадают, например слова в родительном падеже с предлогом «с»: спуститься с лестницы پایین آمدن از نردبان. В русско-персидских словарях первоначальное значение предлога «с» представляется как творительный падеж: همراه, ба. В русском языке, где предлог «на» выражает значения поверхности чего-либо, то при управлении родительным падежом используется предлог «с», например: карандаш находится на столе, возьми карандаш со стола. مداد روی میز است، مداد را از روی میز بردار.

Обучающиеся, которые не знакомы с такими нюансами, при построении конструкции могут допустить ошибку, например, в вышеприведенном примере: спуститься с лестницы. Носители персидского языка, скорее всего, применяют предлоги «из» или «от»: спуститься из лестницы. Для выражения понятия «спуститься с чего-либо» в персидском языке применяется предлог «از» (پایین آمدن از چیزی);

в) ошибки, связанные с наличием вариативности слов

Вариативность — одно из характеризующих свойств всех единиц языка, проявляющееся в разных реализациях их инвариантных сущностей [10, с. 3].

Вариативность — еще одно распространенное затруднение для говорящих на русском языке, что иногда вызывает ошибки при употреблении правильной формы управляемых слов: Предостеречь против кого/чего احتیاط برخلاف چیزی или кого/чего از چیزی احتیاط کردن, извергнуться в ком/чем یا به کسی چیزی یا باور کردن در کسی چیزی, иммунитет к чему ایمنی به چیزی или против чего یا برخلاف چیزی.

В основном для многих из таких примеров особых отличий в значении не встречается (в русском языке), и они просто различаются по стилю речи или каким-то различиям в оттенках значений.

Различие между вариантами управления слов также иногда зависит от значений самих управляющих слов:

Глагол «сказаться», если применяется в значении «проявиться и обнаружиться», от зависимого слова требует предложного падежа с предлогом «в», например: Полученный опыт сказался в его работе تجربه بدست آمده در کار او ظاهر شد. В этом случае работа воспринимается как процесс, но в значении «отразиться на ком-либо или на чем-либо» глагол требует того же падежа, но с предлогом «на», например: отсутствие опыта сказывается на темпах работы فقدان تجربه روی سرعت کار او تاثیر می گذارد. В этом случае слово «работа» воспринимается как результат какого-либо действия.

В персидском языке тоже видно, что одно и то же слово может по-разному управлять и предлагаемые варианты являются предлогами «در» и «روی»;

г) ошибки, связанные с синтаксической неполнотой или избыточностью словосочетания

Другая ошибка связывается с синтаксической неполнотой или избыточностью словосочетания, что часто встречается у обучающихся или даже иногда у самых носителей языка. В словосочетании синтаксическая структура может считаться неполной, если в нем не существует какой-либо необходимый компонент, наоборот, использование лишнего зависимого компонента приводит к синтаксической избыточности в словосочетании. Оба эти явления являются речевыми ошибками в связи с употреблением управления: Директора разных компаний на большом совещании обменялись организацией работы.

مدیران شرکت های مختلف در جلسه بزرگ سازماندهی کار را به اشتراک گزاردهند.

Входящие в состав данного предложения словосочетания являются синтаксически неполными в связи с неполнотой значений. Это предложение лучше выразить так: Директора разных компаний на большом совещании обменялись опытом организации работы.

مدیران شرکت های مختلف در جلسه بزرگ تجربه سازماندهی کار را به اشتراک گزاردهند.

В русском языке в этом предложении отличие по управлению осуществляется при присутствии или отсутствии слова «опыта», его наличие очень помогает лучше понять смысл целого предложения таким образом, что организациями нельзя обмениваться, но опытом позволено.

Как было отмечено ранее, другая ошибка случается в связи с синтаксической избыточностью словосочетания: из около двух тысяч студентов школы все прошли медицинский осмотр.

از حدود دو هزار محصلین مدرسه همه معاینات پزشکی را گذرانده اند.

В этом примере лишним словом является употребление предлога «около», потому что этот предлог второй раз указывает на форму родительного падежа зависимого компонента в словосочетании.

Такая избыточность и в русском языке, и в персидском по значению не вызывает особых проблем при понятии смысла;

д) ошибки, возникающие в связи с употреблением близких по значению слов.

В русском языке близкие по значению слова могут иметь одинаковое управление. Например, некоторые имена существительные управляют дательным падежом: ряд имен существительных, глаголы, которые выражают значения: огорчение кому, упрек кому, хвала кому и т. д. (огорчение – огорчать, огорчить کسی ناراحت کردن کسی, упрек – упрекать, упрекнуть کسی سرزنش کردن کسی, хвала – хвалить, похвалить کسی تحسین کردن کسی), но такой порядок не всегда действует, необходимо запоминать исключения: беспокоиться о друге نگران شدن درباره دوست, тревожиться за друга مضطرب شدن برای دوست, вера в победу اعتقاد به پیروزی – уверенность в победе باور به پیروزی.

В русском языке в данных примерах отличается управление близких по значению слов, в персидском языке также принято использовать разные предлоги как основной способ выражения значений управления;

е) ошибки в связи с управлениями глаголов с отрицанием или без него, со значением частичного родительного падежа и с объектными отношениями с различными оттенками в значении желательности, удаления, лишения и др.

В русском языке зависимые слова с отрицанием управляются родительным падежом. Следует подчеркнуть возможность употребления при переходных глаголах с отрицанием «не» формы родительного падежа, которые в некоторых случаях управляют винительным падежом: поднимать качество بالا بردن کیفیت – не поднимать качества بالا نبردن کیفیت. Типичными для глаголов являются словосочетания с беспредложным родительным падежом, в которых проходит действие, переходящее не на весь предмет, а только на его часть: взять воды برداشتن مقداری آب, а также словосочетания с зависимым словом в родительном падеже, в которых выражаются объектные отношения, например, желательности, удаления, лишения и др.: желать встречи آرزوی دیدار کردن [11]. Управление глагола в таких случаях в персидском языке не меняется: چیزی را ندیدن کسی را, видеть кого-то, что-то, чего-то, и такие нюансы, как родительный частичный или неполного охвата предмета, тоже не встречаются структурно подобно русскому языку: купить молока خریدن مقداری شیر, яиц яиц تعدادی تخم مرغ, колбасы مقداری کالباس, принес воды مقداری آب آورد.

Также с помощью других слов можно выражать родительный частичный или неполного охвата предмета в персидском языке;

ж) ошибки в связи с неверным употреблением названий произведений литературы

В «Тарасе Бульба» воплощается чувство патриотизма

در تاراس بولبا حس میهن پرستی انسجام پیدا می کند.

В книге «Тарас Бульба» воплощается чувство патриотизма

در کتاب تاراس بولبا حس میهن پرستی انسجام پیدا می کند.

После слов родовых обозначений, например книга, повесть, роман, картина, кинофильм и т. д., которые называют жанр произведения литературы или искусства, имя собственное ставится в именительном падеже. Если такие слова в предложении не существуют, то названия произведений литературы и т. д. ставятся в тех падежах, которые необходимы для контекста предложения.

Данное правило в персидском языке отсутствует и не встречается особых отличий в параллельных предложениях;

з) ошибки при построении сложного предложения

Определение управления возможно по разным критериям, в том числе можно представлять управление в рамках сложного предложения. Значит, если у одного слова приняты разные верные формы управления, то в рамках предложения придется принимать определенные структуры, чтобы не позволять искажения смысла. При этом иногда случаются нарушения от нормы. Позиция придаточной части по отношению к главной рассматривается как один из существенных структурных признаков различных типов сложноподчиненного предложения [12]:

1. Разнотипность частей сложного предложения: необходимо помнить, что нужно: 1) оставлять места для претензии; 2) обязательно оформлять литературу; 3) размещать список литературы по алфавиту.

لازم به ذکر است که می بایست: 1) جا برای نقل ایرادات گذاشته شود

2) الزاما فهرست منابع تشکیل داده شود

3) جاگزاري فهرست منابع براساس الفبا

В литературном персидском языке такой порядок составлении пунктов не допускается: Необходимо помнить, что нужно: 1) оставлять места для заметок; 2) обязательно оформлять сноски; 3) размещать список литературы по алфавиту.

1) جا برای نقل ایرادات گذاشته شود

2) الزاما فهرست منابع تشکیل داده شود

3) فهرست منابع بر اساس الفبا جاگزاري گردد.

2. Смещение конструкции:

Главное, на чем настаивал оратор, – это на **учете** достоверности гарантии. Этот пример необходимо выразить по-другому: Главное, на чем настаивал оратор, – это **учет** фактора адресата.

В персидском языке при этом пункте не всегда возникают проблемы:

مهم اینست که سخنگو روی چه چیزی تاکید می کرد، سخن او (روی) محاسبه اعتبار ضمانت نامه بود.

и) ошибки, возникающие при употреблении причастных оборотов

Причастие – это часть речи, обозначающая процесс/состояние как признак лица/предмета, который выражается во времени [13, с. 6].

При построении причастных оборотов часто обучающиеся сталкиваются с нарушением использования верной формы причастия (не учитываются вид, время, залог или падежная форма): по пути, начертанном пророком.

در راهی که توسط پیامبر ترسیم شده است.

В данном случае неверна падежная форма причастия, необходимо: по пути (какому?) начертанному.

Такие особые формы глагола в персидском языке не имеют соответствия, в исходном языке при построении имеют некоторые особенности, в персидском языке при дословном переводе не вызывают никаких нюансов;

й) ошибки, возникающие в связи с употреблением однородных членов предложения

Однородные члены – равноправные члены предложения, которые, будучи связаны с одним членом в предложении, выполняют одну и ту же синтаксическую задачу [14, с. 52]. При употреблении однородных членов также возникают ошибки:

1. Неверное соединение в качестве однородных членов вещественно неоднородных понятий: Учебная и перспективная задача چشم اندازی و چشم انداز، правильно: перспективная задача и задача в связи с учебной موضوع ژرفنما و مربوط به درس

2. Неверное употребление предлогов и союзов при однородных членах предложения: детский комплекс на Каспийском море и Подмосковье مجموعه بازی کودکان روی دریای کاسپین و روی پادمااسکوویا. Нужно: на Каспийском море и в Подмосковье.

3. Нарушение управления при однородных членах предложения, например: покрывает и потворствует дурным наклонностям, в персидском языке при дословном переводе проблем не встречается: رفتار های بد را پوشانده و لا پوشانی می کند

Однородные члены требуют от зависимого слова разных падежей: покрывает (что?) дурные наклонности и потворствует (чему?) им.

Практически большинство названных нарушений в русском языке в персидском языке тоже считаются нарушениями управления;

к) ошибки, возникающие из-за неправильного употребления порядка слов.

Порядок слов также может относиться к теме предложения, и неверное его употребление может поменять смысл целого предложения: Перед нами были лошади казаков, морды которых были в пене. در مقابل ما اسب های قزاق ها بودند که پوزه های آنها کف آلود بود.

Как видно, искажение мысли в том, что неизвестно, пена была во рту казаков или лошадей; слово «морда» иногда в ироническом значении тоже употребляется по отношению к людям. Правильно нужно сказать: Перед нами были казачьи лошади, морды которых были в пене.

در مقابل ما اسب های قزاقی بودند که پوزه های آنها کف آلود بود.

В персидском языке дословный перевод употребления прилагательной формы дает лучшее определение о самом смысле. Неверное или верное употребление управления при порядке слов имеет особое значение: слово «казак» в неправильном предложении находится в родительном (в связи с управляющим словом лошадь), а в верном предложении ставится в именительном падеже.

Заключение

В данном исследовании представлены разные теории по определению термина «управление» как грамматического термина. Не все лингвисты в русском языке принимают все существующие общепринятые определения управления.

Лингвисты персидского языка тоже обращают внимание на наличие термина «управление» в персидском языке, например Л. С. Пейсиков полностью отрицает факт наличия управления, но в данном исследовании доказывалось, что нельзя отказываться от грамматического значения управления, на самом деле, в персидском языке очень разнообразно используются предлоги, послелоги и т. д., что выполняет роль управления.

Неправильный выбор падежной формы является самой типичной ошибкой в русском языке, а в персидском языке – неправильный выбор предлога. В русском языке обычно сильное управление вызывает меньше трудностей и ошибок при выборе правильной падежной формы.

Ошибки, возникающие в связи с неправильным применением управления, в данной работе распределяются по 12 классам. Среди них чаще всего следующие ошибки вызывают проблемы у носителей персидского языка: ошибки, связанные с наличием однокоренных слов; ошибки, связанные с употреблением управления с предлогами; ошибки, связанные с наличием вариативности слов; ошиб-

ки, возникшие по употреблению близких по значению слов.

Такие ошибки могут искажать мысль, например:

Жить в селе زندگی در روستا, Жить на селе زندگی روستایی

Ошибки, связанные с разным управлением у глаголов с отрицанием и без него, со значением частичного родительного падежа и с объектными отношениями с различными оттенками (желательности, удаления, лишения и др.) и ошибки, возникающие в связи с неверным употреблением названий произведений литературы в русском языке, распространены у носителей персидского языка, но среди самих носителей языка не являются распространенными.

Некоторые ошибки по значению не имеют грубых нарушений и к тому же для носителей персидского языка не настолько понятны, потому

что не имеют подобия с персидским языком, например ошибки в употреблении причастных оборотов.

Три класса ошибок рассматривались на уровне предложения: ошибки при построении сложного предложения, ошибки, возникающие в связи с употреблением однородных членов предложения, и ошибки, возникшие в связи с неправильным порядком слов.

Такие ошибки встречаются и в русском, и в персидском языках, иногда они по значению не вызывают грубые проблемы: апельсины и фрукты پرتقال ها و میوه ها, правильно: апельсины и другие фрукты سایر میوه ها, а иногда в значениях бывают более серьезные затруднения: перед нами находились лошади казаков, морды которых были в пене.

در مقابل ما اسب های قزاق ها قرار داشتند که پوزه های آنها کف آلود بود.

Список источников

1. Касаткин Л. Л. Русский язык. М.: Академия, 2011. 780. с.
2. Пейсиков Л. С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М.: Институт международных отношений, 1959. 414 с.
3. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная Литература, 2001. 600 с.
4. احمدی، میریلا؛ محمدی، محمدرضا؛ نظری، فاضله؛ حالت در زبان های روسی و فارسی و مشکلات فراگیری آن برای فارسی زبانان؛ جستارهای زبانی، 1398. 266–251. Ahmadi Mirejla, Mohammadi Mohammadreza, Nazari Fezze. *Padezh v russkom i persidskom yazykakh i trudnosti pri ego izuchenii dlya persogovoryashchikh*. Tegeran: Dzhostarha-e Zabani, 2019. С. 251–266.
5. Захраи Хасан; حالت و معنای حالت در زبان روسی؛ پژوهش زبان های خارجی، 1383. صفحات 64–51. Захраи Хасан; Падеш и значение падежа в русском языке. Тегеран: Пажухеш-э Забанха-е Хареджи, 2004. С 51–64.
6. Лесник М. Д. К вопросу о прилагольном управлении в современном русском языке. Рига, 1957. 160 с.
7. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 237. с.
8. Иомдин Б. Л. Как определять однозначные слова // Русская речь, 2019. № 01, С. 109–115.
9. Хамракулов Ф. Управление в русском и узбекском языках. Худжанд: Худжандский ун-т, 2010. С. 90–100.
10. Инютина Т. С. Вариативность языковых средств в деловом письме Сибири XVII века. Томск: Томский гос. ун-т, 2009. 27 с.
11. Прокопович Н. Н., Дерибас Л. А., Прокопович Е. Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. М.: изд-во «Русский язык», 1981. 187 с.
12. Мирзоева В. М., Аксенова Е. Д., Мирзоева Е. З. Сложноподчиненные предложения с интерпозитивной придаточной частью в текстах медицинской специальности (на материале оториноларингологии) // Modern Studies of Social Issues, 2019. Volume 11, Number 5. С. 151–160.
13. Нагайцева Н. И. Причастие: учебное пос. по русскому языку для иностранных студентов. Харьков: НТУ «ХПИ», 2008. 275 с.
14. Мехтиева Матанат Бахадур кызы. Однородные члены предложения в научном наследии // East European Scientific Journal, 2021. С.52–56.

References

1. Kasatkin L. L. *Russkiy yazyk* [Russian language]. Moscow, Akademiya Publ., 2011. 780. p. (in Russian).
2. Peysikov L. S. *Voprosy sintaksisa persidskogo yazyka* [Persian syntax issues]. Moscow, Institute of International Relations Publ., 1959. 414 p. (in Russian).
3. Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of Modern Persian Literary Language]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2001. 600 p. (in Russian).
4. احمدی م، محمدی م. نظری ف. حالت در زبان های روسی و فارسی و مشکلات فراگیری آن برای فارسی زبانان جستارهای زبانی. دوره 10 شماره 1. 2019. صفحات: 266–251. Ahmadi Mirejla, Mohammadi Mohammadreza, Nazari Fezze. *Padezh v russkom i persidskom yazykakh i trudnosti pri ego izuchenii dlya persogovoryashchikh* [Case in Russian and Persian languages and learning its difficulties for Persian speakers]. Tehran, Dzhostarhae Zabani Publ., 2019. Pp. 251–266 (in Persian).

5. 64–51. صفحات 1383. زهرایی حسن؛ حالت و معنای حالت در زبان روسی؛ پژوهش زبان های خارجی، 1383. Zahrai Hasan. *Padezh i znachenije padezha v russkom yazyke* [Case and meaning of case in Russian]. Tehran: Pazhuhesh-je Zabanha-e Haredzhi Publ., 2004. P. 51–64 (in Persian).
6. Lesnik M. D. *K voprosu o priglagoľ'nom upravlenii v sovremennoe russkom yazyke* [On the question of verbal governance in modern Russian]. Riga, 1957 (in Russian).
7. Skoblikova E. S. *Soglasovaniye i upravleniye v russkom yazyke* [Agreement and government in Russian]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1971. 237 p. (in Russian).
8. Iomdin B. L. *Kak opredelyat' odnoznachnye slova* [How to identify unambiguous words]. *Russkaya rech – Russian Speech*, 2019, no. 01, pp. 109–115 (in Russian).
9. Khamrakulov F. *Upravleniye v russkom i uzbekskom azykah* [Government in Russian and Uzbek languages]. Khujand, Khujand State University Publ., 2010. Pp. 90–100 (in Russian).
10. Inyutina T. S. *Variativnost' yazykovykh sredstv v delovom pis'me Sibiri XVII veka* [Variation of linguistic means in the business letter of Siberia in the 17th century]. Tomsk, TSU Publ., 2009. 27 p. (in Russian).
11. Prokopovich N. N., Deribas L. A., Prokopovich E. N. *Imennoye i glagol'noye upravleniye v sovremennoe russkom yazyke* [Nominal and verbal government in modern Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981. 187 p. (in Russian).
12. Mirzoyeva V. M., Aksenova E. D., Mirzoyeva E. Z. *Slozhnopodchinennye predlozheniya s interpozitivnoy pridatochnoy chast'yu v tekstakh meditsinskoy spetsial'nosti (na materiale otorinolaringologii)* [Complicated sentences with interpositive subordinate clauses in medical texts (based on otorhinolaryngology)]. *Modern Studies of Social Issues*, 2019, vol. 11, no. 5, pp. 151–160.
13. Nagaytseva N. I. *Prichastiye: uchebnoye posobiye po russkomu yazyku dlya inostrannykh studentov* [Participle. Russian language textbook for foreign students]. Harkiv, NTU "HPI" Publ., 2008. 275 p. (in Russian).
14. Mekhtiyeva M. B. *kyzy Odnorodnye chleny predlozheniya v nauchnom nasledii* [Homogeneous Proposal Members in Scientific Heritage]. *East European Scientific Journal*, 2021. Pp. 52–56 (in Russian).

Информация об авторах

Мохсен Абун Мехриз, аспирант, Тегеранский университет (ул. Каргар Шомали, Тегеран, Иран, почтовый код: 1439813164).

Али Мадаени Аввал, кандидат филологических наук, доцент департамента русского языка, Тегеранский университет (ул. Каргар Шомали, Тегеран, Иран, почтовый код: 1439813164).

Голами Хусейн, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, Тегеранский университет (ул. Каргар Шомали, Тегеран, Иран, почтовый код: 1439813164).

Information about the authors

Mohsen Abui Mehrizi, postgraduate student, University of Tehran (Kargar Shomali street, Iran, Tehran, 1439813164).

Ali Madayeni Avval, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, University of Tehran (ul. Kargar Shomali, Iran, Tehran, 1439813164).

Golami Husein, Candidate of Philological Sciences, Professor, University of Tehran (Kargar Shomali street, Iran, Tehran, 1439813164).

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.12.2021; accepted for publication 01.06.2022

УДК 81.25

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-34-40>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛЯ В. ПЕЛЕВИНА В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА «GENERATION „П“»

Владислав Владимирович Сидаш¹, Надежда Вадимовна Крицкая²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *vsidash@gmail.com*

² *nadia66@mail.ru*

Аннотация

Введение. Идиостиль – это система фактических и формальных характеристик, присущих произведениям конкретного автора и подлежащих обязательному воспроизведению в иноязычном переводе. Запоминающийся и узнаваемый идиостиль В. О. Пелевина является одной из причин всемирного успеха его романа «Generation „П“», переведенного на большинство европейских языков. Актуальность исследования определяется необходимостью сохранения в переводе индивидуального авторского стиля как принципиальной характеристики художественного текста.

Цель исследования – выявление способов воспроизведения индивидуального стиля В. О. Пелевина при переводе романа «Generation „П“» с русского языка на английский.

Материал и методы. Материалами исследования послужили оригинальный текст романа В. Пелевина «Generation „П“» и его перевод на английский язык, выполненный Э. Бромфилдом. В качестве методов использовались общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также частнонаучный метод описания.

Результаты и обсуждение. Бестселлер В. Пелевина «Generation „П“» существует в рамках парадигмы постмодернизма, для которого характерны интертекстуальность, цитатность, многоуровневость текстовой организации, стиливой синкретизм, а также целый ряд других аспектов. Однако даже на фоне разнородных общежанровых характеристик роман привлекает внимание особой эклектичностью, потенциальной неоднозначностью восприятия, игрой слов, обилием цитат и аллюзий. Перечисленные аспекты определяют специфику идиостиля В. Пелевина, характеризующегося конвергенцией выразительных средств и стилистических приемов, обилие и разноплановость которых представляют серьезную задачу для переводчика. С целью анализа передачи наиболее значимых компонентов идиостиля В. Пелевина рассмотрены репрезентативные фрагменты текста, в которых специфика авторского почерка реализуется особенно наглядно.

Заключение. Обнаруженные погрешности передачи некоторых компонентов идиостиля В. Пелевина Э. Бромфилдом, возможно, связаны с неполнотой понимания многоаспектности оригинального текста, нагруженного лингвистическими средствами, приемами художественной выразительности и культурными отсылками, характеризующими авторский почерк В. Пелевина, в рамках парадигмы русского постмодернизма. Наиболее заметным упущением для передачи авторского идиостиля можно считать решение о нулевом переводе англоязычных фрагментов текста, а также нейтрализацию просторечного статуса целого ряда идиом, что отчасти затушевывает полную картину стилистического ландшафта романа.

Ключевые слова: идиостиль, В. О. Пелевин, постмодернизм, перевод, иноязычные вкрапления, аллюзии, просторечия

Для цитирования: Сидаш В. В., Крицкая Н. В. Особенности передачи идиостиля В. Пелевина в английском переводе романа «Generation „П“» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 34–40. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-34-40>

FEATURES OF V. PELEVIN'S IDIOSTYLE IN ENGLISH TRANSLATION OF "GENERATION "P"»

V. V. Sidash¹, N. V. Kritskaya²

^{1,2} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *vsidash@gmail.com*

² *nadia66@mail.ru*

Abstract

Introduction. Relevance of the research is determined by the interest of modern linguistics and translation science in search of effective ways of preserving author's individual style in translation.

© В. В. Сидаш, Н. В. Крицкая, 2022

Aim and objectives. The present paper attempts to discuss A. Bromfield's ways and decisions to render the principal features of V. O. Pelevin's individual style in "Generation P" postmodernist novel.

Materials and methods. The research is based on two text sources: the Russian original text of "Generation P" by V. Pelevin and its English version "Homo Zapiens" (transl. A. Bromfield). The methods applied are general scientific (observation and description) and linguistic (text analysis, comparative analysis).

Results and discussion. Rendering of author's idiosyncrasy features is one of the basic tasks of literary translation. Novel "Generation P" by V. Pelevin's, marked by intertextuality and syncretism of style and narration characteristic of Russian postmodernist paradigm, strikes the reader with own specific eclecticism, word play, multi-layered picture of reality, plentiful quotations and allusiveness. The challenging attempt of Russian-English literary translation by British interpreter A. Bromfield, trying to restore V. Pelevin's idiosyncrasy principal features manifested in plexus of expressive means and stylistic devices, is discussed in the article.

Conclusion. In authors' view, some minor flaws in rendering of V. Pelevin's idiosyncrasy may be caused by incompleteness of comprehension of "Generation P" text, loaded by multifaceted linguistic affluence of style. The most sensitive omission for the author's idiosyncrasy is probably zero translation of English insertions as principal features of Pelevin's bilingual narration, as well as the decision to neutralize some colloquialism.

Keywords: idiosyncrasy, V. Pelevin, postmodernism, translation, foreign language insertions, allusions, colloquialism

For citation: Sidash V. V., Kritskaya N. V. Osobennosti peredachi idiosyncrasy V. Pelevina v angliyskom perevode romana "Generation P" [Features of V. Pelevin's Idiosyncrasy in English Translation of "Generation P"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 34–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-34-40>

Введение

Художественная литература является не только носителем фактической информации, но и своеобразным культурным впечатлением, отражающим ценности и реалии своей страны и эпохи. Наряду с этим, художественные произведения отображают ход мысли, видение мира и идеи конкретного автора, воплощенные в тексте при помощи лингвистических средств, и, как результат, отличаются большим стилистическим своеобразием.

Однако именно это разнообразие может стать проблемой при переводе литературных текстов, поскольку, наряду с объективной проблемой передачи лингвистических и культурологических аспектов произведения иноязычной литературы, переводчик сталкивается с гораздо более серьезной задачей корректной передачи индивидуального стиля автора текста.

Идиосинкрасия представляет собой систему фактических и формальных характеристик, присущих произведениям конкретного автора. Совокупность языковых и стилистических особенностей делает каждое произведение уникальным, почерк автора – узнаваемым, и задача переводчика при работе с художественным текстом состоит в передаче этой авторской самобытности средствами иного языка.

Актуальность данной работы определяется необходимостью сохранения в переводе индивидуального авторского стиля как важнейшей характеристики художественного текста.

Целью исследования является выявление способов воспроизведения индивидуального стиля В. О. Пелевина при переводе романа «Generation „П“» с русского языка на английский.

Материал и методы

Материалами исследования послужили текст романа В. О. Пелевина «Generation „П“» [1] и его перевод, выполненный Эндрю Бромфилдом [2]. В работе использовались общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также частнонаучный метод описания.

Результаты и обсуждение

Изучение индивидуально-авторского стиля занимает особое место в вопросе о художественном стиле речи, однако сам термин «идиосинкрасия» по-разному определяется исследователями данного феномена. Так, С. Я. Ермоленко считает, что идиосинкрасия – это «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям отдельного автора», делающая «уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [3, с. 112]; М. П. Котюрова определяет идиосинкрасию как «совокупность речетекстовых характеристик отдельной языковой личности» [4, с. 96]; М. Н. Кожина в свою очередь определяет данное понятие как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя» [5, с. 95].

Несмотря на отсутствие общепринятого понятийного аппарата, большинство лингвистов сходятся во мнении, что идиосинкрасия представляет собой совокупность индивидуальных художественных средств выражения творческой языковой личности, передача которых является одной из важнейших и в то же время сложнейших задач при переводе художественного текста.

Среди существующих подходов к изучению идиостиля наиболее традиционным является семантико-стилистический подход В. В. Виноградова [6, с. 314], в рамках которого проводится семантический анализ лексических единиц и изучаются их формы реализации у конкретного автора. Наиболее же новым и перспективным можно считать коммуникативно-деятельностный подход, в основе которого лежит концепция языковой личности [7, с. 36–41], где идиостиль рассматривается как интегральное понятие, отражающее особенности личности, проявляющиеся в ее деятельности, связанной с созданием текстов, их восприятием и интерпретацией [8, с. 151].

Помимо использования разнообразных средств выразительности, авторы художественных текстов обращаются к определенным приемам на фонографическом, лексическом и синтаксическом уровнях, а также на уровне всего текста, например, к использованию вокабуляра разных регистров речи, стилистически релевантному построению предложений, авторской пунктуации и делению на абзацы и пр. Таким образом, идиостиль создается текстовыми средствами на всех уровнях языка (фонетика, графика, орфография, пунктуация, морфология, лексика, синтаксис, стилистика), а также при помощи культурных отсылок (особенно характерных для постмодернистского дискурса). Вслед за М. Н. Макеевой [9, с. 151] и Е. Н. Лучинской [10, с. 78] назовем актуализированные средства текстообразования, реализованные в конкретном речевом произведении, маркерами; согласно уровням языка, их можно разбить на стилистические, лексико-семантические, фонетические, графические, лексико-синтаксические и культурно значимые.

Такое многообразие маркеров авторского идиостиля обуславливает трудности их всеобъемлющей передачи при переводе художественного текста.

Рассматриваемый в качестве фактического материала роман В. О. Пелевина «Generation „П“» принадлежит к жанру постмодернистской литературы как самостоятельное явление, сложившееся в России в конце XX в. [11, с. 47]. Одной из главных жанровых особенностей постмодернизма являются свойства не содержания, а формы: специфика композиции, использование языка, стилистическое наполнение. Кроме того, для постмодернизма характерно смешение временных пластов повествования и эклектичность идеологических парадигм [12, с. 11].

В целом в русском постмодернизме выделяют следующие черты: интертекстуальность и осознанная цитатность; пародирование и самопародирование; ирония; многоуровневая организация текста; частотность игры слов; включение читателя (читательское сотворчество); фрагментарность, «мон-

тажность» текста; жанровый и стилевой синкретизм; театральность, работа на публику [13]. Анализируя текст «Generation „П“», можно сказать, что именно жанровая принадлежность романа во многом определяет идиостиль его автора; однако особенности реализации почерка Пелевина внутри жанровой парадигмы настолько самобытны, что выходят за общие рамки даже такого пестрого и всеохватывающего явления, как постмодернизм. В частности, на фоне общежанровых характеристик исследуемый роман привлекает внимание неоднозначностью названия, смешением жанров, стилевой эклектичностью, потенциальной многоплановостью восприятия, очевидной интертекстуальностью, обилием цитат и аллюзий, нарочитой «перевернутостью» изображаемого мира [14, с. 214].

Перечисленные аспекты не только позволяют причислить роман «Generation „П“» к жанру постмодернизма, но и определяют специфику идиостиля В. Пелевина, который характеризуют:

- на стилистическом уровне: метафоры, эпитеты, художественные сравнения, гиперболизация;
- на лексико-семантическом уровне: каламбуры, оксюмороны, авторские окказионализмы, переосмысление афоризмов и идиом, ирония;
- на лексико-синтаксическом уровне: грамматическая недооформленность, открытость предложений, ассоциативность повествования, различные виды повторов (эпифора, анафора, хиазм и др.);
- на фонетически-интонационном уровне: игра слов на основе омофонии;
- на культурно значимом уровне: аллюзии, цитаты, интертекстуальность, иноязычные вкрапления, обильное включение лексики, отражающей реалии описываемого временного периода;
- на графическом уровне: использование различных шрифтов (например, заглавных букв), нарочитые нарушения орфографии.

Очевидно, что такое обилие и разноплановость лингвистических средств и стилистических приемов, в огромном количестве переплетающихся и конвергирующих в едином тексте, представляют собой серьезную задачу для переводчика, пытающегося воспроизвести эту многокомпонентность при помощи средств иного языка; однако роман Пелевина неоднократно переводился на большинство языков Европы. В частности, англоязычному читателю «Generation „П“» представил Эндрю Бромфилд – по мнению критиков, один из лучших современных русско-английских переводчиков беллетристики, обладающий «абсолютным литературным слухом» [15]. Рассмотрим некоторые фрагменты оригинального и переводного текстов, характерные с точки зрения стратегии передачи Э. Бромфилдом индивидуального авторского стиля В. Пелевина.

Как упоминалось выше, чрезвычайно частотным приемом В. Пелевина является эклектичное сочетание лексики из различных стилистических пластов, что позволяет не только создать комедийный контраст и передать иронию автора по отношению к описываемой в романе массовой рекламной культуре, но и отражает реалии заданного временного периода – эпохи 1990-х. Например:

Еще он заметил секретаршу Азадовского Аллу, занятую разговором с двумя пожилыми плейбоями, – из-за распушенных белесых волос она походила на немного грешную медузу.

He also spotted Azadovsky's secretary Alla, engaged in conversation with two elderly playboys - her loose washed-out blonde hair made her look like a slightly debauched Medusa.

В данном фрагменте присутствует очевидное столкновение стилистически противоположных регистров: разговорного «плейбой» – модного заимствования, характерного для описываемой эпохи 1990-х, и книжной отсылки к греческой мифологии «медуза» (дополненного стилистически контрастным и поэтому юмористичным эпитетом «грешная»). Лексема «плейбой» переведена транслитерацией, поскольку данное слово является заимствованием из английского – языка перевода (далее – ЯП), сравнение и аллюзия на греческий миф переданы при помощи синтаксического уподобления.

Следующее его появление всем известно – это Степан Разин на Лобном месте в монументальном клипе для шампуня «Head and Shoulders» (слоган «Снявши голову, по волосам не плачут»).

His next appearance is one familiar to everybody, as Charles I in the monumental ad for the shampoo Head and Shoulders.

Аллюзия на персонажа русской истории, сложившего голову на Лобном месте, распознается переводчиком, который вместо мятежного казака Степана Разина предлагает английским читателям более близкую историческую фигуру – мятежного монарха Карла I; поскольку оба исторических деятеля были обезглавлены (что принципиально для слогана шампуня «Head and Shoulders»), функциональная замена представляется органичной и оправданной. Однако вследствие урезания самого слогана для «монументального» клипа – пословицы, приобретающей в оригинальном контексте каламбурное и достаточно циничное звучание, – стилистическая нагруженность пассажа значительно снижается. Вместе с тем взаимодействие различных лексико-семантических пластов – *монументальный клип*, трагическая судьба исторического деятеля как основа для тривиальной рекламы шампуня – в английском переводе присутствует.

В целом в романе часто встречаются аллюзии самого разного характера – религиозные, библейские, мифологические сюжеты (*Валгалла, горящий куст, яблоко порока, авгиевы конюшни, ветхозаветный Адам, пророк Иезекииль, страшный суд, вавилонская башня* и др.), исторические лица и события (*Битлз, система Станиславского, роман Стивена Кинга, слова Оскара Уайльда, Чарли Мэнсон, молодой Троцкий* и др.), научные феномены и теории (*нищиеанство, фрейдизм* и др.), другие художественные произведения и кинофильмы (*сериал «Стар Трек», роман «1984», пьеса А.С. Грибоедова «Горе от ума», фильм «Hellraiser»* и др.); кроме того, текст содержит большое количество культурных отсылок, описывающих Россию и россиян периода «лихих 90-х»: *братки, яркие иномарки, аэробус «Икарус», лимонки, совок, метро* и др. Эклектичность и кажущаяся беспорядочность таких отсылок используются автором не только с целью погружения читателя в живую обстановку описываемого времени, но и для создания эффекта характерной для постмодернизма интертекстуальности наряду с намерением привлечения читателей из разных слоев общества. В этом отношении уместно процитировать исследователей феномена переводимости М. Н. Нестерову и Ю. К. Попову, по слову которых основной задачей переводчика постмодернистского текста, «сотканного из чужих текстов», является «распознавание разного рода типов интертекстуальных связей, их дешифровка и передача» на языке перевода [16]. При этом вполне естественно, что характер таких интертекстуальных связей, не всегда осознаваемый в том числе русскоязычным читателем, переводчику, даже глубоко знакомому с советской и российской культурой, распознать и/или воспроизвести удастся далеко не всегда. Рассмотрим несколько характерных примеров.

Оно (= знание) расшифровывалось для него словами Марины Цветаевой: «Разбросанным в пыли по магазинам (Где их никто не брал и не берет!), Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед».

The feeling had been decoded for him by the words of Marina Tsvetaeva: 'Scattered along the dusty shelves of shops (No one has bought them and no one buys!) My poems, like precious wines, will have their day'.

Фрагмент, содержащий строки из известного стихотворения М. Цветаевой с указанием авторства, самостоятельно переведен Э. Бромфилдом (несмотря на достаточное количество прочих переводов) при помощи калькирования и функциональной замены. Переводчик бережно воспроизводит если не характер рифмы (которая преобразуется во внутреннюю), то общую структуру и стопность

цветаевских строк, сохраняя как прагматику, так и стилистический облик оригинала.

Единственным сомнительным эхом этого слогана в заснеженном рекламном пространстве Москвы оказалась фраза «С корабля на бал», взятая неизвестным коллегой Татарского у того же Грибоедова.

The only dubious echo of the slogan left in the snowbound advertising space of Moscow was the phrase: 'From ship to ball', another borrowing – by an unknown colleague of Tatarsky's – from the poet Griboedov.

Приведенный пассаж является еще одним образчиком вышеописанной тенденции перевода: калька 'From ship to ball' сопровождается указанием на автора цитаты, который в английском варианте получает обоснованное расширение: *Грибоедов – poet Griboedov*.

Однако Пелевин далеко не всегда облегчает работу переводчика наличием прямых отсылок на источник аллюзии, и такие случаи труднее распознаются как аллюзивные, например:

Да и то – недели две, не больше. Элементарно, Ватсон.

And you've only been there a couple of weeks at most.

Очевидно, что Ватсон в оригинале – не столько персонаж рассказов А. Конан Дойла, соотечественника Э. Бромфилда, сколько киногерой цикла советских фильмов начала 1980-х, благодаря которому фраза обрела популярность; возможно, поэтому аллюзия опускается переводчиком.

Сначала его внимание привлек большой плакат с Антонио Бандерасом в голливудском шедевре «Степан Бандера».

At first his attention was caught by a photograph of Antonio Banderas in the Hollywood masterpiece Stepan Banderas.

Как видим, и эта аллюзия утеряна в английском тексте (несмотря на транскрибирование-уподобление), за счет чего каламбур Бандера/Banderas теряет большую часть своей юмористичности.

Однако в основном каламбуры, в избытке представленные в оригинальном тексте, компенсируются средствами английского языка, например:

Работа была free lance – Татарский переводил это выражение как «свободный копейщик», имея в виду прежде всего свою оплату.

The work was 'freelance' – Tatarsky used the term as though it still had its original sense, having in mind first of all the level of his pay.

Данный фрагмент иллюстрирует конвергенцию нескольких характерных для идиостиля В. Пелевина приемов: аллюзию на историческую военную профессию, иноязычное вкрапление, каламбур. Поскольку оригинальную игру слов – «копейщик»

от слова «копейка» – применительно к зарплате объективно невозможно сохранить средствами английского языка, Э. Бромфилд остроумно строит английский вариант каламбура на восстановлении исходного значения лексемы *freelance*, переданной через нулевой перевод, сохраняя идиостиль и интенцию автора.

Последний пример также является образчиком иноязычия в русском тексте, фрагменты которого рассыпаны на протяжении всего романа, поскольку герой В. Пелевина – один из первых постсоветских локализаторов Вавилен Татарский – трудится «на ниве» рекламного бизнеса, адаптируя англоязычную рекламу для русского потребителя. Контраст включения английских слов в бытовой контекст, их появление в совершенно неожиданных местах и неуместных ситуациях придает оригинальному повествованию комедийный, гротескный эффект:

message был ясен – message was crystal clear; stitching, clean-up и так далее – stitching, clean-up, and so on;

так называемый черный PR, или, как полностью произносил Ханин, «black public relations» – so-called 'black PR', or as Khanin pronounced it in full: 'black public relations';

пронзительные cover stories – revelatory cover stories.

Такие вкрапления, чрезвычайно характерные для идиостиля В. Пелевина, в английском переводе теряются в результате переноса в ЯП через нулевой перевод; англоязычный читатель воспринимает их не как нечто чужеродное, а как часть сплошного текста, что нарушает стилистическую целостность и восприятие текста романа за счет элиминации одного из самых ярких приемов авторского повествования. Приведем еще один пример такого элиминирования, совершенно нейтрализовавшего комический эффект целого пассажа:

Я хотел спросить тебя как представителя target group: какие ассоциации вызывает у тебя слово «парламент»?

I wanted to ask you, as a representative of the target group: what associations does the word "parliament" have for you?

Иным частотным приемом, характеризующим идиостиль В. Пелевина, является употребление, а чаще переосмысление и развитие идиом (главным образом просторечных), при переводе которых Бромфилд прибегает к ряду стратегий:

А я пойду – тут труба вовсю зовет.

But I've got to be going - the bugle's sounding loud and clear.

В данном предложении патристичный призыв «труба зовет!», пафос которого снижен просторечным наречием «вовсю», переведен при помощи функциональной замены – цитаты из церковного

гимна 'To the Battle Front!' – стилистически неуместного в разговорной ситуации и поэтому вполне компенсирующего оригинальный смысл на фоне общей эклектичности пелевинского текста. Однако нередко просторечный характер идиоматики становится камнем преткновения для переводчика, выбирающего нейтральный аналог для передачи стилистически сниженных устойчивых словосочетаний, например:

1. *Когда он трезвый, его всегда жаба душит.*

When he sobers up, he gets greedy.

2. «Почему у него имя такое странное?» «Знаешь, Вавилен», – сказал Азадовский, садясь за стол, – «чья бы корова мычала, а твоя б молчала».

'Why does he have such a strange name?' - 'You know what, Babylen,' said Azadovsky, sitting back down in his chair, 'Rostropovich could ask you the same thing.'

В обоих случаях просторечные идиоматические выражения («жаба душит», «чья бы корова мычала») воспроизводятся путем функциональной замены с нейтрализацией эмпазы, в результате чего теряется разговорная эмоциональность и стилистическая окраска высказывания. Подобное решение – нейтрализация просторечных фразеологических единиц с результирующим снижением комического эффекта и нивелированием стилистиче-

ской разнородности повествования – является частотным выбором Э. Бромфилда в аналогичных ситуациях.

Заключение

Резюмируя, можно отметить, что при анализе передачи некоторых особенностей идиостиля В. Пелевина на английский язык были выявлены погрешности, возможно, связанные с неполнотой комплексного понимания всех аспектов оригинального текста, объективно затрудненного обилием, пестротой и разнохарактерностью лингвистических средств, приемов художественной выразительности и разнородных отсылок. Вместе с тем, несмотря на отдельные (в некоторых случаях, возможно, осознанные) упущения, в целом Э. Бромфилд справляется с задачей передачи сложного и многокомпонентного идиостиля В. Пелевина. На наш взгляд, самым серьезным упущением является потеря характерного для авторского идиостиля двуязычия через нулевой перевод англоязычных вкраплений, наряду с нейтрализацией определенного объема просторечной идиоматики, за счет чего английский читатель получает несколько купированное представление о стилистической наполненности оригинального текста романа.

Список источников

1. Пелевин В. О. Generation „П“. Москва: АСТ, 2015. 352 с.
2. Pelevin V. O. Homo Zapiens. Translated by A. Bromfield. New York: Penguin Books, 1999. 132 p.
3. Ермоленко С. Я. Очерки словесности (стилистика и культура речи). Краснодар: Доверие, 1999. 304 с.
4. Котюрова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. С. 95–99.
5. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. 2-е изд. М.: Флинта, 2011. 464 с.
6. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Госиздат, 1961. 616 с.
7. Леденёва В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 36–41.
8. Болотнова Н. С. Варьирование идиостиля публичной языковой личности в медиатекстах разных жанров // Сибирский филол. журнал. 2015. Вып. 1. С. 150–158.
9. Макеева М. Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия. Тверь, 2000. 329 с.
10. Лучинская Е. Н. Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. 158 с.
11. Галинская И. Л. Постмодернизм в русской литературе // Вестник культурологии. 2001. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-v-russkoy-literature> (дата обращения: 11.04.2022).
12. Butler Ch. Postmodernism. A very short introduction. Oxford University Press, 2022. 140 p.
13. Журавлев С. Постмодернизм в литературе // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2010/07/05/891> (дата обращения: 21.04.2022).
14. Павловская О. Е., Зими́на Н. Ю. Специфика орнаментального идиостиля постмодернизма (на примере романа В. Пелевина «Generation „П“») // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 215–218.
15. Вайшвилайне Л. Translated by Andrew Bromfield // ExLibris. 29 мая 2003. URL: https://www.ng.ru/kafedra/2003-05-29/3_bromfield.html (дата обращения: 21.04.2022).
16. Нестерова Н. М., Попова Ю. К. О специфике перевода постмодернистских художественных текстов (на материале произведений А. Байетт и их переводов на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67), ч. 2. С. 151–157.

References

1. Pelevin V. O. *Generation "P"*. Moscow, AST Publ., 2015. 352 p. (in Russian).
2. Pelevin V. O. *Homo Zapiens*. New York, Penguin Books, 1999. 132 p.
3. Yermolenko S. Ya. *Ocherki slovesnosti* [Essays on linguistics]. Krasnodar, Doveriye Publ., 1999. 304 p. (in Russian).
4. Kotyurova M. P. Idiostil' [Idiostyle]. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. M. N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., 2003. Pp. 95–99 (in Russian).
5. Kozhina M. N., Duskayeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 464 p. (in Russian).
6. Vinogradov V. V. *Problema avtorstva i teoriya stiley* [The problem of authorship and theory of styles]. Moscow, Gosizdat Publ., 1961. 616 p. (in Russian).
7. Ledenyova V. V. Idiostil' (k utocnениyu ponyatiya) [Idiostyle (to clarify the concept)]. *Filologicheskiye nauki – Philology. Theory and Practice*, 2001, no. 5, pp. 36–41 (in Russian).
8. Bolotnova N. S. Var'irovaniye idiostilya publichnoi yazykovoi lichnosti v mediatekstah raznykh zhanrov [Variation of idiostyle of linguistic personality in media texts of different genres]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 1, pp. 150–158 (in Russian).
9. Makeeva M. N. *Ritorika khudozhestvennogo teksta i eyego germeneyticheskiye posledstviya* [Rhetoric of the literary text and its hermeneutic consequences]. Tver, 2000. 329 p. (in Russian).
10. Luchinskaya E. N. *Postmodernistskiy diskurs: semiologicheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty inetrpretatsii* [The discourse of postmodernism: semiological and linguo-cultural aspects of interpretation]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2002. 158 p. (in Russian).
11. Galinskaya I. L. Postmodernizm v russkoy literature [Postmodernism in Russian literature]. *Vestnik kul'turologii*, 2001, no 2 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-v-russkoy-literature> (accessed 11 April 2022).
12. Butler Ch. *Postmodernism. A very short introduction*. Oxford University Press, 2022. 140 p.
13. Zhuravlyov S. Postmodernizm v literature [Postmodernism in literature]. *Proza.ru* (in Russian). URL: <http://www.proza.ru/2010/07/05/891> (accessed 21 April 2022).
14. Pavlovskaya O. Ye., Zimina N. Y. Spetsifika ornamental'nogo idiostilya posmodernizma (na primere romana V. Pelevina "Generation "P"") [Specifics of ornamental idiostyle of postmodernism (on the example of "Generation "P"") by V. Pelevin]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye – The Bulletin of the Adyghe State University, Series Pedagogy and Psychology*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 215–218 (in Russian).
15. Vaishvilaine L. Translated by Andrew Bromfield. *ExLibris*, 29 May 2003 (in Russian). URL: https://www.ng.ru/kafe-dra/2003-05-29/3_bromfield.html (accessed 21 April 2022).
16. Nesterova N. M., Popova Yu. K. O spetsifike perevoda posmodernistkikh khudozhestvennykh tekstov (na materiale proizvedeniy A. Bayett i ikh perevodov na russkii yazyk [On specifics of translation of postmodernist fiction (on the example of A. Bayett's prose in Russian translation)]. *Philologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017, no. 1(67), vol. 2, pp. 151–157 (in Russian).

Информация об авторах

Сидаш В. В., студент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Крицкая Н. В., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Sidash V. V., undergraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Kritskaya N. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 01.05.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 01.05.2022; accepted for publication 01.06.2022

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.111

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-41-50>

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ СПЕЦИФИКА МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Анна Геннадьевна Богданова¹, Елена Олеговна Захарова², Дина Федоровна Мырина³

^{1,3} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

¹ bogdanovaag@tspu.edu.ru

² zakharova@tpu.ru

³ mymrina_df@tspu.edu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность предлагаемого исследования продиктована необходимостью выявления основных тенденций структурного развития терминов экологического медийного дискурса, а также идентификацией их функционального потенциала.

Цель исследования заключается в выявлении основных структурных типов и функциональных особенностей многокомпонентных терминов, зафиксированных в англоязычных текстах научно-популярной журналистики по проблемам экологии. Объектом изучения выступают многокомпонентные терминологические сочетания англоязычного медийного экологического дискурса. Предмет исследования – структурные и функциональные особенности многокомпонентных экологических терминов медийного экологического дискурса.

Материал и методы. Материалом исследования послужили тексты, представленные на сайте англоязычного онлайн-журнала «An Earth Island Journal» («Журнал острова Земля») медиаподразделения экологической организации «Earth Island Institute» («Институт острова Земля») за 2021–2022 гг. Количество выборки составило 212 единиц. Использовались методы наблюдения, моделирования, систематизации, количественного подсчета, структурного и функционального анализа.

Результаты и обсуждение. В результате было установлено, что многокомпонентные термины являются важной составляющей современного англоязычного медиадискурсивного пространства. Ориентация терминов экологического медиадискурса на многокомпонентность может быть обусловлена рядом причин: необходимостью отразить ряд признаков объекта исследуемого/описываемого объекта с помощью одной формы, стремлением показать с помощью внутренней формы связь термина с иными сферами знаний, а также может являться средством экономии языковых средств, когда происходит лексикализация синтаксических конструкций, что характерно для современного английского языка. Анализ языкового материала позволил выявить основные типы структурных моделей и специфические черты многокомпонентных терминов сферы медийного экологического дискурса, определить их частотность, а также установить особенности функционирования МКТ в исследуемом типе дискурса.

Заключение. В итоге сформулирована практическая ценность исследования, которая заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания специализированных курсов по лексикологии английского языка, лингвистике текста, в практике подготовки студентов-переводчиков, слушателей программ по направлению «Научно-популярная журналистика», «Исследовательская журналистика», специализирующихся на вопросах экологии. Помимо этого обозначены перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: медийный экологический дискурс, английский язык, многокомпонентные термины, структурные модели, терминосистема

Для цитирования: Богданова А. Г., Захарова Е. О., Мырина Д. Ф. Функционально-структурная специфика многокомпонентных терминов англоязычного медийного экологического дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 41–50. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-41-50>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

FUNCTIONAL AND STRUCTURAL SPECIFICITY OF MULTICOMPONENT TERMS IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA ECOLOGICAL DISCOURSE

Anna G. Bogdanova¹, Elena O. Zakharova², Dina F. Mymrina³

^{1,3} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

¹ bogdanovaag@tspu.edu.ru

² zakharova@tpu.ru

³ mymrina_df@tspu.edu.ru

Abstract

Introduction. The article is focused on the structure of multicomponent terminological combinations and major functions they perform in modern English-language media discourse on environmental issues. It investigates how the term structure may change in the course of time, determines the main trends in the structural development of terms typical of media ecological discourse and discloses their functional potential. *The aim* of the study is to identify the main structural types and functional characteristics of multicomponent terms, recorded in the English texts created by popular science environmental journalists. The object of the study are multicomponent terminological combinations of English-language media environmental discourse.

Material and methods. The research has been performed using the texts published from 2021 until 2022 on the site of the English-language online journal Earth Island Journal which is the media arm of Earth Island Institute – an organization that supports environmental activists and leaders working to protect the biological and cultural diversity. The sample number equals 212 multicomponent terminological combinations. A variety of methods such as observation, modeling, systematization, quantitative estimation, structural and functional analysis have been used to conduct complete research of the terms under consideration.

Results and discussion. The results show that multicomponent terms are an important component of modern English-language media discourse. The analysis of the research data obtained has allowed identifying the main structural models and key characteristics of multicomponent terms used in media ecological discourse and specifying the major functions they perform.

Conclusion. In conclusion, the practical value of the obtained results and the future prospects of the research have been outlined.

Keywords: media ecological discourse, the English language, multicomponent terms, structural models, terminology system

For citation: Bogdanova A. G., Zakharova E. O., Mymrina D. F. Funktsional'no-strukturnaya spetsifika mnogokomponentnykh terminov angloyazychnogo mediynogo ekologicheskogo diskursa [Functional and Structural Specificity of Multicomponent Terms in English-Language Media Ecological Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 41–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-41-50>

Введение

Основными трендами в современном мире являются глобализация, цифровизация всех сфер жизни, экологизация, которая происходит как «снизу» (повышение популярности здорового образа жизни среди населения), так и «сверху» (внедрение государственных экологических политик и стандартов). Экологическая проблематика становится все более значимой составляющей современного мирового сообщества, находясь в фокусе внимания государственной власти, ученых и широких кругов общественности. Несмотря на тот

факт, что российские и зарубежные ученые ежегодно публикуют тысячи статей в рецензируемых журналах, лишь небольшой процент этих статей находит аудиторию за пределами академических кругов. С целью популяризации специального экологического знания, осведомления людей об актуальных проблемах экологии и формирования у них активной гражданской позиции, направленной на ответственное отношение к окружающей среде, исследования в области экологических проблем все чаще публикуются в журналах, целевой аудиторией которых выступает широкая обществен-

ность [1]. Это возлагает на авторов ответственность за донесение результатов научных экологических исследований до широкой общественности, за прагматическое воздействие представленной информации реципиентам.

В настоящем исследовании понятия *медийный* и *научно-популярный дискурс* являются взаимозаменяемыми и направлены на процесс обмена информацией между всеми субъектами общества, на формирование общественного мнения в отношении социально значимого фрагмента действительности. Следует акцентировать внимание на том, что в научно-популярном дискурсе именно журналисты являются ключевым транслятором новостей о научных открытиях для широкой общественности. В отличие от ученых-экологов, чьей ключевой задачей является освещение открытий научной значимости, которые определяются тем, насколько результаты их исследований оценивают существующие гипотезы, журналисты стараются создавать истории с высокой новостной ценностью – тексты, включающие такие элементы, как противоречивость, необычность, своевременность, актуальность, близость к целевой аудитории. Предназначение текстов научно-популярной журналистики для массовой аудитории предопределяет их языковое оформление: тексты излагаются на общедоступном языке и представляют собой адаптированное для каналов СМИ знание о результатах научных достижений [2, 3].

Терминологический аппарат различных наук неизменно привлекает внимание российских и зарубежных лингвистов, что обусловлено возрастающей ролью научной информации в эпоху индустрии 4.0 [4, 5]. Стремительное развитие технологий XXI века находит свое отражение и в экологическом дискурсе: новые реалии обогащают его новыми терминологическими единицами, наблюдается явление деспециализации, когда специальные профессиональные термины включаются в национальный лексикон, вводятся в широкий обиход и т. д. Экология, являясь относительно молодой и активно развивающейся областью научного знания, находится на стадии формирования своего понятийного аппарата. Для комплексного описания новых явлений ученые-экологи в своих исследованиях используют новые терминологические сочетания. Как следствие, возникает проблема лексикографической фиксации и стандартизации терминологических единиц. Кроме того, язык науки и техники отличается наличием схожих по своему значению терминов, что может приводить к такому явлению, как терминологическая синонимия [6].

Главная задача автора при создании научно-популярных текстов заключается в популяризации нового научного знания путем адаптации трудно-

доступного для понимания научного текстового материала, который преобразуется в материал, адекватный для восприятия широкой аудиторией. Научно-популярные тексты выполняют целый ряд важных коммуникативных задач, выстраивая отношения между научным экспертным сообществом и обществом в целом. Нацеленность медийного экологического дискурса на массовое сознание и на ускоренное тиражирование фактов и идей ведет к усредненности его кодов – метафорических, символических, понятийных и ценностных. Журналистам необходимо учитывать фоновые знания усредненного реципиента, что неизбежно ведет к популяризации, а также смысловой модификации терминов.

Предлагаемое исследование проводится в русле системно-функционального подхода, позволяющего рассматривать термины той или иной области знания как особую упорядоченную систему, подверженную адаптационным изменениям в зависимости от целей и условий коммуникации. Упорядоченность терминов при этом понимается как лексическая упорядоченность их в терминосистеме: каждый термин (по соподчиненности с другими терминами) имеет свое определенное место, которое определяет его структуру и состав, что предполагает последовательность использования таких средств, как словообразовательные терминологические элементы, однотипные конструкции, порядок расположения терминологических элементов и т. п. [7, с. 20]. Описание способов и моделей терминологического образования, характерных для разных предметных областей, важно для понимания особенностей их функционирования и основных тенденций их развития, закономерностей терминопорождения и введения новых моделей в этот процесс.

Несмотря на предъявляемое к терминологическим единицам требование краткости, в настоящее время весьма продуктивным способом терминологического образования во многих терминосистемах, в том числе в экологической, выступает синтаксический способ, при котором свободные словосочетания приобретают статус слова, выражающего сложное специальное понятие и набор его признаков. Так появляются составные, аналитические единицы специальной номинации – *многокомпонентные термины* (МКТ). В результате, независимо от сферы употребления, прослеживается тенденция не только к структурному усложнению терминов, но и постепенному вытеснению односложных терминов многокомпонентными. Как известно, в зависимости от подхода количество компонентов для отнесения термина к разряду многокомпонентных терминов может существенно отличаться. Так, некоторые исследователи определяют МКТ как словосочетания, содержащие от двух и более компо-

нентов и противопоставляемые терминам-словам (однокомпонентным терминам). Напротив, в ряде работ понятия двухкомпонентных и многокомпонентных терминов разграничиваются, т. е. многокомпонентным считается такой термин, количество компонентов которого составляет три и более [8–14]. В рамках настоящей работы под многокомпонентным термином понимается терминологическое сочетание, состоящее из двух и более раздельно оформленных лексем.

Материал и методы

Источником материала для исследования послужили статьи англоязычного онлайн-журнала «An Earth Island Journal» («Журнал острова Земля») медиаподразделения экологической организации «Earth Island Institute» («Институт острова Земля») [15]. Согласно представленной на сайте журнала информации, публикуемые здесь материалы посвящены рассмотрению актуальных экологических проблем с различных точек зрения – «от личных до политических, от местных до глобальных». В ходе исследования методом сплошной выборки были проанализированы тексты, опубликованные на сайте журнала в 2021–2022 гг., из которых были отобраны 212 единиц. Исследование многокомпонентных терминов медийного экологического дискурса проводилось с опорой на метод научного описания, представленный рядом таких приемов, как:

- *наблюдение* (при отборе иллюстративного материала);
- *моделирование* (для выявления и сопоставления типичных моделей терминов);
- *систематизация* (при распределении выявленных моделей терминов по группам);
- *количественный подсчет* (при выявлении частотности выявленных терминологических моделей);
- *структурный анализ* (для изучения словообразовательных и синтаксических особенностей отобранных терминологических единиц);
- *функциональный анализ* (для изучения прагматического потенциала выявленных терминологических единиц).

Результаты и обсуждение

Анализ терминологических словосочетаний англоязычного медийного экологического дискурса показал, что в текстах данной направленности имеют место *двух-, трех-, четырехкомпонентные термины* (табл. 1–5). В процессе анализа отобранного материала было выявлено 212 примеров употребления МКТ, среди которых двухкомпонентных – 56 единиц, трехкомпонентных – 78 единиц, четырехкомпонентных – 22 единицы. При моделирова-

нии структурной схемы терминологических сочетаний далее использованы сокращения, имеющие следующие соответствия: N – существительное; Adj – прилагательное; V_{ed} – формы глагола, оканчивающиеся на -ed; V_{ing} – формы глагольного причастия, оканчивающиеся на -ing; Abbr – аббревиатура; Adv – наречие; Num – числительное; Prep – предлог.

В табл. 1 представлено процентное соотношение многокомпонентных терминов (МКТ) экологического медиадискурса в публикациях онлайн-журнала «The Earth Island Journal» за 2021–2022 гг. без учета МКТ, включающих сложносоставные компоненты с дефисным написанием, которые составляют 22 % (56 единиц) от общего числа выборки и отдельно представлены в табл. 5.

Таблица 1

Процентное соотношение многокомпонентных терминов (МКТ) выборки из публикаций онлайн-журнала «The Earth Island Journal»

МКТ экологического медийного дискурса	Количество компонентов		
	2	3	4
	28 %	39 %	11 %

Обратимся к рассмотрению особенностей **двухкомпонентных** терминов. Данные термины представляют собой словосочетания двух знаменательных слов, объединенных на основе синтаксической связи и выполняющих номинативную функцию. Анализ полученных данных показал, что в двухкомпонентных английских терминах ядерный термин (базовый компонент термина) ожидаемо находится в постпозиции, а все базовые компоненты двухкомпонентных терминов выражены существительными. Выявленные структурные модели двухкомпонентных терминов представлены в табл. 2.

Анализ полученных данных показывает, что наиболее репрезентативными структурными моделями, лежащими в основе двухкомпонентных терминов медийного экологического дискурса, являются: N + N и Adj + N (по 41 % от общего числа выявленных двухкомпонентных терминов).

В исследуемом типе дискурса широко распространены **трехкомпонентные** термины (39 % от общего числа выявленных МКТ). Трехкомпонентные терминологические сочетания обычно образуются на основе двухкомпонентных терминов, где два первых компонента подчинены третьему – базовому, при этом они сужают, уточняют и определяют его значение.

В процессе анализа структуры трехкомпонентных терминов было выявлено 7 моделей их построения с учетом специфики атрибутивной связи между компонентами. Более подробно выделенные структурные типы представлены в табл. 3.

Таблица 2

Структурные модели двухкомпонентных терминов

Тип модели	%	Примеры
N + N	41	<i>ecosystem imbalance</i> 'дисбаланс экосистемы'; <i>coral communities</i> 'коралловые сообщества'; <i>habitat fragmentation</i> 'распад ареала'; <i>maturity threshold</i> 'порог зрелости'; <i>habitat destruction</i> 'разрушение среды обитания'; <i>ocean acidification</i> 'закисление океанов'; <i>biosphere integrity</i> 'целостность биосферы'; <i>gut microbiome</i> 'микробиота желудочно-кишечного тракта'
Adj + N	41	<i>biological corridor</i> 'биологический коридор'; <i>underwater habitats</i> 'подводные места обитания'; <i>algal blooms</i> 'цветение воды, вызванное массовым ростом водорослей'; <i>freshwater biota</i> 'пресноводная биота'; <i>circadian rhythm</i> 'суточный биоритм'; <i>persistent chemicals</i> 'стойкий химикат'; <i>ruminant species</i> 'жвачное животное'
Abbr + N	8	<i>GHG pollution</i> 'выбросы парниковых газов'; <i>AMOC's instability</i> 'гибридные образования'
V _{ing} + N	7	<i>nesting site</i> 'гнездовье'; <i>roosting site</i> 'место для сна птиц'
Adv + N	3	<i>critically endangered</i> 'на грани исчезновения'

Таблица 3

Структурные модели трехкомпонентных терминов

Тип модели	%	Примеры
N + N + N	35	<i>carbon dioxide gas</i> 'углекислый газ'; <i>greenhouse gas emissions</i> 'выбросы парниковых газов'; <i>Greenland ice sheet</i> 'ледяной щит Гренландии'; <i>soil moisture deficits</i> 'дефицит влаги в почве'; <i>coral reef ecosystem</i> 'экосистема кораллового рифа'; <i>wildlife conservation biologist</i> 'биолог по охране дикой природы'; <i>desert bighorn sheep</i> 'пустынный снежный баран'; <i>camera trap methodology</i> 'методология использования фотоловушек'; <i>koala chlamydia vaccine</i> 'вакцина против хламидиоза у коал'; <i>prairie dog populations</i> 'популяция луговых собачек'; <i>Yersinia pestis bacterium</i> 'бактерия Yersinia pestis'
Adj + N + N	40	<i>key prey species</i> 'основные виды добычи'; <i>Cuban tree frog</i> 'Кубинская древесная лягушка'; <i>Antarctic ice sheets</i> 'Антарктический ледниковый покров'; <i>hazardous substance releases</i> 'выброс токсичных веществ'; <i>riparian plant ecologist</i> 'эколог, изучающий прибрежные растения'; <i>native understory plants</i> 'растения подлеска, исконно произрастающие в регионе'; <i>climate adaptation expert</i> 'эксперт по изменению климата'; <i>pathogenic chytrid fungus</i> 'патогенный хитридиевый грибок'; <i>canine distemper virus (CDV)</i> 'вирус чумы плотоядных'
N + V _{ing} + N	3	<i>climate tipping points</i> 'переломные точки климата'
Adj + Adj + N	7	<i>Panamanian golden frog</i> 'Панамская золотая лягушка'; <i>upper respiratory tract</i> 'верхние дыхательные пути'; <i>African wild dogs</i> 'Африканские дикие собаки'
Adj + V _{ing} + N	7	<i>natal spawning areas</i> 'родные нерестилища'; <i>global warming trend</i> 'тенденция глобального потепления'; <i>invasive handling techniques</i> 'инвазивные методы исследования'
V _{ing} + N + N	5	<i>rising sea levels</i> 'повышение уровня моря'; <i>melting ice caps</i> 'тающая полярная шапка'
N + V _{ed} + N	3	<i>atmosphere trapped heat</i> 'тепло, удержанное атмосфере'

Согласно полученным данным, самыми репрезентативными моделями построения трехкомпонентных терминов является модель Adj + N + N (40 %) и модель N + N + N (35 %). Остальные выявленные формально-структурные модели являются значительно менее распространенными.

Обращает на себя внимание факт употребления некоторых латинских наименований в структуре МКТ или же приведение авторами анализируемых публикаций вариантов латинских названий наряду с англоязычными: *Yersinia pestis bacterium*; *Pseudogymnoascus destructans fungus*; *African wild dogs (Lycaon pictus)*. Латинские наименования приняты в международном кодексе номенклатуры бактерий, растений, видов животных и являются неотъемлемой частью профессиональной и науч-

ной коммуникации. Включение узкоспециализированных латинских названий в научно-популярные тексты подчиняется, вероятно, стремлению авторов подчеркнуть авторитетность и убедительность публикуемых материалов – с одной стороны, служит популяризации специального научного знания – с другой.

Как и в случае с трехкомпонентными терминами, в большинстве **четырёхкомпонентных** терминологических сочетаний базовый компонент термина выражен существительным, а остальные компоненты служат определениями и выражают их признаки (табл. 4). Анализ терминологических сочетаний на предмет расположения ядра термина показал, что в четырёхкомпонентных терминах базовый компонент обычно занимает постпозицию.

Таблица 4

Структурные модели четырехкомпонентных терминов

Тип модели	%	Примеры
$V_{ing} + N + N + N$	18	<i>rising carbon dioxide levels</i> ‘повышенное содержание углекислого газа’; <i>melting polar ice caps</i> ‘таяние полярного льда’
$N + Num + N + N$	9	<i>Tier 1 shortage declaration</i> ‘заявление о сокращении водозабора из реки Колорадо 1 уровня’
$Adj + Adj + V_{ing} + N$	9	<i>Atlantic Meridional Overturning Circulation</i> ‘Атлантическая меридиональная циркуляция’
$N + Prep + N + N$	27	<i>acidification of ocean waters</i> ‘закисление океана’; <i>burning of fossil fuels</i> ‘сжигание ископаемых видов топлива’; <i>emissions of carbon dioxide</i> ‘выбросы углекислого газа’
$N + Prep + Abbr + N$	9	<i>levels of CDV antibodies</i> ‘антитела к вирусу чумы плотоядных’
$Adj + N + Prep + N$	9	<i>behavioral ecology of fear</i> ‘экология страха’
$N + N + N + N$	9	<i>shale methane gas resources</i> ‘запасы метана на шельфе’
$Adj + Adj + Adj + N$	9	<i>distinctive telltale physical features</i> ‘основные демаскирующие признаки, характеризующие физические свойства объектов’

Таблица 5

Структурные модели терминов, включающих сложносоставные компоненты с дефисным написанием

Тип модели	%	Примеры
Двухкомпонентные		
$Adj-V_{ed} + N$	17	<i>shallow-rooted plants</i> ‘растение с поверхностной корневой системой’; <i>human-generated emissions</i> ‘антропогенные выбросы’; <i>human-caused warming</i> ‘антропогенное потепление’
$N-V_{ed} + N$	9	<i>heat-related mortality</i> ‘смертность из-за летней жары’; <i>atmosphere trapped heat</i> ‘тепловая энергия, удержанная в атмосфере’
$N-Adj + N$	5	<i>climate-resilient development</i> ‘климатоустойчивое развитие’
$N-V_{ing} + N$	21	<i>egg-laying mammals</i> ‘яйцекладущие млекопитающие’; <i>ocean-dwelling organisms</i> ‘организмы, населяющие океан’; <i>record-shattering heatwave</i> ‘период аномально жаркой погоды’; <i>fire-fueling vegetation</i> ‘растительность, способствующая горению’
$Adj-N + N$	5	<i>single-use plastics</i> ‘одноразовый пластик’
$Num-N + N$	9	<i>zero-carbon emissions</i> ‘нулевые выбросы углерода’
Трехкомпонентные		
$Adj-N + N + N$	9	<i>high-pressure sodium lamps</i> ‘натриевые лампы высокого давления’; <i>white-nose syndrome agent</i> ‘возбудитель синдрома белого носа’
$N-V_{ed} + N + N$	5	<i>land-based nutrient runoff</i> ‘вынос биогенных веществ из береговой зоны’
$Adj-Adj + N + N$	5	<i>dispersant-intensive spill responses</i> ‘применение диспергентов для ликвидации разливов нефти’
$V_{ed} + N-N + N$	5	<i>mixed woodland-grassland ecosystem</i> ‘смешанная лесная-луговая экосистема’
$Adv-V_{ed} + Adj + N$	5	<i>Locally-Managed Marine Areas</i> ‘локально управляемый морской район’
Четырехкомпонентные		
$V_{ed}-Adj + Adj + N + N$	5	<i>modified-live canine distemper vaccine</i> ‘ослабленная живая противочумная вакцина’

Наиболее репрезентативными моделями построения четырехкомпонентных терминов является модель $N + Prep + N + N$ (27 %) и модель $V_{ing} + N + N + N$ (18 %). Ограниченность случаев употребления четырехкомпонентных терминов можно объяснить их громоздкостью и сложностью синтаксической организации, что вызывает затруднения в понимании и не отвечает потребностям в экономии времени, усилий и языковых средств, а также требованиям целевой аудитории данного типа дискурса.

В особую группу целесообразно выделить терминологические сочетания, включающие **сложносоставные слова**, образованные сложением двух или более полнозначных слов. Зачастую такие сло-

ва имеют дефисное написание. Дефис, являясь орфографическим знаком, позволяет графически объединить отдельные слова, визуально сократить терминологическую цепочку. Использование сложносоставных слов способствует повышению семантической емкости терминологического словосочетания и в то же время позволяет реализовать принцип экономии языковых средств (количество сем превышает количество синтаксических единиц в таких словосочетаниях). Структурные модели терминов с дефисным написанием составных элементов (22 % выборки) представлены в табл. 5.

Что касается **функциональных особенностей** МКТ в анализируемом типе дискурса, то следует отметить, что в большинстве случаев рассматрива-

емые термины выполняют номинативную функцию, служат инструментом обозначения предметов, процессов, явлений, кодирования гипотез, позволяют фиксировать и передавать специальное экологическое знание: *Researchers are also racing to develop a vaccine for white-nose syndrome, caused by the Pseudogymnoascus destructans fungus, in hibernating bats* ‘Ученые спешат разработать вакцину от синдрома белого носа, вызываемого грибом *Pseudogymnoascus destructans* во время зимней спячки летучих мышей’; *The world may already have crossed a series of climate tipping points, according to a 2019 analysis, resulting in «an existential threat to civilization»* ‘Согласно исследованию, проведенному в 2019 году, в истории планеты уже было несколько переломных климатических моментов, представляющих экзистенциальную угрозу для цивилизации’ [15].

При этом важно отметить, что использование МКТ в тексте имеет также конкретизирующую функцию (количество слов в МКТ обратно пропорционально широте его значения: большее количество слов ведет к более конкретному значению). Нарастание компонентов в терминологическом сочетании с целью конкретизации значения может наблюдаться в рамках одного контекста. Например, автор следующей публикации приводит мнение биолога, рассуждающего об экологических последствиях появления в водоеме определенной разновидности рыб, – от общего понятия «неаборигенного вида рыб» ученый переходит к упоминанию конкретной разновидности за счет включения конкретизирующих признаков: *Apart from many species of non-native fish, we now have non-native hybrid fish and, worst of all, non-native genetically modified fish, like the transgenic zebra fish*. ‘Помимо многих видов неаборигенных рыб у нас появилась неаборигенная рыба-гибрид и, что хуже всего, неаборигенная генетически модифицированная рыба, такая как трансгенная рыба данио’ [15].

Вместе с тем особая коммуникативная направленность специализированных медийных изданий способствует усложнению функционального потенциала терминологических единиц: сложные составные термины выходят за рамки сугубо научного и профессионального общения, воплощают в себе обучающий потенциал для непрофессиональной аудитории, служат средством воздействия на массового читателя, на массовое коллективное сознание. Так, например, в чередовании в рамках одного контекста общих названий живых организмов и их научных, узкоспециализированных латинских наименований выражается стремление журналистов к объективности и в то же время к популяризации научного экологического знания: *Cuban tree frog (Osteopilus septentrionalis)* ‘Кубинская древе-

сная лягушка’; *Panamanian golden frog (Atelopus zeteki)* ‘Панамская золотая лягушка’; *chytrid fungus (Batrachochytrium dendrobatidis)* ‘хитридиевый грибок’. В ряде случаев можно обнаружить так называемые медийные терминологические сочетания, содержащие специальную лексику наряду с элементами, обладающими ярко выраженными оценочными коннотациями. Такие сочетания служат средством эмоционального воздействия на читателей: *irreversible tipping points* ‘необратимые переломные моменты (климата)’; *environmental Armageddon* ‘экологический Армагеддон’.

Здесь необходимо также заметить, что ввиду структурно-семантической организации многокомпонентных терминов происходит комплексная кодификация наиболее существенных признаков определяемых понятий. С другой стороны, при увеличении компонентности термина может происходить обратный эффект, когда термины становятся слишком громоздкими для печатных текстов. Стремлением экономии текстового пространства обусловлено появление новых, более коротких обозначений, которые успешно заменяют развернутый вариант словосочетания, но при этом в полной мере выражают значения полных форм терминологических сочетаний. Таким образом, вслед за первым употреблением термина может употребляться либо сам термин, либо его сокращенный вариант в форме аббревиатуры (как, например, обозначение МКТ в настоящей статье).

При образовании аббревиатур англоязычного медийного экологического дискурса четко прослеживается тенденция составления их из начальных букв МКТ. Например, *greenhouse gas emissions > GHG emissions* ‘выбросы парниковых газов’; *greenhouse gas pollution > GHG pollution* ‘выбросы парниковых газов’; *Canine distemper virus > CDV* ‘вирус чумы плотоядных’; *Atlantic Meridional Overturning Circulation’s instability > AMOC’s instability* ‘нарушение стабильности Атлантической меридиональной циркуляции’. Необходимо заметить, что в анализируемых текстах аббревиатуры представлены в дозированном виде, что не затрудняет восприятие и интерпретацию информации, адресованной широкой аудитории.

Особое внимание привлекают примеры омоакронимов – сокращенных единиц, которые совпадают по своей фонетической структуре с общеупотребительными словами. Становясь одинаковым по своей фонетической структуре с общеупотребительным словом, омоакроним использует форму слова как инструмент воздействия на аудиторию. Например, в терминологическом сочетании *Earth Island Institutes’s ALERT Project* омоакронимом является единица *ALERT* (< *A Locally Empowered Response Team* ‘проект мер по снижению воздействия

токсичных веществ'), который в свою очередь со-звучен английскому слову *alert* 'тревога', что позволяет реализовать особую *прагматическую* функцию МКТ – создание у читателя соответствующих ассоциаций, связанных с пониманием важности проекта.

В некоторых случаях в анализируемых текстах медийного экологического дискурса наблюдается параллелизм терминологических форм, когда наряду с полным вариантом термина используется словесное сокращение – результат усечения целого компонента в словосочетании (эллипсис). Например: *Yersinia pestis bacterium* > *Yersinia pestis* 'бактерия *Yersinia pestis*'. В случаях, подобных этому, усечению подвергается атрибутивная часть или базовый элемент, обозначающий субъект или объект действия. Пропуск одного из элементов МКТ при этом никак не влияет на его значение.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает достаточно высокую концентрацию многокомпонентных терминологических единиц в англоязычных научно-популярных публикациях по экологии.

Ориентация терминов экологического медиадискурса на многокомпонентность может быть обусловлена рядом причин: необходимостью отразить ряд признаков объекта исследуемого/описываемого объекта с помощью одной формы, стремлением показать с помощью внутренней формы связь термина с иными сферами знаний, а также может являться средством экономии языковых средств, когда происходит лексикализация синтаксических конструкций, что характерно для современного английского языка.

Выявленные формально-структурные модели многокомпонентных терминологических сочетаний разнообразны по своему составу и комбинаторике элементов. В каждой из описанных групп двух-, трех- и четырехкомпонентных терминов были выявлены наиболее продуктивные типы. В большин-

стве МКТ базовый компонент термина выражен существительным, который обычно занимает постпозицию, а остальные компоненты служат определениями и выражают его признаки, сужая, уточняя и определяя его значение. Количественный анализ показывает, что наиболее многочисленной группой МКТ в данном типе дискурса является группа, представленная трехкомпонентными терминологическими сочетаниями (39,2 % выборки). Ограниченность случаев употребления четырехкомпонентных терминов можно объяснить их громоздкостью, что вызывает затруднения в понимании и не отвечает потребностям в экономии времени, усилий и языковых средств, а также требованиям целевой аудитории данного типа дискурса.

Современный экологический медиадискурс является эффективным инструментом по формированию философии устойчивого развития, которая заключается в коэволюции общества и природы и основана на соблюдении баланса между решением социально экономических проблем и сохранением окружающей среды. Являясь транслятором социально значимых смыслов, научно-популярные тексты экологического дискурса нацелены на то, чтобы «корректировать» экологическое поведение мирового сообщества.

Практическая значимость предпринятого исследования видится в том, что его результаты могут быть использованы в процессе преподавания специализированных курсов по лексикологии английского языка, лингвистике текста, в практике подготовки студентов-переводчиков, слушателей программ по направлению «Научно-популярная журналистика», «Исследовательская журналистика», специализирующихся на вопросах экологии.

К перспективам дальнейшего исследования относятся выявление функционально-структурной специфики многокомпонентных терминов медийного экологического дискурса в других иностранных языках, верификация полученных данных на национальных корпусах языков.

Список источников

1. Baker M. J., Williams L. F., Lybbert A. H., Johnson J. B. How ecological science is portrayed in mass media // *Ecosphere*. 2012. 3. pp. 1–7.
2. Силанова М. А. Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 260 с.
3. Чепурная М. А. Неологические репрезентанты концепта «экология» в англоязычном массмедийном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2020. 152 с.
4. Файбушевский М. В. Моделирование терминосистемы биржевого дела: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 216 с.
5. Артюшкин О. В., Артюшкина Т. А. Определение и взаимосвязь базовых понятий, формирующих структуру и состав лексики сфер профессиональной деятельности // *Филол. науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 4 (70), ч. 2. С. 60–63.
6. Бузинова Л. М., Черникова Е. О. Особенности синонимии в англоязычной экологической терминологии // *Филол. науки. Вопросы теории и практики*. 2021. № 14 (6). С. 1906–1910.
7. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский Лицей, 1993. 309 с.

8. Кудинова Т. А. Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в подязыке биотехнологий: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2006. 41 с.
9. Захарова Е. О., Богданова А. Г., Забродина И. К. Структурная организация многокомпонентных терминов англоязычного научного экологического дискурса // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 14 (3). С. 783–788.
10. Абрамова Г. А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2003. 312 с.
11. Додонова Н. Э. Англо-русские соответствия в акцентно-ритмической реализации многокомпонентных терминов: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 173 с.
12. Дроздова Т. В. Типы и особенности многокомпонентных терминов в современном английском языке: на материале терминологии производства искусственного холода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 24 с.
13. Бутенко Ю. И., Николаева Н. С., Карцева Е. Ю. Структурные модели англоязычных терминов для автоматической обработки корпусов научно-технических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13 (1). С. 80–95.
14. Носачёва М. И., Данилина Н. И. Способы образования сложных слов в медицинской терминологии (на материале немецкого языка) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18 (4). С. 145–156.
15. Earth Island Journal. URL: <https://www.earthisland.org/journal> (дата обращения: 20.04.2022).

References

1. Baker M. J., Williams L. F., Lybbert A. H., Johnson J. B. How ecological science is portrayed in mass media. *Ecosphere*, 2012, no. 3, pp. 1–7.
2. Silanova M. A. *Mediatizatsiya yuridicheskikh terminov v diskurse sovremennykh SMI*. Dis. kand. filol. nauk [Mediatization of Legal Terms in the Discourse of Modern Media. Thesis of cand. philol. sci.]. Moscow, 2016. 260 p. (in Russian).
3. Chepurayeva M. A. *Neologicheskiye reprezentaty kontsepta "ekologiya" v angloyazychnom massmediynom diskurse*. Dis. kand. filol. nauk [Neological Representations of the Concept "Ecology" in the English-Language Mass-Media Discourse. Thesis of cand. philol. sci.]. Krasnodar, 2020. 152 p. (in Russian).
4. Faibushevskiy M. V. *Modelirovaniye terminosistemy birzhevogo dela*. Dis. kand. filol. nauk [Modeling the Terminological System of Stock Exchange Business. Thesis of cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2021. 216 p. (in Russian).
5. Artyushkin O. V., Artyushkina T. A. Opredeleniye i vzaimosvyaz' bazovykh ponyatiy, formiruyushchikh strukturu i sostav leksiki sfer professional'noy deyatel'nosti [Definition and Interrelation of Basic Concepts Forming the Structure and Composition of the Vocabulary of the Spheres of Professional Activity]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2017, no. 4 (70), part 2, pp. 60–63 (in Russian).
6. Buzinova L. M., Chernikova E. O. Osobennosti sinonimii v angloyazychnoy ekologicheskoy terminologii [Peculiarities of Synonymy in English-Language Ecological Terminology]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2021, vol. 14, issue 6, pp. 1906–1910 (in Russian).
7. Grinev S. V. *Vvedeniye v terminovedeniye* [Introduction to Terminology]. Moscow, Moscow Lyceum Publ., 1993. 309 p. (in Russian).
8. Kudinova T. A. *Strukturno-semanticheskiye osobennosti mnogokomponentnykh terminov v pod'yazyke biotekhnologii: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov*. Aftoref. dis. kand. filol. nauk [Structural and Semantic Features of Multicomponent Terms in Biotechnology Sub-Language in Russian and English Languages. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Orel, 2006. 41 p. (in Russian).
9. Zakharova E. O., Bogdanova A. G., Zabrodina I. K. Strukturnaya organizatsiya mnogokomponentnykh terminov angloyazychnogo nauchnogo ekologicheskogo diskursa [Structural Organization of Multicomponent Terms of English-Language Scientific Ecological Discourse]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2021, vol. 14 (3), pp. 783–788 (in Russian).
10. Abramova G. A. *Meditinskaya leksika: osnovnye svoystva i tendentsii razvitiya*. Dis. dokt. filol. nauk [Medical Vocabulary: Basic Properties and Development Trends. Thesis of doct. philol. sci.]. Krasnodar, 2003. 312 p. (in Russian).
11. Dodonova N. E. *Anglo-russkie sootvetstviya v aktsentno-ritmicheskoy realizatsii mnogokomponentnykh terminov*. Dis. kand. filol. nauk [English-Russian Correspondences in the Accent-Rhythmic Realization of Multicomponent Terms: Ph. Candidate of Philological sciences. Thesis of cand. philol. sci.]. Pyatigorsk, 2000. 173 p. (in Russian).
12. Drozdova T. V. *Tipy i osobennosti mnogokomponentnykh terminov v sovremennom angliyskom yazyke: na materiale terminologii proizvodstva iskusstvennogo kholoda*. Aftoref. dis. kand. filol. nauk [Types and Characteristics of Multicomponent Terms in Modern English: Based on the Terminology of Artificial Cold Production. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1989. 24 p. (in Russian).
13. Butenko Y. I., Nikolaeva N. S., Kartseva E. Y. Strukturnye modeli angloyazychnykh terminov dlya avtomaticheskoy obrabotki korpusov nauchno-tehnicheskikh tekstov [Structural models of English-speaking terms for automatic processing of corpus of scientific and technical texts]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2022, vol. 14 (1), pp. 80–95 (in Russian).

14. Nosacheva M. I., Danilina N. I. *Sposoby obrazovaniya slozhnykh slov v meditsinskoy terminologii (na materiale nemetskogo yazyka)* [Ways of forming complex words in medical terminology (in German)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, vol. 18 (4), pp. 145–156 (in Russian).
15. *Earth Island Journal*. URL: <https://www.earthisland.org/journal> (accessed 20 April 2022).

Информация об авторах

Богданова А. Г., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Захарова Е. О., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Мымрина Д. Ф., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Bogdanova A. G., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Zakharova E. O., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Mymrina D. F., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 29.04.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 81'25

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-51-61>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ QA-ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА

Наталья Владимировна Полякова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, nvp@tspu.edu.ru

Аннотация

Введение. Специальные инструменты оценки качества письменного перевода – QA-инструменты (от англ. Quality Assessment) – находят распространенные типы ошибок в тексте перевода по заранее запрограммированным формальным признакам. Исходным условием для данных инструментов является наличие текстов оригинала и перевода. Программа сравнивает соответствующие участки текстов (абзацы, предложения или сегменты) и маркирует все участки с подозрением на ошибку, формируя специальный отчет.

Цель заключается в сопоставлении QA-модулей, интегрированных в программы автоматизированного перевода, и самостоятельных QA-инструментов.

Материал и методы. При проведении исследования QA-модулей, интегрированных в программы автоматизированного перевода, и самостоятельных QA-инструментов использовались общенаучные (методы логики: анализ, синтез, обобщение); частнонаучные (лингвистические) методы: описательный, сравнительно-сопоставительный.

Результаты и обсуждение. Преимуществом QA-модулей, интегрированных в программы автоматизированного перевода SDL Trados, SmartCAT, Déjà Vu, MemoQ и Wordfast, является возможность осуществлять мониторинг качества перевода без задействования дополнительных программных и временных ресурсов. Переводчик уже знаком с интерфейсом программы, в которой работает, и может редактировать текст в ней же сразу после проверки. QA-модули, интегрированные в программы автоматизированного перевода, могут быть использованы для оценки письменных переводов разной тематической направленности, однако для работы со стилистически окрашенными текстами наиболее оптимальными представляются функции программы SDL Trados.

Главным преимуществом самостоятельных QA-инструментов для оценки качества переводов Xbench, QA Distiller, Verifika, ErrorSpy и Linguistic Toolbox является отсутствие необходимости установки сложных и во всех смыслах ресурсозатратных CAT-программ для корректоров, редакторов и менеджеров переводческих проектов.

Заключение. QA-инструменты обладают своими преимуществами и недостатками. В число основных преимуществ современных QA-инструментов входят: оптимизация рутинных проверок качества текста перевода на разных этапах его готовности; возможность настраивать индивидуальные критерии качества для каждого проекта; сокращение общих сроков реализации переводческого проекта; обеспечение единообразия текста перевода, минимизация ошибок и т. д.

К недостаткам QA-инструментов относятся: необходимость затрат дополнительных ресурсов (дополнительное время и место на жестком диске в случае установки на компьютер пользователя); высокая стоимость программ и ограниченный набор функций в случае использования бесплатных или демонстрационных версий; необходимость изучать интерфейс и настраивать программу для разных проектов; обнаружение большого количества потенциальных ошибок, не все из которых являются ошибками.

Ключевые слова: письменный перевод, оценка качества, специализированные инструменты оценки качества

Для цитирования: Полякова Н. В. Сопоставительный анализ современных QA-инструментов для письменного перевода // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 51–61. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-51-61>

COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN QA TOOLS FOR WRITTEN TRANSLATION

Natal'ya V. Polyakova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, nvp@tspu.edu.ru

Abstract

Introduction. Special tools for assessing the quality of written translation – QA-tools (in English *Quality Assessment*) find common types of errors in the target text according to pre-programmed formal signs. The initial condition for these tools is the availability of the source and target texts. The program compares the corresponding

sections of texts (paragraphs, sentences or segments) and marks all sections with suspected errors, forming a special report.

The goal is to compare QA modules integrated into automated translation programs and independent QA tools.

Material and methods. Methods used in the research on QA modules integrated into automated translation programs and independent QA tools include general scientific methods (logic methods: analysis, synthesis, generalization); specific scientific (linguistic) methods: descriptive, comparative.

Results and discussion. The advantage of QA modules integrated into the automated translation programs such as SDL Trados, SmartCAT, Déjà Vu, MemoQ and Wordfast is the ability to monitor the quality of translation without using additional software and time resources. The translator is already familiar with the interface of the program in which he works, and can edit the text in it immediately after checking. QA modules integrated into automated translation programs can be used to assess written translations of different themes, however, the functions of the SDL Trados program are the most optimal for working with stylistically colored texts.

The main advantage of independent QA tools for assessing the quality of translations such as Xbench, QA Distiller, Verifika, ErrorSpy and Linguistic Toolbox is the absence of the need to install complex and resource-consuming CAT programs for proofreaders, editors and managers of translation projects.

Conclusion. QA tools have their advantages and disadvantages. The main advantages of modern QA-tools are: optimization of routine quality checks of the target text at different stages of its readiness; the ability to customize individual quality criteria for each project; reduction of the total duration of the translation project; ensuring uniformity of the target text, minimizing errors, etc.

The disadvantages of QA tools are: the need to spend additional resources (additional time and hard disk space in case of installation on a user's computer); the high cost of programs and a limited set of functions in case of using free or demo versions; the need to study the interface and configure the program for different projects; detection of a large number of potential errors, not all of which are real errors.

Keywords: translation, quality assessment, specialized quality assessment tools

For citation: Polyakova N. V. Sopostavitel'nyy analiz sovremennykh QA-instrumentov dlya pis'mennogo perevoda [Comparative Analysis of Modern QA Tools for Written Translation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 51–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-51-61>

Введение

Оценке качества письменного перевода посвящено значительное количество работ теоретического [1–6] и прикладного характера [7–9]. В последнее время внимание исследователей сконцентрировано на изучении и описании специальных инструментов оценки качества письменного перевода – QA-инструментов (от англ. *Quality Assessment*), предназначенных для выявления потенциальных ошибок путем посегментного сравнения исходных и переводных текстов [10–12].

Подобные инструменты находят свое применение не только у действующих переводчиков, редакторов, но и у заказчиков перевода и иных заинтересованных лиц. Широкое применение QA-инструментов объясняется их доступностью и многообразием представления: в качестве встроенных в программы автоматизированного перевода модулей, самостоятельных приложений, онлайн-сервисов, доступных как на платной, так и на бесплатной основе. Многие QA-инструменты изначально были разработаны программистами для конкретных проектов, а уже со временем стали использоваться лингвистами-переводчиками.

В настоящем исследовании будут проанализированы два вида QA-инструментов: модули, встроенные в программы автоматизированного перевода, а также самостоятельные QA-инструменты.

Независимо от языков исходного и переводного текста QA-инструменты выявляют два типа потенциальных ошибок в переводе:

1. Общие (неязыковые).

К данному типу ошибок относится наличие непереведенных сегментов в тексте перевода, несоответствие объема текстов оригинала и перевода, перевод одинаковых сегментов разными способами, несоответствие цифр, несоответствие тегов (идентификаторов, используемых для категоризации, описания, поиска данных, а также задания внутренней структуры), наличие пробелов перед знаками препинания и двойных пробелов, отсутствие одной из скобок, кавычек, и т. п., неверная пунктуация и использование заглавных букв; наличие повторов.

2. Специальные (языковые).

К ним относятся орфографические ошибки, несоответствие аббревиатур в текстах оригинала и перевода, неверный числовой формат, неверные регулярные выражения (термин в тексте перевода не соответствует термину в глоссарии) и т. д. [10].

QA-инструменты могут дополняться авторскими глоссариями, которые автоматически становятся базой для проверки употребления в тексте перевода включенных в эти глоссарии утвержденных терминов. Однако можно и отказаться от проверки абсолютных совпадений с выверенной терминологической базой.

Практически все параметры проверки по необходимости можно активировать или деактивировать. Конфигурацию этих параметров можно оптимизировать в соответствии с особенностями конкретного переводческого проекта. Рассмотрим несколько CAT-программ подробнее.

SDL Trados, современная программа, включающая системы Trados и SDLX, содержит встроенный модуль контроля и оценки качества, предлагающий широкий спектр возможностей для переводчиков, редакторов, корректоров и менеджеров переводческих проектов. Менеджер проекта может настроить конфигурацию параметров проверки качества, в соответствии с которой будет производиться автоматическая оценка качества того или иного документа. Конфигурация параметров учитывает следующие факторы:

- категории и подкатегории, которые рецензенты будут использовать для классификации проблем перевода в документе;
- степень серьезности ошибки (критическая, серьезная, незначительная);
- оценка ошибки в штрафных баллах;
- максимальное количество допустимых штрафных баллов;
- типы документов для классификации файлов и отчетов.

В *SDL Trados* учтено множество категорий ошибок с разбивкой на подкатегории и подробным описанием, которое будет полезно даже опытным лингвистам, не говоря уже о начинающих специалистах в индустрии перевода (табл. 1).

Данную классификацию ошибок можно дополнять как новыми подкатегориями, так и категориями ошибок в соответствии с особенностями конкретного переводческого проекта. Нужные категории ошибок вместе с указанием степеней серьезности, штрафными баллами и пороговым значением включают в конфигурацию параметров проверки. В программе имеются и готовые шаблоны таких конфигураций.

На базе готовой или запрограммированной конфигурации параметров проверки через вкладку «Review» на нужном этапе работы активируется оценка качества перевода с последующим формированием отчета.

Оценка осуществляется автоматически: в случае превышения порогового количества штрафных баллов перевод считается некачественным и, следовательно, подлежит доработке. В дополнение к автоматической оценке рецензент может также прокомментировать конкретные ошибки, сделать пометки в тексте перевода и оригинала и оставить рекомендации переводчику.

Модуль оценки качества, встроенный в программу *SmartCAT*, автоматически выявляет в тексте перевода ошибки, связанные с орфографией, пунктуацией, терминологией, форматированием, а также проверяет соответствие памяти перевода конкретного проекта. При обнаружении перечисленных типов ошибок QA-модуль *SmartCAT* выдает предупреждение о возможной ошибке, чтобы пользователь принял решение о необходимости правки. По окончании работы программа формирует отчет о найденных ошибках и позволяет просмотреть его и/или скачать.

SmartCAT позволяет настраивать QA-модуль на этапе создания переводческого проекта или же в процессе работы. В окне «Настройка качества» перечислены категории ошибок, подлежащих проверке, напротив которых можно установить или снять галочку и тем самым активировать или деактивировать проверку ошибок каждого типа.

Параметры проверки качества в программе *SmartCAT*:

- повтор слова;
- сочетание латиницы и кириллицы в слове;
- оригинал и перевод полностью (частично) совпадают;
- перевод длиннее (короче) оригинала более чем на 40 %;
- превышено ограничение по длине сегмента;

Таблица 1

Стандартные типы ошибок в QA-модуле *SDL Trados*

Точность	Язык	Прочее	Стиль	Терминология
добавление; неоднозначность; неточное совпадение; неверный перевод; недопонимание; опущение; непереведенный фрагмент	грамматика; пунктуация; орфография	клиентская правка; просьба; повторная ошибка	несоответствие корпоративному стилю; нарушение грамматической сочетаемости; нарушение единообразия; несоответствие иным требованиям; буквализм; неверный тон; неидиоматичность	несоответствие глоссарию компании; нарушение единообразия; несоответствие нормативам третьих сторон

- e-mail в переводе не совпадает с оригиналом;
- URL в переводе не совпадает с оригиналом;
- в переводе отсутствует плейсхолдер;
- в переводе лишний плейсхолдер.

По умолчанию большинство категорий ошибок предполагает вынесение предупреждения, но для некоторых категорий ошибок можно заранее выбрать вариант «игнорировать ошибки» или «требовать исправления», в случае если такие ошибки недопустимы. В программе SmartCAT проверку превышения ограничения по длине сегмента, а также любых ошибок, связанных с тегами, отключить нельзя, так как данные ошибки являются критическими.

При работе с текстом, в случае ошибки, рядом с соответствующим сегментом текста появляется специальный индикатор. Нажатием на него можно открыть вкладку проверки, в которой можно при необходимости снять предупреждение, так как обнаруженные системой несоответствия на практике не всегда оказываются ошибками, требующими исправления.

При выявлении орфографической ошибки SmartCAT подчеркивает соответствующее слово и предлагает выбрать варианты замены или добавить новое слово в словарь системы. Также выполняется проверка соответствия терминов глоссарию. Большим преимуществом SmartCAT является учет правил словоизменения, благодаря чему переводчик не отвлекается на ложные ошибки, связанные, например, с изменением терминов по падежам.

По окончании работы SmartCAT выполняет «поиск ошибок» – проверку качества всего проекта. Отчет содержит информацию о следующих типах ошибок: теги, терминология, базы переводческой памяти, даты и числа, пунктуация, орфография, другие.

Обеспечение качества перевода в программе *Déjà Vu* осуществляется на протяжении всего жизненного цикла переводческого проекта. Как и в программах, описанных ранее, правописание в *Déjà Vu* проверяется автоматически: модуль Hunspell подчеркивает слова с ошибками, а при нажатии на них предлагает варианты для исправления согласно базовым словарям для 35 языков. При необходимости в сети Интернет можно найти дополнительные словари. Терминологические базы, создаваемые для отдельных проектов, содержат необходимую информацию о терминах проекта, позволяют обеспечить качественный и единообразный перевод терминов.

Оценка качества в *Déjà Vu* активируется через вкладку «Review». *Déjà Vu* предлагает типовой набор параметров оценки, который может быть оптимизирован в соответствии с особенностями конкретного проекта.

Параметры проверки качества в программе *Déjà Vu*: орфография, количество слов, комментарии, закладки, термины, числа, теги, пробелы.

Можно настроить проверку соответствия чисел определенным стандартам, а также проверку соответствия терминов конкретным источникам. Благодаря использованию языка структурированных запросов SQL есть возможность сортировки сегментов по критериям проверки. Это значительно ускоряет работу над крупными переводческими проектами с большими базами данных.

Проверять соответствие критериям качества в *Déjà Vu* можно несколькими способами: комплексно по завершении перевода, автоматически в процессе перевода, вручную, а также на этапе чернового перевода. Экспорт результатов проверки качества в формат RTF позволяет привлечь к редактированию и корректировке текста сторонних специалистов, не имеющих доступ к программе *Déjà Vu*.

Контроль качества в программе *MemoQ* заключается в обнаружении и маркировке ошибок в тексте перевода и памяти переводов. Эти функции незаменимы в работе руководителей проектов и корректоров, а также полезны для профессионального роста переводчиков.

Ни один переводчик не застрахован от орфографических ошибок и опечаток. Для проверки орфографии разработчики *MemoQ* предлагают использовать либо стандартную программу проверки правописания Microsoft Office, либо программу проверки орфографии с открытым исходным кодом Hunspell (устанавливается отдельно).

Как и в других CAT-программах, QA-модуль программы *MemoQ* обрабатывает пары сегментов текстов на двух языках и при обнаружении неточностей выдает предупреждения. Все предупреждения можно просмотреть через вкладку «Resolve errors» и при необходимости деактивировать ложные.

Аналогично уже описанным программам QA-модуль *MemoQ* можно настраивать, выбирая актуальные параметры проверки. Для этого стандартную конфигурацию необходимо сначала скопировать, а затем вносить изменения. Удачные конфигурации параметров проверки можно сохранять и использовать в последующих проектах по умолчанию.

Окно настройки параметров проверки состоит из пяти вкладок для выбора критериев качества сегментов и терминов, чисел, пунктуации, пробелов и заглавных букв, а также встроенных тегов. В каждой вкладке подробно прописаны параметры для всех перечисленных категорий.

Параметры проверки качества в программе *MemoQ*:

- Сегменты и термины.

Единообразие:

- идентичные сегменты переведены одинаково;

- с учетом формата;
- с учетом регистра;
- оригинал-перевод: проверить, имеют ли идентичные сегменты оригинала разные переводы;
- перевод-оригинал: проверить, имеют ли идентичные переводы разные исходные сегменты;
- двусторонняя проверка: проверка единообразия перевода по отношению к оригиналу и наоборот.

Терминология:

- проверка единообразия терминов;
- оригинал-перевод: проверить, имеют ли идентичные термины оригинала разные переводы;
- перевод-оригинал: проверить, имеют ли идентичные термины в переведенных сегментах разные оригиналы;
- двусторонняя проверка: проверка единообразия терминов в переводе по отношению к оригиналам и наоборот;
- предупреждать об использовании запрещенных терминов.

Длина сегмента:

- проверка длины перевода пропорционально оригиналу;
- среднее отношение длины перевода к оригиналу в словах и знаках;
- разрешить отклонение в словах и знаках;
- проверка максимальной длины сегмента на соответствие значению в ячейке.

Прочее:

- предупреждать, если сегмент перевода идентичен сегменту оригинала;
- предупреждать, если сегмент перевода пуст;
- проверка жирного шрифта, курсива и подчеркивания;
- предупреждать о машинном переводе.

• Числа.

Опции:

- проверка числового формата;
- проверка совпадений чисел в переводе;
- строгий перевод по правилам языка оригинала (учитывать форматы 5,000 и 5.000);
- строгий перевод по правилам языка перевода (учитывать форматы 5,000 и 5.000).

Пользовательские форматы чисел для языков:

- добавить / редактировать / удалить числовой формат;
 - числовой разделитель.
- Пунктуация.

Опции:

- принимать только знаки препинания для конкретного языка;
- предупреждать об отсутствии скобок, кавычек, апострофов;
- проверка правильности использования пробелов до и после знаков препинания;

- проверка правильности последовательности знаков препинания;
- игнорировать многоточие;
- игнорировать многоточия длиннее, чем ____;
- проверка совпадения финальных знаков препинания в сегментах оригинала и перевода.

Пользовательские знаки пунктуации для языков:

- выбрать язык и добавить / редактировать / удалить знаки пунктуации.

- Пробелы, заглавные буквы и специальные символы.

Пробелы и заглавные буквы:

- предупреждать о двойных пробелах;
- выявлять лишние пробелы в конце сегментов;
- проверка совпадения заглавных букв в начале сегментов оригинала и перевода.

Запрещенные символы:

- предупреждать, если в целевом тексте появится один из следующих символов: ____.

• Встроенные теги:

- проверка правильности тегов по отношению к оригиналу;
- проверка наложения парных тегов;
- предупреждать о символах юникод без определенного объекта;
- предупреждать о символах юникод с более чем одним определенным объектом;
- предупреждать об отсутствии или лишнем тегах в переводе.

Проверка качества может осуществляться автоматически либо активироваться пользователем. Возможна проверка одного или нескольких документов проекта одновременно.

МетоQ не позволяет экспортировать перевод без предварительного устранения всех ошибок. Для устранения ошибок или снятия предупреждения сначала нужно определить область действия операции: весь проект, отдельные документы, открытый документ, выбранная часть открытого документа и т. д. Просматривая каждый сегмент, можно увидеть суть предупреждения и внести нужные корректировки как в текущий перевод, так и в память переводов.

Отчет о качестве перевода можно экспортировать из МетоQ и сохранить в формате HTML, чтобы затем просматривать его в браузере. Отчет состоит из четырех разделов: общие данные и статистика, разбивка по типам предупреждений, фильтры и полный список предупреждений, доступный для просмотра или печати.

Контроль качества в программе *Wordfast* можно активировать как в процессе, так и по окончании перевода. В режиме перевода контроль качества осуществляется при переходе к следующему сегменту до сохранения данных в памяти переводов.

При запуске контроля качества без привязки к процессу перевода возможны два варианта работы. Первый вариант касается сегментированных документов: проверяется как сам оригинал (на предмет типографических ошибок и наличия терминов из черного списка), так и перевод (на предмет соответствия глоссарию и сохранения непереводаемых терминов). Второй вариант касается несегментированных текстов: в таком случае программа ищет ошибки только в оригинале.

Орфография и грамматика проверяются только в процессе перевода. По окончании работы, на этапе формирования отчета о качестве, такая проверка уже недоступна.

Оценка качества в Wordfast реализуется функцией под названием TransCheck через вкладку «Project Files». Параметры проверки в Wordfast можно настраивать. Список возможных опций представлен ниже.

Параметры проверки качества в программе Wordfast:

- Поиск слов из черного списка.
- Проверка заглавных букв:
 - все несовпадения заглавных букв;
 - несовпадения заглавных букв в первом слове;
 - несовпадения заглавных букв в переводе;
 - несовпадения заглавных букв в оригинале.
- Проверка отредактированных контекстных совпадений.
- Проверка отредактированных точных совпадений.
- Проверка отредактированных сегментов оригинала.
- Проверка пустых сегментов в переводе.
- Проверка запрещенных символов.
- Проверка соответствия чисел.
- Проверка пунктуации:
 - проверка двойной пунктуации.
- Проверка повторяющихся слов.
- Проверка длины сегмента.
- Проверка лишней пунктуации.
- Проверка копирования оригинала в текст перевода.
- Проверка тегов.
- Проверка терминологии.
- Поиск нередктированных совпадений с памятью переводов.
- Поиск непереводаемого текста.
- Поиск неперевоенного текста.
- Проверка пробелов.

Wordfast позволяет сформировать отчет о качестве перевода и сохранить его в нужной директории.

Использование QA-модулей, интегрированных в CAT-программы, позволяет своевременно выполнять проверки и экономит время. Некоторые про-

граммы предлагают больше возможностей для настройки конфигурации параметров проверки качества (например, Trados и MemoQ), другие – меньше. Все программы способствуют повышению качества в процессе перевода.

Самостоятельные QA-инструменты

Примерами самостоятельных QA-инструментов являются Xbench, QA Distiller, Verifika, Error-Spy и Linguistic Toolbox. Существует целый ряд других QA-инструментов, разработанных переводческими агентствами для внутреннего пользования. Многие из этих популярных программ изначально были созданы сотрудниками переводческих агентств или при их непосредственном участии, а уже затем стали выпускаться как коммерческий продукт. Стоит отметить, что ряд внутренних разработок не попал на массовый рынок, а используется разработчиками. Тем не менее в арсенале современных переводчиков, а также редакторов и корректоров уже имеется множество различных платных и бесплатных программ, которые могут быть использованы отдельно от переводческого процесса. Рассмотрим подробнее пять популярных программ, перечисленных выше.

Разработчики программы *Xbench* (полное название ApSIC Xbench) предлагают как самостоятельные решения для обеспечения качества, так и надстройки для популярных CAT-программ (Trados, MemoQ и др.). Кроме того, этот продукт можно установить на компьютер как отдельную программу с собственным интерфейсом, а можно использовать ее через Explorer.

Проверку качества можно провести в процессе перевода или по окончании, а также во всем проекте, документе или в выбранных сегментах. Конфигурация параметров проверки составляется для каждой проверки индивидуально. Анализ текстов оригинала и перевода в Xbench возможен по следующим параметрам.

Параметры проверки качества в программе Xbench:

- Непереведенные сегменты.
- Сегменты, в которых текст оригинала одинаковый, а перевод – разный.
- Сегменты, в которых текст оригинала разный, а перевод – одинаковый.
- Сегменты с идентичным текстом оригинала и перевода.
- Сегменты с несоответствиями тегов.
- Сегменты с несовпадением чисел.
- Сегменты с несоответствиями URL.
- Сегменты с буквенно-цифровыми несоответствиями.
- Сегменты с непарными символами (т. е. непарные скобки, квадратные скобки или фигурные скобки).

- Сегменты с непарными кавычками.
- Сегменты с двойными пробелами.
- Сегменты, в которых слова в верхнем регистре в оригинале и переводе не совпадают.
- Сегменты, где слова в CamelCase (составные слова, которые пишутся слитно, но каждое составляющее внутри слова – с большой буквы) в оригинале и переводе не совпадают.
- Сегменты, которые не соответствуют ключевым условиям проекта.
- Сегменты, которые соответствуют критериям поиска элементов в проекте или личных контрольных списках.
- При установке дополнительных словарей для проверки орфографии – сегменты с орфографическими ошибками.

Результаты проверки можно экспортировать в нескольких форматах, в том числе HTML, XML и Excel. При совместной работе над крупным проектом удобно сохранять данные о проверках в форме чек-листов с комментариями.

Ошибки перевода можно найти также с помощью автономного инструмента *QA Distiller*. Эта программа осуществляет автоматическое обнаружение несоответствий в двуязычных файлах распространенных переводческих программ и позволяет просмотреть найденные ошибки и исправить их в собственном редакторе.

QA Distiller позволяет формировать индивидуальные конфигурации параметров проверки и сохраняет их для последующего использования. Большое внимание в программе уделяется возможности минимизировать ложноположительные результаты обнаружения ошибок.

Основные параметры проверки качества в QA Distiller: опущения; несоответствие сегментов оригинала и перевода; форматирование, (не)относящееся к языку; терминология; список; регулярные выражения.

Подробные отчеты о проверке качества можно сохранить в форматах HTML, XML или Excel и отправить корректорам.

Еще один программный инструмент *Verifika* помогает находить и устранять формальные ошибки в двуязычных файлах переводов, а также в памяти переводов. Программа вносит все обнаруженные ошибки, связанные с нарушением форматирования, орфографии и т. п., в отчет, из которого можно редактировать документ, не прибегая к внешним редакторским программам. *Verifika* имеет встроенный редактор для просмотра и изменения переводов.

Помимо перечисленных возможностей, *Verifika* также предлагает функцию автокоррекции, что экономит время, обычно затрачиваемое на исправление опечаток.

Параметры проверки можно сконфигурировать сообразно текущим задачам. В последней версии программы пользователь также может программировать собственные критерии проверки. Полный список параметров представлен в табл. 2.

В отдельной вкладке пользователь устанавливает штрафные баллы для выбранных категорий ошибок, а также пороговые значения, превышение которых будет означать некачественный перевод. Проводить оценку качества можно в выбранных сегментах либо во всем документе по определенной категории ошибок. Для получения более

Таблица 2

Параметры проверки качества в программе *Verifika*

Общие проверки	Единообразие	Терминология	Проверка правописания и грамматики	Пользовательские параметры проверки
опущения; непереводимые слова; запрещенные слова; буквенный регистр; пунктуация и пробелы; кавычки и апострофы; единицы измерения; теги; числа и диапазоны; разное	Текста перевода: игнорировать лишние пробелы; игнорировать регистр; проверка без тегов; не сообщайте об ошибках, если все связанные сегменты защищены; игнорировать числа; игнорировать форму множественного числа (только для английского языка); игнорировать знаки пунктуации и пробелы; автокоррекция аналогичных ошибок. Текста оригинала: те же параметры, но без автокоррекции	проверять, соответствует ли количество терминов в переводе количеству терминов в оригинале; пропускать термины из списка непереводимых; проверять соответствие тегов, относящихся к терминам; активировать обратную проверку терминов; выявлять запрещенные термины (в оригинале и/или переводе с возможностью учета регистра и поиска целых слов); проверять словоформы	предлагать замены; игнорировать слова с цифрами; игнорировать слова в верхнем регистре; игнорировать слова в верхнем регистре, если они встречаются в оригинале и переводе; игнорировать слова в CamelCase; игнорировать слова из списка непереводимых; игнорировать слова перевода, найденные в оригинале; не проверять однобуквенные слова	

достоверного результата необходимо снять ложные предупреждения. Отчет о проверке качества экспортируется в формате Excel.

Коммерческая программа для обеспечения качества *ErrorSpy* появилась в начале 2000-х гг. в компании с огромным опытом в области перевода и локализации как инструмент, призванный упростить работу редактора. Программа выполняет автоматический поиск потенциальных ошибок, которые в виде отчета направляются рецензенту. Кроме того, *ErrorSpy* позволяет оценить качество перевода, опираясь на ряд объективных (стандарт SAE J 2450) и настраиваемых критериев качества. Индивидуальные конфигурации параметров проверки, включая пользовательские параметры, можно сохранить для будущих проектов.

ErrorSpy осуществляет автоматическую проверку по следующим параметрам:

- Проверка терминологии на соответствие терминологической базе с учетом словоформ и вариантов перевода одного термина в обоих направлениях.
- Типографская проверка на соответствие символов нормам выбранного языка, отсутствие лишних пробелов и непарных скобок.
- Проверка единообразия переводов одинаковых сегментов.
- Проверка чисел на точность и соответствие числовых форматов нормам выбранного языка.
- Проверка полноты перевода, т. е. отсутствия непереведенных сегментов, а также выявление слишком коротких или длинных сегментов.
- Проверка соответствия тегов с возможностью внесения исключений.
- Проверка аббревиатур на соответствие заранее запрограммированным шаблонам.
- Пользовательская проверка (программируется индивидуально с помощью регулярных выражений).
- Автоматические исправления с регистрацией и возможностью отмены.
- Проверка контекста.

Последний параметр выделяет программу *ErrorSpy* на фоне других популярных QA-инструментов. Все переводчики знают, насколько важен контекст. Например, многие термины многозначны и переводятся по-разному в разных дисциплинах. Также существуют омонимы, значение которых, а значит и перевод, определяет именно контекст. Модуль управления терминологией *LookUp* позволяет фиксировать тематическую принадлежность того или иного варианта термина и использовать эти данные при проверке.

Отчеты об ошибках формируются моментально. Их можно экспортировать в трех форматах: Excel, HTML, XML и направить переводчику для ана-

лиза. Объективные параметры оценки качества позволяют сделать взаимодействие переводчика с редакторами и менеджерами проектов более конструктивными.

Linguistic ToolBox представляет собой программу для автоматизированной предпереводческой обработки текста оригинала, а также для контроля качества переведенного текста. В одном инструменте собран целый ряд функций, которые оптимизируют работу современного переводчика и дают ему доступ к ценной лингвистической информации.

Проверить орфографию в *Linguistic ToolBox* можно одновременно в нескольких документах. Подробное описание прочих параметров проверки качества текстов в *Linguistic ToolBox* представлено ниже.

Параметры проверки качества в программе *Linguistic ToolBox*:

- Точность:
 - неверное значение;
 - опущение/добавление;
 - нелокализованный текст.
- Форматирование:
 - формат;
 - интервалы;
 - теги/ссылки.
- Язык:
 - грамматика/синтаксис;
 - пунктуация;
 - орфографические ошибки/опечатки.
- Региональные стандарты:
 - пригодность для местного рынка;
 - соответствие стандартам региона/страны.
- Стилистика:
 - общие стилистические ошибки;
 - соответствие руководству по стилю.
- Перевод:
 - нарушение единообразия.

Помимо выбора критериев проверки качества, *Linguistic ToolBox* дает возможность оценивать серьезность ошибки в баллах (чем выше значение, тем серьезнее ошибка), а также степень достоверности ошибки (чем выше степень, тем выше достоверность). После просмотра найденных ошибок можно исправить их в самой программе или снять предупреждение об ошибке. Для удобства есть функция фильтрации по статусу сегмента.

По окончании коррекции проверку запускают повторно, чтобы убедиться в отсутствии ошибок и неточностей в финальном варианте. Для этой же цели удобна функция сравнения перевода и его исправленной версии.

Результаты и обсуждение

Общим преимуществом QA-модулей, интегрированных в программы автоматизированного пере-

вода SDL Trados, SmartCAT, Déjà Vu, MemoQ и Wordfast, является возможность осуществлять мониторинг качества перевода без задействования дополнительных программных и временных ресурсов. Переводчик, как правило, уже знаком с интерфейсом программы, в которой работает, и может редактировать текст в ней же сразу после проверки. Рассмотрим характерные особенности каждого исследованного QA-модуля.

QA-модуль *SDL Trados* предоставляет наиболее широкий спектр возможностей для обеспечения качества перевода. До настоящего времени полноценное автоматическое выявление наиболее сложных смысловых и стилистических аспектов качественного перевода остается за пределами возможностей CAT-программ, но именно *SDL Trados* оснащен оптимальным интерфейсом для мониторинга этой составляющей качественного перевода корректорами и редакторами. Лексические ошибки и стилистические неточности в *SDL Trados* можно отметить вручную и дополнить соответствующим комментарием, который войдет в итоговый отчет.

На фоне прочих программ *SmartCAT* выделяется тем, что при проверке качества перевода учитывает правила словообразования русского языка. В отличие от других программ, *SmartCAT* распознает падежные формы термина, сохраненного в базе только в словарной форме, в то время как другие программы при встрече с не сохраненными в базе формами термина выдают предупреждение об ошибке. Возможность автоматически игнорировать некоторые выбранные типы ошибок также сокращает время, затрачиваемое на их просмотр и редактирование при отсутствии такой необходимости.

В программе *Déjà Vu* реализована функция SQL-фильтров для выбора сегментов с ошибками определенных типов и оптимизации процесса редактирования. Особенно примечательна в *Déjà Vu* возможность экспорта результатов оценки качества в формате RTF. Благодаря этому к редактированию проекта можно привлекать сторонних специалистов, обеспечивать им доступ к программе *Déjà Vu*.

Программа *MemoQ* примечательна возможностью не только настраивать конфигурации проверки качества, но сохранять удачные конфигурации для использования в последующих проектах. Также в *MemoQ* удобно проверять качество в отдельно выбранной части документа.

Значимым отличием *Wordfast* от других подобных программ в контексте обеспечения качества перевода является то, что, помимо проверки качества самого перевода, *Wordfast* выполняет предпереводческую проверку оригинала. Несмотря на то, что переводчики часто пропускают этот этап работы, выявление ошибок и неточностей в оригинале

помогает сократить число таковых и в тексте перевода.

Все описанные QA-модули CAT-программ применимы к письменным переводам разной тематической направленности, однако для работы со стилистически окрашенными текстами наиболее оптимальными представляются функции программы *SDL Trados*.

Главным преимуществом самостоятельных QA-инструментов для оценки качества переводов *Xbench*, *QA Distiller*, *Verifika*, *ErrorSpy* и *Linguistic Toolbox* могут воспользоваться корректоры, редакторы, менеджеры проектов и другие заинтересованные лица, которые не занимаются непосредственно переводом: не нужно устанавливать сложные и во всех смыслах ресурсозатратные CAT-программы и разбираться в них ради одной лишь задачи – проверки качества переведенного кем-либо текста. Рассмотрим достоинства каждой исследованной самостоятельной QA-программы.

QA-инструмент *Xbench* можно использовать вне процесса перевода, установив его на компьютер пользователя или запустив прямо в браузере, а при желании и в процессе перевода, загрузив надстройку *Xbench* к распространенным CAT-программам. Достоинством этого инструмента является способность анализировать соответствия слов в так называемом *CamelCase* (англ. «верблюжий регистр») – составных слов, которые пишутся слитно, но содержат несколько заглавных букв.

Достоинством *QA Distiller* является возможность не только формировать и сохранять их для последующего использования индивидуальные конфигурации параметров проверки, но и программировать собственные параметры с помощью регулярных выражений.

Отличительной особенностью программы *Verifika* является возможность использовать отчет об ошибках не только для справки, но и непосредственно для редактирования текста, так как у *Verifika* есть встроенный текстовый редактор. Значительное преимущество программы *Verifika* перед другими программами, на наш взгляд, – это функция автокоррекции, которая устраняет очевидные опечатки, тем самым сокращая общее время проверки и правки.

Из общей массы самостоятельных программ для оценки качества переводов *ErrorSpy* выделяется возможностью учитывать контекст при анализе перевода терминов. Несомненно, для ее реализации требуется большая предварительная подготовка терминологических баз, которая оправдана только для крупномасштабных переводческих проектов. Тем не менее, на наш взгляд, это важный шаг на пути автоматизации контроля лексической и стилистической составляющей качества перевода.

В программе *Linguistic Toolbox* присутствуют несколько вышеперечисленных достоинств. Она заслуживает особого внимания, так как обеспечивает предпереводческую проверку оригинала, сравнение версий переведенного и отредактированного текста, а также учитывает локальные региональные и корпоративные стандарты, включенные в конфигурацию параметров проверки, касающиеся лексики, стиля и даже так называемую пригодность для местного рынка.

Заключение

Краткий обзор QA-инструментов позволил выявить их преимущества и недостатки. Основными достоинствами современных QA-инструментов являются:

- оптимизация проверок качества текста перевода на разных этапах;
- возможность настраивать индивидуальные критерии качества для каждого проекта;

- сокращение сроков реализации переводческого проекта;
- обеспечение единообразия текста перевода, минимизация ошибок и т. д.

Общими для всех изученных QA-инструментов недостатками являются:

- затрата дополнительных ресурсов (дополнительное время и место на жестком диске в случае установки на компьютер пользователя);
- высокая стоимость программ и ограниченный набор функций в случае использования бесплатных или демонстрационных версий;
- необходимость изучать интерфейс, а в некоторых случаях и владеть минимальными навыками программирования (регулярные выражения);
- невозможность автоматически проанализировать соответствие смыслов текстов оригинала и перевода;
- обнаружение большого количества потенциальных ошибок, не все из которых в действительности являются таковыми.

Список источников

1. House J. Chapter 13. Translation Quality Assessment: Past and Present // *Translation: A Multidisciplinary Approach* London: Macmillan Publishers Limited, 2014. P. 241–264.
2. Альбукова О. В. Обзор существующих подходов к проблеме оценки качества перевода // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58), ч. 2. С. 65–69.
3. Williams M. The Assessment of Professional Translation Quality: Creating Credibility out of Chaos // *TTR: traduction, terminologie, redaction*. 1989. Vol. 2(2). P. 13–33.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: URSS, 2019. 240 с.
5. Полякова Н. В. Основные подходы к оценке качества письменного перевода // *Язык. Общество. Образование: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф.* / под ред. Ю. В. Кобенко. Томск: Изд-во НИ ТПУ, 2021. С. 126–131.
6. Моисеенко Г. Практический справочник переводчика и редактора. М., 2016. 124 с.
7. Письменный перевод: Рекомендации переводчику и заказчику / сост. Н. Дупленский; Союз переводчиков России. М., 2004. 24 с., 13 приложений. URL: <http://www.translators-union.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).
8. Гильмуллина Е. А. Оценка качества перевода: квантитативно-системный подход: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 383 с.
9. Хроменков П. Н. Анализ и оценка эффективности современных систем машинного перевода: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 265 с.
10. Ненахова А. А. Современные инструменты оценки качества письменных переводов // *Всероссийский фестиваль науки НАУКА 0+ XXIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование»* (г. Томск, 22–26 апреля 2019 г.): в 5 т. Т. II: Филология. Ч. 3: Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2020. С. 93–98.
11. Овчинникова И. Г. Использование компьютерных переводческих инструментов: новые возможности, новые ошибки // *Вестник Российского гос. ун-та дружбы народов (Russian Journal of Linguistics)*. Серия: Лингвистика. Т. 23. № 2. С. 544–561. doi: 10.22363/2312-9182-201923-2-544-561.
12. Вебер Е. А., Ружникова М. Л. Критерии и процедуры оценки качества письменного перевода на облачных CAT-платформах // *Пространства коммуникации: язык, литература, медиа: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию Иркутского гос. ун-та*. Иркутск, 2018. С. 57–65.

References

1. House J. Chapter 13. Translation Quality Assessment: Past and Present. In: *Translation: A Multidisciplinary Approach* London: Macmillan Publishers Limited, 2014. Pp. 241–264.
2. Al'bukova O. V. Obzor sushchestvuyushchikh podkhodov k probleme otsenki kachestva perevoda [Review of existing approaches to the problem of evaluating the translation quality]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2016, no. 4(58), no. 2, pp. 65–59 (in Russian).

3. Williams M. The Assessment of Professional Translation Quality: Creating Credibility out of Chaos. *TTR: traduction, terminologie, redaction*, 1989, vol. 2(2), pp. 13–33.
4. Barkhudarov L. C. *Yazyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and translation: Issues of general and specific theory of translation]. Moscow, URSS Publ., 2019. 240 p. (in Russian).
5. Polyakova N. V. Osnovnye podkhody k otsenke kachestva pis'mennogo perevoda [The main approaches to assessing the quality of written translation]. In: *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovaniye: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Language. Society. Education. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference]. Edited by Yu. V. Kobenko. Tomsk, Izd-vo National Research Tomsk Polytechnic University Publ., 2021. Pp. 126–131.
6. Moiseyenko G. *Prakticheskiy spravochnik perevodchika i redaktora* [Practical guide for a translator and editor]. Moscow, 2016. 124 p. (in Russian).
7. *Pis'mennyy perevod: Rekomendatsii perevodchiku i zakazchiku* [Written translation: Recommendations to a translator and customer]. Comp. N. Duplensky. The Union of Translators of Russia. Moscow, 2004. 24 p., 13 appendixes (in Russian). URL: <http://www.translators-union.ru> (accessed 20 April 2022).
8. Gilmullina E. A. *Otsenka kachestva perevoda: kvantitativno-sistemnyy podkhod*. Dis. kand. filol. nauk [Evaluation of translation quality: quantitative and systematic approach. Diss. cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2016. 383 p. (in Russian).
9. Khromenkov P. N. *Analiz i otsenka effektivnosti sovremennykh sistem mashinnogo perevoda*. Dis. kand. filol. nauk [Analysis and assessment of the effectiveness of modern systems of computer-based translation. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2000. 265 p. (in Russian).
10. Nenakhova A. A. Sovremennye instrumenty otsenki kachestva pis'mennykh perevodov [Modern tools for assessing the quality of written translations]. In: *Vserossiyskiy festival' nauki NAUKA 0+. XXIII Mezhdunarodnaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Nauka i obrazovaniye"* (g. Tomsk, 22–26 aprelya 2019 g.): v 5 tomakh. Tom II: Filologiya. Chast' 3: Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov [All-Russian Science Festival NAUKA 0+. XXIII International Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists "Science and Education" (Tomsk, April 22–26, 2019): In 5 v. Vol. II: Philology. P. 3: Actual problems of linguistics and methods of teaching foreign languages]. Tomsk, TSPU Publ., 2020. P. 93–98 (in Russian).
11. Ovchinnikova I. G. Ispol'zovaniye komp'yuternykh perevodcheskikh instrumentov: novye vozmozhnosti, novye oshibki [Working on Computer-Assisted Translation platforms: New advantages and new mistakes]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, vol. 23 (2), 544–561. doi: 10.22363/2312-9182-201923-2-544-561 (in Russian).
12. Weber E. A., Ruzhnikova M. L. Kriterii i protsedury otsenki kachestva pis'mennogo perevoda na oblachnykh CAT-platformakh [Criteria and procedures for assessing the quality of written translation on cloud CAT platforms]. In: *Prostranstva kommunikatsii: yazyk, literatura, media: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Communication spaces: language, literature, media. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of Irkutsk State University]. Irkutsk, 2018. Pp. 57–65 (in Russian).

Информация об авторе

Полякова Н. В., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Polyakova N. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 04.05.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 811.161.1'373'374

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-62-72>

ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ТЕРМИНА ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Надежда Александровна Трофимова¹, Ольга Григорьевна Щитова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия*

¹ *Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия*

¹ *nadya.a.trofimova@gmail.com*

² *shchitova2010@mail.ru*

Аннотация

Введение. Современные исследования терминологий и терминосистем все чаще проводятся в аспекте когнитивного терминоведения. Популярность набирают исследования, посвященные изучению семантики термина в рамках когнитивного терминоведения.

Цель работы состоит в построении фреймовых моделей семантики термина предметной области «Строительные технологии», выявлении основных когнитивных категорий и подкатегорий, репрезентированных данными моделями и характерных для строительной терминологии, а также средств их выражения.

Материал и методы. Материалом исследования послужили термины сферы строительных технологий, выделенные из терминологических словарей по строительству, нормативных документов, учебной и научной литературы по строительству, а также каталогов строительной продукции и профессиональных веб-сайтов для строителей. Основным методом исследования является метод лингвистического моделирования, фреймовый анализ применялся для исследования семантики термина. В работе также используются приемы дефиниционного и компонентного анализа.

Результаты и обсуждение. Произведено фреймовое моделирование семантики терминов профессиональной сферы «Строительные технологии» на основе словообразовательной структуры производного термина. В результате анализа фреймовых моделей, соотносимых с определенными словообразовательными типами, выявлены когнитивные категории, свойственные терминологии сферы строительных технологий: «процесс», «признак», «способность/характеристика», «действие», «предмет». Приведен подробный анализ семантики собственно русских терминов, актуализирующих когнитивные категории «процесс» и «признак». Предложены фреймовые модели семантики терминов, где фрейм состоит из слотов, представляющих собой компоненты значения термина и репрезентированных различными морфемами. Особое значение имеет категориальный слот, коррелирующий с частеречной принадлежностью термина. Определены подкатегории, конкретизирующие семантику выявленных когнитивных категорий: «технология изготовления/применения стройматериала», «стадия технологического процесса», «специальные строительные работы/результаты этих работ», «дефект строительства» и др. Данные подкатегории определены спецификой, присущей терминологии сферы строительных технологий.

Заключение. В результате моделирования семантики терминов сферы «Строительные технологии» и анализа когнитивных категорий «процесс» и «признак» внутри каждой из них определены специфические для строительной терминологии подкатегории. Выявлено, что наиболее продуктивным способом словообразования в анализируемой терминологии является суффиксация и префиксация. Предложенные фреймовые модели терминов отражают фрагменты научного знания, вербализованные специальными номинациями, а фреймовый анализ является эффективным методом изучения способов категоризации научной информации.

Ключевые слова: *строительная терминология, когнитивное терминоведение, фреймовое моделирование, семантика*

Для цитирования: Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Фреймовое моделирование семантики термина предметной области «Строительные технологии» в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 62–72. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-62-72>

FRAME MODELING OF THE TERM SEMANTICS OF THE SUBJECT AREA “CONSTRUCTION TECHNOLOGIES” IN RUSSIAN

Nadezhda A. Trofimova¹, Olga G. Shchitova²

^{1,2} National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

¹ Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

¹ nadya.a.trofimova@gmail.com

² shchitova2010@mail.ru

Abstract

Introduction. Modern study of terminologies and term systems are carried out in the aspect of cognitive terminology. Research devoted to the study of the term semantics in the context of cognitive terminology is gaining popularity.

The aim of the work is to create frame models of the term semantics of the subject area “Construction Technologies”, to identify the main cognitive categories and subcategories represented by these models and characteristic of construction terminology, as well as the means of their expression.

Material and methods. The material for the study is the terms of the sphere of construction technologies, selected from the terminological dictionaries on construction, regulatory documents, educational and scientific literature, as well as catalogues of construction products and professional websites for construction engineers. The research methodology is based on the method of linguistic modeling, frame analysis was used to study the term semantics. The techniques of definitional and component analysis are also used.

Results and discussion. The frame modeling of the term semantics of the professional field “Construction technologies” was performed on the basis of the word-formation structure of the derived term. As a result of the analysis of frame models, correlated with the word-forming types, the following cognitive categories in the terminology of the sphere of construction technologies are defined: “process”, “attribute”, “ability / characteristic”, “action”, “object”.

The article provides a detailed analysis of the semantics of Russian terms that actualize the cognitive categories “process” and “feature”. Frame models of term semantics are proposed; the frame consists of slots, which are components of the meaning of the term and are represented by various morphemes. The categorical slot is of particular importance as it correlates with the part-of-speech belonging of the term.

The following subcategories specify the semantics of the identified cognitive categories: “technology of manufacturing / application of building materials”, “stage of the technological process”, “special construction works / results of these works”, “construction defect”, etc. These subcategories are defined by the specifics of the terminology of the field of construction technologies.

Conclusion. As a result of frame modeling the semantics of the terms of the sphere “Construction technologies” and the analysis of the cognitive categories “process” and “attribute”, within each of them, subcategories specific to construction terminology were identified. It was revealed that the most productive way of word formation in the analyzed terminology is suffixation and prefixation. The proposed frame models of terms reflect fragments of scientific knowledge verbalized by special nominations, and frame analysis is an effective method for studying the ways of categorizing scientific information.

Keywords: construction terminology, cognitive terminology, frame, semantics

For citation: Trofimova N. A., Shchitova O. G. Freymovoye modelirovaniye semantiki termina predmetnoy oblasti “stroitel’nye tekhnologii” v russkom yazyke [Frame Modeling of the Term Semantics of the Subject Area “Construction Technologies” in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 62–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-62-72>

Введение

Важнейшим инструментом исследования терминологии в рамках когнитивного терминоведения является фреймовый подход, впервые упомянутый в работах М. Минского, посвященных изучению систем искусственного интеллекта. Позднее основы фреймового подхода были адаптированы Ч. Филлмором применительно к изучению языка. В современных лингвистических исследованиях принципы фреймового подхода успешно реализу-

ются в работах, обращенных к терминологии различных профессиональных областей. Фрейм представляет собой «группы слов, мотивированные и структурированные особыми унифицированными конструкциями знания или связанные схематизациями опыта» [1, с. 54], т. е. фрейм выполняет функцию категоризации знания [2, с. 376].

Наряду с изучением целых терминологий или терминосистем, фреймовый подход является также эффективным инструментом в исследовании се-

мантики термина [3]. О влиянии морфемной структуры на формирование семантики термина говорит Е. И. Голованова: морфемная структура слова выполняет не только номинативную, но и когнитивно-ориентирующую функцию [4, с. 20]. По мнению Е. С. Кубряковой, когнитивная природа номинативной функции словообразования связана с «выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» [5, с. 407]. Словообразование рассматривается на уровне семантики посредством обработки информации об окружающем мире и, следовательно, участвует в формировании языковой картины мира [6, с. 23]. Таким образом, категоризация научной картины мира отражается во фреймовом моделировании семантики термина.

Цель работы состоит в построении фреймовых моделей семантики термина предметной области «Строительные технологии», выявлении основных когнитивных категорий и подкатегорий, репрезентированных данными моделями и характерных для строительной терминологии, а также средств и особенностей их выражения.

Технология – это совокупность методов, процессов и материалов, используемых в какой-либо отрасли деятельности [7]. Под *строительными технологиями* (далее – СТ) мы понимаем совокупность методов, процессов и материалов, используемых в строительстве.

В данной работе используется следующая фреймовая модель семантики термина: **фрейм** представляет собой структурированное значение термина; фрейм состоит из набора **слов**, выраженных отдельными морфемами и отражающих элементы структуры фрейма (т. е. компоненты лексического значения). Предложенные в работе фреймовые модели семантики терминов объединены в более крупные когнитивные категории, таким образом с помощью фреймового анализа выделены основные категории в анализируемом фрагменте научной картины мира. Под *категорией* в когнитивной лингвистике понимается форма мышления человека, с помощью которой обобщается и классифицируется его опыт [8, с. 173]. Категория представляется в виде «формата знания, позволяющего установить взаимосвязь и взаимозависимость отдельных концептов – «квантов знания» и интегрирующей их концептуальной системы в целом» [9, с. 242].

Исследуя научно-техническую терминологию, Д. С. Лотте определил категории, присущие любой научно-технической терминологии: «предмет», «процесс», «свойство» (способность), «величина» [10, с. 13]. В зависимости от исследуемой терми-

носистемы выделяются такие когнитивные категории, как «пространство и объект», «действие», «процессы и состояния» и др. в клинической терминологии [11, с. 7]; «действие», «процесс, «действие» в спортивной терминологии [12, с. 13]; «пространство», «время», «причина» в терминологии миграционного права [13, с. 60] и др. В терминологии сферы СТ выделены следующие когнитивные категории: «процесс», «признак», «способность/характеристика», «действие», «предмет». В данной работе подробно остановимся на категориях «процесс» и «признак».

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили свыше 850 производных терминов сферы СТ, выделенных из таких источников, как словари, справочники строительной терминологии, нормативные документы (Государственные стандарты – ГОСТы, Технические условия – ТУ, Стандарты организаций – СТО, Строительные нормы и правила – СНиПы), учебная и научная литература по строительству, каталоги строительной продукции, а также данные профессиональных веб-сайтов, посвященных строительству.

Основным методом данного исследования является метод лингвистического моделирования, широко применяемый в терминоведении, в частности когнитивно-фреймовое моделирование; в работе также использовались лингвистические приемы компонентного и дефиниционного анализа.

Результаты и обсуждение

К словообразовательным средствам категоризации в терминологии строительства относятся словообразовательные типы и словообразовательные категории. Предложенная в данной работе классификация фреймовых моделей семантики терминов построена в зависимости от значения основного (категориального) слота, выражающего категориальное значение, тесно связанное с частеречным. Рассмотрим подробнее категории «процесс» и «признак».

1. Категория «процесс» представлена терминами-существительными, фреймовая структура которых имеет слот, репрезентированный аффиксами, привносящими в семантику термина абстрактное значение процессуальности. Категория «процесс» является одной из наиболее терминологически наполненных категорий; семантика терминов конкретизирует особенности процессов. Термины данной категории образованы от глаголов с помощью различных суффиксов:

-*циј/-ациј-*: *пориз-ациј-я* (< поризовать);

-*ниј/-ениј-*: *грунтова-ниј-е* (< грунтовать); *отсло-ениј-е* (верхнего слоя бетона) (< отслоить);

пыл-ениџ-е (бетона) (< пылить) 'образование порошка из-за эрозии поверхности затвердевшего бетона' [14]; *рассло-ениџ-е* (бетонной смеси) 'разделение бетона на отдельные фракции под действием силы тяжести' (< расслоить); *скалыва-ниџ-е* 'разрушение в результате сдвига одной части материала относительно другой' (< скалывать) [15]; *схватыва-ниџ-е* (цемента) 'процесс загустевания цемента' (< схватываться); *цементирова-ниџ-е* (< цементировать); *шпатлева-ниџ-е* (< шпатлевать);

-к-: *затир-к-а* (< затирать) 'выравнивание поверхности'; *обмаз-к-а* (< обмазать), *обрешет-к-а* (< обрешетить), *обшив-к-а* (< обшивать), *отдел-к-а* (< отделать), *рихтов-к-а* 'выверка и перемещение установленных конструкций опалубки с целью обеспечения их проектного положения с заданной точностью' [16] (< рихтовать от нем. *richten* 'направлять, выравнивать'); *стяж-к-а* (< стягивать), *шлифов-к-а* (< шлифовать) и др.

Нулевая суффиксация: *обжиг* (кирпича) (< обжигать); *набрызг* 'технология нанесения методом распыления строительного раствора, краски на подготовленную поверхность для ее отделки, защиты или изоляции' (< набрызгать). Данная лексема входит в состав неоднословных терминов *технология набрызга бетона*, *метод набрызга бетонной смеси* и др.

Представленные термины обозначают отвлеченно мыслимые процессы по действию, названному мотивирующим словом, имеют идентичное словообразовательное значение и образованы с помощью разных словообразовательных формантов. Эти и подобные термины реализуют словообразовательную категорию, которая осуществляет когнитивно-ориентирующую функцию.

Рассмотрим подробнее термин *торкретирование* 'метод бетонирования, при котором бетонная смесь послойно наносится на бетонируемую поверхность под давлением сжатого воздуха' [17, с. 337]: *При торкретировании получают высокопрочную поверхность с обновленными механическими характеристиками* [18]. Фреймовая структура семантики данного термина представлена тремя слотами: слот 1 актуализирован суффиксом *-ниџ-*, привносящим в семантику слова предметно мыслимое значение процесса. Слот 2 репрезентирован суффиксом *-ирова-*, который выражает значение 'процесс, осуществляемый с помощью того, что названо мотивирующим существительным' [19]. Слот 3 актуализирован мотивирующим существительным *торкрет* 'бетонная смесь, подаваемая под давлением' [20, с. 548]; производящее слово *торкрет* является латинизмом (подробно об иноязычных строительных и других терминах см. [21, 22]). Представленная фреймовая структура термина состоит из трех слотов, актуализирует

когнитивную категорию «процесс» и характерна для терминов, обозначающих технологию, названную в зависимости от используемого определенным образом материала. В данном случае когнитивная категория «процесс» получает конкретизацию – «метод, технология».

Среди терминов категории «процесс» функционируют также единицы, образованные с помощью префиксации. Префиксы актуализируют в семантике слова дополнительный слот, однако при этом не меняют категориальную принадлежность терминологической единицы. Приведем в пример термины *гидратация цемента* 'химическое взаимодействие цемента с водой' [23, с. 111] и *дегидратация цемента* 'процесс отделения воды от цементной смеси' [17, с. 93], имеющие сходную фреймовую структуру. Термин *гидратация* состоит из следующих слотов: слот 1 представлен суффиксом *-ациџ-*, привносящим в термин значение процессуальности; слот 2 актуализирован суффиксом *-ат-* 'химическое соединение, имеющее в своем составе вещество, названное мотивирующим словом'; слот 3 репрезентирован морфемой *гидр-*, восходящей к греческому слову *ὕδωρ* 'вода'. Термин *дегидратация*, имеющий сходную со словом *гидратация* фреймовую структуру, содержит дополнительный слот, актуализированный префиксом *де-*, вносящим в семантику лексемы дополнительное значение 'действие, противоположное тому, что названо мотивирующим словом' [19]. Таким образом, данные термины близки по фреймовой структуре, а слот, представленный префиксом *де-*, имеет оттенок значения, который не влияет на частеречную категоризацию приведенных терминов. Представленные фреймовые структуры терминов актуализируют наименование процесса, названного в зависимости от методов, технологий, используемых в строительстве, химических реакций, протекающих при изготовлении стройматериалов.

Категория «процесс» является одной из наиболее терминологически наполненных, поэтому в ней выделяются подкатегории, конкретизирующие семантику термина по различным характеристикам. Рассмотрим эти подкатегории.

Подкатегория 1 «технология изготовления стройматериала». В нее отнесены термины, семантика которых отражает технологию, применяемую в процессе производства различных материалов, например, термины *газопоризация* 'поризация с использованием выделяемого газа при химическом взаимодействии вводимого газообразователя с компонентами смеси'; *пенопоризация* 'преобразование бетона в пористый материал путем введения в него пены'; *пеногазопоризация* 'комбинированный способ поризации раствора, сочетающий метод аэрирования смеси с пенообразователем и га-

зопоризации'. Другими примерами являются термины *обжиг*, *набрызг* и т. д.

Подкатегория 2 «технология применения материала» охватывает номинации, образованные на основе наименования материала, используемого в процессе какой-либо технологии строительства: *бетонирование* ('укладка и уплотнение бетонной смеси') [24, с. 48], *грунтование* ('процесс нанесения грунтовки на поверхность'), *торкретирование*, *цементирование* и др.

Подкатегория 3 «специальные строительные работы / результаты этих работ» репрезентирована терминами, обозначающими отвлеченно мыслимое действие в строительстве и в ряде случаев результат данного действия: *затирка*, *обмазка*, *обшивка*, *обрешетка*, *отделка*, *распалубка*, *рихтовка*, *укатка*, *укладка*, *фальцовка* и т. д.

Термин *распалубка* 'снятие опалубки после достижения бетонной конструкцией заданной прочности' [16] обозначает отвлеченно мыслимый процесс по действию глагола *распалубить* 'снять, удалить опалубку (с бетонной или железобетонной конструкции, сооружения)' [25], относится к подкатегории «специальные строительные работы» и ассоциируется с термином *опалубка*, однако лексема *опалубка* имеет категориальное значение «предмет» 'совокупность элементов и деталей, предназначенных для придания требуемой формы бетонным конструкциям, возводимым на строительной площадке'.

Подкатегория 4 «дефект строительства» вербализована терминами, обозначающими какие-либо дефекты, полученные в результате нарушения технологии строительного производства: *крошение*, *отслоение* (поверхности), *пыление* (бетона), *расслоение* (бетонной смеси), *расхождение* (стыков швов), *скалывание* и др.

Подкатегория 5 «стадия технологического процесса». К данной подкатегории относятся термины, характеризующие какую-либо стадию процесса. Примерами могут служить следующие термины, обозначающие стадии процесса изготовления бетонной смеси: *замешивание*, *затворение* ('смешивание цемента с водой'), *схватывание* ('потеря подвижности бетонной смеси' [24, с. 632]), *застывание*.

Подкатегория 6 «химические, физические, механические процессы в изготовлении материала» охватывает термины, обозначающие химические реакции, физические или механические процессы, происходящие при изготовлении строительного материала: *гидратация*, *дегидратация*, *кавитация* 'нарушение однородности жидкости вследствие образования в нем пустот – мелких пузырьков или полостей, заполненных паром, газом или их смесью' [23, с. 197]; *карбонизация* 'процесс взаимо-

действия цементного камня с углекислым газом, приводящий к снижению щелочности жидкой фазы бетона' [23, с. 202]; *миграция* (влаги в бетоне) 'движение влаги в бетоне под действием температурного или влажностного градиента' [24, с. 324] и др.

2. Категория «признак». В подязыке СТ когнитивную категорию «признак» вербализуют производные термины-прилагательные, фреймовая структура семантики которых содержит слот с категориальной семантикой 'признак', реализуемой с помощью различных словообразовательных аффиксов. Многообразие наименований данной категории объясняется тем, что производные термины-прилагательные являются компонентами неоднословных терминов (например, имеющих структуру «Adj + N»), в которых актуализируется категория «признак». Приведем дериваты с различными словообразовательными формантами-суффиксами.

1.1. Суффиксы *-н-*, *-онн-*, *-ов-/ев-* и пр. привносят в отыменные производные термины словообразовательное значение 'признак, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом' [19]: *-н-*: *анкерный* (болт) (< анкер 'крепежная деталь, предназначенная для соединения различных строительных изделий и конструкций' [24, с. 22]); *домкратный* (домкратная рама) (< домкрат) 'несущий элемент скользящей опалубки, служащий для установки домкратов при подъеме опалубки' [16]; *лекальный* (кирпич) 'кирпич, изготавливаемый в виде деталей разной формы' (< лекало); *цементный* (< цемент); *-онн-*: *авиационный* (авиационная фанера) (< авиация); *изоляционный* (материал) (< изоляция); *-ов-/ев-*: *грунтовой* (< грунт); *дёгтевый* (бетон) (< деготь); *тавровый* (тавровая балка) (< тавр 'металлическое изделие с поперечным сечением Т-образной формы' [24, с. 635]) и др. Фреймовая структура семантики данных терминов состоит из слотов 'признак' и 'предмет', находящихся в различных отношениях; при этом категориальной является частеречная семантика 'признак предмета'.

Рассмотрим подробнее термин *арболитовый* 'изготовленный из арболита (легкого бетона, в котором заполнителем являются опилки)' [17, с. 19]. *Древесный наполнитель в арболитовых блоках находится в цементной оболочке, за счет чего не подвержен образованию грибков, плесени и других вредителей* [26]. Данная лексема является компонентом терминологического сочетания *арболитовый блок*. Термин *арболит* восходит к латинскому слову *arbor* 'дерево' и греческому *λίθος* 'камень' [20, с. 28]. Данный термин служит базой для терминосоответствий: *арболитовый блок*, *арболитовая панель*, *арболитовая смесь* и др. Построим фреймовую модель семантики термина *арболитовый*:

слот 1 репрезентирован суффиксом *-ов-*, привносящим в производный термин словообразовательное значение ‘сделанный из того, что названо мотивирующим словом’. Слот 2 актуализирует семантику ‘материал, из которого изготовлен блок’ – *арболит*. Таким образом, прилагательное *арболитовый* обозначает ‘изготовленный из арболита – легкого древесного бетона’, а данная фреймовая структура семантики термина характерна для номинаций, обозначающих признак как качество строительного материала, определяемое сырьем, из которого он изготовлен.

1.2. Следующие отглагольные прилагательные также имеют в своей фреймовой структуре слот с категориальным значением ‘признак предмета’ и выражают словообразовательное значение ‘полученный в результате действия, обозначенного мотивирующим словом’ при помощи разных суффиксов: *-нн-*: *калиброванный* (брус) (< калибровать), *ламинированный* (< ламинировать), *профилированный* (< профилировать ‘придавать чему-л. правильный профиль’ [27, с. 818]), *шпонированный* (шпонированная доска) (< шпонировать) и др.; *-ен-*: *клеёный* (брус) (< клеить); *пиленный* (брус) (< пилить); *-н-*: *строганный* (брус) (< строгать); *-енн-*: *утолщённый* (кирпич) (< утолстить), *облагороженный* (облагороженная фанера) (< облагородить) и др.; данные суффиксы входят в состав адъективированных причастий.

Представим фреймовую модель термина *шпонированный* ‘облицованный слоем шпона – тонкого среза древесины’: *Шпонированная фанера* – популярный строительно-отделочный материал, являющийся бюджетной и практичной заменой древесному массиву [28]. Фреймовая структура данного термина репрезентирована следующими слотами: слот 1 актуализирован суффиксом *-нн-*, вносящим в семантику слова значение ‘признак’; слот 2 репрезентирован морфемой *-ирова-*, несущей категориальное значение мотивирующего глагола *шпонировать* – ‘действие, в результате которого получен данный признак’; слот 3 актуализирован морфемой *шпон-*, восходящей по происхождению к нем. *Span* ‘щепка’. Таким образом, фреймовая модель термина *шпонированный* состоит из трех слотов, актуализирует когнитивную категорию «признак» и характерна для терминов, обозначающих материал/предмет по технологии строительного производства.

1.3. Словообразовательное значение ‘предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим словом’ имеют прилагательные со следующими суффиксами: *-льн-*: *шлифовальный* (< шлифовать), *фальцевальный* (станок) (< фальцевать); *-тельн-*: *строительный* (материал) (< строить).

Рассмотрим фреймовую структуру термина *шлифовальный*: *Стационарные шлифовальные станки удаляют материал не с помощью резцов, а с помощью абразивов* [29]. Фреймовая модель семантики данной номинации включает в себя следующие слоты: слот 1 репрезентирован суффиксом *-льн-*, привносящим в семантику слова значение ‘предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим глаголом’ [19]. Слот 2 вербализован основой мотивирующего глагола *шлифова-* со значением действия: *шлифовать* – обрабатывать поверхность материала с целью придания ей гладкости. Итак, фреймовая структура семантики термина *шлифовальный* выражает когнитивную категорию «признак» и характерна для терминов, обозначающих предмет по его назначению в процессе строительства.

1.4. Среди терминов строительной отрасли можно выделить комбинированную категорию «**признак + действие**», вербализованную с помощью адъективированных действительных причастий. В строительной терминологии данная категория представлена терминами, имеющими в своем составе аффиксы *-ущ-/ -ющ-*: *несущий* (каркас), *отражающий* (материал), *вяжущий* (вяжущее вещество). Приведенные термины-прилагательные выражают значение ‘служащий, предназначенный для выполнения действия’ и актуализируют одновременно категории «признак» и «действие».

Фреймовая структура термина *несущий* ‘воспринимающий основные нагрузки и обеспечивающий прочность, устойчивость сооружений’ (ср.: *несущая конструкция*) [30] формируется посредством набора слотов: слот 1 актуализируется суффиксом *-ущ-*, вносящим в семантику номинации значение ‘осуществляющий действие, названное мотивирующим глаголом’ и репрезентирующим категориальное значение ‘признак предмета, осуществляющего действие’. Слот 2 актуализирует семантику действия и вербализован основой мотивирующего глагола *нес-*. В данном примере мотивирующим глаголом выступает глагол *нести* ‘быть опорой для чего-либо’. Таким образом, помимо категории «признак» в данном примере актуализируется также категория «действие», а фреймовая структура семантики термина *несущая* выражает категорию «признак + действие» и характерна для номинаций, обозначающих свойство строительного материала или изделия.

Префиксы также являются словообразовательными формантами терминов, входящих в категорию «признак». Одним из наиболее продуктивных является префикс *не-*, обозначающий ‘отсутствие или противоположность признака, названного мотивирующим словом’ [19]. Данная приставка встраивается во фреймовую структуру семантики

термина-прилагательного, формируя отдельный слот, который добавляет новый компонент значения. Примерами могут служить термины *облагороженный* и *необлагороженный*, являющиеся компонентами терминологических сочетаний *ДВП облагороженная* '[ДВП] с обработанной поверхностью' и *ДВП необлагороженная* '[ДВП] без обработки поверхности'. Фреймовая структура данных терминов сходна, однако фреймовая структура термина *необлагороженный* содержит дополнительный слот, репрезентированный префиксом *не-*, привносящим в значение термина дополнительное значение 'отсутствие признака, названного мотивирующим словом' [19]. Другими примерами дериватов с префиксом *не-* являются термины *нешлифованный*, *необрезной*, *нешпунтованный* и др.

Префикс *анти-*, широко используемый в образовании терминов-прилагательных префиксально-суффиксальным/префиксальным способом, усложняет фреймовую структуру термина, привнося в прилагательное значение 'направленный против того, что названо словом, которым мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное' [19]. Примерами могут служить следующие термины: *антикоррозийный* 'направленный против коррозии'; *антиплесневый* 'направленный против появления плесени'; *антистатический* 'направленный на снятие статического электричества'. В приведенных терминах фреймовая структура слова усложняется дополнительным слотом, актуализированным префиксом *анти-*, при этом категориальная принадлежность термина не изменяется. Данные прилагательные являются компонентами неоднословных терминов: *антикоррозийный ингибитор*, *антикоррозийная грунтовка*, *антиплесневая добавка*, *антистатическое покрытие пола*.

В терминологии строительства также функционирует префиксоид *противо-*, являющийся синонимичным префиксу *анти-* и формирующий дополнительный слот во фреймовой структуре термина-прилагательного. Примерами могут служить прилагательные, входящие в состав неоднословных сочетаний, например: *противоморозный* (противоморозная добавка), *противоскользящий* (противоскользящая лента), *противогрибковый* (противогрибковая добавка) и др.

Поскольку когнитивная категория «признак» является весьма обширной, представляется целесообразным выделить различные подкатегории, конкретизирующие категорию «признак» в сфере СТ: качество, внешний вид (форма, особенности обработки поверхности), назначение, технология производства, свойство.

Подкатегория 1 «качество материала, определяемое сырьем, используемым в технологии его изготовления». Данную подкатегорию представляют

различные наименования отличительных свойств материалов, определяемых сырьем для их изготовления, образованные на базе обозначений используемого сырья: *арболитовый* (арболит 'бетон на основе органических заполнителей'), *битумный* (праймер), *грунтовой*, *дёгтевый*, *известковый* (бетон), *пенобетонный* (блок), *стеклянный* (блок), *цементный*, *шамотный* (сделанный из шамота – огнеупорной глины) и т. д. Наиболее продуктивными аффиксами в данной подкатегории являются аффиксы *-ов-*, *-н-*, *-ян-* и др.

Подкатегория 2 «внешний вид строительного материала». В терминах, репрезентирующих данную подкатегорию, отражено лексическое значение, характеризующее материал или предмет:

а) по особенностям формы: *лекальный* (кирпич 'фигурный кирпич'), *рельефный* (рельефная плитка), *тавровый* (тавровая балка 'балка Т-образной формы') и т. д;

б) по способу обработки поверхности: *лакированный*, *ламинированный*, *шлифованный* (шлифованная фанера), *нешлифованный* и др.

Подкатегория 3 «предназначенный для изготовления строительной продукции / использования в строительстве» охватывает термины, обозначающие признак в зависимости от назначения предмета, например, *опалубочный* (щит) 'щит, используемый для устройства опалубки'. Другими примерами являются лексемы *гидротехнический* (гидротехнический бетон 'вид тяжелого бетона, используемого в строительстве гидротехнических сооружений'), *обеспыливающий* (обеспыливающая пропитка 'пропитка, предназначенная для защиты от пыли'), *печной*, *теплоизоляционный* (материал), *трубный* (трубная фанера), *фасадный* (сайдинг), *футеровочный* (кирпич, предназначенный для футеровки – облицовки внутренних частей конструкции, подверженных влиянию высокой температуры, например печи).

Подкатегория 4 «полученный по технологии производства стройматериалов». К данной категории отнесены наименования, обозначающие технологии производства материалов: *вакуумированный* ('[бетон], из которого до его затвердевания часть воды и вовлеченного воздуха удаляют вакуумированием' [31]), *рециклированный* ('[бетон] изготовленный с применением утилизированных вяжущих, заполнителей и воды' [31]), *центрифугированный* (полученный в результате уплотнения бетонной смеси при воздействии центробежных сил, возникающих при вращении формы с загруженным бетоном); *клеёный* (брус), *луценый*, *пиленый* (шпон), *строганный* (брус), *перфорированный* (кирпич) и др.

Подкатегория 5 «свойство строительного материала/изделия». В данной подкатегории функцио-

нируют термины, обозначающие физические, механические, технологические и другие характеристики материалов: *антистатичный* (антистатичное покрытие), *водоотталкивающий* (водоотталкивающая добавка), *истираемый*, *ковкий*, *самоочищающийся*, *самоуплотняющийся*, *трудногорюемый*, *теплопроводный* и др.

Проанализированные когнитивные категории и подкатегории можно представить в виде таблицы.

Когнитивные категории сферы строительных технологий

Категория	Подкатегория
«Процесс»	1 «технология изготовления стройматериала»
	2 «технология применения материала»
	3 «специальные строительные работы / результаты этих работ»
	4 «дефект строительства»
	5 «стадия технологического процесса»
	6 «химические, физические, механические процессы в изготовлении материала»
«Признак»	1 «качество материала, определяемое сырьем, используемым в технологии его изготовления»
	2 «внешний вид строительного материала»
	3 «предназначенный для изготовления строительной продукции / использования в строительстве»
	4 «полученный по технологии производства стройматериалов»
	5 «свойство строительного материала/изделия»

Заключение

В результате фреймового моделирования семантики производных терминов сферы «Строительные технологии» выявлены наиболее характерные фреймовые модели семантики данных терминов. Моделирование произведено с учетом словообразовательной и морфемной структуры номинаций, в соответствии с этим в составе фреймовой модели выделены слоты, среди которых особое место занимает категориальный слот, определяемый частеречной принадлежностью терминологической единицы. Данная методика позволила выявить основные когнитивные категории в строительной терминологии, обладающие спецификой, определяемой особенностями профессиональной сферы деятельности.

В работе подробно рассмотрены когнитивные категории «процесс» и «признак». Внутри каждой из них определены подкатегории, характеризующие специфику когнитивной категории в терминологии СТ.

Данные категории являются наиболее терминологически наполненными в подязыке строительства. Преобладание представленных категорий объясняется самой сущностью сферы СТ, в которой задействованы различные процессы возведения сооружений, изготовления материалов для строительства.

Специфика категории «процесс» в строительной терминологии заключается в том, что она представлена как технология производства стройматериала, сфера его применения, специальные строительные работы, дефекты процесса строительства, стадии технологического процесса, а также химические, физические и механические процессы в изготовлении материала. Категория «признак» является наиболее активной ввиду многообразия и дифференциации строительных материалов. Особенностью репрезентации данной когнитивной категории в строительной терминологии является то, что она актуализирует признак строительных материалов в зависимости от сырья, используемого при их изготовлении, внешнего вида стройматериала, определяемого особенностями формы и способом обработки поверхности, назначения, технологии производства, а также физических, механических, технологических свойств.

Представленные фреймовые модели семантики производных терминов помогают раскрыть значения терминов и понять когнитивные механизмы их образования. Каждой когнитивной категории присущи определенные словообразовательные средства их выражения, раскрывающие семантику термина, выделены наиболее продуктивные словообразовательные типы и словообразовательные категории. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что суффиксация является эффективным способом образования новых терминов, репрезентирующих различные когнитивные категории, выявлены особенности семантики словообразовательных формантов в составе строительных терминов. Префиксация также является активным способом образования терминов в представленных категориях.

Предложенные фреймовые модели терминов отражают фрагменты научного знания, вербализованные специальными номинациями, а фреймовый анализ семантики термина позволяет выявить категоризацию научного знания сферы СТ и ее особенности.

Список источников

1. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 52–92.
2. Мацкевич Н. А. Фреймовая модель терминологии «Ландшафтный дизайн» (на материале профессионального интернет-дискурса) // Язык. Общество. Образование: сб. науч. тр. II Междунар. научно-практ. конф. «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования». Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2021. С. 374–379.

3. Краевская И. О., Мишанкина Н. А. Терминообразование в аспекте гносеологической прозрачности (на материале русскоязычной терминосистемы «Нефтегазопереработка») // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 36–49.
4. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004. 51 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Абросимова Л. С. Словообразование в языковой категоризации мира. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного фед. ун-та, 2015. 328 с.
7. Технология // Философская энциклопедия. URL: <https://terme.ru/termin/tehnologija.html> (дата обращения: 20.04.2022).
8. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
9. Галич Г. Г. Категории: грамматические, ономастологические, когнитивные // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 238–244.
10. Лотте Д. С. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. М.: Наука, 1979. 128 с.
11. Бекишева Е. В. Формы языковой репрезентации гносеологических категорий в клинической терминологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 50 с.
12. Гуреева Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 25 с.
13. Мишланова С. Л., Бисерова Н. В., Филиппова А. А. Фреймовый анализ терминологии миграционного права // Язык и культура. 2020. № 51. С. 52–71.
14. М250. Бетонная тендерная компания. URL: <https://m350.ru/> (дата обращения: 12.04.2022).
15. ГОСТ Р 56705-2015 Конструкции деревянные для строительства. Термины и определения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200126905> (дата обращения: 12.04.2022).
16. ГОСТ Р 52086-2003 Опалубка. Термины и определения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200031994> (дата обращения: 12.04.2022).
17. Белухина С. Н. Строительные термины и определения: терминологический словарь. М.: Изд-во Моск. гос. арх.-строит. ун-та, 2018. 560 с.
18. Торкрет бетон: технология и правила // KlademBeton. URL: <https://kladembeton.ru/tehnologija/inYE/torkret-beton.html> (дата обращения: 12.04.2022).
19. Русская грамматика. Том 1. М.: Наука, 1980. URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 12.04.2022).
20. Новый политехнический словарь / гл. ред. А. Ю. Ишлинский. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. 671 с.
21. Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI века // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 470. С. 50–61.
22. Денико Р. В., Щитова О. Г. Формальное варьирование терминов сферы сетевых технологий // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 104–109.
23. Большой строительный терминологический словарь-справочник / авт.-сост. В. Д. Наумов и др. Минск: Минсктиппроект, 2008. 816 с.
24. Артюхович Д. В. Строительство: Энциклопедический словарь. Ставрополь: Параграф, 2011. 766 с.
25. СНиП 3.0.9.01-85 Производство сборных железобетонных конструкций и изделий. URL: <https://docs.cntd.ru/document/871001217> (дата обращения: 12.04.2022).
26. Русский арболит. URL: <https://guarbolit.ru/arbolit/> (дата обращения: 12.04.2022).
27. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010. 941 с.
28. Шпонированная фанера // Shpon.ru. URL: <http://shpon.ru/shponirovannaya-fanera/> (дата обращения: 12.04.2022).
29. Правила работы на шлифовальном станке // Журнал про строительство и ремонт в доме. URL: <http://www.prom-x.ru/vidy-shlifovalnyh-stankov/> (дата обращения: 12.04.2022).
30. ГОСТ 30247.1-94 Конструкции строительные. Несущие и ограждающие конструкции. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9055247> (дата обращения: 12.04.2022).
31. ГОСТ 25192-2012 Бетоны. Классификация и общие технические требования. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200100938> (дата обращения: 12.04.2022).

References

1. Fillmore Ch. Freymy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 1988, no. 23, pp. 52–92 (in Russian).
2. Matskevich N. A. Freymovaya model' terminologii "Landshaftnyy dizayn" (na materiale professional'nogo internet-diskursa) [Frame model of terminology "Landscape design" (on the material of professional internet discourse)]. *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovaniye: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Lingvisticheskiye i*

- kul'turologicheskiye aspekty sovremennogo inzhenerenogo obrazovaniya*". Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2021. Pp. 374–379 (in Russian).
3. Kraevskaya I. O., Mishankina N. A. Terminoobrazovaniye v aspekte gnoseologicheskoy prozrachnosti (na materiale russkoyazychnoy terminosistemy "Neftegazopererabotka") [Term formation in the aspect of epistemological transparency (based on the "Oil and Gas Processing" Russian term system)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2020, no. 456, pp. 36–49 (in Russian).
4. Golovanova E. I. *Kategoriya professional'nogo deyatelya v dinamicheskom prostranstve yazyka (lingvokognitivnyy analiz). Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Category of a professional figure in the dynamic space of language (linguo-cognitive analysis). Abstract of thesis. doc. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2004. 51 p. (in Russian).
5. Kubryakova E. S. *Yazyk i znaniye* [Language and knowledge]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
6. Abrosimova L. S. *Slovoobrazovaniye v yazykovoy kategorizatsii mira* [Word formation in the language categorization of the world]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2015. 328 p. (in Russian).
7. Tekhnologiya [Technology]. *Filosofskaya entsiklopediya* (in Russian). URL: <https://terme.ru/termin/tehnologija.html> (accessed 20 April 2022).
8. Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2016. 610 p. (in Russian).
9. Galich G. G. Kategorii: grammaticheskiye, onomasiologicheskiye, kognitivnyye [Categories: grammatical, onomasiological, cognitive]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta – Omsk State University Bulletin*, 2011, no. 3, pp. 238–244 (in Russian).
10. Lotte D. S. *Kratkoye metodicheskoye posobiye po razrabotke i uporyadocheniyu nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [A brief methodological guide for the development and streamlining of scientific and technical terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 128 p. (in Russian).
11. Bekisheva E. V. *Formy yazykovoy reprezentatsii gnoseologicheskikh kategoriy v klinicheskoy terminologii. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Forms of linguistic representation of epistemological categories in clinical terminology. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. Moscow, 2007. 57 p. (in Russian).
12. Gureeva E. I. *Sportivnaya terminologiya v lingvokognitivnom aspekte. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Sports terminology in the linguo-cognitive aspect. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2007. 25 p. (in Russian).
13. Mishlanova S. L., Biserova N. V., Filippova A. A. Freymovyy analiz terminologii migratsionnogo prava [Frame analysis of migration law terminology]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2020, no. 51, pp. 52–71 (in Russian).
14. *M250. Betonnyaya tendernaya kompaniya* [Concrete tender company] (in Russian). URL: <https://m350.ru/> (accessed 12 April 2022).
15. *GOST R 56705–2015 Konstruktsii derevyannye dlya stroitel'stva. Terminy i opredeleniya* [Wooden structures for construction. Terms and definitions] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200126905> (accessed 12 April 2022).
16. *GOST R 52086–2003 Opalubka. Terminy i opredeleniya* [Formwork. Terms and definitions] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200031994> (accessed 12 April 2022).
17. Belukhina S. N. *Stroitel'nye terminy i opredeleniya: terminologicheskii slovar'* [Construction terms and definitions: a terminological dictionary]. Moscow, Moscow State University of Architecture and Building Publ., 2018. 560 p. (in Russian).
18. Torkret beton: tekhnologiya i pravila [Shotcrete: technology and rules]. *KlademBeton* (in Russian). URL: <https://kladembeton.ru/tehnologija/inye/torkret-beton.html> (accessed 12 April 2022).
19. *Russkaya grammatika*. Tom 1 [Russian Grammar. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980 (in Russian). URL: <http://rusgram.narod.ru/> (accessed 12 April 2022).
20. *Novyy politekhnicheskii slovar'* [New Polytechnic Dictionary]. Ed. A. Yu. Ishlinskiy. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2000. 671 p. (in Russian).
21. Trofimova N. A., Shchitova O. G. Noveyshie zaimstvovaniya v russkoy stroitel'noy terminologii XXI veka [Latest borrowings in Russian construction terminology of the XXI century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 470, pp. 51–60 (in Russian).
22. Deniko R. V., Shchitova O. G. Formal'noye var'irovaniye terminov sfery setevy'kh tekhnologiy [Formal Variability of Terms in the Sphere of Network Technologies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaniye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2015, no. 3 (27), pp. 104–109 (in Russian).
23. *Bol'shoy stroitel'nyy terminologicheskii slovar'-spravochnik* [Large construction terminology dictionary]. Compiled by V. D. Naumov et al. Minsk, Minsktippprojekt Publ., 2008. 816 p. (in Russian).
24. Artyukhov D. V. *Stroitel'stvo: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Construction: encyclopedic dictionary]. Stavropol', Paragraf Publ., 2011. 766 p. (in Russian).
25. *SNiP 3.0.9.01-85 Proizvodstvo sbornykh zhelezobetonnykh konstruktsiy i izdeliy* [Manufacture of precast concrete structures and products] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/871001217> (accessed 12 April 2022).
26. *Russkiy arbolit* [Arbolite] (in Russian). URL: <https://ruarbolit.ru/arbolit/> (accessed 12 April 2022).

27. Krysin L.P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 941 p. (in Russian).
28. Shponirovannaya fanera [Veneered plywood]. *Shpon.ru* (in Russian). URL: <http://shpon.ru/shponirovannaya-fanera/> (accessed 12 April 2022).
29. Pravila raboty na shlifoval'nom stanke [Rules for working on a grinding machine]. *Zhurnal pro stroitel'stvo i remont v dome* (in Russian). URL: <http://www.prom-x.ru/vidy-shlifovalnyh-stankov> (accessed 12 April 2022).
30. *GOST 30247.1-94 Konstruktsii stroitel'nye. Nesushchiye i ograzhdayushchiye konstruktsii* [Building structures. Bearing and enclosing structures] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9055247> (accessed 12 April 2022).
31. *GOST 25192-2012 Betony. Klassifikatsiya i obshchiye tekhnicheskiye trebovaniya* [Concrete. Classification and general technical requirements] (in Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200100938> (accessed 12 April 2022).

Информация об авторах

Трофимова Н. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050); старший преподаватель, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003).

Щитова О. Г., доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Trofimova N. A., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050); Tomsk State University of Architecture and Building (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003).

Shchitova O. G., Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 22.04.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 81'42; 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-73-84>

КОНЦЕПТ ТЕАТРА В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА М. ПЛИСЕЦКОЙ

Хуан Сяоюй

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
huangxiaoyu0918@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время изучение языковой картины мира (ЯКМ) осуществляется в различных областях гуманитарных наук. Вербализация и реконструкция индивидуальной картины мира являются важными задачами современной лингвистики, осуществляются на основе анализа конкретных концептов. Рассматривается концепт *театр* в индивидуально-авторской картине мира Майи Плисецкой.

Цель – на фоне национальной картины мира определить понятийные, образные и оценочные составляющие концепта *театр*, которые характерны для индивидуально-авторской картины мира М. Плисецкой.

Материал и методы. Исследование проводится на материале книги воспоминаний балерины М. Плисецкой «Я, Майя Плисецкая», а также в качестве материала выступают Национальный корпус русского языка и лексикографические источники разных типов. В работе используются традиционные методы и приемы семасиологического (компонентного, дефиниционного, контекстного, дискурсивного) исследования, а результаты этого анализа последовательно осмысливаются с когнитивных позиций и в результате этого выстраиваются ментальные модели.

Результаты и обсуждение. *Театр* в русской картине мира является одним из главных концептов, он и занимает важное место в авторской картине мира М. Плисецкой. Сопоставление материалов толковых и ассоциативных словарей и анализы фрагментов текстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка, позволяют выявить понятийные, образные и оценочные признаки концепта в национальной картине мира. В русской культуре и литературе *театр* не только относится к искусству, но и влияет на нравственные и моральные качества народа, приносит эстетическое наслаждение, способствует развитию личности. Для реконструкции индивидуально-авторского концепта *театр* моделировали ассоциативно-смысловое поле (АСП) *театр* в межуарном дискурсе. В исследуемое поле входят 263 лексемы, которые разделены на шесть микрополей: танцевальная и музыкальная терминология; театр как здание или место; люди, имеющие отношение к театру; различные виды театральной деятельности; атрибуты театральной деятельности и театр в системе советского государства.

Выявив ассоциации и оценочные дискурсы, связанные с *театром*, обнаружена высокая эмоциональность и экспрессивность. Признаки *театра* (в большинстве случаев Большого театра) на ценностном уровне можно разделить на четыре части: Большой в парадигме советской власти, закулисы Большого театра, театр как тяжелый и порой опасный труд и Большой как жизнь и судьба М. Плисецкой.

Заключение. М. Плисецкая видела театр изнутри, это позволяет раскрыть особенности концепта в ее индивидуально-авторской картине мира: на понятийном уровне *театр* шире и богаче, чем в национальной картине мира, в АСП входят лексемы, связанные со сценой, балетом, музыкой, публикой, идеологической цензурой и др. На образном и ценностном уровнях в представлении автора *театр* многогранен, для автора в юности предстает как источник удовольствия и радости в тяжелое время, затем концепт *театр* соотносится только с Большим, эмоционально-оценочно усложняется: отношение балерины к театру двойственно: возмущение, презрение к Большому в парадигме советской власти, с другой стороны, театр для М. Плисецкой – вся жизнь, для сцены, публики, творчества, балета чаще всего встречаются положительные эмоциональные оценки. Ценностные признаки выражаются эмоционально-оценочной лексикой, языковыми и окказиональными метафорами, синтаксическим параллелизмом и эмоциональным контрастом.

Ключевые слова: индивидуально-авторская картина мира, концепт «театр», концептуальные признаки, Большой театр, эмоционально-оценочный дискурс, «Я, Майя Плисецкая»

Для цитирования: Хуан Сяоюй. Концепт *театр* в индивидуально-авторской картине мира М. Плисецкой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 73–84. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-73-84>

CONCEPT THEATER IN M. PLISETSKAYA'S INDIVIDUAL-AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD

Huang Xiaoyu

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, huangxiaoyu0918@yandex.ru

Abstract

Introduction. At present, the study of the linguistic picture of the world is carried out in various fields of the humanities. Verbalization and reconstruction of an individual picture of the world are one of the most important tasks of modern linguistics, this is carried out on the basis of an analysis of specific concepts. This article discusses the concept of *theater* in the individual-author's world picture of M. Plisetskaya.

The aim of our study is determining the conceptual, figurative and evaluative components of the concept of *theater*, which are characteristic of the individual author's world picture of Maya Plisetskaya (M. P.) in the background of the national picture of the world.

Material and methods. The study is based on the book of memoirs of the ballerina Maya Plisetskaya "I, Maya Plisetskaya", as well as the National Corpus of the Russian Language and lexicographic sources of various types. In this study we use traditional methods and techniques of semasiological research (component, definitional, contextual, discursive analysis), and the results of these analyzes are consistently comprehended from cognitive perspective and, as a result, mental models are built.

Results and discussion. *Theater* in the Russian picture of the world is one of the main concepts, it occupies an important place in the author's world picture of M. Plisetskaya. Comparison of materials from explanatory and associative dictionaries and analyzes of fragments of texts, which are extracted from the National Corpus of the Russian Language, allow us to identify the conceptual, figurative and evaluative features of the concept in the national picture of the world. In Russian culture and literature, *theater* not only refers to art, but also affects the moral qualities of people, brings to them aesthetic pleasure, and contributes to the development of individual. We modeled the associative-semantic field of *theater* in memoir discourse to reconstruct the individual-author's *theater*. The field includes 263 lexemes, divided into 6 microfields: dance and music terminology, theater as a building or place, people related to the theater, various types of theatrical activity, attributes of theatrical activity and theater in the system of the Soviet state.

Having identified associations and evaluative discourses, which are associated with *theater*, we found high emotionality and expressiveness, the features of the theater (in most cases the Bolshoi Theater) at the value level can be divided into 4 parts: Bolshoi Theater in the paradigm of Soviet power, backstage of the Bolshoi, theater as heavy and dangerous work, and Bolshoi as the life and fate of M. Plisetskaya.

Conclusion. M. P. saw the theater from the inside, this allows us to reveal the features of the concept in her individual author's picture of the world: at the conceptual level, *theater* is wider and richer than in the national picture of the world, our associative-semantic field includes lexemes, which are associated with the stage, ballet, music, audience, ideological censorship, etc. At the figurative and value levels, in the author's view, *theater* is multifaceted; For the author, in her youth it appears as a source of pleasure and joy in difficult times, then the concept of *theater* correlates only with the Bolshoi, it becomes emotionally and evaluatively complicated: attitude of M. P. to *theater* is ambivalent: indignation, contempt for the Bolshoi in the paradigm of Soviet power, on the other hand, for M. P. theater is all her life, When it is about the stage, the public, and the creativity of the ballet, there are often positive emotional assessments. Value signs are expressed by emotional and evaluative vocabulary, linguistic and occasional metaphors, syntactic parallelism and emotional contrast.

Keywords: individual author's picture of the world; concept theater; conceptual features; Bolshoi Theater; emotional-evaluative discourse; "I, Maya Plisetskaya"

For citation: Huang Xiaoyu. Kontsept teatr v individual'no-avtorskoy kartine mira M.Plisetskoy [Concept Theater in M. Plisetskaya's Individual-Author's Picture of the World]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 73–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-73-84>

Введение

Изучение ЯКМ является фундаментальным направлением современной когнитивной лингвистики: в настоящее время активно изучаются способы вербализации ментальных единиц и методы моделирования тезауруса языковой личности (ЯЛ) (на материале разных типов дискурсов).

ЯКМ предстает как сложный, многогранный феномен, который отражает всю духовную и материальную жизнь человека, общества, нации [1, с. 15], она выражается языковыми единицами

разных уровней. Изучение ЯКМ осуществляется по двум направлениям: с одной стороны, исследуется лексико-семантическая система отдельного языка, в результате чего выявляются характерные особенности ментальности данного народа. С другой стороны, анализируются конкретные концепты, в языковой форме выражающие ключевые идеи данной национальной культуры [2, с. 39]. Для углубленного изучения русской ЯКМ нужны корректирующие друг друга методы и приемы исследования составляющих ее элементов.

Концепт рассматривается как многокомпонентная и многослойная ментальная единица, которая интерпретирует важные элементы действительности в сознании человека. В. И. Карасик предлагает трехслойную структуру концепта, выделяя понятийную, образную и ценностную составляющие; последняя составляющая играет важную роль в воссоздании национальной и индивидуальной картин мира [3, с. 127]. В научной литературе обсуждаются концепты, обладающие этнокультурными и национальными ценностными признаками: «тоска и радость», «терпимость», «родина», «жизнь», «война», «смерть», «надежда», «дружба» и др. [4].

В настоящее время активно изучаются отдельные концепты на материале одного или нескольких языков. Это относится и к концепту *театр*. Результаты этих исследований важны для нашей работы: мы рассматриваем фрагмент индивидуально-авторской картины мира на фоне национальной.

Ю. С. Степанов в «Константы: Словарь русской культуры» указывает, что для русской культуры есть такие базовые концепты: Вечность, Закон, Беззаконие, Страх, Любовь, Вера и т. п. [5, с. 7]. Кроме базовых концептов, выделяются их производные, играющие определенную роль в духовной жизни русского народа. Например, концепт «страх» нужно рассмотреть в совокупности с концептом «грех»; «человек, личность» соотносится, по крайней мере, с «гением» и «ангелом» и т. д. [5, с. 7]. В русской картине мира концепт *театр* занимает особое место. Известная константа культуры «весь мир – театр», согласно Ю. С. Степанову, значит «театр жизни, представление о жизни как о театре», пронизывает разные стороны жизни и разные эпохи [5, с. 948–949]. «Проникновение» константы в разные сферы жизнедеятельности человека приводит к образованию разнообразных ее производных, поэтому логично предположить, что одной из производных этой культурной константы при ее распространении на сферу общения на естественном языке является такое концептуальное образование, как вербальная коммуникация, – это театр (или театральное представление) [6, с. 215].

Как видим, уподобление жизненных ситуаций/событий/коллизий театру, его частям, участникам театрального действия является важной чертой русского мировосприятия. *Театр* как один из главных концептов русского ментального словаря дает нам возможность выявить важнейшие составляющие русской культуры, выявить ее универсальные и уникальные черты и понять ценностные установки русского социума.

Исследование концепта предполагает моделирование его структуры. На взгляд Р. И. Павилениса, чтобы усвоить некоторый смысл, нужно построить структуру, состоящую из имеющихся сем

в качестве интерпретаторов или анализаторов рассматриваемого концепта [7, с. 102].

Материал и методы

Исследование осуществляется методами традиционными (наблюдения, обобщения, сопоставления, описательный метод) и семасиологическими, приемами компонентного анализа, дефиниционного и контекстного анализа, интерпретации контекстной семантики, дискурсивного анализа, обобщения сведений о составляющих концепта *театр* в национальной и авторской картине мира.

Материалом послужили мемуары балерины Майи Плисецкой (М. П.) «Я, Майя Плисецкая», словарные данные, тексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Для уточнения дефиниций слов использовались словари русского языка [8–12].

Работа посвящена репрезентации концепта в авторской картине мира М. П., мы в тексте книги воспоминаний вычленили все лексемы, включающиеся в АСП *театр*, метафорические сочетания, ассоциации и эмотивно-оценочные дискурсы и проанализировали их с когнитивных позиций. Описываются понятийные, образные и оценочные характеристики концепта, объясняется многогранность концепта.

Результаты и обсуждение

Чтобы выявить понятийные характеристики концепта *театр*, нужно обратиться к словарным дефинициям. Лексема *театр* в русском семантическом словаре входит в подгруппу «Зрелищные учреждения», определяется как «зрелищное предприятие, занимающееся подготовкой и показом драматических или музыкально-сценических представлений; здание, помещение, где даются такие представления» [8, с. 525]. В Толковом словаре русского языка: «Совокупность драматических произведений какого-н. писателя или направления школы» [9, с. 2943]; в Большом толковом словаре правильной русской речи: «Место, где разворачиваются какие-н. события, совершаются военные действия» [10, с. 843]. Большой толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова определяет театр как: 1. только ед. Искусство, состоящее в изображении, представлении чего-н. в лицах, осуществляемое в виде публичного зрелища. 2. (вин. п. на театр, предл. п. на театре, о театре) только ед. Сцена, подмостки (устар. и театр. арг.). 3. (вин. п. в театр, предл. п. в театре, о театре). Помещение, здание, в к-ром устраиваются представления, спектакли. 4. только ед. Представление, спектакль (устар.). 5. только ед. Совокупность драматических произведений (лит.) [11, с. 664].

Словарь синонимов и антонимов современного русского языка дает два синонимических ряда:

«театр – искусство театра – Мельпомена; театр – сцена – подмостки – храм Мельпомены – эстрада – балаган» [12, с. 368]. В данном материале также часто встречаются такие выражения, где автор принимает сцену театра как источник вдохновения и место рождения настоящего искусства:

И еще сцена Большого, нечеловечески прекрасная сцена Большого тоже была одной из причин, почему я не осталась на Западе; Перетанцевала я во всех престижных театрах мира. Но такой удобной, самой удобной во всей Солнечной системе, во всем мироздании сцены, как в Большом, не было нигде! [13, с. 308].

М. П. на сцене преобразается, раскрывается, читатель мемуаров понимает, что именно на сцене автор по-настоящему живет.

Таким образом, суммируя данные толковых словарей, представим полисемант следующим образом: 1. учреждения (театральные организации, предприятие); 2. пространство (здание театра, помещение театра, местонахождение театра); 3. сцена (площадка сцены, подмостки); 4. единица искусства в виде публичного зрелища; 5. драматические произведения и их представление.

Что касается образных составляющих концепта *театр*, они представлены в ассоциативных словарях и в текстах из Национального корпуса русского языка. В. И. Шаховский считает, что концепт рассеян в содержании лексических единиц, корпусе фразеологии, системе устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталоны, которые характерны для данного языкового коллектива [14, с. 87]. Эта же мысль была отмечена в работах С. Г. Воркачева: «Образные составляющие фиксируют когнитивные метафоры, которые поддерживают концепт в сознании языка» [15, с. 83] и Л. О. Чернейко и В. А. Долинского, отмечавших, что в узуальной метафорической сочетаемости выявляется множество признаков концепта [16, с. 22]. На этом уровне концепт моделируется с опорой на обыденные представления носителей языка.

Согласно данным Русского ассоциативного словаря, в качестве самых частотных реакций на стимул *театр* появляются следующие слова: *Большой, кино, спектакль, кукол, сатиры, сцена, драматический, оперный, теней, юного зрителя* [17]. Также со словом *театр* ассоциируются слова «актер», «балет», «игра», «пьеса», «кино», «представление», «вешалка», «зрители» [18]. Это позволяет понять, что *театр* воспринимается не только как помещение или вид драматического искусства, но и содержит многие другие признаки: средство познания человеком себя и мира, разные театральные профессии, театральные образ жизни актеров и зрителей, эмоции, вызываемые театральной деятельностью у людей и др.

Для дополнения и детализации выявленных концептуальных признаков целесообразно рассмотреть афоризмы, известные высказывания писателей и актеров и другие устойчивые сочетания со словом *театр*.

Семантика этого слова соотносится с духовным миром театральных актеров, их творческими исканиями, личным опытом, артистической карьерой и др. Здесь часто встречаются метафорические модели: *мир – театр, жизнь – театр, жизнь – сцена, театр – лекция, показы – театр, искусство – спасение* и пр. Эти темы развиваются в лексических сочетаниях, фразеологических оборотах и известных афоризмах о *театре*. Ср.:

Говорят, что вся наша жизнь – театр, ну раз так, то тогда любовь – это ее лучший спектакль (Илья Ильф); Любовь – это пьеса. С короткими актами и длинными антрактами. Самое трудное – научиться вести себя в антракте (В. Б. Шкловский); Дом кладут по кирпичу, а роль складывают по маленьким действиям (К. С. Станиславский); Нет маленьких ролей – есть небольшие актеры (К. С. Станиславский); Театр – высшая инстанция для решения жизненных вопросов» (А. И. Герцен); Кому жизнь театр, а кому – вешалка (пословица); Театральные слезы отучают от житейских (Василий Ключевский); И скоморох ину пору плачет (пословица); У всякого скомороха свои погудки (пословица).

В русской картине мира *театр* тоже представлен как разные театральные жанры: кукольный театр, драма, мелодрама, опера, оперетта, театр абсурда, балет, пародия; театр как образ жизни в сознании говорящих часто является многожанровым, разнообразным, выразительным, творческим и эстетическим. Один из важнейших участников театрального действия – зритель: публика, аудитория, театрал, дилетант и др. Это зритель в ЗАЛЕ, он участник театрального действия (в отличие от кинозрителя).

Театр – это не кино, не эстрада, не телевидение. Театр – это не рассказ о любви, это она сама – любовь. И значит, вас двое: ты и зритель. (Е. П. Леонов); Ты зритель – я дурак, я зритель – ты дурак (актерская поговорка).

Итак, на образном уровне главными ассоциирующимися понятиями с лексемой *театр* в русской КМ являются «жизнь», «мир», «любовь», «жанры», «артист», «зритель», «игра». Основные метафорические модели, представляющие образную составляющую концепта, свидетельствуют о его важной роли в ментальном словаре говорящих.

Что касается ценностного уровня концепта, И. В. Зыкова замечает, константа культуры «весь мир – театр» концентрирует в себе фундаментальные философские и религиозные смыслы, на базе

которых складывается особая модальная рамка восприятия мира, его объектов и фрагментов, положения вещей в нем, собственно жизни во всем многообразии ее сторон, аспектов и форм проявлений [6, с. 215]. *Театр*, являющийся одной из самых важных частей культуры, оказывает влияние на нравственные и моральные качества людей, воспитывает эстетические чувства, играет особенную роль в развитии личности. Это дает возможность говорить о *театре* как о важнейшем и многогранном концепте в русской картине мира, относящемся не только к концептосфере искусства [19], но к нравственной и эмоциональной понятийным областям.

З. Д. Попова и И. А. Стернин отметили, что «имеются концепты, которые объективируются и становятся доступными реципиентам только с помощью текстов» [20, с. 82]. Представление о *театре* в сознании говорящих формируется под существенным влиянием художественной картины мира, находит свое отражение не в последнюю очередь в русской литературе¹, в которой существует несколько образов театра. Так, А. А. Блок ввел в современное искусство представление о народном площадном театре – «балаганчике» [21, с. 127]. В стихах представлен театр, на сцене которого построили еще одну сцену, и балаганчик раскинет свои подмостки внутри пьесы перед зрителями. Планировка зрительного зала позволила строить спектакль с максимальной приближенностью к модели площадного представления, идущего среди зрителей, вне коробки сцены. Это в свою очередь оправдало смелые поиски нового театрального языка, который произвел неизгладимое впечатление у русских зрителей – лаконичного, образного и откровенно условного [21, с. 293].

О. Э. Мандельштам уподобил художественный театр храму: *с детства я помню благоговейную атмосферу, которой был окружен этот театр. Сходить в «Художественный» для интеллигента значило почти причаститься, сходить в церковь* [22, с. 302]. Ср. также в работах В. Белинского: *что же такое театр? О, это истинный храм искусства!*

В русской литературе понятие *театр* имеет религиозные коннотации, которые напоминают о священном, возвышенном и благородном, он воспитывает человека и сублимирует внутренний мир.

Театральная сцена, балет ассоциируются с красотой и совершенством:

Классический балет есть замок красоты, чьи нежные жильцы от прозы дней суровой тикающей ямой оркестровой отделены. И задраны мосты.

(И. А. Бродский. «Классический балет есть замок красоты»)

¹ НКРЯ.

*Устав от крови и побед,
Кисель любил в часы досуга
Театр, особенно балет.*

Чего же лучше? Свеж он чувством.

Он только изнурен войной –

Итак, да правит он искусством,

Вкушая в старости покой!

(Н. А. Некрасов. Притча о «Киселе»)

Большой Театр! Я в эмпирей

Твои восхищен, радость глаз!

Гул, гомон, алые ливреи,

Пылающий и душный газ,

От блесков люстры до партера

Вертящаяся в искрах сфера,

Блаженств воронка, рая круг...

И чар посул – узывный звук

(Как рог пастуший, что улыбкой

Златого дня будил мой сон) –

За тайной лавров и колонн,

Живых на занавеси зыбкой...

Взвилась, я в негах утонул,

Как будто солнца захлебнул.

(В. И. Иванов. «Младенчество»)

Таким образом, ценностный слой концепта связан с представлениями о высоком искусстве, эстетическом наслаждении, красоте, религиозном чувстве и других ярких эмоциях.

Отметим, что представленные выше высказывания исходят, как правило, от зрителей, поклонников, критиков, т. е. «извне», поэтому интересно обратиться к видению театра «изнутри», т. е. к деятелю, артисту.

Анализ репрезентации концептов в авторском дневниковом дискурсе позволяет моделировать фрагмент ЯКМ индивидуума, выявить черты характера, особенности мировоззрения и «мирочувствования» конкретной ЯЛ.

Театр является одним из главных мегаконцептов, которые составляют индивидуально-авторскую картину мира, представленную в книге М. П. Это доказывается высокой частотностью употребления разных единиц этого АСП, в том числе лексем, связанных со сценой, балетом, музыкой, публикой, идеологической цензурой и др. Мы выявили лексические единицы АСП *театр* в мемуарном тексте «Я, Майя Плисецкая» для сравнения индивидуально-авторского словаря с дефинициями толковых словарей.

В общем списке единиц исследуемого поля 263 лексемы, состав включает в себя разнообъемные микрополя, одна лексема (полисемант) может входить в разные микрополя. Самыми главными являются следующие микрополя (единицы расположены в порядке убывания частотности):

1. Танцевальная и музыкальная терминология (46 лексем):

Балет (360), танцевать (334), балетный (147), музыка (112), танец (83), прием (66), партия (66), движение (36), мелодия (28), вариация (27), поддержка (25), дуэт (20), такт (16), па-де-де (16), прыжок (16), адажио (14), поза (12), комбинация (12), арабеск (12), фуэте (10), мазурка (10), прыжковый (10), симфония (10), пируэт (9), солировать (8), соло (7), характерный (6), кланяться (6), реверанс (5), ария (5), унисон (3), формула (3), музыкальность (3), соната (2), вращение (2), симметрия (2), эпиграф (2), жете (2), приседание (2), буги-вуги (1), колоратур (1), полутон (1), девлоппе (1), асимметрия (1), чардаш (1), колоратурный (1).

2. Театр как здание или место, где проводятся зрелищные мероприятия, и его «части» (41 лексема):

Сцена (205), Большой (128), театральный (85), свет (64), оркестр (56), Большой театр (51), билет (37), кулисы (32), занавес (28), декорация (18), приемный (17), сценический (17), доска (13), картина (11), туалет (11), лифт (10), рампа (10), партер (10), афиша (9), ложа (7), зрительный зал (6), канделябр (5), ярус (5), лавка (5), бенуар (4), фон (4), бельэтаж (4), авансцена (3), подмостки (3), световой (3), зеркальный (3), барьер (3), свод (2), костюмерная (2), по-театральному (2), задник (1), туалетик (1), бутафорская (1), софит (1), закулисный (1), монтировочный (1).

3. Люди, которые имеют отношение к театру (56 лексем):

Артист (119), балерина (104), публика (96), труппа (83), партнер (60), директор (57), актер (50), танцор (43), композитор (40), хореограф (35), зритель (34), артистический (33), дирижер (28), Большой балет (27), солист (27), балетмейстер (26), музыкант (25), режиссер (24), звезда (22), руководитель (22), танцовщица (21), танцовщик (17), состав (17), артистка (13), оркестровой (13), кордебалет (12), поклонник (12), пианист (11), пианистка (10), солистка (10), аудитория (9), актриса (8), репетитор (7), балетоман (6), драматург (6), суфлер (6), струнный (5), поклонница (5), оркестрант (4), балетмейстерский (4), постановщик (3), ударник (3), осветитель (3), актерский (3), конференсье (2), композиторский (2), публичный (2), звездный (2), антрепренер (1), режиссура (1), сопрано (1), гример (1), гастролер (1), билетерша (1), публично (1), кордебалетный (1).

4. Различные виды деятельности, связанные с драматическими произведениями и театрально-постановочным процессом (75 лексем):

Спектакль (195), акт (193), репетиция (120), концерт (90), номер (83), образ (80), премьера (79), опера (79), голос (72), постановка (65), роль (50), хореографический (43), репетировать (41), поставить (41), гастроль (39), репертуар (39), хореогра-

фия (35), система (31), запись (26), сюжет (25), изображать (24), пьеса (24), действие (21), выступление (20), план (20), аплодисменты (20), концертный (19), программа (19), съемка (17), ноты (16), репетиционный (15), партитура (15), драматический (13), реплика (13), творчество (11), миниатюра (11), действующее лицо (11), прогон (10), камера (9), овация (9), замысел (9), оперный (8), отделение (8), антракт (8), либретто (8), драма (7), программка (7), жестиковать (7), действовать (7), импровизировать (6), прослушивание (6), постановочный (6), гастрольный (5), ритм (5), изображение (5), атмосфера (4), сценарий (3), смычок (3), пролог (3), мизансцена (2), видеозапись (2), одноактный (2), дебют (2), рецензия (2), транскрипция (1), режиссерство (1), действо (1), реквизит (1), монтаж (1), гастролить (1), гримироваться (1), проекция (1), возглас (1), репертуарный (1), партитурный (1).

5. Атрибуты театральной деятельности (22 лексем):

Костюм (60), платье (48), трико (19), рояль (16), зеркало (16), хитон (11), грим (10), скрипка (9), купальник (8), туфель (5), тесемка (5), магнитофон (5), трюмо (4), фортепиано (4), гетры (2), бордюр (2), туфельки (1), фрак (1), обувной рожок (1), загримировать (1), контрабас (1), гримерный (1).

6. Театр в системе советского государства (6 лексем):

Госконцерт (66), КГБ (38), Министерство культуры (35), посольство (29), училище (24), Министерство иностранных дел (4).

Структуру АСП *театр* можно представить следующим образом: во-первых, к ядру относится Большой театр, где М. П. танцевала всю жизнь, к тому же частота лексемы *Большой Театр* и *Большой* также очень высока. Кроме того, сюда входят и другие театры, где она выступала или с которыми сотрудничала. Во-вторых, в плане драматических произведений и сценической деятельности в театре балет и его производные занимают главное место. В-третьих, концепт *театр* также включает в себя наименования людей, имеющих отношение к театру и к ней как балерине: ее зрителей, мужа, родственников и друзей, несколько директоров Большого, Большой балет, хореографов, композиторов, партнеров по танцам, кордебалета, сотрудников театра, иностранных гостей, звезд балета, чиновников из Министерства культуры, сотрудников КГБ и даже несколько советских руководителей. Наконец, в большом количестве танцевальных терминов, встречающихся в книге и сюжетах, связанных с собственным творчеством М. П., отражаются ее талант и профессионализм. Можно сказать, что театр проходит через всю жизнь Плисецкой. Концепт *балет*, входящий в мегаструктуру

Театр, в тезаурусе ЯЛ значительно шире и богаче, чем в картине мира говорящих, он отличается множеством индивидуально-авторских смыслов и уникальных связей единиц этого АСП с «соседями» по семантическому пространству языка.

Далее рассмотрим образный и ценностный уровни авторского концепта *театр* и их языковую репрезентацию в тексте.

Отметим, что ментальную структуру *театр* ЯЛ можно представить как двухчастную: до и после того, как М. П. стала профессиональным актером. В скитальческом детстве и тяжелое время войны *театр* был главным образом утешением и опорой, а также духовной поддержкой для автора.

Когда отец Плисецкой работал в «Арктикугле», бытовые и природные условия были крайне суровыми, но «живого материала» все равно хватало на целые самостоятельные спектакли, будущая звезда балета провела в экстремальных условиях Шпицбергена первое выступление с театральными подмостков перед публикой, получая удовольствие и мотивацию. Именно театр давал ей силы в этот сложный период. **Я с шиком сыграла свою крошечную роль. Чудом сохранилась выцветшая фотография, где сняты участники оперы** [13, с. 33].

Во время Великой Отечественной войны семья М. П. переехала в Свердловск, где в военные годы условия жизни были тяжелейшими. В своих мемуарах Плисецкая вспоминает: *в Свердловске лютая зима, люди стояли в длиннющей очереди, километров пять длиною, лишь чтобы карликовые яблоки получить* [13, с. 76]. В это голодное военное время театр для нее стал чуть ли не единственным источником радости, незаменимой духовной пищей, позволяющей стерпеть все невзгоды войны.

И путешествие поездом, и житье в Свердловске были сплошными мытарствами. Но так мучилась вся страна, и я не ропщу... Поддерживали меня посещения театров. В Свердловске в тот военный год подобралась неплохая команда в театре оперы и балета.

Вот и выбирай. Съесть салат из рыночных помидоров – или четыре раза сходить в Большой. В Свердловске я выбирала пищу духовную [13, с. 76].

Театр предстает подобным образом в национальной картине мира, часто связан с положительными и приятными чувствами. Ср.: *Театр для меня – наслаждение, покой, развлечение, словом, все что угодно, кроме средства нажать новую хоющую невращеную (М. Булгаков).*

В первый год после поступления в Большой театр возможностей для выступлений у М. П. было немного. Майя танцевала на сценах других театров и клубов, чтобы заработать на жизнь. Этот период также можно отнести к начальной стадии профес-

сиональной карьеры до получения признания в Большом театре, ср.:

Для того чтобы не разучиться танцевать, я стала брать много концертов и «обтанцевала» все концертные и клубные сцены Москвы. Там уж я отвела душу [13, с. 81].

После 11 главы мы наблюдаем расцвет сценической жизни М. П., она обретает статус первой балерины Большого театра. Все это отражается и в концепции *театра*, которая описывается через призму Большого театра. Плисецкая как балерина видела театр изнутри, ее восприятие различно со зрительским, в этом и заключается особенность авторской картины мира. Несмотря на то, что автор являлся лауреатом Ленинской премии и признанной прима-балериной Большого театра, у Майи Михайловны в театре не все было гладко. В доказательство этому Большой театр часто фигурирует в дискурсе как причина жизненных мучений, ассоциации и эмоциональные оценки, связанные с ним, также в основном негативные. Далее мы подробно рассмотрим аксиологические смыслы, связанные с понятием *театр*. Они определяются особенностями театральной и – шире – культурной жизни страны, которая зависела от советской идеологии и жесткой цензуры, а также от нескончаемых конфликтов между разными министерствами, правительством и НКВД и КГБ, которые пагубно отражались на жизни театра. Искусство было подчинено идеологическим установкам, *театр* контролировался властью, это сделало ее путь к мечте усеянными препятствиями и трудностями, с которыми она столкнулась, особенно на раннем этапе своей карьеры.

Ментальная структура *театр* оказывается перегруженной в политизированный и идеологически насыщенный контекст, что объясняет категорически негативную составляющую в личностной картине мира.

Ассоциации, связанные с *театром*, в книге представляются следующим образом:

За полчаса до назначенного срока выхожу из метро на площадь Дзержинского. Через площадь высится грозное здание. Насупленный, каменный, но «железный» Феликс в долгопятой шинели недоверчиво всматривается в московский люд. Кто там из метро выходит?.. Такой Командор своим каменным рукопожатием кого хошь со свету сживет. Я не фантазирую. В память врзалась моя мысль – сравнение Дзержинского с Командором. Куда уйдешь от театральных ассоциаций? [13, с. 239]

Это описание психологического состояния автора, идущего на встречу с начальником КГБ Шелепиным, где автор настоятельно требует представить ей возможность поехать на гастроли в

Америку. В этом примере мы наблюдаем, как политическая цензура и запреты на зарубежные гастроли существенно определяют театральную жизнь — у автора возникают условно-рефлекторные ассоциации холода, неприступности и убийственности советской системы, которая контролирует театральную жизнь страны.

В тексте слово *театр* вступает в отношения семантического согласования или рассогласования [23, с. 381] со следующими словами или словосочетаниями:

Театр и театральные интриги:

Театр — не церковь, завистливые театральные интрижки, пошлые театральные перипетии, отчаянные интриги, подсижки, когти Григоровича, темная полоса, вражеский лагерь, доносная чехарда, изнанка балетных кулис, театральные злокозны, древняя банальная театральная история, Плисецкую не жалуется.

Театр и цензура:

Театр — изоциренная китайская пытка, запреты, слежка, расправа, спертый воздух, творческая скука, идиотизм, фантасмагория.

Театр и политический режим:

Театр — субординация, диктаторский режим, нищенская зарплата, унижения, императорский, диктаторский, Большой-пребольшой, Советского Абсурда.

Театр и жизнь автора:

Большой театр — моя Алья Матер; Большой — это вся моя жизнь.

С 1943 по 1993 г., всю свою пятидесятилетнюю балетную карьеру, М. П. танцевала в Большом театре и пережила вместе с театром все исторические эпохи советского и постсоветского времени. Огромное влияние советского режима на театр в целом и на театральную жизнь автора своеобразно преломляется в концепте *театр* и придает ему яркое идеологическое звучание и связанную с этим личную негативную эмоциональную оценку политизации театра и культуры в целом.

Обратимся к оценочному дискурсу, связанному с концептом *Большой театр*. Ценностный уровень концепта содержит высокую эмоциональность и экспрессивность, автор использует большое количество эмоционально-оценочной лексики, языковые и окказиональные метафоры, синтаксический параллелизм и эмоциональный контраст, которые усиливают эмоциональное напряжение и вызывают сопереживание читателей. В отличие от национальной картины мира, театр ассоциируется со сложным набором эмоций, таких как боль, страх, несправедливость, возмущение, презрение, разочарование, сожаление, любовь и др.

Можно выделить следующие концептуальные признаки, непосредственно связанные с оценкой:

1. Большой в парадигме советской власти

Мне становилось в театре все труднее. Надо было бороться за место под театральным солнцем. <> Строительным материалом советского общества был страх. Это был цемент, цепко державший всю систему. А оснований для страха и у нас, в Большом, было предостаточно. <> Показать музыку и сценарий «Чайки» в Большом нам не удалось. Там теперь непримиримый вражеский лагерь.... Я повела уже было переговоры с театром Станиславского. Но гордость-то у меня есть? Не хочу склонять головы. Поборемся. Большой театр — моя Алья Матер. <> Большой-пребольшой Театр Советского Абсурда! [13].

В книге автор раскрывает трагические отношения между советской властью и ее художниками. Вопреки расхожему мнению, советские художники в то время не пользовались никакими привилегиями, а подвергались многочисленным оскорблениям и принуждению бюрократическим аппаратом в государственных ведомствах, как считает Плисецкая. Например, это проявлялось в долгой изнурительной борьбе за каждое разрешение на выезд за границу, возможности поставить новый балет, получить достойную зарплату и справедливое отношение. М. П. показывает противоречие между парадным фасадом и весьма жалким существованием артистов, которые и составляют славу русского балета: атмосфера лжи, характерная для жизни общества, окутывает и самый сложный организм театра. Ср.:

Театр, как улей, верещит: тот едет, та остается, эта — в резервном списке... Терзания, слезы, жалобы. ... Театр только по названию Большой, а люди в нем маленькие, от обид незащищенные, уязвимые [13, с. 235].

Здесь автор, сравнивая рядовых актеров Большого театра с насекомыми, показывает их бессилие и бесправие: чтобы выжить, они вынуждены плести интриги и соперничать между собой. Каждый из них просто винтик в системе, который находится под беспрестанным контролем и подвергается унижениям. Большой театр просто красивая ширма, за которой актеры бесправны, а правящая элита обладает безграничной властью. Это буквальное и смысловое сопоставление усиливает эмоциональное напряжение негативной оценки, подчеркивает возмущение и сожаление автора по этому поводу.

2. Закулисье Большого театра

Закулисье Большого вполне согласуется с душной, авторитарной атмосферой в стране. *Театр* для М. П. — это тоже вопрос власти. Рассмотрим отрывок из главы 47 о Григоровиче, который работал главным балетмейстером в Большом. В глазах М. П. властолюбие сделало его жадным, разруши-

ло творческий дар к творчеству, он превратился из постановщика прекрасных балетов в диктатора. Танцевальная труппа потеряла свою активность, новых произведений не стало, и спектакли перестали быть творческим событием. Плисецкая пыталась создать новые балетные формы и направления и бороться за свои права, однако в ответ получила лишь непонимание и порицание.

Меня не оставляет в безразличии судьба Большого балета. Большой – это вся моя жизнь. Вся без остатка. У меня взаправду болит сердце, что власть на театре и в училище забрали себе люди, для которых как раз Власть – самое главное, самое драгоценное, самое прекрасное, что есть на свете. Не творчество, не балет, а – Власть. И держат они ее мертвой, бульдожьей хваткой [13, с. 457].

В данном примере автор напрямую отождествляет Большой театр со своей жизнью, использует синтаксический параллелизм и написание с заглавной буквы слова *Власть*, чтобы усилить контраст и создать сильный эмоциональный фон высказывания. Автор противопоставляет творчество и жажду власти руководства.

Вхожу в родной, но теперь вроде чужеземный, не мой Большой театр... Солистки (Рыжова, Попова, Макарова, Крапивина) тоже из театра Станиславского. Мне не хочется одалживаться у Большого. Рана обиды все еще свербит мою душу. Заживет ли она когда... [13, с. 476].

В приведенных примерах мы заметили двойственность представления о театре в картине мира Плисецкой. С одной стороны, присутствует ненависть и категоричное отрицание властолюбивых руководителей театра, а рядом – сожаление и беспомощность автора как представителя театрального искусства. Мы видим, что даже после того, как М. П. ушла с большой сцены и страсти улеглись, в глубине ее души осталась боль и разочарование.

3. Театр как тяжелый и порой опасный труд

Кроме того, за всем великолепием и красотой балетного фасада существует и темная сторона луны – это телесные и душевные муки, через которые прошел автор. *Театр* – это каждодневный труд, всю сценическую жизнь травмы не обходили Плисецкую стороной. Она рвала икру, защемляла спинной нерв, вывихивала сустав голеностопа, ломала пальцы, разбивала стопы, неисчислимым травмам за всю карьерную жизнь посвящена целая глава книги. Здесь мы снова обнаруживаем огромный пласт эмоциональной лексики с отрицательной семантикой, лексики, которая обладает крайней степенью визуального и психического воздействия.

Нестерпимая боль в голеностопе правой ноги. <>. Ночью внезапно обрушилась нестерпимая

боль. Боль была такая пронзительная, что бесконтрольно начали стучать зубы, была лихорадка. <> И вдруг, возле самой двери, как подстреленная птица, почти потеряв сознание от внезапной яростной боли, упала на пол. <> Чертов вывих. Опять заморозка в двухминутном интервале в кулисе, хлорэтил, тугая повязка, и я, обливаясь холодным потом, танцую весь спектакль на ватных ногах. <> Струпья кожи, открытая сочащаяся пунцовая рана. <> Пыточно валяюсь дома в постели. Ковыляю на костылях в нужник. <> Воспоминания о травмах набегают одно на другое. Всякий срыв и кропотливое исцеление от него – целая повесть... [13].

4. Большой как жизнь и судьба автора

С другой стороны, несмотря все трудности, вызванные цензурой и давлением советской системы, М. П. всегда оставалась верна своей любви к творчеству и балету. Ср.: *Что я буду делать без балета? Кур разводить, капусту сажать? Я хочу танцевать до ста лет.*

Она находила поддержку среди обожающих ее зрителей, автор с благодарностью вспоминает оказавших ей помощь *добрых людей*, семью и близких. В мемуарах довольно часто встречается описание реакции публики и оценки *сцены*, где используется положительная эмоционально-экспрессивная лексика. Описание поддержки и восхищения зрителей – важная составляющая эмоционально-оценочного дискурса балерины. Как нам кажется, это авторский выбор в способе предъявления положительной самооценки. Ср.:

Публика без удержу аплодировала; Публика захвачена, долго рукоплещет. Цветы, крики «браво»; Успех – громовой. Все хвалят. Ноги были легкие, и прыгала я до самого поднебесья. Публика выла; Публика оценила мою находчивость и хлопала в ладоши; Балет Якобсону удался, публика приняла спектакль очень доброжелательно; Публика неистовствует; Публика встает; Публика ждала; Подобревшая к «Кармен» публика валом валит; Публика очарована; А публика была замечательная. Плохо одетая, «отоваривавшаяся», евшая по карточкам, недоумятая, но жадная до малейшего проявления искусства, шедшего с убогой доморощенной сцены. В этих концертах и были мои первые «бисы» Лебеда. Публике я нравились; Что еще держит память про американский дебют? Публику. Она была квалифицирована и очень добра. Ладоней и глоток нью-йоркские театралы не жалели; И моя близкая, роднющая, нежно любимая мною московская публика. Моя публика [13].

Таким образом, театр для М. П. – не только место, где рождается искусство танца, но и место взлета и падения артистических судеб, безмолвный

свидетель достижений и унижений, боли и радости. Театр свел ее со значимыми людьми: докторами, композиторами, художниками по костюмам, балетмейстерами и режиссерами. *Театр* – святое место и место борьбы за свободу творчества, за собственное достоинство, за возможность танцевать на сцене. *Театр* для М. П. воистину многогранен.

Заключение

В русской картине мира *театр* воспринимается как важный концепт ментального словаря культуры. Лексикографические источники дают четкие понятийные определения *театра*, дискурсивный анализ позволяет выявить и образные признаки: средство познания человеком себя и мира; театральный образ жизни актеров и зрителей, духовный мир актеров и их личный опыт; разнообразную, выразительную и эстетическую деятельность. На ценностном уровне *театр* часто связан с представлениями о высоком искусстве, наслаждении,

красоте, религиозном чувстве и вызывает другие положительные эмоции.

М. Плисецкая воспринимала *театр*, в отличие от зрителей, изнутри, а не извне, концепт в авторском представлении многогранен. Проанализировав текст книги, мы обнаружили, что авторская КМ включает элементы национальной КМ, личностный же слой картины мира М. П. связан с драматической судьбой Большого театра, ведомого политическим режимом. Ценностные признаки концепта имеют двойственность: театральное искусство зависимо, управляемо властью, задавлено цензурой, актеры подневольны – с одной стороны, Большой для Плисецкой – это жизнь и судьба, сцена, это радость, творчество, признание публики, победа прекрасного – с другой стороны. Это и определяет категорически негативные оценки власти, а положительные эмоциональные оценки соотносятся только с творчеством: искусством танца, балетом, музыкой и спектаклем.

Список источников

1. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3–16.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2002. 128с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.
4. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540с.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
6. Зыкова И. В. Константа культуры ВЕСЬ МИР – ТЕАТР и ее отражение в английской фразеологии // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 213–223.
7. Павиленис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. М., 1983. 286 с.
8. Русский семантический словарь, Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2002. 762 с.
9. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
10. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8 000 слов и выражений / Л. И. Скворцов. М.: Оникс: Мир и Образование, 2009. 1104 с.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.) 1502 с.
12. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50 000 слов / под ред. А. С. Гавриловой. М.: Аделант, 2014. 800 с.
13. Плисецкая М. М. Я, Майя Плисецкая... М.: Новости, 1994. 496 с.
14. Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград; Архангельск, 1996. 259 с.
15. Воркачев С. Г. Основания лингвоконцептологии // Аспекты метакommunikативной деятельности. Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Воронеж, 2002. С. 79–95.
16. Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 1996. № 6. С. 20–41.
17. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 30.03.2022).
18. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения 30.03.2022).
19. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
20. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 192 с.
21. Родина Т. М. Александр Блок и русский театр начала XX века. М.: Наука, 1972. 312 с.

22. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 2. 464 с.
23. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. 599 с.

References

1. Shvedova N. Yu. Teoreticheskiye rezul'taty, poluchennyye v rabote nad "Russkim semanticheskim slovar'em" [Theoretical results obtained in the work on the "Russian Semantic Dictionary"]. *Voprosy yazykoznaniya – Questions of linguistics*, 1999, no. 1, pp. 3–16 (in Russian).
2. Kornilov O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow, CheRo Publ., 2002. 128 p. (in Russian).
3. Karasik V. I. *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, 2004. 390 p. (in Russian).
4. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: sbornik statey* [Key ideas of the Russian language picture of the world: collection of articles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005. 540 p. (in Russian).
5. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 992 p. (in Russian).
6. Zyкова I. V. Konstanta kul'tury VES' MIR – TEATR i yeye otrazheniye v angliyskoy frazeologii [The culture constant THE WHOLE WORLD IS THEATER and its reflection in English phraseology]. *Kritika i semiotika – Criticism and semiotics*, 2012, no. 17, pp. 213–223 (in Russian).
7. Pavlenis R. I. *Problema smysla: Sovremennyy logiko-funktional'nyy analiz yazyka* [The Problem of Meaning: A Modern Logical-Functional Analysis of Language]. Moscow, 1983. 286 p. (in Russian).
8. *Russkiy semanticheskiy slovar', Tolkovyy slovar', sistematizirovannyy po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary, Explanatory Dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, under the general editorship. N. Yu. Shvedova. Moscow, 2002. 762 p. (in Russian).
9. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological expressions]. Eds. S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 938p. (in Russian).
10. *Bol'shoy tolkovyy slovar' pravil'noy russkoy rechi: 8 000 slov i vyrazheniy* [Big explanatory dictionary of correct Russian speech: 8000 words and expressions]. Ed. L. I. Skvortsov. Moscow, Oniks Publ., Mir i obrazovaniye Publ., 2009. 1104 p. (in Russian).
11. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. D. N. Ushakov. Moscow, State. in-t "Sovetskaya entsiklopediya": OGIZ: gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey Publ., 1935–1940 (4 vol.). 1502 p. (in Russian).
12. *Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka. 50 000 slov* [Dictionary of synonyms and antonyms of the modern Russian language. 50,000 words]. Ed. A. S. Gavrilova. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800p. (in Russian).
13. Plisetskaya M. M. *Ya, Mayya Plisetskaya...* [I, Maya Plisetskaya...]. Moscow, Novosti Publ., 1994. 496p. (in Russian).
14. Shakhovskiy V. I. Emotsional'nye kul'turnye kontsepty: paralleli i kontrasty [Emotional cultural concepts: parallels and contrasts]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty: sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic personality: cultural concepts: collection of scientific works]. Volgograd; Arkhangel'sk, 1996. 259 p. (in Russian).
15. Vorkachev S. G. Osnovaniya lingvokontseptologii [Foundations of linguoconceptology]. *Aspekty metakommunikativnoy deyatel'nosti. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 3* [Aspects of meta-communicative activity. Theoretical and applied linguistics: interuniversity collection of scientific works. Vol. 3]. Voronezh, 2002. Pp. 79–95 (in Russian).
16. Cherneyko L. O., Dolinskiy V. A. Imya SUD'BA kak ob'ekt kontseptual'nogo i assotsiativnogo analiza [Name FATE as an object of conceptual and associative analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Bulletin of Moscow university Ser. 9: Philology*, 1996, no. 6, pp. 20–41 (in Russian).
17. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary] (in Russian). URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (Accessed 30 March 2022).
18. KartaSlov.Ru – *Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka* [Map of words and expressions of the Russian language] (in Russian). URL: <https://kartaslov.ru> (Accessed 30 March 2022).
19. Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika: uchebnoye posobiye* [Cognitive linguistics: tutorial]. Minsk, TetraSystems Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
20. Popova Z. D., Sternin I. A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezh University Publ., 2001. 192 p. (in Russian).
21. Rodina T. M. *Aleksandr Blok i russkiy teatr nachala XX veka* [Alexander Blok and the Russian theater of the early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 312 p. (in Russian).
22. Mandelstam O. E. *Sobraniye sochineniy v 2 tomakh* [Collected works in 2 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. Vol. 2. 464 p. (in Russian).

23. Gak V. G. К проблеме семантической синтагматики [On the problem of semantic syntagmatics]. *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Problems of Structural Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 599p. (in Russian).

Информация об авторе

Хуан Сяоюй, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Виллюйская, 28, г. Новосибирск, Россия, 630126).

Information about the author

Huang Xiaoyu, graduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126). E-mail: huangxiaoyu0918@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 30.03.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 801.82

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-85-95>

УЧЕНИЕ О ПРИРОДЕ СИМВОЛОВ И ТЕОРИЯ ДИАЛОГА М. М. БАХТИНА В РЕЦЕПЦИИ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ-ФИЛОЛОГОВ

Го Мин

Муданьцзянский педагогический университет, Муданьцзян, Китай, guoming_zihan@163.com

Аннотация

Введение. Научное наследие русского философа и культуролога М. М. Бахтина является значимым и самостоятельным объектом интерпретации в современной гуманитаристике. Интересным видится рассмотрение смыслов, заложенных в трудах ученого, в аспекте выявления специфики их рецепции со стороны носителей конкретной национальной картины мира. В современном Китае наблюдается расширение интереса к изучению творческого дискурса М. М. Бахтина, что делает необходимой попытку систематизации наработанного исследовательского опыта.

Цель – систематизировать представление о ключевых положениях в интерпретации смыслов в учении о символах и теории диалога М. М. Бахтина, содержащихся в трудах китайских филологов с учетом специфики национальной научной картины мира и универсальных, существующих в сознании представителей мирового сообщества вариантов толкования.

Материал и методы. Материалом исследования послужили тексты М. М. Бахтина как первоисточник для авторской интерпретации, а также научные источники, представляющие осмысление научного наследия М. М. Бахтина в китайской гуманитаристике. Методы исследования – текстовый, сравнительно-сопоставительный анализ, систематизация, категоризация и обобщение научной информации, интроспекция.

Результаты и обсуждение. Обобщение результатов интерпретации научных текстов М. М. Бахтина, имеющих в китайской гуманитаристике сегодня, позволяет выделить определенную модель толкования. В ее основе – ядро универсальных смыслов, выявляемых в контексте функционирования разнообразных и многочисленных трактовок учения Бахтина в современной мировой науке. К разряду ключевых универсальных смыслов в области интерпретации бахтинского учения о знаках-символах можно отнести толкование знака в соответствии с пониманием его значения в контексте конкретной коммуникативно-речевой ситуации. В теории диалога большинством мировых ученых признается положение о диалоге как форме развертывания коммуникации любого типа, средстве межкультурного взаимодействия и формирования чувства самоидентификации. Специфика осмысления концепции М. М. Бахтина в китайской филологии состоит прежде всего в стремлении объединить варианты толкования, существующие в русле как западной, так и европейской науки. Стержнем и сущностью академической мысли Бахтина, по мнению большинства исследователей из Китая, является теория диалога, основная цель которой состоит в том, чтобы подчеркнуть позитивный гуманистический дух, отстаивающий индивидуальность и ориентированный на равноправное участие.

Заключение. Результаты обобщения опыта исследования идей М. М. Бахтина китайскими учеными демонстрируют наличие глубинной рецепции в аудитории китайских филологов по отношению к дискурсу великого русского мыслителя.

Ключевые слова: научное наследие М. М. Бахтина, учение о знаках-символах, теория диалога, китайское бахтиноведение, текст

Для цитирования: Го Мин. Учение о природе символов и теория диалога М. М. Бахтина в рецепции китайских ученых-филологов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 85–95. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-85-95>

STUDY OF THE NATURE OF SYMBOLS AND M. M. BAKHTIN'S THEORY OF DIALOGUE IN THE RECEPTION OF CHINESE PHILOLOGISTS

Guo Min

Mudanjiang Normal University, Mudanjiang, China, guoming_zihan@163.com

Abstract

Introduction. The scientific heritage of the Russian philosopher and culturologist M. M. Bakhtin is a significant and independent object of interpretation in modern humanities. It seems interesting to consider the meanings embedded in the works of the scientist in the aspect of identifying the specifics of their reception on the part of the

© Го Мин, 2022

carriers of a specific national picture of the world. In modern China, there is an expansion of interest in the study of the creative discourse of M. M. Bakhtin, which makes it necessary to try to systematize the accumulated research experience.

Aim and objectives. The purpose of the article is to systematize the idea of the key provisions in the interpretation of meanings in the doctrine of symbols and the theory of dialogue by M.M. Bakhtin, contained in the works of Chinese philologists, taking into account the specifics of the national scientific picture of the world and the universal interpretation options that exist in the minds of representatives of the world community.

Material and methods. The material of the study was the texts of M.M. Bakhtin as a primary source for the author's interpretation, as well as scientific sources representing the understanding of the scientific heritage of M. M. Bakhtin in Chinese Humanities. The research methods are textual, comparative analysis, systematization, categorization and generalization of scientific information, introspection.

Results and discussion. Generalization of the results of the interpretation of scientific texts by M. M. Bakhtin, available in Chinese humanities today, allows us to identify a certain model of interpretation. It is based on the core of universal meanings that are revealed in the context of the functioning of various and numerous interpretations of Bakhtin's teachings in modern world science. The category of key universal meanings in the field of interpretation of Bakhtin's doctrine of signs-symbols includes the interpretation of a sign in relation to the understanding of its meaning in the context of a specific communicative-speech situation. In the theory of dialogue, the majority of world scientists recognize the position of dialogue as a form of deployment of communication of any type, a means of intercultural interaction and the formation of a sense of self-identification. The specifics of understanding the concept of M. M. Bakhtin in Chinese philology consists, first of all, in the desire to combine interpretation options that exist in line with both Western and European science. The core and essence of Bakhtin's academic thought, according to most researchers from China, is the theory of dialogue, the main goal of which is to emphasize a positive humanistic spirit that upholds individuality and is oriented towards equal participation.

Conclusion. The core and essence of Bakhtin's academic thought, according to most researchers from China, is the theory of dialogue, the main goal of which is to emphasize a positive humanistic spirit that upholds individuality and is oriented towards equal participation. Dialogical thought passes through his linguistic and semiotic thinking. The results of the generalization of the experience of studying the ideas of M. M. Bakhtin by Chinese scientists demonstrate the presence of deep reception in the audience of Chinese philologists in relation to the discourse of the great Russian thinker.

Keywords: *scientific heritage of M. M. Bakhtin, the doctrine of signs-symbols, the theory of dialogue, Chinese Bakhtin studies, text*

For citation: Guo Ming. Ucheniye o prirode simvolov i teoriya dialoga M. M. Bakhtina v retseptsii kitayskikh uchenykh-filologov [Study of the Nature of Symbols and the Theory of Dialogue M. M. Bakhtin in the Reception of Chinese Philologists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 85–95 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-85-95>

Введение

Имя М. М. Бахтина (1895–1975) – русского философа, филолога, историка культуры – и его научное наследие известны во всем мире. Великий мыслитель XX века – автор таких всемирно известных шедевров, как «Содержание, материальные и формальные вопросы в произведении» (1924), «Проблемы творчества Достоевского» (1929), «Марксизм и философия языка» (1929), «Предыстория нового языка» (1940), «Проблемы речевых жанров» (1953), «Лингвистика, литература и проблемы текста в других гуманитарных науках» (1961), «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965) и др. Эти и многие другие труды составляют сокровищницу мировой гуманитаристики, высказанные им идеи до сих пор осмысляются учеными из разных научных областей, имеют последователей, открывающих их значительный интерпретационный потенциал.

Начиная с 1960-х годов, теоретические воззрения М. М. Бахтина стали активно изучаться пред-

ставителями мировой науки, вызывая целые волны интерпретаций. Уникальные идеи ученого с полным правом позволяют считать его пионером и поборником русского структурализма и формализма, предтечей коммуникативистики. Можно сказать, что М. М. Бахтин оказал огромное влияние на формирование мирового гуманистического мышления и развитие таких наук, как философия, философская антропология, лингвистика, семиотика, эстетика, поэтика, культурология, включая их методологический аппарат. Тезаурус гуманитаристики благодаря этому ученому пополнился такими дефинициями, как «карнавализация», «полифония смыслов», «диалектика соотношения внутреннего и внешнего», «диалог», «многоголосие» и пр. В частности, красной нитью через весь творческий дискурс М. М. Бахтина проходят две основополагающие и взаимосвязанные идеи – о природе знаков-символов, в том числе языковых, и теория диалога.

В связи с этим видится интересным изучение вопроса рецепции содержания творческого насле-

дия М. М. Бахтина в мировой науке. В частности, речь идет о выявлении «роли идей ученого в преодолении общего кризиса гуманитарных наук», определении «их потенциала для современного научного знания», обозначении «опасности прямолинейных, поверхностных или конструируемых в угоду научной моде трактовок бахтинских категорий» [1, с. 207]. Обозначенная проблема актуальна для рассмотрения и в рамках национальных научно-культурных парадигм. В связи с этим обоснованным можно считать предположение о наличии в интерпретации заложенной в текстах М. М. Бахтина и ставшей классической научной концепции универсальных (эксплицированных в мировой науке) и вариантных (проявляемых в рамках национальной научной картины мира) смыслов. Об этом, в частности, пишет И. В. Шапошникова: «Проблема универсалий культуры и их вербального воплощения относится к разряду фундаментальных: в разные периоды развития гуманитарной науки она побуждала исследователей к творческому переосмыслению выработанных на более раннем материале положений о допустимости самого факта наличия универсалий, о принципиальной возможности свести все богатство живого эмпирического материала к ограниченному набору универсальных признаков» [2, с. 200].

Так, представители китайской филологии проявляют неподдельный исследовательский интерес к русским текстам – литературным, научным, публицистическим и пр., предлагая интересные варианты их интерпретации (см., например: [3]). В китайской филологии сегодня востребованы в высшей степени идеи великого русского ученого М. М. Бахтина, его работы получают разностороннюю глубокую интерпретацию китайскими исследователями. Китайское бахтиноведение насчитывает порядка 40 лет. Его появление обусловлено необходимостью разработки новых принципов гуманитарной методологии, в исходном тезисе для осуществления которой ключевой потребностью выступает запрос на объединение подходов, выработанных в рамках традиционной китайской философии науки и китайской культуры, и языкового кода современной науки. При этом «восточный» взгляд на устои гуманитаристики зиждется на конвергенции точек зрения российских и западных исследователей (см. работы А. Бема, П. Бицилли, М. Бубера, В. Виноградова, Ю. Кристевой, А. Лосева, П. де Мана, Ц. Тодорова, М. Фуко, М. Шелера, Р. Якобсона и др.).

В Китае идеи М. М. Бахтина развиваются весьма продуктивно. В качестве достижений китайского бахтиноведения можно считать результаты издательской деятельности (в частности, опубликованные собрания сочинений ученого-классика), орга-

низацию тематических научных мероприятий (об этом, в частности, свидетельствует проведение масштабной XVI Международной конференции «Бахтин в постреволюционную эпоху» в Шанхае в 2017 г., в работе которой приняли участие китайские филологи), все чаще появляющиеся в последнее время исследования китайских специалистов-гуманитариев. Подробный обзор достижений в изучении идей М. М. Бахтина в китайской филологии содержится в статье президента Всекитайского общества М. Бахтина Чжоу Цичао «После и помимо понятий „полифония“, „диалог“, „карнавализация“. Изучение Бахтина в современном Китае» [4]. Так, автор отмечает, что «число защищенных докторских диссертаций в различных учебных заведениях Китая на сегодняшний день насчитывает полтора десятка работ; количество статей, опубликованных в Китае по теории Бахтина с 1979 по 2009 г., превышает 600, число монографий приближается к 10» [4, с. 223]. Предложенные М. Бахтиным методологические принципы активно применяются китайскими филологами, философами и культурологами в целях осуществления исследований, содержащих интерпретации текстов разных жанров и стилей, в том числе написанных на национальном языке с учетом его традиций и истории развития.

Значимость выводов, получаемых в результате исследования «опыта наложения бахтинских моделей на собственно китайский материал – от пародии в текстах династии Мин и соответствия классических романов китайского Средневековья бахтинской жанровой модели романа до выявления особенностей диалога поколений сквозь призму отношений «я»–«другой» в современном китайском обществе» [5, с. 182], отмечается не только китайскими, но и многими учеными-бахтиноведами из других стран. Об этом пишут в своих трудах И. Л. Попова (Россия, ИМЛИ РАН), К. Хиршкоп (Канада, Университет Ватерлоо), К. Брэндист (Великобритания, Бахтинский центр Шеффилдского университета), Г. Тиханов (Великобритания, Университет Королевы Марии), А. Балашова (ОАЭ, Университет Абу-Даби) и др.

Таким образом, *актуальность* изучения рецепции относительно идей М. М. Бахтина современными китайскими учеными и обобщение результатов этой рецепции очевидны. *Целью статьи* выступает обобщение и систематизация научного знания, наработанного за последние 40 лет в китайской русистике относительно осмысления одних из ключевых теорий М. М. Бахтина, – теории символов и теории диалога. Исследование строится с учетом как наблюдающихся в мировой гуманитаристике тенденций в интерпретации текстов великого философа, так и собственно национальных подхо-

дов, существующих в Китае на протяжении всего развития страны в ее культуре, истории, языке.

Материал и методы

Материалом исследования выступают первоисточники – тексты статей и монографий М. М. Бахтина, а также статьи китайских авторов, в которых интерпретируются содержательные аспекты семиотической теории и теории диалога М. М. Бахтина. В качестве аспекта рассматривается соотношение предложенных китайскими учеными вариантов толкования этих концепций и тех точек зрения на обозначенные теории, которые представлены в работах российских и западных ученых-филологов.

Методологическая база исследования предполагает использование общенаучного метода анализа источников по проблеме обобщения, систематизации и категоризации информации, а также сравнительно-сопоставительный метод, метод интроспекции (собственной рефлексии относительно смыслов, содержащихся в первоисточнике – текстах М. М. Бахтина), текстовый анализ.

Результаты и обсуждение

М. М. Бахтин – один из важнейших мыслителей и семиотиков гуманитаристики XX–XXI вв. После тщательного исследования нетрудно обнаружить, что в академических мыслях Бахтина одним из постоянных ключей к разгадке является его внимание к природе знаков и теории диалога. Что касается первого, то материальность, история, социальность, сознание и декодируемость, дискурс, мета-язык и ряд свойств символов имеют важное онтологическое значение и составляют основу исследований в области гуманитарных наук; с точки зрения последнего, субъективность, теория повторного появления, теория карнавала составляют суть диалогового мышления, отстаивая позитивный, индивидуалистический и гуманистический дух равного участия.

*Учение о природе знака-символа:
обобщение опыта рецепции в китайской
филологии*

1. Существенность символа. Говоря о форме и содержании символов, М. Бахтин считает, что любое символическое явление имеет определенную материальную форму. «Любой идеологический символ – это не только отражение, тень действительности, но и материал самой действительности. Любое знаковое явление имеет определенную материальную форму: звук, физический материал, цвет, движение тела и т. д.» [6, с. 189]. Другими словами, реальность знаков полностью объективна, а знаки имеют материальную основу, т. е. отображение предметов предметами, которые порождают смысл. Для более ясного объяснения мате-

риальности знаков он также особо указал: «Наряду с явлениями природы, техническими объектами и товарами народного потребления существует особый мир – мир знаков. Символы также являются индивидуальными объектами, как мы видели, любая природная, технологическая или потребительская вещь может стать символом, но в то же время она имеет значение в рамках одного объекта. Он существует только как часть реальности, а также отражает и преломляет другую реальность» [6, с. 350].

Знак, в том числе языковой знак, реализует значение в условиях конкретной речевой ситуации: М. М. Бахтин уделяет важнейшее внимание на контекст высказываний, считая, что значение и коннотация высказываний зависят не только от значения слов в словаре, но и – а это важнее всего – зависят от их способа применения и контекста применения [7, с. 618]. По его словам, важная проблема – это изучение связи конкретного взаимодействия с внесловесной ситуацией. «Язык живет и исторически становится именно здесь, в конкретном речевом общении» [8, с. 430].

2. Историчность символов. Историчность символа тесно связана с содержанием символа. Когда Бахтин обращал внимание на содержание символов, то подчеркивал особенности «акцента» и «полифонии» символов. Он указал, что существование, отраженное в символе, – это не простое отражение, а преломление символа. И это преломление определяется спорами социальных мнений различных тенденций внутри символического коллектива, т. е. классовой борьбой. Можно сказать, что символ – это сцена классовой борьбы. Поэтому каждый идеологический символ переплетается с акцентными символами разных направлений. Бахтин считает, что полифония символа – очень важный фактор в символе. Благодаря этому символы живы и обладают способностью двигаться и развиваться. Если символ исключен из социальной борьбы, он неизбежно придет в упадок, а затем вырождается в аллереорию, которая может стать предметом только филологических концепций.

3. Социальность символов. М. Бахтин отмечал, что символы неразрывно связаны с социальной средой. Прежде всего, по мысли ученого, любые идеологические символы, в том числе языковые, определяются социальной атмосферой и социальными группами этой эпохи, когда они реализуются в процессе социальной коммуникации. Во-вторых, понимание любого символа неотделимо от среды, в которой символ реализуется, и эта среда должна быть социальной. В-третьих, среда, в которой создаются знаки, также социальна. Символы возникают только в процессе взаимодействия многих индивидуальных сознаний. Иными словами, сим-

волы могут создаваться только в сфере между людьми, и эта сфера не является естественной. Два индивида должны быть организованы в социальную форму, т. е. сформировать коллектив: только тогда может быть сформирована символическая среда между ними. Поэтому Бахтин подчеркивал, что «любой знак в любом случае социальный» [8, с. 378].

4. *Сознание символов.* М. Бахтин утверждал, что личное сознание опирается на знаки и возникает из них, а также отражает логику знаков и регулярность знаков. Само единое сознание полно символов, потому что сознание состоит из символических материалов, созданных в процессе коллективного и организованного социального взаимодействия. Другими словами, только тогда, когда он наполнен мыслями и имеет соответствующее символическое содержание, он может стать сознанием только в процессе социального взаимодействия. Поэтому Бахтин указывал, что «личное сознание является фактом социальной идеологии» [8, с. 353]. Мы видим, что ученый уделяет особое внимание социальному взаимодействию, а символ — это материализованное проявление взаимодействия между людьми.

М. Бахтин подчеркнул взаимосвязь знаков и идеологии в статье «Марксизм и философия языка». Он указал, что идеологическая сфера согласуется с символической сферой и что идеология и символы взаимозависимы: «Все идеологические вещи имеют значение: они представляют, выражают и заменяют то, что существует вне их, а также это значит, что это символ. Там, где нет символов, нет идеологии» [8, с. 349]. Сама идеология — это своего рода символ, она одновременно и реалистична, и духовна, другими словами, это одновременно и часть реального явления, и часть духовного феномена. Например, хлеб и вино, с одной стороны, являются потребительскими веществами, а с другой — религиозными символами в христианской церемонии причастия. Другой пример: мысли людей должны быть выражены посредством языка, а язык — это прежде всего знак, отметка и знак. Он имеет абсолютную материальную реальность, т. е. языковые знаки имеют объективную реальность, передавая духовное сознание людей, языковые символы также включают означаемый компонент, значение будет по-прежнему производиться вокруг языковых знаков, и «все идеологии имеют значение» [9].

Исследователь также проанализировал борьбу между сознанием и бессознательным языком З. Фрейда, полагая, что это борьба двух социальных сил, т. е. между официальным и неофициальным сознанием. Бахтин говорил также об идеологической и даже политической природе языковых

знаков. В языковом общении люди часто цитируют слова и фразы известных людей. Бахтин проанализировал цитаты — высказывания публичных людей эпохи Средневековья, которые имеют характер откровенной проповеди рационализма и догматизма и обладают абсолютным авторитетом. Это как раз связано с доминирующим философским направлением средневекового богословия, рационализма и механизма [10, с. 91].

5. *Декодируемость символов.* Бахтин рассматривает «язык» как своего рода «семиотическую систему» и считает, что любая система символов в принципе всегда поддается декодированию, т. е. переводится в другие системы символов. Так называемое декодирование обычно направлено на «понимание» связи [11, с. 103–104]. Итак, как люди понимают символы? Бахтин говорил о следующих трех ситуациях: Во-первых, освежить значение символов через знакомые символы. Этот метод помещает символы в группу символов, которая представляет собой единое целое, и развитие ее значения является непрерывным. Во-вторых, будь то внешний символ или внутренний символ, его понимание завершается в тесном контакте со всей окружающей средой, реализуемой посредством символа. Потому что символическая природа символа заключается в его неразрывной связи с социальной средой. В-третьих, внутренние символы позволяют людям чувствовать и понимать внешние символы. Поскольку нет внутреннего символа, нет и внешнего символа. Внешний символ, который не может войти во внутренний символ, т. е. внешний символ, который нельзя понять и почувствовать, больше не является символом, а становится объектом. То, о чем шла речь выше, — это способ понимания символов, и при декодировании символов нам также нужно обращать внимание на процесс. Бахтин однажды перечислил четыре его процесса: один — это психологическое и физиологическое восприятие физических символов (слов, цветов, пространственных форм); другой — это восприятие этого символа (известного или неизвестного), чтобы понять (обобщенное) значение символов, повторяющихся в языке; в-третьих, это понять значения символов в контексте (близкий и далекий контексты); четвертый — понимание активного диалога. Эту модель можно упростить следующим образом: восприятие → познание (концептуальное значение) → познание (контекстное значение) → активный диалог. Первый этап включен в процесс понимания, потому что воспринимаемое является не объектом, а «физическим символом», т. е. сознанием, которое люди воспринимают через идеологию; второй и третий процессы являются когнитивными: обобщением и конкретностью, от общего к частному, до четвертого

этапа – это активный и динамичный диалог. Это связано с участием и передачей личной идеологии получателя знака.

Признавая понятие «понимание», мы должны различать другое понятие – «интерпретация», или «толкование». Бахтин считает, что «толкование» и «понимание» – принципиально разные процессы. Их содержание раскрывается в соотнесенности с критерием «диалогичности». При «толковании» существует только одно сознание и один субъект. Напротив, при «понимании» существуют два сознания и два субъекта, которые представляют собой взаимодействие и общение между интерпретатором и пользователем символа, поэтому «понимание» всегда в определенной степени диалогично.

6. *Дискурс знаков.* По мнению М. Бахтина, дискурс как наиболее оптимальное и эффективное средство социальной коммуникации является наиболее типичным символом. Он считает, что только в языке характеристики знаков и всестороннее ограничение общения могут быть выражены так ясно и полно. Он сказал: «Вся реальность дискурса полностью растворяется в его символической функции. В дискурсе нет ничего, что не имело бы отношения к этой функции» [6, с. 354]. Можно сказать, что слова являются наиболее типичными и наиболее «чистыми» символами. Бахтин считает, что дискурсивные символы обладают определенной универсальностью. Мы знаем, что другие семиотические материалы, кроме дискурса, специализируются на отдельных областях идеологического творчества. Таким образом, каждое поле имеет свой идеологический материал. Эти специализированные знаки и символы не могут быть использованы в других областях. Дискурсивные символы вообще подходят для идеологических функций, т. е. могут брать на себя любые идеологические функции: научные, эстетические, этические, религиозные и так далее. Кроме того, дискурсивность символов имеет и сопутствующий признак, который нельзя не учитывать, т. е. дискурс сопровождает и комментирует любой вид идеологического поведения. Без участия внутреннего языка процесс понимания любого идеологического явления (живопись, музыка, ритуал) не будет реализован, хотя это не означает, что дискурс может заменить любой идеологический символ. «Но в то же время все эти идеологические знаки, которые не могут быть заменены словами, зависят от слов, сопровождаются словами, как аккомпанемент пения» [6, с. 355].

7. *Металингвистическая природа символов.* По мнению М. М. Бахтина, в учении о знаках-символах четко прослеживаются две концепции: металингвистическая и транслингвистическая. На первый взгляд, эти два термина кажутся разными, но

на самом деле они отражают диалектическую природу бахтинской философии языкознания.

Разработка Бахтиным языкознания в основном отражена в двух вопросах: роли символов в человеческом мышлении и роли выражений в языке. Первое связано с металингвистикой, а второе – с гиперлингвистикой. Во-первых, Бахтин рассматривает язык как некую систему символов и считает, что любая система символов в принципе поддается декодированию, т. е. переводу в другие системы символов. Таким образом, существует общая логика различных знаковых систем, потенциально единый язык языков, функционирующий как метаязык. Ясно, что стратегия Бахтина заключалась в том, чтобы выявить общее во всех контекстах, найти метаязык, способный объяснить объект исследования, и он считал, что именно этот метаязык структурирует межличностные отношения между сознаниями, формирует познавательную деятельность человека и играет роль социальной движущей силы. Кроме того, по мысли Бахтина, языковые знаки также обладают экстралингвистическими свойствами. При изучении языковых символов мы должны ориентироваться не только на вещи внутри языка, но и на вещи вне языка. Иными словами, признавая систематичность языковых знаков, мы должны также посвятить себя размышлению о сложной природе конкретных дискурсов в конкретных контекстах, поскольку здесь имеется и другая, столь же упорядоченная систематичность. По мнению Бахтина, действительным центром языковой деятельности человека является не языковая система, а выражение в словесной деятельности. Он указывал, что всякое конкретное выражение является звеном в цепи вербального общения в определенной области. Каждое утверждение следует сначала рассматривать как ответ на предыдущее утверждение в этой области – оно либо опровергает предыдущее утверждение, либо подтверждает его, либо дополняет его, либо опирается на него, либо предполагает его как известное. Потому что выражение в сфере общения по этому вопросу всегда имеет определенную позицию. Невозможно определить собственную позицию в виде, не предполагающем связи с другими позициями. Поэтому каждое выражение наполнено ответными реакциями на другие выражения в сфере речевого общения. Эти реакции принимают различные формы. Таким образом, вербальное общение становится процессом активного «обмена мыслями». Сообщаемые идеи не безразличны друг к другу, и каждая мысль не является самостоятельной и самодостаточной, они знакомы друг с другом и отражают друг друга. Каждое выражение связано с другими выражениями общностью в сфере вербального об-

щения и полно отголосков и отголосков чужих слов [6, с. 177].

Можно видеть, что размышления М. Бахтина по поводу языковых знаков имеют важное онтологическое значение. Ученый отказывается от практики рассмотрения языка в формате «язык как чистая субстанция» (чтобы получить чистую парадигму и лексическое значение, независимо от специфического процесса порождения слов), отвергает принцип отделения языка от социальной, религиозной и человеческой природы. Ученый обращается к очевидным системным особенностям языка (таким, как лексические, синтаксические или относительно фиксированные значения слов) и явному отсутствию контекстуальных и экстралингвистических факторов, которые не могут быть включены в систему состояния разделения. С этой точки зрения бахтинское понимание «внеязыкового», или «металингвистического», языковых символов правильно, а толкование «металингвистического» может быть ближе к сути.

*О теории диалога
с позиции интерпретации носителем
китайского языка*

1. Вводные замечания. Идея диалога – ключевая в концепции М. М. Бахтина. Эта мысль не раз актуализировалась китайскими учеными (Дун Сяоин, Лин Цзяньхоу, Чжан Цзе, Чжоу Гуаншэн, Цзэн Цзюнь, Шэнь Хуачжу и др.). На протяжении всей своей жизни он уделял внимание изучению неразрывной связи языка и жизни, личности и общества, рассматривал язык и культурную деятельность с философской точки зрения. Под диалогом мыслитель понимает «модель человеческого общения и творчества, отправной точкой которого является такое предположение: истинное сознание требует взаимодействия хотя бы двух воплощенных голосов или личностей» [12, с. 76]. Теория диалогизма в целом – ключевая позиция мировой гуманитаристики второй половины XX века, основная позиция в науке, эстетике и философии, принесшая много перспективных предложений для развития академической науки.

Как философская отправная точка и теоретическая цель теории Бахтина диалогизм занимает важное место во всей ее идеологической системе [13, с. 128]. Идеи «диалогизма» и «диалога» происходят от философско-антропологической точки зрения Бахтина, которая была предложена им при обсуждении характеристик «полифонического романа», изучении творческого дискурса русского писателя Ф. М. Достоевского. Бахтин считает, что в целом романы великого классика везде пронизаны диалогом, отражающим следующие важные черты. Во-первых, «равенство». Между главными героями романа и между главными героями и автором

существуют равноправные диалогические отношения, и каждый имеет свое субъектное право быть участником «разговора». «Разговорность есть особая форма взаимодействия разных равностатусных и ценностных сознаний» [6, с. 374]. По мнению М. Бахтина, Ф. М. Достоевский обладает одаренной способностью: он может слышать диалог своей эпохи, в эту эпоху он может не только схватывать отдельные голоса, но, что более важно, отражать в речевой ткани своего художественного произведения диалогические отношения между разными голосами, взаимодействие между ними посредством развертывания даже не диалоговой, а полилоговой коммуникации. Он мог слышать господствующий, признанный и могущественный голос эпохи, господствующую идею, но также и некоторые более слабые голоса и идеи, которые не были полностью раскрыты, скрытые идеи и идеи, только зарождающиеся [14, с. 109]. Второе – «автономность». Единого сознания верховного автора в романе нет, каждый персонаж романа имеет самостоятельное «самосознание», через которое в романе разворачивается сюжет, судьбы героев, характер образа, так как показывает разные сознания с одинаковым значением мира. Иными словами, персонажи в литературных произведениях живы и имеют свои мысли и понятия, и когда писатели «изображают кого угодно» в полифонических романах, они «принимают за господствующий фактор самосознание», которое «достаточно само по себе. Это единый, самостоятельный художественный мир» [6, с. 67]. Можно сказать, что без «диалогового» самосознания персонажей невозможны «минидиалоги» сознания персонажей, невозможны «большие диалоги» между персонажами и между авторами и персонажами в макете романа [14, с. 109]. Третье – «позитив». Субъективность главного героя и отображение в романе разных осознанных миров не означает, что писатель пассивен и не имеет собственного художественного замысла и эстетического идеала, а означает, что писатель предоставляет своим героям большую свободу в процессе творчества. В пространстве своего воображения литературные персонажи могут полностью выражать свои мнения в форме диалога и в то же время концентрировать в одной плоскости для описания всевозможные противоречивые мысли, стремиться создать синхронное состояние существования, в то время как авторское сознание всегда «под рукой». В этом заключается высокая степень позитивного мировосприятия. Вышеуказанные черты составляют творческий анализ литературных произведений Бахтиным, заставляют почувствовать самостоятельность и внутреннюю свободу главного героя произведений, заставляют осознать незавершенность диалога, за-

ставляют как бы прислушаться к полифонии хора произведений.

2. Интерсубъектность. Субъектность – это культурно-философское понятие, лежащее в основе понятий «диалога» и «потенциального диалога между субъектами». В исследованиях Бахтина представление о субъектности тесно связано с существованием «инаковости»: без другого нет «инаковости», отличной от «я», и не может быть построен диалог. Ведь не только в теоретическом построении, но и в исследовательской практике Бахтин всегда продолжал эту идею «инаковости», основанной на «интерности». «Что касается жанров, то он ищет диалога между Достоевским, Рабле и другими писателями; он ищет диалога между русской и немецкой философией и другими западными источниками мысли; в плане исследовательских целей он ищет диалога между литературой и философией, лингвистикой, антропологией и другими дисциплинами, а также между литературными и нелитературными факторами; он изучает диалог между персонажами в романах, диалог между автором и главным героем» [13, с. 129]. Позиция Бахтина в вопросах построения диалога – открытая, релятивистская и инклюзивная диалоговая позиция, предполагающая отказ от монологической стратегии. Данное исследование должно искать сосуществование различных систем дискурса и культурных систем, обращать внимание на «вопрошание» и «инаковость» и искать на этой основе основу взаимного роста, ведь главная задача самой культуры – научиться уважать чужие мысли и понимать чужие мысли, а вторая – сохранять свои идеи и одновременно вносить в них новые варианты толкования.

3. Теория полифонии. Концепция полифонии была первоначально заимствована из теории полифонии в музыке, которая состоит в ориентации на синхронизацию нескольких голосов. Метафора использования музыкального термина в качестве номинации архетипа романной формы является оригинальным решением в рамках М. Бахтина. Этим термином ученый обозначает новый тип речи, эксплицированный в произведениях Ф. М. Достоевского, а также указывает на характерные черты таких романов. «Сущность полифонии именно в этом: разные голоса еще сохраняют здесь свою самостоятельность, и как самостоятельные голоса соединяются в единство, которое есть единство более высокое, чем монофоническая структура. Если надо сказать об индивидуальной воле, то полифоническая структура как раз и есть сочетание воль нескольких индивидов, что в принципе выходит за рамки воли одного индивида. Можно сказать, что художественная воля полифонической структуры заключается в соединении многих воль и формиро-

вании событий» [6, с. 27]. Очевидно, что понятие полифонии выходит далеко за рамки узкого понятия романной нарратологии, ибо бахтинская интерпретация романов Достоевского имеет свой эстетический контекст.

Полифоническая теория М. Бахтина тесно связана с полифонизмом всей художественной литературы. Он считает, что отличие полифонических романов от так называемых «сольных» заключается в отношениях между автором и главным героем. Герои Достоевского – носители самостоятельных речевых партий, а не безмолвные немые. В полифонической беллетристике автор не объективирует сознание других людей, не делает о них окончательных выводов «за их спиной». Автор дает читателю понять, что есть равное сознание других, которое, как и сознание автора, не имеет конца и не может быть завершено. «Не мир предметов отражает и воспроизводит сознание автора, а именно эти другие сознания и их миры, и воспроизвести их – значит выписать их истинную незавершенность» [6, с. 90]. Поскольку сознание других нельзя наблюдать, анализировать и определять как объект или как вещь, с ними возможен только диалог. Думать о них – значит говорить с ними. Поэтому автор должен занять диалогическую позицию по отношению к главному герою: он разговаривает с главным героем, а не говорит главному герою.

Полифоническая теория Бахтина, по существу, основана на диалогическом характере художественного мышления и опровергает «монологический» творческий принцип. Бахтин обнаружил, что «ино-я»-взаимодействие в художественном творчестве, т. е. взаимоотношения автора и главного героя ближе всего к «ино-я»-взаимодействию в реальной жизни, но на иных принципах. В восприятии жизни познающий рассматривает другую личность как своеобразную развивающуюся и изменяющуюся конкретную личность и непрерывно наблюдает за ней, не делая вывода. В литературном познании автор выносит окончательное суждение о герое, все находится в авторской власти, а герой не имеет развития и изменения. Автор управляет главным героем и дает окончательное завершение и заключение, что можно назвать общим правилом эстетической фотографии.

4. Теория карнавала. В китайской науке понятие разрабатывается такими учеными, как Ван Цзяньган, Ся Чжунсянь, Сун Чунсянь и др. Понятие «карнавализация» произошло от наименования «карнавального» типа празднеств в Древней Греции и Риме или ранее. Бахтин всегда обращал внимание на явление «карнавализации» и почти никогда не прекращал своих исследований поэтики карнавализации. Понятие «карнавализация» используется Бахтиным не только как характеристика рома-

нов Рабле, но и в качестве номинации-обобщения культурных особенностей периода социальных преобразований. Ся Чжунсянь после изучения поэтической теории карнавализации Бахтина указал, что карнавализация имеет свои уникальные внешние характеристики и глубокие внутренние характеристики [15, с. 74]. Например, национальность, обрядность, исчезновение дистанции, шутки – его внешние характеристики, а карнавальное мировосприятие, двойственность, относительность – внутренние. Конечно, простое истолкование «карнавала» не является целью Бахтина, но интерпретация и трансплантация карнавального духа являются намерением Бахтина. По мнению исследователя, карнавальное дух оживляет все, что заключено в тюрьму иерархического мировоззрения. Священное и вульгарное, возвышенное и смиренное, великое и ничтожное, разумное и тупое и т. д. сблизились или слились воедино, и границы между ними стираются и разрыв заполняется [15, с. 78]. Создается впечатление, что карнавализация – это особый язык или символ, уникальный способ мышления. В то же время его можно рассматривать и как более широкий духовно-культурный феномен, являющийся продуктом культурного проникновения и культурного взаимодействия. Поэтика карнавализации – теоретическая система, которую Бахтин беззаветно исследовал и тщательно конструировал в течение многих лет, отстаивает новый исторический взгляд, проникнутый духом карнавала, и имеет определяющее значение для культурологии. Во-первых, культурное разнообразие. «Карнавал», в видении Бахтина, – это ниспровержение иерархии и норм общества, религии, этики, эстетики и литературы, нарушение замкнутости литературных жанров, расшатывание монополии единой культуры, создание различных субкультур и массовых культур. Бинарная оппозиция официальной культуре становится все более размытой, заставляя многие несовместимые факторы чудесным образом сочетаться, заставляя их проникать, обмениваться и вести диалог между противоположностями, столкновениями и конфликтами, чтобы достичь одновременного сосуществования и множественного симбиоза [15, с. 80]. Во-вторых, культурное равенство. «В метафорическом смысле карнавализация на самом деле метафоризирует равноправный диа-

лог между различными дискурсами в эпоху культурного плюрализма, когда авторитетные дискурсы распадаются» [13, с. 131].

В существующих культурных исследованиях основное внимание ученых уделяется «центральной культуре», в то время как «периферийная культура» часто игнорируется. «В эпоху хора и многополярного симбиоза любая попытка «монологизировать» какую-либо мысль или дискурс в конце концов закончится шумной, почти комической ситуацией» [13, с. 131]. Поэтому постоянный обмен позициями между центром и периферией станет возможным ландшафтом для будущих культурологических исследований, а уважение к центральному дискурсу и игнорирование периферийного дискурса в традиционных культурных исследованиях также будет чревато отходом от аксиологии. В-третьих, открытость культуры. Бахтин указывал, что «в развитии европейской литературы карнавализация всегда помогала людям разрушать все преграды, существующие между разными жанрами, между замкнутыми системами мысли, между разными стилями. Карнавализация снимает всякую близость, взаимное презрение, сближает далекое, сближает разлученное» [9, с. 190]. Культурология должна активно искать необычный синтез различных факторов, выступать за открытость содержания и формы, интегрировать разные типы культуры, разные системы мышления (конвенциональную систему и карнавальную систему), различные приемы, разнонаправленный мир ценностей.

Заключение

Продолжение дальнейшего исследования научного наследия М. М. Бахтина, содержащего важные метапредметные и междисциплинарные смыслы, благоприятным образом сказывается на развитии современной китайской науки в сфере гуманитарных изысканий. Китайская гуманитаристика наращивает свое проблемное поле, открывая перспективы для разработки новых научных направлений и создания коллабораций с научными институтами по всему миру. «Идеи Бахтина значительно расширили пространство мышления и положительно содействовали идеологическому освобождению гуманитарных наук в современном Китае» [4, с. 61].

Список источников

1. Осовский О. Е. Бахтин в Шанхае. «Уроки китайского» для бахтинистики // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 207–233.
2. Шапошникова И. В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филол. журнал. 2020. № 1. С. 199–215.
3. Чжао Сюе, Говорухина Ю. А., Суханов В. А. Русская литература в Китае: конфликт интерпретаций, его причины и пути преодоления (на материале рецепции русской литературы китайским читателем). Статья I // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 473. С. 112–118. doi: 10.17223/15617793/473/13

4. Цицао Чжоу. После и помимо понятий «полифония», «диалог», «карнавализация». Изучение Бахтина в современном Китае // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 219–237.
5. Дубровская С. А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // Регионология (Regionology). 2018. Т. 26, № 1. С. 179–183. doi: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.179-183. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/2018_1/dubrovskaya.pdf?ysclid=117e2orhoy (дата обращения: 26.03.2022).
6. Бахтин М. М. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 196 с.
7. Чжан Бин. Место и смысл «Марксизм и философия языка» в развитии диалогизма круга М. М. Бахтина – краткое изложение содержания монографии «Изучение марксистской философии языка в бахтинских кругах» // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2016. № 1. С. 613–625.
8. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
9. Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении / составитель Г. Поляк; редактор К. Кустанович. Нью-Йорк: Серебряный век, 1982. 237 с. URL: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_formalny_metod_v_literaturoedenii_1982__ocr.pdf?ysclid=1182e43drt (дата обращения: 26.03.2022).
10. Чжоу Цзэдун (周泽东). О лингвистической теории Бахтина (论巴赫金的语言学理论) // Журнал Сянтанского пед. ун-та (湘潭师范学院学报). 2002. Вып. 24. № 1. С. 89–92. URL: <https://www.doc88.com/p-8156038683469.html> (дата обращения: 28.03.2022).
11. Бай Чжэнсянь (白臻贤). О вкладе Бахтина в семиотику (论巴赫金对符号学的贡献) // Журнал Хунаньской бизнес-школы (湖南商学院学报). 2006. Вып. 13. № 2. С. 102–104. URL: <http://www.doc88.com/p-2611699002316.html> (дата обращения: 28.03.2022).
12. Рожков М. А. Диалог как самоидентификация в культуре // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 330. С. 75–77.
13. Цзян Шучжо, Ли Фэнлянь (蒋述卓 李凤亮). Диалог: теоретический дух и принципы работы (对话：理论精神与操作原则) // Литературное обозрение (文学评论). 2000. № 1. С. 128–130. URL: <http://www.doc88.com/p-5746906760645.html> (дата обращения: 28.03.2022).
14. Лю Куньюань (刘坤媛). Просвещение от китаизации бахтинской теории «диалога» (巴赫金“对话”理论中国化的启示) // Фронт социальных наук (社会科学战线). 2006. № 4. С. 109. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-SHZX200604017.htm> (дата обращения: 28.03.2022).
15. Ся Чжунсянь (夏忠宪). Бахтинская теория карнавальной поэтики (巴赫金狂欢化诗学理论) // Журнал Пекинского пед. ун-та (北京师范大学学报). 1994. № 5. С. 74–82. URL: <https://www.docin.com/p-846732762.html> (дата обращения: 28.03.2022).

References

1. Osovsky O. E. Bakhtin v Shangkhai. “Uroki kitayskogo” dlya bakhtinistiki [Bakhtin in Shanghai. “Chinese Lessons” for Bakhtin Studies]. *Voprosy literatury*, 2019, no. 2, pp. 207–233 (in Russian).
2. Shaposhnikova I. V. Ipostasi verbal'noy kul'tury: universal'noye v spetsifichnom [Hypostases of verbal culture: the universal in the specific]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 1, pp. 199–215 (in Russian).
3. Chzhao Syuye, Govorukhina Yu. A., Sukhanov V. A. Russkaya literatura v Kitaye: konflikt interpretatsiy, yego prichiny i puti preodoleniya (na materiale retseptsii russkoy literatury kitayskim chitatelem). Stat'ya I [Russian Literature in China: Conflict of Interpretations, Its Causes and Ways to Overcome (Based on the Chinese Reader's Reception of Russian Literature). Article I]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 473, pp. 112–118. doi: 10.17223/15617793/473/13 (in Russian).
4. Qichao Zhou. Posle i pomimo ponyatiy “polifoniya”, “dialog”, “karnavalizatsiya”. Izucheniye Bakhtina v sovremennom Kitaye [After and in addition to the concepts of “polyphony”, “dialogue”, “carnivalization”. The study of Bakhtin in modern China]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 6, pp. 219–237 (in Russian).
5. Dubrovskaya S. A. Mezhdunarodnaya Bakhtinskaya konferentsiya v Shangkhai [International Bakhtin Conference in Shanghai]. *Regionologiya – Regionology*, 2018, vol. 26, no. 1, pp. 179–183 (in Russian). doi: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.179-183. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/2018_1/dubrovskaya.pdf?ysclid=117e2orhoy (accessed 26 March 2022).
6. Bakhtin M. M. *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnyye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the philosophy of language: The main problems of the sociological method in the science of language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 196 p. (in Russian).
7. Chzhan Bin. Mesto i smysl “Marksizm i filosofiya yazyka” v razvitii dialogizma kruga M. M. Bakhtina – kratkoye izlozheniye soderzhaniya monografii “Izucheniye marksistskoy filosofii yazyka v bakhtinskikh krugakh” [The place and meaning of “Marxism and the Philosophy of Language” in the development of dialogism of the circle of M. M. Bakhtin – a summary of the content of the monograph “The study of the Marxist philosophy of language in Bakhtin's circles”]. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii; 13–17 maya, 2016 g., Afiny, Gretsiya* [Russian language and culture in the mirror of translation: Proceedings of the VI International Scientific Conference; May 13–17, 2016, Athens, Greece]. Moscow, Maks Press Publ., 2016, no. 1, pp. 613–625 (in Russian).

8. Bakhtin M. M. *Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka: stat'i* [Freudianism. Formal method in literary criticism. Marxism and philosophy of language: articles]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 640 p. (in Russian).
9. Bakhtin M. M. *Formal'nyy metod v literaturovedenii* [Formal method in literary criticism]. Comp. G. Polyak. Ed. K. Kustanovich. New-York, Serebryanyy vek Publ., 1982. 237 p. (in Russian). URL: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_formalny_metod_v_literaturovedenii_1982_ocr.pdf?ysclid=1182e43drr (accessed 26 March 2022).
10. Chzhou Tszedun. O lingvisticheskoy teorii Bakhtina [On Bakhtin's linguistic theory]. *Zhurnal Syantanskogo pedagogicheskogo universiteta*, 2002, vol. 24, no. 1, pp. 89–92 (in Chinese). URL: <https://www.doc88.com/p-8156038683469.html> (accessed 28 March 2022).
11. Bay Chzhensyan'. O vklade Bakhtina v semiotiku [On Bakhtin's contribution to semiotics]. *Zhurnal Khunan'skoy biznes-shkoly*, 2006, vol. 13, no. 2, pp. 102–104 (in Chinese). URL: <http://www.doc88.com/p-2611699002316.html> (accessed 28 March 2022).
12. Rozhkov M. A. Dialog kak samoidentifikatsiya v kul'ture [Dialogue as self-identification in culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 330, pp. 75–77 (in Russian).
13. Tszyan Shuchzho, Li Fenlyan. Dialog: teoreticheskiy dukh i printsipy raboty [Dialogue: theoretical spirit and principles of work]. *Literaturnoye obozreniye – Literary Review*, 2000, no. 1, pp. 128–130 (in Chinese). URL: <http://www.doc88.com/p-5746906760645.html> (accessed 28 March 2022).
14. Lyu Kun'yuan'. Prosveshcheniye ot kitaizatsii bakhtinskoy teorii “dialoga” [Enlightenment from the sinicization of Bakhtin's theory of “dialogue”]. *Front sotsial'nykh nauk – Social Science Front*, 2006, no. 4, p. 109 (in Chinese). URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-SHZX200604017.htm> (accessed 28 March 2022).
15. Sya Chzhunsyan'. Bakhtinskaya teoriya karnaval'noy poetiki [Bakhtin's theory of carnival poetics]. *Zhurnal Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta – Journal of Beijing Normal University*, 1994, no 5, pp. 74–82 (in Chinese). URL: <https://www.docin.com/p-846732762.html> (accessed 28 March 2022).

Информация об авторе

Го Мин, доктор филологических наук, доцент, Муданьцзянский педагогический университет (ул. Вэньхуа, 19, Муданьцзян, провинция Хэйлунцзян, Китай, 157012).

Information about the author

Guo Ming, Doctor of Philology, Associate Professor, Mudanjiang Normal University (ul. Wenhua, 19, Mudanjiang City, Heilongjiang Province, China, 157012).

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 29.03.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 811.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-96-106>

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО МИФА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Кристина Сергеевна Быкова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, ksb7@tpu.ru

Аннотация

Введение. Представлен анализ ситуации, сложившейся в сфере современной научно-популярной журналистики и связанной с множественными форматами популяризации научного знания, не все из которых корректно его представляют. Эта ситуация способствует формированию так называемых научных мифов, зачастую оказывающих сильное влияние на отношение общества к науке и ученым.

Цель – представить анализ ситуации, сложившейся в современной научно-популярной журналистике и определить пути исследования лингвокогнитивных механизмов формирования научного мифа в научно-популярном дискурсе.

Материал и методы. Методологическую модель анализа научно-популярного дискурса предлагается построить на сочетании процедуры анализа дискурса по параметрам коммуникативных переменных и когнитивного подхода. В качестве когнитивных моделей будут рассмотрены: а) концептуальный фрейм; б) концептуальная метафора и метонимия; в) идеализированная когнитивная модель. Материалом исследования русскоязычного научно-популярного дискурса выступают тексты, представленные видеороликами, подкастами и статьями на специализированных ресурсах сети Интернет. В качестве материала исследования личности потребителя научно-популярного контента будут привлечены массивы комментариев научно-популярных видеоматериалов.

Заключение. Современные ученые пытаются изменить сложившуюся ситуацию, и в рамках популяризаторского сообщества ведутся активные дискуссии, имеющие целью противодействовать формированию прозелитических черт (которые являются одной из основных характеристик данного сообщества, что, однако, признается не всеми популяризаторами науки). Научный миф возникает в результате попытки непрофессионала понять сложную концепцию в условиях информационного перенасыщения и ускоряющегося темпа жизни, требующего сокращения времени, необходимого на осмысление поступающей информации, концепцию, которую популяризатор, преследуя цель облегчить понимание, сознательно упрощает, применяя различные художественные приемы (в частности, метафоры, риторические вопросы, аналогии, гиперболы). Процесс трансляции научного знания представляет собой сложную многокомпонентную систему, на которую оказывают существенное воздействие как социальные (тип культуры, образования, навыки критического мышления и работы с информацией, когнитивные ошибки), так и когнитивно-дискурсивные (формат представления, лингвокогнитивные механизмы моделирования информации) факторы. В связи с вышеназванными причинами появляется необходимость определить и изучить лингвокогнитивные механизмы образования научного мифа.

Ключевые слова: популяризация науки, научно-популярный дискурс, научный миф, популяризатор науки

Для цитирования: Быкова К. С. Лингвокогнитивные механизмы формирования научного мифа в научно-популярном дискурсе: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 96–106. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-96-106>

LINGUO-COGNITIVE MECHANISMS FOR THE FORMATION OF A SCIENTIFIC MYTH IN POPULAR SCIENCE DISCOURSE: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM

Kristina S. Bykova

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, ksb7@tpu.ru

Abstract

Introduction. The article presents an analysis of the situation in the field of modern popular science journalism and associated with multiple formats of popularization of scientific knowledge, not all of which correctly represent it. This situation contributes to the formation of so-called scientific myths, which often have a strong influence on the attitude of society towards science and scientists.

Aim and objectives. The purpose of this article is to present an analysis of the situation in modern popular science journalism and to identify ways to study the linguocognitive mechanisms of the formation of scientific myth in popular science discourse.

Material and methods. The methodological model of the analysis of popular science discourse is proposed to be built on a combination of the procedure for analyzing discourse on the parameters of communicative variables and a cognitive approach. As cognitive models, the following will be considered: a) conceptual frame; b) conceptual metaphor and metonymy; c) idealized cognitive model. The research material of the Russian-language popular science discourse will be texts presented by videos, podcasts and articles on specialized Internet resources. Arrays of comments from popular science videos will be used as a research material for the personality of the consumer of popular science content.

Conclusion. Modern scientists are trying to change this situation and active discussions are being held within the popularizing community in order to counteract the formation of proselytizing traits (which are one of the main characteristics of this community, which, however, is not recognized by all popularizers of science). A scientific myth arises as a result of an attempt by a layman to understand a complex concept in the conditions of information saturation and the accelerating pace of life, which requires a reduction in the time needed to comprehend incoming information, a concept that the popularizer, in order to facilitate understanding, consciously simplifies by applying various artistic techniques (in particular, metaphors, rhetorical questions, analogies, hyperbole). The process of translation of scientific knowledge is a complex multicomponent system, which is significantly influenced by both social (type of culture, education, critical thinking and information skills, cognitive errors) and cognitive-discursive (presentation format, linguocognitive mechanisms of information modeling) factors. Due to the above-mentioned reasons, it becomes necessary to identify and study the linguocognitive mechanisms of the formation of a scientific myth.

Keywords: popularization of science, popular science discourse, scientific myth, popularizer of science

For citation: Bykova K. S. Lingvokognitivnye mekhanizmy formirovaniya nauchnogo mifa v nauchno-populyarnom diskurse: k postanovke problemy [The Problem of Identifying Linguocognitive Mechanisms of Scientific Myth Formation in Popular Science Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 96–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-96-106>

Введение

Научные знания в их современном состоянии не всегда доступны массовому сознанию в силу их сложности и масштабности. Однако в своем технологическом преломлении они, напротив, доступны каждому члену общества, что порождает необходимость хотя бы поверхностного знакомства с достижениями науки. Весьма любопытным образом определил смысл существования популяризации науки как явления А. Сергеев, научный редактор журнала «Вокруг света»: «Предметы исследования науч-попа – массив знаний, накопленных наукой (назовем это условно научным сознанием), и массив обыденных представлений об устройстве мира и его изучении (назовем это общественным сознанием). Цель научно-популярных исследований – построение отображения научного сознания в общественное с минимальными искажениями смысла. Прикладное применение науч-попа – изменение состояния общественного сознания таким образом, чтобы в него можно было отобразить больший объем научного сознания с меньшими искажениями. Это важно, так как большой разрыв между объемами научного и общественного сознания чреват свертыванием научных исследований (поскольку финансовый дозатор в конечном счете в руках общества)» [1]. И с этим высказыванием действительно можно согласиться, дополнив его следующими важными факторами. В современном

обществе наука проникла во все сферы деятельности человека, видоизменяя повседневные практики высокотехнологичными гаджетами и новыми моральными установками, распространяемыми массовой культурой. Активно развиваются информационные технологии, робототехника и другие наукоемкие сферы деятельности. Наличие у человека научных знаний хотя бы на минимальном уровне становится критерием его успешности в профессиональной сфере, так как позволяет оперативно реагировать на изменения, происходящие в социуме. В этой ситуации человек, не занимающийся научной деятельностью профессионально, обращается к научно-популярным источникам – книгам, статьям, комиксам, видеороликам, теле- и радиопередачам, подкастам, авторами которых могут быть как ученые, так и журналисты [2].

При этом неравномерность уровня образования и культурного развития в обществе порождает систему научных мифов – проекции научных знаний в сознании носителей массовой культуры, таких, например, как «генная инженерия опасна», «любая прививка вредна», «появление новых вирусов связано с телекоммуникационными технологиями» и под. В формирование этой системы оказались активно включены популяризаторы науки – журналисты и блогеры, не всегда корректно рассказывающие о современных научных открытиях, что и влечет неадекватную интерпретацию.

Цель настоящей статьи – представить анализ ситуации, сложившейся в современной научно-популярной журналистике и определить пути исследования лингвокогнитивных механизмов формирования научного мифа в научно-популярном дискурсе.

Явление, обозначенное как «науч-поп», в современной России начало развиваться с момента основания Д. Б. Зиминим первого некоммерческого фонда поддержки фундаментальной науки «Династия» в 2001 г. [3] (позже он был признан иностранным агентом и ликвидирован). Своей целью фонд объявил поиск и поддержку талантов в российской науке, были основаны стипендиальные программы для студентов, молодых ученых и аспирантов. В 2004 г. был проведен первый всероссийский конкурс среди учителей математики и физики, а также открыта летняя научная школа. В 2005 г. объявляется проект «Популярная наука», в рамках которого открывается веб-сайт «Элементы». Начинается организация лекций зарубежных ученых в России, а кроме того, финансируются совместные научные работы с Институтом математических наук при Лондонском имперском колледже в области теории струн. В 2006 г. издание научно-популярной книги Билла Брайсона «Краткая история почти всего на свете» обеспечивает новое направление в деятельности фонда – издание и поощрение авторов научно-популярной литературы. В 2008 г. фондом была основана премия в этой области – «Просветитель», которая успешно вручается до сих пор.

5 июля 2015 г. основатель фонда ликвидирует его из-за многочисленных противоречий с министерством юстиции, так как фонд был признан иностранным агентом, с чем Д. Б. Зимин был категорически не согласен. Запущенную «Династией» деятельность по просвещению и популяризации науки подхватывают российские ученые – биоинформатик М. С. Гельфанд, главный редактор газеты «Троицкий вариант – наука», физик Б. Е. Штерн и другие, ставшие основателями нового некоммерческого фонда «Эволюция» [4].

Новый фонд, помимо публикации и поддержки авторов научно-популярной литературы, поставил перед собой и еще одну важную задачу, а именно – создание сообщества популяризаторов и развитие культуры просвещения. Кроме того, в числе важных оказались борьба с лженаукой и организация научных событий. Работу фонда обеспечивает поддержка инвесторов и массовые краудфандинговые кампании [5–6].

В целях создания сообщества просветителей фонд организывает лекции по всей России, во время которых ученые не только делятся знаниями с аудиторией, но и набирают людей, интересующихся популяризацией науки и готовых занимать-

ся организацией научных событий. Также в 2016 г. был создан всероссийский форум «Слет просветителей», чье предназначение состоит в знакомстве и заведении полезных связей между учеными, научными журналистами и популяризаторами из разных городов. Затем настал черед открытия Школы лекторов, для обучения в которой приглашаются молодые ученые, желающие научиться профессионально нести знания в массы. Для этого в рамках Школы им рассказывают о том, как создавать эффективные презентации, упрощать научные концепции, сохраняя их суть, пользоваться ораторским и актерским мастерством.

Государство начинает обращать больше внимания не только на финансирование и поощрение самой науки, но и на ее популяризацию. 10 февраля 2015 г. впервые была вручена премия «За верность науке», учрежденная Министерством образования и науки при поддержке Российской академии наук и Московского государственного университета им. Ломоносова [7]. Однако куда больше усилий в этой сфере прилагают сами ученые и научные журналисты. Кроме того, популяризаторское сообщество отмечает одной из проблем просветительского движения в России отсутствие последовательной государственной поддержки.

Стоит отметить, что российская популяризация имеет ярко выраженный уклон в сторону естественных наук, и особенно биологии, биотехнологии и медицины. Основным фактором здесь, по-видимому, является то, что именно ученые из этих областей начали активно развивать процесс просвещения. Однако не нужно упускать из виду и то, что гуманитарные науки достаточно сложно подвергнуть упрощению и сложнее объяснить среднестатистическому человеку, зачем ему знать, например, какие-то философские концепции. Помимо этого, можно сказать, что человек, не занимающийся наукой профессионально, придерживается обычно точки зрения, что гуманитарные науки «простые» и не нужно быть ученым, чтобы в них разбираться, достаточно жизненного опыта. Это ошибочное представление обуславливает практически полное отсутствие спроса на знания из гуманитарных областей, кроме, возможно, искусствоведения.

В рамках борьбы сообщества просветителей с научными мифами в 2016 г. был учрежден научно-просветительский форум «Ученые против мифов», который с тех пор регулярно проходит как минимум два раза в год. Известные ученые-популяризаторы читают лекции и развенчивают распространенные в обществе научные и околonaучные мифы. Форум сопровождается мастер-классами, ярмарками научно-популярной литературы и выставками на различные темы.

С активным формированием сообщества популяризаторов начинаются проблемы в современной популяризации науки в России. «Научпоп» приобретает все больше черт развлекательного шоу. Популяризаторов и просветителей называют «рок-звездами от науки» [8], а сам этот образ диктует определенные ассоциации – бунтарство, свобода, отрицание правил. Нельзя сказать, что эти ассоциации напрямую воплощаются в сообществе, однако присутствуют как минимум их отголоски [9]. В частности, вокруг наиболее ярких популяризаторов формируется «фанатская база», создающая своеобразный культ личности ученого.

Впервые об этом как о существенной проблеме говорит социолог В. С. Вахштайн в своей лекции «Популяризация науки: от просвещения к мракобесию» на Слете просветителей в 2017 г. [10]. Кроме того, он отмечает прозелитизм как часть движения «научпопа». В. С. Вахштайн отмечает в своей лекции, что в современной российской популяризации науки нет места «базовому конститутивному элементу научного производства» – сомнению. Впоследствии автор признал, что его лекция содержала некоторый элемент провокационности специально для того, чтобы поднять важные вопросы «научпопа». Можно сказать, что цель была достигнута. Вокруг лекции начались бурные дискуссии, разделившие людей, следящих за развитием популяризации науки в России, на два лагеря – тех, кто яростно отрицает высказанные В. С. Вахштайном идеи, и тех, кто встал на его сторону. Дискуссии проходили в социальных сетях ученых, где они размещали посты с подробным разбором лекции и приводили аргументы в пользу той или иной позиции. В частности, известный популяризатор, астрофизик С. Б. Попов в своем блоге писал так: *«Расстройство почтенной публики во многом связано с тем, что они же правда искренне хотели, как лучше. И особых бонусов на этом, в большинстве своем, не заработали. Поэтому ожидание состоит в том, что будут только хвалить, к тому же „свои“. На этом фоне вместо парадного портрета увидеть карикатуру – это слегка шок. Причем именно карикатуру: „сатирическое или юмористическое изображение, в котором комический эффект создается преувеличением и заострением неприятных, ужасных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями“. Но, с другой стороны, хочется воскликнуть: „Да это же Клетчатый“. Потому что похоже. Хотя и не так, как мы привыкли»* (авторская орфография и пунктуация) [11].

В лагере противников идей, высказанных В. С. Вахштайном, наиболее ярко выступал известный популяризатор биотехнологии А. Ю. Панчин.

В своем блоге в «Живом Журнале» он опубликовал пост под названием «Рассказ о том, как избили соломенное чучело популяризатора». А. Ю. Панчин, анализируя лекцию В. С. Вахштайна, выделяет логическую ошибку, носящую название «подмена тезиса», иначе «соломенное чучело», которую даже выносит в название своего поста, намеренно акцентируя на ней внимание. Однако проблема в том, что примеры, которые популяризатор приводит, чтобы доказать логическую ошибку лектора, скорее подходят под определение гиперболы, чем подмену тезиса. В частности, это можно увидеть в следующем отрывке: *«Например, Вахштайн утверждает, что научно-популярное движение «переродилось в миссионерство». «Они рассуждают так: перед нами темная масса людей, которым нужно нести свет теории эволюции, которые, если завтра не узнают про достижения исследований нейросетей или про очередную книгу Ричарда Докинза... Они просто без этого никак не проживут – это то же самое, что оставить аборигенов без Священного Писания», – заявляет лектор. Покажите мне кого-то, кто считает, что без книги Ричарда Докинза или знаний о достижениях исследований нейросетей кто-то умрет. Если вы социолог – проведите или приведите исследование. Или хотя бы укажите конкретные примеры. Я таких людей не знаю»* [12].

Уличая противника в подмене тезиса, А. Ю. Панчин сам допускает уже не одну логическую ошибку. Во-первых, ту же самую, какую приписывает оппоненту – подмену тезиса, но и, во-вторых, – апеллирует к незнанию: просит показать конкретный пример и тут же отмечает, что он таких примеров не видел, из-за чего можно считать, что их нет. Маловероятно, что В. С. Вахштайн в своей речи употребил выражение «без книги Ричарда Докинза они не проживут» [10] в прямом смысле, полагаем, что в данном случае можно говорить об иронии и сарказме.

В. С. Вахштайн ответил критикам в формате статьи под названием «Экспериментальное осквернение: космогония и морфология просветительских сообществ» на научно-популярном интернет-портале «Индикатор», где объяснил свои мотивы и провел анализ дискуссий, возникших вокруг лекции [13].

Анализируя конфликт В. С. Вахштайна и популяризаторского сообщества, можно понять, какие проблемы являются для современной российской популяризации науки актуальными сразу в двух контекстных ситуациях – с точки зрения социологии и философии науки и самих участников просветительского движения. С одной стороны, это прозелитизм, сциентизм, главенство точных и естественных наук, разделение «свой/чужой», «по-

пуляризация среди своих». С другой – мифологизация и искажение научного знания.

Результатом анализа современного состояния и актуальных проблем явления популяризации науки в России стало выделение его главной особенности – это направленность или иначе адресованность. Она может быть односторонней, тогда просвещение, как было отмечено выше, приобретает прозелитические черты, а популяризатор становится кем-то вроде проповедника, противореча самой сути научного знания. И направленность популяризации науки может быть взаимной: не только популяризатор адаптирует научные концепции в попытке объяснить их тому, кто не является профессиональным ученым, но и его аудитория хочет понять, воспринять новое знание, а потому прикладывает к этому определенные усилия. Здесь также возникает проблема – «популяризация среди своих», когда аудитория научно-популярных мероприятий становится постоянной и устойчивой, своеобразной закрытой группой, порог вхождения в которую слишком высок для того, чтобы в нее мог попасть просто любопытствующий человек, что опять же может привести к первому варианту.

Итак, чтобы понять, каким образом происходит искажение научного знания в процессе популяризации науки и как образуется научный миф, необходимо представить коммуникативную модель этого процесса, определить его участников и воздействующие на них факторы. Так как популяризация науки представляет собой достаточно сложный, многофакторный процесс, для его описания можно использовать в качестве методологической основы семиотическую линию моделей коммуникации. В качестве наиболее релевантных предлагаются функциональная модель речевой коммуникации Р. О. Якобсона и модель коммуникации между людьми У. Эко.

Модель Р. О. Якобсона позволяет установить участников, каналы связи и коды коммуникации. Согласно концепции У. Эко, помимо кодов, существуют лексикоды, «присущие не всем, а только какой-то части носителей языка» [14, с. 71]. Полагая, что в данном случае речь идет о дискурсивной специфике языковых средств. Особую сложность в процессе коммуникации представляет дешифровка лексикодов и кодов, используемых адресантом. Тогда мы очевидным образом приходим к выводу, что при подготовке к процессу трансляции научного знания популяризатор должен учитывать уровень образования, возраст, морально-этические нормы и другие социально-демографические показатели своей аудитории [15, с. 175–176], особенно если речь идет об устранении проблемы «популяризации среди своих».

Можно выделить две группы факторов, влияющих на процесс трансляции научного знания, – со стороны популяризатора и со стороны реципиента. И стоит учитывать, что популяризатор, в свою очередь, сам является реципиентом, воспринимая определенную речевую культуру, ведь он рос и развивался под влиянием общества. То есть факторы, относящиеся к формированию реципиента, относятся и к формированию личности популяризатора. Итак, это:

1) социальные факторы, влияющие на развитие личности в обществе, – тип культуры, образования и, соответственно, мышления, наличие или отсутствие навыков критического мышления и работы с информацией, а также когнитивные ошибки, свойственные человеку;

2) когнитивно-дискурсивные факторы, которые, безусловно, влияют на реципиента, но выбор которых становится ответственностью популяризатора науки – формат донесения знания (статья, видео, подкаст, комикс), лингвокогнитивные механизмы моделирования информации при адаптации научных концепций и «переводе» языка научной дисциплины на разговорно-бытовой.

Социальные факторы взаимосвязаны и влияют приблизительно в равной степени на популяризатора и реципиента, поэтому необходимо в первую очередь рассмотреть именно их.

«Словарь терминов и понятий по обществознанию» А. М. Лопухова дает следующее определение понятию «массовая культура» – «культура индустриальной цивилизации, ее „знаковая“ реальность, для которой характерно: коммерческая основа; ориентация на невысокий уровень духовного потребления; изобилие стандартов и стереотипов; развлекательность; широкое привлечение СМИ; частое обращение к жизненным инстинктам и низменным страстям человека, но и демократичность, доступность, высокие рекреационные качества» [16, с. 205]. Источники массовой культуры – литература, музыка, кинематограф, изобразительное искусство, компьютерные игры. Одним из основных качеств, без которого явление нельзя назвать массовым, является популярность [17, с. 100–101]. Произведения массовой культуры активно воздействуют на мировоззрение современного человека. Распространенность и встроенность научных достижений в жизнь современного человека определяют активное проникновение науки в массовую культуру [18, с. 3]. Моделирование научно-популярного дискурса в идеологическом ключе – практика, существующая уже давно и активно используемая как инструмент общественного влияния [19]. Массовая культура может влиять на процесс популяризации науки как положительно, пропагандируя ценность развития науки и тех-

нологий, распространяя знание, так и отрицательно, подавая технофобию в качестве нормы и заостряя внимание на проблемах, порожаемых стремительным совершенствованием техники. Одним из ярких примеров пропаганды технофобии и отрицательного образа технологий является популярный сериал «Черное зеркало».

По результатам анализа опроса, касающегося страхов жителей США, социолог Бейлорского университета П. К. Маклюр сделал вывод, что 37 % респондентов настороженно относятся к развитию технологий [20, с. 154]. Более того, эти люди в целом чаще страдают от повышенной тревожности, чем оценивающие технический прогресс в положительном либо нейтральном ключе. В России социологи Института современных медиа совместно с телеканалом «Наука» опросили 1 610 случайно выбранных человек в возрасте старше 18 лет, живущих в городах с населением от 100 000: среди респондентов было выявлено 47 % технофобов [21]. Оба исследования отмечают, что наибольшее число технофобов встречается среди возрастной категории от 45 лет, чаще женщин, чем мужчин. Стоит отметить, что американское исследование было проведено с помощью случайной рассылки писем на электронную почту респондентов, что могло отрицательно повлиять на результат, оставив вне опроса людей, которые не пользуются интернетом.

Настороженное отношение к научно-техническому прогрессу, боязнь, что наука и технологии изменят и извратят человеческую сущность, что и есть технофобия как таковая, неразрывно связаны с мифологическим мышлением. У понятия «миф» есть два основных толкования: 1) архаическое образование в виде сказаний о происхождении человека и мира, объяснения природных явлений и 2) вневременная модель человеческого мышления, одна из первых форм концептуализации мира и его феноменов, в современных условиях не утратившая своего значения, а трансформировавшаяся и закрепившаяся в культуре [22, с. 20].

В аспекте нашей проблемы важно именно второе определение. Миф обладает объяснительной функцией, предлагая человеку легкий способ познания и понимания окружающего мира, выполняя функции науки, используя для объяснения символы и архетипы или мифологемы. К. Леви-Строс подчеркивает обобщающее свойство мифологического мышления, использование в его рамках аналогий и сопоставлений [23, с. 321], что действительно приближает миф по структуре к научной метафоре [24, с. 41–43]. Таким образом, мы видим, что миф, по сути, обладает определенными свойствами, позволяющими предполагать в нем «наивную» форму науки.

Что же такое тогда «научный миф»? Своеобразная попытка слить воедино рациональное и иррациональное, жажда простого объяснения, способ обрести ориентиры в потоке информации, перегружающей современного человека со всех сторон. Такие особенности современной науки, как стремительное развитие, узкая специализация, строгая терминология, при которой один и тот же термин в различных областях знания может приобретать кардинально разное значение, затрудняют обывателю понимание и усвоение знаний. Вкупе со склонностью популяризаторов использовать метафоры и аналогии для объяснения сложных научных концепций и, учитывая трансформацию фреймовой структуры при метафорической концептуализации, можно обнаружить, что научный миф искажает представление о каком-либо объекте, возникшее за счет подмены и/или упрощения понятий. Ключевую роль здесь играет такая особенность мифологического мышления, как ассоциативность [25, с. 179]. Мифы основываются на ассоциациях подобия или сходства и смежности – т. е. устанавливается связь либо между схожими объектами, либо между частями единого целого. О типичных ассоциациях подобия и смежности, а также о ложных представлениях, вызванных ими, пишет Дж. Д. Фрэзер, который посвятил этому масштабный научный труд – «Золотая ветвь. Исследования магии и религии» [26].

Ассоциативность лежит в основании когнитивных ошибок. Согласно исследованиям Д. Канемана, когнитивные искажения можно определить как систематические ошибки в ходе мыслительного процесса. К мыслительным процессам, в ходе которых возникают когнитивные искажения, относятся оценка вероятности событий, принятие решения в условиях неопределенности, анализ правдивости гипотез и многие другие. Д. Канеман в своих исследованиях выделяет две системы мышления: 1) автоматизированную, ассоциативную и 2) аналитическую, критическую. Первая система работает быстро за счет использования шаблонов и является базовой для обычного мышления. Вторая базируется на критическом анализе и свойственна научному познанию [27]. К самым распространенным когнитивным искажениям, которые могут повлиять на анализ правдивости гипотез и, следовательно, процесс образования научных мифов, относятся следующие: 1) предвзятость в отношении поступающей информации (истинным признается то, что подтверждает правоту); 2) фундаментальная ошибка атрибуции (склонность к объяснению собственных неудач стечением обстоятельств, а чужих – негативными личными особенностями конкретного человека); 3) иллюзия знания (человек преувеличивает свою компетентность в какой-

либо теме); 4) эффект Даннинга – Крюгера (люди с низкими когнитивными способностями склонны завышать последние, а с высокими, напротив, снижать) [28, 29].

На пересечении этих двух типов мышления и могут формироваться научные мифы как поспешные интерпретации научной информации.

Для анализа когнитивно-дискурсивных факторов, влияющих на процесс трансляции научного знания, имеет значение преобразование научных концептов, собственно, подвергающихся упрощению. Научный концепт можно представить как лингвокогнитивное образование и конструкт научно-исследовательской рефлексии [30, с. 84].

В научно-популярных текстах научный концепт может представляться автором с использованием более широкого спектра языковых средств, включая стилистические приемы [31, 32]. Однако в их основе лежат лингвокогнитивные модели, позволяющие определенным образом представить информацию. К их изучению мы и планируем обратиться.

Актуальность подобного исследования может быть обусловлена несколькими аспектами: 1) стремительным ростом популярности научного знания и появлением большого количества ресурсов, представляющих научную информацию в популярном, упрощенном формате, что в целом может рассматриваться как позитивная тенденция в развитии общественного сознания, но, с другой стороны, не все ресурсы и авторы корректно представляют новое научное знание, сознательно или неосознанно участвуя в порождении научных «мифов», поэтому просвещение оборачивается противоположностью; 2) необходимостью изучения активно развивающихся дискурсивных областей в аспекте моделирования дискурсивной картины мира и ее динамики; 3) необходимостью изучения процессов гибридизации дискурсов, наиболее ярко проявляющихся в «пограничных» областях, например, при взаимодействии научной и медийной сфер.

Материал и методы

Русскоязычный научно-популярный дискурс представляет собой перспективное поле для дальнейших исследований. Необходимо отметить существенный вклад А. Г. Ваганова, Л. А. Егоровой, Э. А. Лазаревич, которые занимались изучением популяризации науки в России как явления в целом и определением характерных особенностей научно-популярных текстов. Научно-популярные тексты интенсивно изучаются и здесь можно назвать следующих ученых: Г. Ю. Гришечкина, Н. А. Мишанкина, И. С. Соколова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Е. М. Филиппова. Исследуются характерные семиотические, семантические, лингвостилистические особенности научно-популярных

текстов различной направленности (биологической, медицинской, экологической и др.).

Предлагаемое исследование ставит своей целью выявление лингвокогнитивных механизмов трансформации научных моделей знания в научно-популярных текстах в ходе решения отдельных задач: 1) рассмотреть русскоязычный научно-популярный дискурс, определить его параметры и структурные характеристики; 2) проанализировать языковые особенности научно-популярных текстов преимущественно видео- и аудиоформатов, так как именно эти форматы в данный момент переживают всплеск популярности (видеоролики на агрегаторе YouTube, подкасты на таких площадках, как Вконтакте, SoundCloud, Apple Podcasts, Spotify, «Яндекс.Музыка»); 3) проанализировать репрезентацию научных концепций; 4) выявить способы лингвокогнитивного моделирования в представлении этих концепций, определить основные модели; 5) проанализировать комментарии научно-популярных текстов биологической направленности (видео-, аудиоформатов и статей) для составления речевого портрета потребителя данного вида контента и определения степени его рефлексии представленных научных концепций; 6) провести сопоставительный анализ на уровне лингвокогнитивных моделей; 7) по результатам проведенного анализа выявить и охарактеризовать механизмы трансформации научных концепций.

Теоретическая и методологическая база исследования – работы ученых по мифологии научно-технической революции (Р. Барт, Д. Бен-Дэвид, Т. Кун, К. Леви-Строс, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, П. Фейерабенд), теории дискурса и дискурс-анализу (Н. Д. Арутюнова, Т. А. ван Дейк, Р. Водак, В. И. Карасик, Н. Н. Миронова, М. Фуко, Д. Хаймс, М. Хэллiday и др.), когнитивной лингвистики (М. Джонсон, Д. Лакофф, М. Мински, Ч. Филлмор), научно-популярному дискурсу и популяризации науки (А. Ю. Багрян, И. И. Баранова, А. Г. Ваганов, Т. А. Воронцова, Л. А. Егорова, В. В. Одинцов и др.), научно-популярным текстам (А. С. Круглов, Н. Н. Маевский, О. В. Соболева, Т. А. Полтавец, Т. В. Чернышова и др.), научной метафоре (М. Джонсон, М. А. Кузьмина, Д. Лакофф, Н. А. Мишанкина, С. Л. Мишланова, И. В. Полозова, Т. Л. Шестова и др.).

В качестве базовой методологии предлагается когнитивно-дискурсивный анализ. Модель анализа научно-популярного дискурса в целом строится на сочетании процедуры анализа дискурса по параметрам коммуникативных переменных и когнитивного подхода. В качестве когнитивных моделей будут рассмотрены: а) концептуальный фрейм [33]; б) концептуальная метафора и метонимия [34]; в) идеализированная когнитивная модель [35].

Материалом исследования русскоязычного научно-популярного дискурса выступают тексты, представленные видеороликами, подкастами и статьями на специализированных ресурсах сети Интернет: форума «Ученые против мифов»; YouTube-каналов и блогов Александра Панчина, Александра Маркова, Алексея Водовозова, Станислава Дробышевского, Бориса Цацулина; проектов Общество Скептиков, Центр Архэ, Курилка Гутенберга, 15x4 Talks, НаукаPRO, Лаборатория Научных Видео, APXЭология знаний, КритМышь, ИЦАЭ, XX2 BEK, Лекториум, ПостНаука, Заходит ученый в бар, Science Slam Russia, FutureBiotech, Science Lite, Elementy.ru, Indicator_Ru, Биомолекула. В качестве материала исследования личности потребителя научно-популярного контента будут привлечены массивы комментариев научно-популярных видеоматериалов.

Заключение

Таким образом, развитие популяризации науки в России привело к возникновению мощного развлекательного элемента, который на данный мо-

мент занимает более важное место, чем, собственно, просветительский.

Можно отметить, что российскому сообществу популяризаторов свойственны прозелитические черты и ярко выраженный назидательный компонент. Учитывая, что процесс трансляции научного знания представляет собой сложную многокомпонентную систему, на которую оказывают воздействие как лингвистические, так и социальные факторы (распространенное мифологическое мышление, наличие когнитивных ошибок и технофобия), можно сделать вывод, что научный миф возникает в качестве попытки непрофессионала понять сложную концепцию в условиях информационного перенасыщения, концепцию, которую популяризатор сознательно упрощает.

В этой связи возникает необходимость изучения лингвокогнитивных механизмов моделирования научной информации в научно-популярном дискурсе для определения основных параметров и способов трансформации исходных концептуальных структур научного знания, провоцирующих формирование научных мифов.

Список источников

1. Попов С. Б. Языки и диалекты популяризации науки // Троицкий вариант. Наука. 2011. № 17 (86).
2. Быкова К. С. Проблема мифологизации науки // Третья зимняя школа по гуманитарной информатике: сб. тез. докл. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2019. С. 10–15.
3. Фонд «Эволюция» займется поддержкой и координацией выступлений российских ученых. Интернет-портал «Коммерсантъ». 2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2845239> (дата обращения: 25.03.2022).
4. «Эволюция» продолжается: достижения самого научного благотворительного фонда. Сайт «XX2 BEK». 2017. URL: <https://22century.ru/popular-science-publications/evolution-results> (дата обращения: 25.03.2022).
5. Жизнь после «Династии»: чем будут заниматься фонды «Траектория» и «Эволюция». АфишаDaily. 17.11.2015. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/zhizn-posle-dinastii-chem-budut-zanimatsya-fondy-traektoriya-i-evolyuciya/> (дата обращения: 25.03.2022).
6. «Эволюция» взамен «Династии». Ученые объявили о создании нового фонда взамен «Династии». Газета.Ру. 2015. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/10/30_a_7861679.shtml (дата обращения: 25.03.2022).
7. Попов С. Б. и др. «За верность науке»: настоящее и будущее // Троицкий вариант. Наука. 2015. № 173.
8. Самый популярный научный блогер в РФ о доходах, поощрениях в университете и рок-звездах научпопа. Onlyner.by. 2017. URL: <https://tech.onliner.by/2017/08/03/sdelat-znanie> (дата обращения: 25.03.2022).
9. Кому, кроме ученых, нужна наука. Российская академия наук // Наука и технологии России. 2015. URL: <http://www.ras.ru/digest/shownews.aspx?id=40b05e2b-5eaf-4edd-bd3d-12e87221b531&print=1> (дата обращения: 25.03.2022).
10. Вахштайн В. С. Популяризация науки: от просвещения к мракобесию // Видеохостинг YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8hMmPZT7Rws> (дата обращения: 25.03.2022).
11. Попов С. Б. Снова про выступление Виктора Вахштайна // Блог С. Б. Попова на интернет-платформе «ЖивойЖурнал». 2017. URL: <https://sergepolar.livejournal.com/3394408.html#comments> (дата обращения: 25.03.2022).
12. Панчин А. Ю. Рассказ о том, как избили соломенное чучело популяризатора // Блог А. Ю. Панчина на интернет-платформе «ЖивойЖурнал». 2017. URL: <https://scinquisitor.livejournal.com/123402.html> (дата обращения: 25.03.2022).
13. Экспериментальное осквернение. Космогония и морфология просветительских сообществ // Сайт «Индикатор». 2017. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/viktor-vakhshhtayn-slyot-prosvetiteley-2017.htm> (дата обращения: 25.03.2022).
14. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 667.
15. Панина Е. А. Популяризация науки в условиях современной социокультурной ситуации // Вестник Майкопского гос. технолог. ун-та. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-nauki-v-usloviyah-sovremennoy-sotsiokulturnoy-situatsii> (дата обращения: 25.03.2022).
16. Лопухов А. М. Словарь терминов и понятий обществознания. 7-е изд. переб. и доп. М.: Айрис-пресс, 2013. С. 512.

17. Селиванова Д. И. Современная массовая культура и ее влияние на человека // Вопросы науки и образования. 2020. № 1 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-massovaya-kultura-i-eyo-vliyanie-na-cheloveka>. (дата обращения: 25.03.2022 г.).
18. Салпагарова Л. А. Производство и легитимация научных знаний в современном обществе: социально-философский анализ: дис. ... канд. философ. наук. Ставрополь, 2020. 176 с.
19. Силантьев И. В. Научно-популярная тематика советского журнала «Техника – молодежи» в идеологическом аспекте // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 441–448.
20. McClure P. K. “You’re fired,” says the robot: The rise of automation in the workplace, technophobes, and fears of unemployment // Social Science Computer Review. 2018. Т. 36, № 2. С. 139–156. <https://doi.org/10.1177/0894439317698637>
21. Россиян пугает прогресс в сфере искусственного интеллекта и генной инженерии // Интернет-портал Института современных медиа. 2018. URL: <https://momri.org/2018/momrinews/rossijan-pugaet-progress-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-i-gennoj-inzhenerii/> (дата обращения: 25.03.2022).
22. Шафранская Э. Ф. Устное народное творчество: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. С. 345.
23. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 384.
24. Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 282 с.
25. Трофимова Ю. А. Ассоциативность мифологического познания и мышление современного человека // Манускрипт. 2017. № 6-1 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnost-mifologicheskogo-poznaniya-i-myshlenie-sovremennogo-cheloveka> (дата обращения: 25.03.2022).
26. Фрэнгер Дж. Д. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 799.
27. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. Litres, 2020. С. 785.
28. Мозжухина Ю. Н. Когнитивные искажения как свойство поведенческих моделей // Проблемы педагогики. 2017. № 9 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-iskazheniya-kak-svoystvo-povedencheskih-modeley> (дата обращения: 25.03.2022).
29. Екимчик О. А., Крюкова Т. Л. и др. Феномен когнитивных искажений субъективных оценок жизненных явлений и его измерение (первичная русскоязычная адаптация Шкалы когнитивных искажений-CDS) // Вестник Костромского гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kognitivnyh-iskazheniy-subektivnyh-otsenok-zhiznennyh-yavleniy-i-ego-izmerenie-pervichnaya-russkoyazychnaya-adaptatsiya> (дата обращения: 25.03.2022).
30. Оглонова Ц. Ц. Лингвокогнитивный аспект интерпретации научного концепта // Вестник ЧелГУ. 2010. № 34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokognitivnyy-aspekt-interpretatsii-nauchnogo-kontsepta> (дата обращения: 25.03.2022).
31. Гришечкина Г. Ю. Научно-популярный стиль и его категориальные характеристики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 101–108.
32. Вольф М. Н. Риторическая аргументация в научно-популярном дискурсе: особенности и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия: Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 3. С. 426–440.
33. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. С. 151.
34. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 256.
35. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 512.

References

1. Popov S. B. Yazyki i dialekty populyarizatsii nauki [Languages and dialects of popularization of science]. *Troitskiy variant. Nauka*, 2011, no. 17 (86) (in Russian).
2. Bykova K. S. Problema mifologizatsii nauki [The problem of mythologizing science]. *Tret'ya zimnyaya shkola po gumanitarnoy informatike: sbornik tezisov dokladov* [Third Winter School on Humanitarian Informatics: collection of abstracts]. Kaliningrad, IKBFU Publ., 2019. Pp. 10–15 (in Russian).
3. Fond “Evolyutsiya” zaymetsya podderzhkoy i koordinatsiey vystupleniy rossiyskikh uchenykh [The Evolution Foundation will support and coordinate the performances of Russian scientists]. *Internet-portal “Kommersant”*. 2015 (in Russian). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2845239> (accessed 25 March 2022).
4. “Evolyutsiya” prodolzhaetsya: dostizheniya samogo nauchnogo blagotvoritel'nogo fonda [“Evolution” continues: achievements of the most scientific charitable foundation]. *Sayt “XX2 VEK”*. 2017 (in Russian). URL: <https://22century.ru/popular-science-publications/evolution-results> (accessed 25 March 2022).
5. Zhizn' posle “Dinastii”: chem budut zanimat'sya fondy “Traektoriya» i “Evolyutsiya” [Life after the “Dynasty”: what will the Trajectory and Evolution funds do]. *AfishaDaily*. 17.11.2015 (in Russian). URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/zhizn-posle-dinastii-chem-budut-zanimatsya-fondy-traektoriya-i-evolyuciya/> (accessed 25 March 2022).
6. “Evolyutsiya” vzamen “Dinastii”. Uchenye ob'yavili o sozdanii novogo fonda vzamen “Dinastii” [“Evolution” instead of “Dynasty”. Scientists have announced the creation of a new foundation to replace the “Dynasty”]. *Gazeta.Ru*. 2015 (in Russian). URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/10/30_a_7861679.shtml (accessed 25 March 2022).

7. Popov S. B. et al. "Za vernost' nauke": nastoyashcheye i budushcheye ["For loyalty to science": present and future]. *Troitskiy variant. Nauka*, 2015, no. 173 (in Russian).
8. Samyy populyarnyy nauchnyy bloger v RB o dokhodakh, poblazhkakh v universitete i rok-zvezdakh nauchpopa [The most popular science blogger in the Republic of Belarus about income, university privileges and rock stars of science pop]. *Onlyner.by*. 2017 (in Russian). URL: <https://tech.onliner.by/2017/08/03/sdelat-znanie> (accessed 25 March 2022).
9. Komu, krome uchenykh, nuzhna nauka. Rossiyskaya akademiya nauk [Who, besides scientists, needs science. Russian Academy of Sciences]. *Nauka i tekhnologii Rossii*, 2015 (in Russian). URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=40b05e2b-5eaf-4edd-bd3d-12e87221b531&print=1> (accessed 25 March 2022).
10. Vakhshstayn V. S. Populyarizatsiya nauki: ot prosveshcheniya k mrakobesiyu [Popularization of science: from enlightenment to obscurantism]. *Videokhosting YouTube* [YouTube video hosting] (in Russian). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8hMmPZT7Rws> (accessed 25 March 2022).
11. Popov S. B. Snova pro vystupeniye Viktora Vakhshstayna [Again about the performance of Viktor Vakhstein]. *Blog S. B. Popova na internet-platforme "ZhivoyZhurnal"* [Blog of S. B. Popov on the Internet platform "LiveJournal"]. 2017 (in Russian). URL: <https://sergepolar.livejournal.com/3394408.html#comments> (accessed 25 March 2022).
12. Panchin A. Yu. Rasskaz o tom, kak izbili solonnennoye chuchelo populyarizatora [The story of how the straw effigy of the popularizer was beaten]. *Blog A. Yu. Panchina na internet-platforme "ZhivoyZhurnal"* [A. Yu. Panchin's blog on the LiveJournal Internet platform]. 2017 (in Russian). URL: <https://scinquisitor.livejournal.com/123402.html> (accessed 25 March 2022).
13. Eksperimental'noye oskverneniye. Kosmogoniya i morfologiya prosvetitel'skikh soobshchestv [Experimental desecration. Cosmogony and morphology of pro-secular communities]. *Sayt "Indikator"* [Web-sait "Indicator"]. 2017 (in Russian). URL: <https://indikator.ru/humanitarian-science/viktor-vakhshstayn-slyot-prosvetiteley-2017.htm> (accessed 25 March 2022).
14. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu* [The Absent Structure. Introduction to Semiology]. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2006. 667 p. (in Russian).
15. Panina E. A. Populyarizatsiya nauki v usloviyakh sovremennoy sotsiokul'turnoy situatsii [Popularization of science in the conditions of the modern socio-cultural situation]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2019, no. 4 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-nauki-v-usloviyah-sovremennoy-sotsiokulturnoy-situatsii> (accessed 25 March 2022).
16. Lopukhov A. M. *Slovar' terminov i ponyatiy obshchestvoznaniya* [Dictionary of Social Science terms and concepts]. Moscow, Ayris-press Publ., 2013. 512 p. (in Russian).
17. Selivanova D. I. Sovremennaya massovaya kul'tura i eye vliyaniye na cheloveka [Modern mass culture and its influence on man]. *Voprosy nauki i obrazovaniya – Questions of Science and Education*, 2020, no. 1 (85) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-massovaya-kultura-i-eyo-vliyanie-na-cheloveka> (accessed 25 March 2022).
18. Salpagarova L. A. *Proizvodstvo i legitimatsiya nauchnykh znaniy v sovremennoy obshchestve: sotsial'no-filosofskiy analiz. Dis. kand. filosof. nauk* [Production and legitimization of scientific knowledge in modern society: socio-philosophical analysis. Dis. cand. philos. sci.]. Stavropol, 2020. 176 p. (in Russian).
19. Silant'ev I. V. Nauchno-populyarnaya tematika sovetskogo zhurnala "Tekhnika – molodezhi" v ideologicheskoy aspekto [Popular science topics of the Soviet magazine "Technology – youth" in the ideological aspect]. *Kritika i semiotika – Critique & Semiotics*, 2020, no. 2, pp. 441–448 (in Russian).
20. McClure P. K. "You're fired," says the robot: The rise of automation in the workplace, technophobes, and fears of unemployment. *Social Science Computer Review*, 2018, vol. 36, no. 2, pp. 139–156. URL: <https://doi.org/10.1177/0894439317698637>.
21. Rossiyan pugaet progress v sfere iskusstvennogo intellekta i gennoy inzhenerii [Russians are afraid of progress in the field of artificial intelligence and genetic engineering]. *Internet-portal Instituta sovremennykh media* [Internet portal of the Institute of Contemporary Media]. 2018 (in Russian). URL: <https://momri.org/2018/momrinews/rossijan-pugaet-progress-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-i-gennoj-inzhenerii/>. (accessed 25 March 2022).
22. Shafranskaya E. F. *Ustnoye narodnoye tvorchestvo: uchebnoye posobiye* [Oral folk art: tutorial]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 345 p. (in Russian).
23. Levi-Stros K. *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive mind]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 384 p. (in Russian).
24. Mishankina N. A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?]. Tomsk, Tomsk univeristy Publ., 2010. 282 p. (in Russian).
25. Trofimova Yu. A. Assotsiativnost' mifologicheskogo poznaniya i myshleniye sovremennogo cheloveka [Associativity of mythological cognition and thinking of modern man]. *Manuskript*, 2017, no. 6-1 (80) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnost-mifologicheskogo-poznaniya-i-myshlenie-sovremennogo-cheloveka> (accessed 25 March 2022).
26. Frezer Dzh. D. *Zolotaya vetv'. Issledovaniya magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 799 p. (in Russian).
27. Kaneman D. *Dumay medlenno, reshay bystro* [Thinking, fast and slow]. Litres, 2020. 785 p. (in Russian).
28. Mozhukhina Yu. N. Kognitivnye iskazheniya kak svoystvo povedencheskikh modeley [Cognitive distortions as a property of behavioral models]. *Problemy pedagogiki*, 2017, no. 9 (32) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-iskazheniya-kak-svoystvo-povedencheskikh-modeley> (accessed 25 March 2022).

29. Ekimchik O. A., Kryukova T. L. et al. Fenomen kognitivnykh iskazheniy sub'ektivnykh otsenok zhiznennykh yavleniy i ego izmereniye (pervichnaya russkoyazychnaya adaptatsiya Shkaly kognitivnykh iskazheniy-CDS) [The phenomenon of cognitive distortions of subjective assessments of life phenomena and its measurement (primary Russian-language adaptation of the Cognitive Distortion Scale-CDS)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiologiya – Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2018, vol. 24, no. 4 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kognitivnyh-iskazheniy-subektivnyh-otsenok-zhiznennyh-yavleniy-i-ego-izmerenie-pervichnaya-russkoyazychnaya-adaptatsiya> (accessed 25 March 2022).
30. Ogdonova Ts. Ts. Lingvokognitivnyy aspekt interpretatsii nauchnogo kontsepta [Linguocognitive aspect of the interpretation of the scientific concept]. *Vestnik ChelGU – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2010, no. 34 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokognitivnyy-aspekt-interpretatsii-nauchnogo-kontsepta> (accessed 25 March 2022).
31. Grishechkina G. Yu. Nauchno-populyarnyy stil' i ego kategorial'nye kharakteristiki [Popular science style and its categorical characteristics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 1, pp. 101–108 (in Russian).
32. Vol'f M. N. Ritoricheskaya argumentatsiya v nauchno-populyarnom disкурсе: osobennosti i perspektivy [Rhetorical argumentation in popular science discourse: features and prospects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, no. 3, pp. 426–440 (in Russian).
33. Minskiy M. *Freyemy dlya predstavleniya znaniy* [A framework for representing knowledge]. Moscow, Energiya Publ., 1979. 151 p. (in Russian).
34. Lakoff D., Dzhonson M. *Metaforiy, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS. Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
35. Lakoff D. *Zhenshhiny, ogon' i opasny'e veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind]. Translated from English I. B. Shatunovsky. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 512 p. (in Russian).

Информация об авторе

Быкова К. С., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Bykova K. S., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 01.04.2022; accepted for publication 01.06.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-31

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-107-120>

ЭХО ТВОРЧЕСТВА В. А. ЖУКОВСКОГО В ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ «НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ», «ПОРТРЕТ», «ШИНЕЛЬ»

Денис Александрович Щуков

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
d.schukov@gmail.com

Аннотация

Введение. Творческое наследие Н. В. Гоголя, являющегося одним из самых небезыntenесных русских писателей, по сей день побуждает многих литературоведов к продуктивным исследованиям. В частности, интерес у них вызывает интертекст В. А. Жуковского в произведениях писателя. При рассмотрении работ, посвященных личности и творчеству Гоголя, действительно трудно не обнаружить упоминания об этом русском поэте, поскольку он был важен для творческого сознания Гоголя.

В связи с этим *целью* статьи является определение степени знакомства Гоголя с творчеством Жуковского во время написания «Петербургских повестей». Важным представляется также выявление и анализ мотивов, сюжетов, аллюзий и реминисценций произведений Жуковского в повестях Гоголя. Это поможет увидеть особенности освоения Гоголем произведений поэта, выявить трансформации, которые претерпели в художественной системе Гоголя используемые им открытия Жуковского.

Материал и методы. Поскольку больше всего отсылок к творчеству Жуковского присутствует в повестях Гоголя «Невский проспект», «Портрет» и «Шинель», на основе них и будет организовано исследование. В работе используются биографический и компаративный методы исследования.

Результаты и обсуждение. В повести «Невский проспект» повествователь описывает утонченную, творческую натуру. Подобный типаж часто возникает и в лирике Жуковского. Кроме того, обнаруживаются черты идиллий Жуковского в описании образа встретившейся Пискареву незнакомки: в нем воспеваются простота и очевидно стремление героя к гармонии и непорочности.

Можно обратить внимание и на то, что художник обожествляет встреченную им юную особу. Вероятно, в ее образе автор пытался отразить высшее проявление женской красоты на земле, каковым для Гоголя-христианина, безусловно, являлась Мадонна. В данном случае чувства юноши сходны с теми, которые описывает Жуковский в эстетическом манифесте «Рафаэлева Мадонна».

Однако красавица приводит Пискарева в публичный дом. Его идеалистическое сознание не может допустить того, что красота и пошлость могут быть синонимами. Это соотносится с принципами калокагии, которые были распространены в русской литературе эпохи романтизма и нашли отражение в творчестве Жуковского.

Не сумев разрешить конфликт между реальностью и мечтой, Пискарев прибегает к опиумному сну, который, подменяя для него жизнь, становится одним из факторов, приведших к трагической развязке, ибо, видя во сне свой персональный рай, художник все больше отдаляется от действительности и в конечном счете теряет способность к реальной жизни. В этом можно увидеть трансформацию идиллических мотивов произведений Жуковского (в частности, мотива сна).

Сталкиваясь с реальностью, Пискарев теряет рассудок. Подобный финал соотносим с сюжетами баллад, переведенных Жуковским, в которых зло искушает и заманивает несчастную жертву в ловушку, а затем забирает у нее жизнь («Кубок», «Лесной царь»). Таким образом, красота у Гоголя отныне не есть признак доброго. Он приближается к пониманию красоты истинной и красоты ложной Жуковского-балладника, показывает хрупкость гармонии в мире.

Повесть «Портрет» рассматривается некоторыми исследователями как эстетический манифест Гоголя. В этом также можно предположить следование традициям Жуковского.

Кроме того, двухчастная структура повести может отсылать к архитектонике повести Жуковского «Двенадцать спящих дев». Две ее баллады «Громобой» и «Вадим» также противоположны по своей этике и имеют идейную схожесть с повестью Гоголя. В произведении можно обнаружить и сюжетные «переклички» с такими произведениями поэта, как баллады «Людмила» (роптание Людмилы на судьбу сходно с поведением Чарткова)

и «Варвик» (грех персонажа также провоцирует появление потусторонних сил, которое является своего рода предупреждением и испытанием). Можно упомянуть и то, что герои-бунтари Жуковского, недовольные своим уделом, как правило, терпят болезненное поражение, и их душа отправляется в ад. Нечто похожее происходит и с Чартковым.

Что же касается второй части повести, то она тоже имеет общие черты с манифестом Жуковского «Рафаэлева Мадонна», ведь и иконописец Гоголя создает картину, буквально «дышащую» божественной благодатью.

В повести «Шинель» же прозреваются гуманистические и христианские мотивы. Главный герой не ждет лучшей доли, а смиренно исполняет должностные обязанности. Детская восторженность и искренность вкупе с поистине ревностной службой превращают его в настоящего подвижника и аскета. Чистота и любовь Башмачкина к людям, как и его самопожертвование, позволяют говорить, что его поведение сродни рыцарству, которое было свойственно главному герою «Дон Кишота Ламанхского», переводчиком какового произведения выступил именно Жуковский.

Однако встретившись с шинелью, ошибочно принятой героем за метафорическое воплощение «прекрасной дамы», Башмачкин начинает исполнять службу уже не столь ревностно. С этим можно связать трагическую концовку произведения. Подобные же этические законы действуют и в художественном мире Жуковского. Тем не менее после смерти чиновник возвращается к истинному служению: посещение Башмачкиным в виде призрака (каковой образ характерен для произведений Жуковского) значительного лица и других чиновников высокого ранга с целью отобрать их шинели восстанавливает равновесие в мире. Таким образом, вновь актуализируется универсальная справедливость, свойственная художественному миру Жуковского.

Заключение. «Петербургский период» творчества Гоголя тесно связан с творческой деятельностью Жуковского. Гоголь знакомится с лирикой и публицистикой поэта, активно рефлексировал над прочитанным. Важно подчеркнуть, что Гоголь непосредственно воспринимает эстетику и поэтику Жуковского, после чего репродуцирует отдельные аспекты творчества поэта в своих произведениях, подвергая их собственной творческой переработке, что в целом способствует становлению неповторимого гения писателя.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, «Невский проспект», «Портрет», «Шинель», повесть

Для цитирования: Щуков Д. А. Эхо творчества В. А. Жуковского в повестях Н. В. Гоголя «Невский проспект», «Портрет», «Шинель» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 107–120. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-107-120>

LITERARY STUDIES

THE ECHO OF V. A. ZHUKOVSKY'S WORKS IN N. V. GOGOL'S STORIES "NEVSKY PROSPEKT", "THE PORTRAIT", "THE OVERCOAT"

Denis A. Shchukov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, d.schukov@gmail.com

Abstract

Introduction. The creative heritage of N. V. Gogol to this day encourages many literary critics to productive studies. In particular, researchers are interested in the intertext of V. A. Zhukovsky in the works of the writer. When considering the works dedicated to the personality and creativity of Gogol, it is really difficult not to find a mention of this Russian poet, since he was important for Gogol's creative consciousness.

In this regard, the purpose of the article is to determine the degree of Gogol's acquaintance with Zhukovsky's work during the writing of the "Petersburg Stories". It is also important to identify and analyze the motives, plots, allusions and reminiscences of Zhukovsky's works in Gogol's stories. This will help to see the peculiarities of Gogol's mastering of the poet's works, to identify the transformations that Zhukovsky's discoveries used by him have undergone in Gogol's artistic system.

Material and methods. Since most of the references to Zhukovsky's work are present in Gogol's stories "Nevsky Prospekt", "The Portrait" and "The Overcoat", the study will be organized on the basis of them. Biographical and comparative research methods are used in the work.

Results and discussion. In the story "Nevsky Prospekt", the narrator describes a refined, creative nature. A similar type often appears in Zhukovsky's lyrics. In addition, the features of Zhukovsky's idyll are revealed in the description of the image of the stranger Piskarev met: simplicity is glorified in it and the hero's desire for harmony and purity is obvious.

You can also pay attention to the fact that the artist deifies the young person he met. Probably, in her image, the author tried to reflect the highest manifestation of female beauty on earth, which for Gogol-Christian, of course, was the Madonna. In this case, the feelings of the young man are similar to those described by Zhukovsky in the aesthetic manifesto "Raphael's Madonna".

However, the beauty leads Piskarev to a brothel. His idealistic consciousness cannot admit that beauty and vulgarity can be synonymous. This correlates with the principles of *kalokagatiya*, which were common in the Russian literature of the Romantic era and were reflected in the works of Zhukovsky.

Having failed to resolve the conflict between reality and dream, Piskarev resorts to opium sleep, which, replacing life for him, becomes one of the factors that led to the tragic denouement, because, seeing his personal paradise in a dream, the artist increasingly moves away from reality and, ultimately, loses the ability to real life.

In the features of the story's plot, one can see the transformation of the idyllic motifs of Zhukovsky's works.

Faced with reality, Piskarev loses his mind. Such a finale is correlated with the plots of ballads which were translated by Zhukovsky. In them evil tempts and lures the unfortunate victim into a trap, and then takes his / her life ("Der Taucher", "Erlkönig"). Thus, beauty for Gogol is no longer a sign of good. He comes closer to understanding the true beauty and the false beauty of Zhukovsky's balladeer, shows the fragility of harmony in the world.

The novel "Portrait" is considered by some researchers as an aesthetic manifesto of Gogol. This also suggests following the traditions of Zhukovsky.

In addition, the two-part structure of the story may refer to the architectonics of Zhukovsky's story "The Twelve Sleeping Maidens".

Her two ballads "Gromoboi" and "Vadim" are also opposite in their ethics and have ideological similarities with Gogol's story. In the work, one can also find plot echoes with such works of the poet as the ballads "Lyudmila" (Lyudmila's grumbling at fate is similar to Chartkov's behavior) and "Varvik" (the character's sin also provokes the appearance of otherworldly forces, which is a kind of warning and test). It can also be mentioned that Zhukovsky's rebel heroes, dissatisfied with their lot, as a rule, suffer a painful defeat and their soul goes to hell. Something similar is happening with Chartkov.

As for the second part of the story, it also has common features with Zhukovsky's manifesto "Raphael's Madonna", because Gogol's icon painter creates a picture that literally "breathes" divine grace.

In the story "The Overcoat", humanistic and Christian motives are revealed. The main character does not expect a better fate, but humbly fulfills his official duties. Children's enthusiasm and sincerity, coupled with a truly zealous service, turn him into a real ascetic. Bashmachkin's purity and love for people, as well as his self-sacrifice, allow us to say that his behavior is akin to chivalry, which was characteristic of the main character of "Don Quixote of La Mancha", the translator of which was Zhukovsky.

However, having received "God's mercy" in the form of a greatcoat, which could well personify a "beautiful lady", Bashmachkin is no longer so zealously performing his service. The tragic ending of the work can be connected with this. Similar ethical laws apply in the art world of Zhukovsky. Nevertheless, after death, the official returns to true service: by returning in the form of a ghost (which is the image characteristic of Zhukovsky's works) to a significant person and other high-ranking officials to pick up overcoats, he restores a certain balance in the world. Thus, the universal justice inherent in the artistic world of Zhukovsky is being actualized again.

Conclusion. The "Petersburg period" of Gogol's work is closely connected with Zhukovsky's creative activity. Gogol gets acquainted with the poet's lyrics and publicism, actively reflects on what he found in it. It is important to emphasize that Gogol directly assimilates the aesthetics and poetics of Zhukovsky, after which he reproduces certain aspects of the poet's creativity in his works, subjecting them to his own creative processing, which in general contributed to the formation of the writer's unique genius.

Keywords: N. V. Gogol, V. A. Zhukovsky, "Nevsky prospekt", "The Portrait", "The Overcoat", story

For citation: Shchukov D. A. Ekho tvorchestva V. A. Zhukovskogo v povestyakh N. V. Gogolya "Nevskiy prospekt", "Portret", "Shinel'" [The echo of V. A. Zhukovsky's works in N. V. Gogol's Stories "Nevsky Prospekt", "The Portrait", "The Overcoat"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 107–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-107-120>

Введение

Н. В. Гоголь – один из самых загадочных русских писателей первой половины XIX в. Его творческое наследие по сей день побуждает многих литературоведов к продуктивным исследованиям. В частности, интерес у исследователей вызывает интертекст В. А. Жуковского в творчестве писателя. При рассмотрении работ, посвященных личности и творчеству Гоголя, действительно трудно не обнаружить упоминания об этом русском поэте. Личность Жуковского была крайне значима для Гоголя. Так, Т. Л. Мусатова подчеркивает, что «влияние Жуковского на Гоголя, начиная с "петербургского периода", было велико, а с начала 1840-х гг. оно

стало в некоторых аспектах определяющим» [1, т. 2, с. 475].

В связи с этим целью статьи является определение степени знакомства Гоголя с поэзией, прозой и публицистикой поэта во время написания «Петербургских повестей». Важным представляется также выявление и анализ мотивов, сюжетов, аллюзий и реминисценций произведений Жуковского в повестях Гоголя «Невский проспект», «Портрет», «Шинель». Это поможет увидеть особенности творческого освоения Гоголем произведений поэта, выявить трансформации, которые претерпели в художественной системе Гоголя используемые им открытия Жуковского.

Материал и методы

Поскольку больше всего отсылок к творчеству Жуковского присутствует в таких повестях Гоголя, как «Невский проспект», «Портрет» и «Шинель», на основе данных текстов Гоголя и будет организовано дальнейшее исследование. В работе используются биографический и компаративный методы исследования.

Результаты и обсуждение

Повесть «Невский проспект» – это гоголевский «реквием» по уходящему из русской литературы романтизму. Она откроет русскому читателю истинный трагизм повседневной жизни заурядных обывателей Петербурга.

Главный герой «Невского проспекта» – художник Пискарев – одним из первых в гоголевских «Петербургских повестях» знакомится с inferнальными метаморфозами российской столицы. Пискарев – малоизвестный и невостребованный петербургский художник, находящийся почти на дне столичной жизни.

Гоголевский повествователь описывает утонченную, творческую натуру художника: «художник Пискарев, застенчивый, робкий, но в душе своей носивший искры чувства, готовые при удобном случае превратиться в пламя» [2, т. 3, с. 17–18]. Подобный типаж часто возникает в лирике Жуковского. Достаточно, например, упомянуть о лирическом герое-эстете в стихотворении «Невыразимое». В нем ему открывается обычно находящееся за гранью доступного, что невозможно передать вербально:

<...> Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внедряемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье <...> [3, т. 2, с. 129].

Мимолетное, прекрасное, сокрытое от глаз обыкновенного человека открывается и Пискареву. Художник созерцает в сумеречное время на Невском проспекте девушку необыкновенной красоты: «Боже, какие божественные черты! <...> что дает мечтание и тихое вдохновение при светящейся лампаде, – все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось в ее гармонических устах» [2, т. 3, с. 18].

Позже и в своих сновидениях Пискарев наслаждается ее образом: «...Наряд ее дышит такою простотою, в какую только облекается мысль поэта. Прическа на голове ее... Создатель, как проста эта прическа и как она идет к ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ее шейке; все в ней скромно, все в ней – тайное неизъяснимое чувство вкуса» [2, т. 3, с. 29].

В приведенных выше фрагментах обнаруживаются черты идиллий Жуковского, так как воспева-

ется простота и, очевидно, стремление к гармонии и непорочности.

Поскольку Пискарев поражен внешним видом незнакомки, он следует за ней: художником движет жажда возвышенного и прекрасного, и он начинает обожествлять ее. Это придает образу красавицы сакральные черты. Отметим, что у автора «Невского проспекта» было свое особое и глубоко личное понимание женской красоты. Н. А. Котляревский пишет, что для Гоголя «...женская красота и “красота” вообще были понятия почти что равнозначущие, а с “красотой” в жизни для него неразрывно были соединены и понятия об истине и добре» [4, с. 164]. Вероятно, в образе незнакомки автор пытался отразить высшее проявление женской красоты на земле, в котором гармонично сочетается эстетика и этика. Таким проявлением для Гоголя-христианина, безусловно, являлась Мадонна.

Чувства художника по отношению к молодой особе во многом объяснимы, особенно если вспомнить, что в творчестве Жуковского, которое оказало влияние на произведения Гоголя, присутствует эстетический манифест «Рафаэлева Мадонна». Он отражает искренние, экзальтированные чувства, возникшие у поэта после долгого созерцания в Дрезденской галерее великолепно исполненной работы итальянского живописца, которая отражает подобную же божественную красоту. Жуковский методично представляет читателям свою рефлексию, в частности, пишет: «Я был один; вокруг меня все было тихо; сперва с некоторым усилием вошел в самого себя; потом ясно начал чувствовать, что душа распространялась; какое-то трогательное чувство величия в нее входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может» [5, т. 12, с. 343].

Духовный опыт, подобный тому, который испытал в свое время Жуковский, становится доступен и Пискареву. Юноша следует за своей «Перуджиновой Бианкой». Подобная номинация представляется любопытной в свете настоящего исследования. Очевидно, что в сознании художника актуализируется сюжет картины живописца эпохи Возрождения Пьетро Перуджино «Поклонение волхвов». Возможно, в прошлом она произвела на него неизгладимое впечатление (сродни тому, что было описано Жуковским в «Рафаэлевой Мадонне»). Можно предположить, что эта картина является отражением духовного мира персонажа. Богоявление и простой пасторальный пейзаж Перуджино, действительно, способны вызвать у зрителя возвышенные чувства.

Встреча с незнакомкой становится для Пискарева откровением, открытием истинной красоты в мире. Юноша, невзирая на позднее время, следует

за девушкой по пустым и темным улицам Петербурга. Унылое пространство Петербурга мгновенно нивелируется для художника, он уходит в мечты и ощущает романтическую силу искусства, подобную той, что испытал в свое время Жуковский. Поэт так описывает свой опыт: «И такова сила той души, которая дышит и вечно будет дышать в этом божественном создании, что все окружающее пропадает как скоро посмотришь на нее со вниманием» [5, т. 12, с. 343].

Однако эстетический экстаз вскоре прекращается: незнакомка приводит Пискарёва в публичный дом, чего он никак не ожидает. Художник спешно возвращается домой и впадает в глубокое уныние.

Идеалистическое сознание Пискарёва не может допустить того, что красота и пошлость могут быть синонимами. Это соотносится с принципами калокагатии, которые были распространены в русской литературе эпохи романтизма. Вероятно, что, продумывая образ Пискарёва, Гоголь ориентировался прежде всего на свое ближайшее окружение и, в частности, на личность Жуковского и его эстетические манифесты (например, «Гений чистой красоты»). Так, известно, что Жуковский, создавая манифесты, воспевая красоту и непорочность в них, сам слыл достаточно порядочным и нравственным человеком.

Однако в Петербурге Гоголя все обманчиво и коварно. Мир настроен против человека. Наивный Пискарёв уподобляется описанному Жуковским в «павловских» стихотворениях человеку «не от мира сего», недостаточно приспособленному к жизни в условиях суровой действительности. Художник, как и их лирический герой, не знает вселенского зла и обмана. Герой Гоголя считает, что увиденная им особа никак не может быть куртизанкой. Ему необходим эскапизм после осознанного, и он достигает его: начинает принимать опиум, который погружает его в глубокий сон. Дихотомическое мышление Пискарёва генерирует два мира – прекрасный и ужасный (неприемлемый для него). Второй мир художник пытается нивелировать в своем сознании. А. П. Давыдов пишет, что противоречие между полюсами возникшей оппозиции – „красотой“ и „пороком“ – требует разрешения, но художник не может найти способа снятия» [6, с. 129]. Опиумный сон является лишь временным решением проблемы.

Действительно, Пискарёв отчаянно пытается абстрагироваться, вместо того чтобы попытаться разрешить свой внутренний конфликт. Для того чтобы окончательно покинуть пределы реального мира, он избирает тактику самообмана: воспекает видения, которые вскоре (практически превращаясь в патологию, нарколепсию) становятся смыслом его жизни. Казалось бы, Пискарёв живет по

формуле, описанной в стихотворении Жуковского «Лалла Рук»:

Милый сон, души пленитель,
Гость прекрасный с вышины,
Благодатный посетитель
Поднебесной стороны,
Я тобою наслаждался
На минуту, но вполне:
Добрый вестником явился
Здесь небесного ты мне [3, т. 2, с. 222].

Однако состояние сна временно, и Пискарёву все же приходится возвращаться в жестокую действительность. В повести Гоголя, как и в художественном мире Жуковского, пробуждение, отрезвление реальностью являются проблемной точкой. М. Н. Виролайнен так описывает эту проблему: «Жуковский – апологет мечты. Удел поэтов, мечта способна недоступное сделать доступным, недостижимое – достижимым, но дихотомии мира, в котором живет поэт, и она одолеть не может. Явь есть предел мечте...» [7, с. 263].

Подобная дилемма художника, вероятно, может косвенно отсылать к одному из вопрошаний лирического героя Жуковского («К Батюшкову»):

Почто мы не с крылами
И вольны лишь мечтами,
А наяву в цепях? [8, т. 1, с. 191–192].

Таким образом, сон, подменяя для Пискарёва жизнь, становится одним из факторов, приведших к печальной развязке, ибо, видя в нем свой персональный рай, место, похожее на идиллический мир, который изобразил Жуковский в своих «павловских» стихотворениях, художник все больше отдаляется от действительности и в конечном счете теряет способность к жизни в ее условиях.

Пискарёв предпринимает единственную попытку внести изменения в реальность: в его голове рождается план по спасению красавицы. Однако художника ожидает еще одно разочарование. Юная особа вполне довольна своей профессией, и ей чужды его намерения. Более того, она цинично насмехается над заботой Пискарёва. Петербургская жизнь таким образом тоже зло смеется над ним, а столичное «таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет» [2, т. 3, с. 15], открывает для художника новый Петербург, в котором все есть обман. В этом городе прекрасная дама оказывается «красавицей-оборотнем» [9, с. 216], а на Невском проспекте «<...> сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» [2, т. 3, с. 46]. Мы видим, что, как только Пискарёв сталкивается с реальной жизнью, он теряет рассудок. Подобный трагический финал соотносим с сюжетами баллад Жуковского, в которых зло искушает и заманивает несчастную жертву в свои тенета, заби-

рает жизнь у незащитного человека («Кубок», «Лесной царь»).

Так, неслучайно, что Пискарев повстречал впервые незнакомку именно в сумеречное время. И. А. Станичук, анализируя «Невский проспект», подчеркивает, что «сумерки – некая пограничная зона, предшествующая ночной жизни. В темнеющей атмосфере городская действительность приобретает какие-то волнующие и ободряющие воображение обывателя качества» [10, с. 123]. Темное время часто предвещает наступление зла на безмятежный мир в балладах Жуковского. Именно в это время, как правило, активизируется зло в художественном мире поэта.

Таким образом, в «Невском проспекте» ощутим отход Гоголя от романтических традиций. Писатель обращается к действительности и показывает ее читателю без прикрас. Красота у Гоголя отныне не есть признак доброго и безобидного. Он приближается к пониманию красоты истинной и красоты ложной Жуковского-балладника, показывает хрупкость гармонии в мире. В частности, любовь как высокое чувство, воспеваемое романтиками, является всегда серьезным испытанием. В. Н. Аношкина-Касаткина отмечает, что «...гармонична любовь лишь в своих возможностях, а на самом деле оказывается глубоко трагичной» [11, с. 198]. Подобная тенденция прослеживается и в повести Гоголя «Невский проспект».

В повести «Портрет» Гоголь углубляется в эстетику. Отметим, что в начале 1830-х гг. писателя особенно занимают вопросы эстетики и теории искусства. Именно в 1831–1832 гг. в сознании Гоголя окончательно складывается концепция данной повести. Писатель включит ее в свой сборник «Арабески» (1835). Думается, это нельзя считать случайностью, так как в «Арабесках» обнаруживается значительное количество статей об искусстве.

Повесть «Портрет» – это особый для Гоголя текст (наличие двух его редакций является подтверждением этой мысли). Возможно, следуя примеру Жуковского, писатель создает свой эстетический манифест.

Кроме того, повесть не является простой историей о петербургском нищем художнике-портретисте. Гоголь мыслит намного глобальнее, на что прежде всего указывает архитектура произведения. Перед читателем разворачиваются сразу две истории, отражающие две полярности мира – светлую и темную.

В одной истории художник повержен inferнальными силами и отравлен греховными страстями. В другой же – все оборачивается совершенно иначе, и художник дает решительный отпор врагу человеческого рода. Подобная двухчастная структура, намеренно избранная Гоголем, может отсылать

к архитектонике повести Жуковского «Двенадцать спящих дев». Напомним, что она состоит из двух баллад («Громобой» и «Вадим»). Эти баллады противоположны по своей этике. В первой главный герой осознанно совершает сделку с дьяволом, добровольно обрекает свою душу на адские муки ради золота. Во второй главный герой оказывается выше всех страстей и грехов и обретает спасение.

Так и в повести Гоголя читатель сначала наблюдает за трагической судьбой петербургского художника Чарткова: юный, подающий надежды студент художественной академии мечтает о громком признании и славе. Подобная навязчивая идея приводит героя к страшным последствиям. Чартков понимает, что для того, чтобы стать прославленным живописцем, нужны деньги, солидная мастерская и ученики, однако он нищ и находится на обочине петербургской жизни.

Это становится важной составляющей для пробуждения темной стороны души юноши. Он покушается на важные, архизначимые основы истинного искусства: «Да ведь что пользы? этюды, попытки – и все будут этюды, попытки, и конца не будет им. Да и кто купит, не зная меня по имени <...> Что в самом деле? Зачем я мучусь и как ученик копаюсь над азбукой, тогда как бы мог блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами» [2, т. 3, с. 86].

Роптания Чарткова на свою участь сопоставимы с вызовом божественному мирозданию Людмилы из одноименной баллады Жуковского:

Царь небесный нас забыл...

Мне ль он счастья не сулил?

Где ж обетов исполнение?

Где святое Провиденье?

Нет, немилостив Творец [12, т. 3, с. 10].

Юный художник игнорирует божественный дар – талант в живописи. Ему мало этого, и он сосредоточен в большей степени на финансовом благополучии, вследствие чего в его мыслях происходят страшные метаморфозы: прекрасные образы античного искусства (Психея) теперь соседствуют с пошлыми образами богемной жизни новомодных, современных петербургских художников. С этого момента начинается духовное падение героя. В сознании Чарткова исчезает воспеваемый Жуковским идеал калокагатии.

Художник искушается внезапно обнаруженным кладом, не видя в приятной находке никакого для себя опасного знамения. Он становится заложником своих же прихотей, стремительно забывает о развитии таланта, вместо этого тратя деньги на несущественные для истинного художника материальные блага. Поведение Чарткова напоминает действия также сосредоточившегося на богатствах героя Жуковского из баллады «Громобой».

Однако, как и в данной балладе Жуковского, за богатство герою приходится платить страшной ценой. Прожив жизнь зря, художник умирает в бреду от страшных мук и зависти. Перед смертью он осознает, что добровольно отказался от таланта ради сиюминутных наслаждений и завидует истинным художникам.

Тем не менее сначала Чартков сознательно идет на сделку с дьяволом. Задолго до обнаруженного клада он был предупрежден старым профессором о пагубной страсти, которая медленно его охватывает: «...ты уж гоняешься за модным освещением, за тем, что бьет на первые глаза <...> уж я вижу у тебя иной раз на шее щегольской платок, шляпа с лоском... <...> брось щегольство – пусть их набирают другие деньги» [2, т. 3, с. 85].

Замечание профессора оказывается роковым для Чарткова. Молодой художник быстро забывает об этих словах и не бережет себя и свой талант. Примечательно, что перед тем, как обнаружить заветный клад, Чартков ночью в полусонном состоянии видит привидение старика-ростовщика, покидающего пределы портрета. В художественном мире Жуковского привидения, как правило, являются карой и символом угрызания совести персонажа, напоминанием о грехе. Вероятно, Гоголь предполагал это, создавая ночную сцену с привидением старика-ростовщика в «Портрете», поэтому его появление может быть следствием греха гоголевского художника, ведь Чартков согрешил уже тем, что начал роптать на свое безденежье.

В лирике Жуковского грех не остается незамеченным свыше. В эти моменты герои сталкиваются с непознанным, перед ними открывается мистическая завеса мироздания, что уже является событием неординарным. Оно есть предупреждение, воля сверхъестественных сил. Так, в балладе Жуковского «Варвик» образ призрака постоянно мучает грешника.

Согласно логике художественного мира Жуковского, только духовно самодостаточная и цельная личность способна к внутренней гармонии. Герои-бунтари поэта, недовольные своей жизненной долей, обречены на мытарства. Как правило, подобные персонажи терпят болезненное поражение, и их душа отправляется в ад. Жуковский часто намеренно подталкивает человека в том или ином своем произведении к познанию искушения. Только такая судьбоносная ситуация позволяет читателю разглядеть внутреннюю сущность героя.

Подобной ситуацией для Чарткова выступает ночная сцена с привидением ростовщика. В ней, вероятно, раскрывается роковая и сильная страсть художника к деньгам. Даже в полусонном состоянии он не забывает о своем намерении разбогатеть. Невзирая на сильный страх, сравнимый с тягост-

ным восприятием ночного кошмара, Чартков все же делает шаг к знакомству с инфернальным.

Любопытно, что именно после этого таинственного видения юноша обнаруживает деньги в портрете. Так, призрак ростовщика не вразумляет героя своим страшным появлением, а лишь искушает его богатством. Художник делает окончательный выбор, принимает нечестивый подарок и вновь делает это, подобно Громобоею из одноименной баллады Жуковского.

Однако (как и зачастую случается в «Петербургских повестях» Гоголя) счастье Чарткова является лишь иллюзией. В этой, казалось бы, радостной и беззаботной жизни угасает для юного художника истинное искусство. Чартков начинает мыслить шаблонно. Теперь за деньги он готов рисовать портреты с искусственными и слащавыми чертами.

Деятельность Чарткова стоит признать коммерческой, а не эстетической. Он извращает все базовые основы искусства. В своей статье «Об изящном искусстве» Жуковский так воспринимает категорию красоты в нем: «...в обширном смысле красота есть истина идеальная, то есть не одно ощутительное сходство выражения с выражаемым, но и соединение с ним того, что неосязательно, что единственно существует в душе человеческой, постигающей нечто высшее, вне видимой материальной природы существующее и свойственное ее божественной природе» [5, т. 12, с. 398].

Чартков же отказывается видеть и изображать истину, так как она не приносит денег. А ведь истина бесценна. Это аксиома другого гоголевского художника в повести «Портрет». Иконописец во второй части произведения также проходит через искушение. Вновь, подобно Асмодею Жуковского из повести «Громобой», азиат-ростовщик предлагает деньги за свой портрет художнику. Однако тот чувствует дискомфорт, и сразу же прозревают инфернальные черты заказчика.

Действительно, образ ростовщика Петромихила способен вызвать у читателя тягостные ощущения: «Эти сильные черты, врезанные так глубоко, как не случается у человека; этот горячий бронзовый цвет лица; эта непомерная гущина бровей, невыносимые, страшные глаза <...>» [2, т. 3, с. 126].

Необходимо быть духовно сильным человеком, чтобы противостоять подобному инфернальному существу. В повести Гоголя лишь художник-богомаз, преодолев гордыню, зависть и уныние, находит силы на созидательный, богоугодный труд. В уединении и молитве иконописец совершает практически невозможное для «обыкновенного» человека: безупречно изображает Рождество Иисуса.

В статье Жуковского «Рафаэлева Мадонна» обнаруживаем: «Здесь душа живописца без всяких

хитростей искусства, но с удивительно простою и легкостью передала холстине то чудо, которое во внутренности ее совершилось» [5, т. 12, с. 342]. Эта емкая, но вместе с тем значимая характеристика поэтом работы Рафаэля подходит и для полотна гоголевского иконописца.

При этом в «Портрете» нет прямого упоминания о дьяволе и inferнальных силах. Есть лишь спорные моменты, которые гоголевские герои не могут разумно проанализировать (видения, предчувствия и т. п.). Тем не менее зло в «Портрете» явно присутствует. На него указывает Э. Лонсбери: «Произведения искусства помещаются в унизи-тельно коммерческий контекст <...> их без должного почтения рассматривает неспособная оценить <...> публика, для которой искусство – досужее развлечение» [13, с. 124].

В этом прослеживается всеобщая для «Петербургских повестей» тенденция к оборотничеству. Профанация искусства для Жуковского и Гоголя есть поругание божественного порядка. Они оба стремятся в своем творчестве к калокагатии. Только она способна привести к спасению и очищению души (общее молчание, немота созерцающих работу художника-богомаза – это акт коллективного очищения, преклонение перед Правдой мироздания). Эстетика и этика в повести «Портрет» никак не коррелируют. Коммерческий дух, городская среда Петербурга развращают слабого духом обывателя столицы. Для Гоголя калокагатия связана в первую очередь с нравственной, а не с физической красотой.

В «Портрете» косвенно представлена дихотомия город/провинция. Так, в первой части повести Гоголя все действия разворачиваются в Петербурге. Вторая же часть в основном открывает читателю русскую периферию: пригород Петербурга и уединенный скит, подворье монастыря. На наш взгляд, это может актуализировать в гоголевской повести идиллические мотивы Жуковского. Например, в финале второй части демонстрируются патриархальные мотивы (возникает образ семьи иконописца, а позже тот же иконописец передает свою житейскую мудрость сыну). Кроме того, во второй части повести Гоголь воспекает человеческую простоту, отрицает искушения цивилизации. Подобные авторские решения часто обнаруживаются в идиллиях Жуковского.

Таким образом, как и в повести «Невский проспект», мы обнаруживаем в «Портрете» многочисленные отсылки к творчеству Жуковского. Особенно любопытно то, что в этом произведении репрезентируется схожесть эстетических воззрений писателей.

Рассуждения Гоголя о том, что есть погубленный человеческий талант, продолжаются в пове-

сти «Шинель». В исследуемом вопросе Гоголь обращает внимание не только на деятелей искусства, но и на государственных служащих. И. А. Виноградов подмечает, что «в „Шинели“ Гоголь „дерзнул“ <...> спросить и с „маленького“, рядового человека: как он исполняет свой долг? как блюдет свою должность? – иначе говоря, как „обыкновенный“ человек „отрабатывает“ данный ему Богом талант, пусть даже этот талант у него и незаметный, и единственный» [14, с. 29]. Так, Гоголь обращается не к служению высокому искусству, а к служению не менее важному – государству и народу.

Отметим, что данная повесть традиционно вызывает повышенный интерес у исследователей. В ней прозреваются гуманистические и христианские мотивы. Вероятно, что именно в этом произведении в полной мере проявляется не сатирическая, а сентиментальная грань таланта Гоголя. Писатель (по аналогии с другими «Петербургскими повестями») в «Шинели» рассматривает уязвимость души человека. Впрочем, на сей раз перед читателем предстает всего лишь образ заурядного и немолодого петербургского чиновника.

В отходе от изображения амбициозного коренного петербуржца (Чартков, Ковалев) в сторону скромного, не умеющего постоять за себя Акакия Акакиевича Башмачкина видится новая тенденция в «Петербургских повестях». Она ведет к постепенному раскрытию антиидиллических черт зрелого творчества писателя. А. П. Давыдов оправданно подчеркивает автобиографическую составляющую «Шинели»: «Гоголь должен сказать правду о Петербурге, о городе вообще. О том, что внесла в жизнь человека урбанизация, оторвав его от земли. Как она его, сельского жителя, приехавшего в город, унизила, а унизив, сделала „маленьким человеком“. Он должен рассказать о боли „маленького человека“. И это та правда, о которой невозможно говорить спокойно» [6, с. 97].

Во многом подобное гоголевское негодование созвучно с печальным наблюдением повествователя Жуковского в повести из журнала «Вестник Европы» «Прусская ваза» над слабостью «маленького» человека перед «сильными мира сего». Этот аспект отчасти роднит российские нравы с европейскими. Так, властителю Фридриху ничего не стоит безосновательно обвинить даже своего приближенного.

В уязвимом положении находится и гоголевский Башмачкин. Чиновник влачит жалкое существование в петербургском департаменте: «В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха. Началь-

ники поступали с ним как-то холодно-деспотически» [2, т. 3, с. 143].

Подобная участь чиновника, на наш взгляд, напоминает судьбу лирического героя баллады Жуковского «Узник». В этой балладе поэта обнаруживаются такие строки:

Вот жизнь его: другой не ждет
Он доли;
Он, равнодушный, не зовет
И воли [12, т. 3, с. 143].

Цитата из баллады Жуковского есть репрезентация душевного состояния Башмачкина. Гоголевский герой не ждет лучшей доли, а просто смиренно исполняет свои должностные обязанности и поначалу никогда не ропщет на свою судьбу: «Мало сказать: он служил ревностно, нет, он служил с любовью. Там, в этом переписывании, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир» [2, т. 3, с. 144].

Подобная детская восторженность и искренность вкупе с поистине ревностной службой превращают невзрачного чиновника в настоящего подвижника и аскета. А. И. Иваницкий не зря замечает, что впоследствии для позднего Гоголя «смысл служебного долга в конечном счете замыкается на Творце» [15, с. 169]. Башмачкин действительно непритязателен в быту, ведет затворнический образ жизни, довольствуется скромным жалованием. Более того, служба занимает все его свободное время. После рабочего дня в департаменте герой продолжает переписывать бумаги, не зная усталости.

Робкий чиновник, владея скудным словарным запасом, и на службе, и за пределами стен департамента не ведет светских бесед, как это принято в Петербурге. Отсутствие светскости и смирение не являются типичными для столицы. Кроме того, не обладая амбициями, Акакий Акакиевич явно смешон для среднестатистического петербуржца.

Смиранный нрав Башмачкина и его самопожертвование есть определенная тенденция в гоголевской повести. Гоголь репрезентирует героя, который отстаивает свой идеал, готов отдать себя на растерзание. Подобное поведение обнаруживается в балладе Жуковского «Королева Урака и пять мучеников».

В этом смысле жизнь Башмачкина, наполненная страданиями, все больше приобретает связь с житийной традицией. Как и подобает истинному аскету, Акакий Акакиевич смиренно терпит проказы коллег и даже прощает чиновников за то, что они посыпают его голову бумажками. В этом считается непротивление героя злу. Смирение — традиционно одна из самых почитаемых добродетелей для христиан. Многие православные святые намеренно для укрепления духа и веры терпели различные посрамления, унижения. Департамент

словно пытается растоптать личность Башмачкина, но в конечном счете им не удается достичь этого. В гоголевском персонаже прозреваются духовный стержень и сила воли.

Он близок к попыткам православных святых укрепить дух, воспринимая все злые шутки коллег как житейскую суету. С самого рождения жизнь персонажа напоминает особый род покаяния. В этой связи правомерно сопоставить судьбу лирического героя Жуковского из баллады «Покаяние» с жизнью гоголевского Акакия Акакиевича:

На место, где сердце он мучить привык,

Он шел, погруженный в молчанье [12, т. 3, с. 193].

При этом Башмачкин, чистый душой и сердцем человек, искренне любит сослуживцев. В этом видится невероятная прозорливость героя. Все чиновники департамента Башмачкина вынуждены трудиться над единым делом, они вместе служат государству и русскому народу, а значит, избраны на особый путь (сродни рыцарству). Рыцарство подразумевает любовь к угнетенному и готовность прийти на помощь нуждающемуся. Каждый рыцарь следует подобным принципам, что роднит его с ближним. В этой связи обратимся к речи рыцаря из романа «Дон Кишот Ламанхский» (данный роман был переведен на русский язык Жуковским): «Рыцарство, как и любовь, равняет состояния, сближает людей между собою» [16, т. 9, с. 63].

Переводчик цитируемого романа, безусловно, являлся для Гоголя духовным рыцарем, защитником своих идеалов (романтизм). И. Ю. Виноцкий подчеркивает, что «положение Жуковского в русской культуре 1840-х годов было особым <...> он <...> ее высший нравственный авторитет, символическая фигура, воплощающая утраченную в нынешний „железный век“ возвышенно-романтическую поэзию» [17, с. 211]. Не только лишь творчеством и наставлениями был известен современникам Жуковский. Поэт, как и подобает настоящему рыцарю, приходил на помощь незаслуженно притесненным, поскольку он имел такую возможность, будучи «поистине домашним лицом, учителем, товарищем, другом, корреспондентом трех поколений дома Романовых» [18, с. 5].

В частности, Жуковский был одним из первых петербуржцев-помощников для Гоголя. Поэт помогал начинающему писателю не только словом, но и делом. Слава о Жуковском-филантропе стремительно расходилась по имперской столице. Дж. Портер, изучая труды биографа Гоголя В. И. Шенрока, справедливо отмечает, что «в итоге именно гостеприимство и покровительство В. А. Жуковского привело молодого человека из провинциальной Украины в самый центр литера-

турной элиты Санкт-Петербурга <...> перед ним раскрылись двери высшего света» [19, с. 109].

Гоголь, несомненно, знал, что такое быть «маленьким человеком» в имперской столице, поэтому всю боль от своего унижения он передает и Башмачкину. Впрочем, важно отметить, что персонаж Гоголя в определенной степени есть и демонстрация тихого, незаметного рыцарства многих петербургских чиновников. Писатель познал все тонкости чиновничьей службы в юности. Гоголь честно служил, как и его Башмачкин, в петербургском департаменте.

Подобная бесславная служба писателя станет основой жизни Акакия Акакиевича. Гоголь с иронией описывает такую же службу своего персонажа. Башмачкин жалок и смешон в глазах коллег. Тем не менее он верит в свое дело и не готов изменить своему «рыцарскому» призванию. Вполне возможно, что в душе гоголевского персонажа актуализируется философия жизни Дон Кишота: «Рыцари! <...> посланники неба, исполнители его правосудия. Пускай в их должности нет столько святого, зато в ней гораздо больше трудного, тяжкого, нежели в тихой, беспечной жизни созерцателей!» [16, т. 9, с. 69].

Подобная философия жизни для несчастного чиновника есть определенный спасительный зазор, оставленный автором. Так, неунывающий Акакий Акакиевич обретает надежду на светлое будущее. Символом «ренессанса» для чиновника становится новая шинель – вещь незаменимая в условиях петербургской непогоды. Шинель метафорически заменяет рыцарю Башмачкину даму. Чиновник (подобно Дон Кишоту) готов служить своей Дульцинее. Светлая надежда одухотворяет героя.

К поиску подобных внезапных житейских радостей всегда призывал Жуковский. С. Г. Семенова, рассматривая философию творчества Жуковского, подчеркивает, что для поэта важна «...готовая надежда, в которую можно только верить, мягкое, милосердное утешение <...> когда неволе бытия, страданиям и смерти противопоставляется лучший мир вечного свидания и блаженства душ» [20, с. 107].

Башмачкин заказывает портному Петровичу шинель. Ради этого он ограничивает себя в пище, потребностях. Акакий Акакиевич с нетерпением ожидает свидания с новой вещью. Она для гоголевского персонажа превращается и в подругу жизни, и в возлюбленную, и в абсолют красоты. В этой связи в гоголевском тексте актуализируются эстетические манифесты Жуковского: «Невыразимое», «Лалла Рук» и т. п. Они в полной мере отражают грядущую радость чиновника.

Однако ее можно назвать чрезмерной. Шинель, действительно, дарит чиновнику тепло духовное и

физическое: «Он чувствовал всякой миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо» [2, т. 3, с. 157]. Тем не менее читателю не стоит забывать, что поводом для безграничного счастья Башмачкина является обыкновенный предмет гардероба. В этом, вероятно, кроется авторская ирония. У. М. Тодд отмечает, что для «Петербургских повестей» Гоголя характерен «...гротескный юмор, в котором смешивались воедино черты людей, животных и даже неодушевленных предметов» [21, с. 33]. Акакий Акакиевич наделяет шинель свойствами Другого, чем скрашивает свое одиночество, обретает опору в жизни. Тем не менее эта опора является иллюзорной, и, привязываясь к шинели, герой забывает о своей высокой миссии. Можно предположить, что чиновник таким образом находит в ней «ложного кумира», служение которому уже нельзя считать подлинным рыцарством.

Неудивительно в связи с этим, что счастье Башмачкина оказывается недолговечным. Только начав жить полной жизнью, разглядев окружающий мир, персонаж внезапно знакомится с темным, неизвестным ему доселе демоническим Петербургом. По нелепому стечению обстоятельств после приятного вечера в кругу коллег он сталкивается ночью с грабителями и лишается шинели. Примечательно, что ограбление происходит в не совсем типичном для густонаселенного, суетного столичного города месте. Акакий Акакиевич дезориентирован в ночном и пустом Петербурге: «Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него» [2, т. 3, с. 161]. О. Г. Дилакторская прозревает инфернальную составляющую топоса, где происходит скорбное для Акакия Акакиевича событие: «Площадь представляется герою необозримым морем, она – стихия зла и произвола, хаоса – как слепая испытующая судьба» [9, с. 246].

Следуя логике О. Г. Дилакторской, предположим, что Башмачкин метафорически погружается в самую глубину, неизведанную пучину ночного Петербурга. В этой связи замечание исследователя побуждает нас вспомнить о коварной морской пучине Жуковского (баллада «Кубок»), в которую ныряет отважный лирический герой поэта:

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова
[12, т. 3, с. 164].

Погрузившись в темноту петербургской улицы, Башмачкин теряет самое сокровенное – шинель. Кроме того, чуть позже житейское «море» заберет и жизнь несчастного чиновника.

Здесь следует отметить, что эта ситуация может быть неслучайной: ее можно рассматривать как наказание за ошибку, ведь герой явно переоценивает значение полученной им вещи. Можно предположить, что достойное расставание с ней становится духовным испытанием, однако Акакий Акакиевич его не проходит.

Впрочем, гоголевский персонаж не собирается уходить из жизни бесславно. До кончины Башмачкин отчаянно пытается проявить внутреннюю «рыцарскую» натуру в не совсем верном направлении по отношению к «любимой»: впервые он решается на смелый поступок и начинает предпринимать активные меры для поиска утраченного. «Подругу жизни» похитили, а Башмачкин – защитник своих друзей. В контексте повести Гоголя актуализируется риторический вопрос героя Жуковского из повести поэта «Прусская ваза»: «...что может быть приятнее имени защитника, и защитника своих друзей...» [22, т. 10, с. 331].

Однако робкие попытки Башмачкина тщетны. Герой осознает бедственность положения, не может смириться (а смирение, как известно, одна из важных христианских добродетелей) и неосознанно приходит к выводу, что жить дальше для него нет смысла. Акакий Акакиевич остается один на один со своим горем. Никто не хочет ему помочь вернуть шинель. Более того, последняя надежда бедного чиновника – встреча со значительным лицом – оборачивается кошмаром. Этот человек распекает Акакия Акакиевича, после чего тот тяжело умирает в бреду, проклиная весь свет.

С. А. Гончаров считает, что смерть чиновника закономерна. Исследователь подчеркивает, что «смерть Акакия Акакиевича предстает как наказание за измену своему „месту“, как возмездие за „отступничество“» [23, с. 143]. Подобные этические законы действуют и в художественном мире Жуковского. На это обращает внимание В. Н. Аношкина-Касаткина: «Гуманизм поэта подразумевал высокие нравственные требования к личности и суровость наказания и самонаказания за проступки» [11, с. 200].

Действительно, после обретения шинели Башмачкин начинает менее усердно служить в департаменте. Духовное рыцарство теряет значимость для героя. Подобное можно трактовать как роптание. Чиновник перестает быть аскетом и затворником. Метафорически он нарушает свой «обет молчания»: общается с коллегами после службы (празднословие), не занимается переписыванием

бумаг дома (метафорически не выполняет свое «послушание»), обращает внимание на представительниц противоположного пола (вероятно, делает это с вожделением).

Кроме того, не реализовав предположительно имеющийся у него потенциал, Башмачкин осмелился «сквернохульничать» (сродни роптанию в художественном мире Жуковского). Такое поведение в балладах Жуковского, как правило, жестоко наказывается (хрестоматийным примером является баллада поэта «Людмила», в которой героиня за роптание мгновенно погибает). По такой же схеме разворачивается финал гоголевской повести. Башмачкин разуверяется во всем, отказывается жить и скоростно умирает.

Тем не менее на этом история о несчастном чиновнике не заканчивается. По Петербургу начинают ходить слухи, что Башмачкин в виде призрака снимает с чиновников высокого уровня шинели. Не щадит привидение и значительное лицо. Появление образа призрака актуализирует в гоголевском тексте сразу несколько творческих аспектов Жуковского – публицистику поэта («Нечто о привидениях») и сюжет баллад «Ленора», «Людмила» и «Светлана», в которых мертвый жених забирает невесту.

В этой связи карательный акт Башмачкина в финале гоголевской повести представляется возможным рассмотреть как метафизическое событие – восстановление пошатнувшегося равновесия в мире, ведь поступок значительного лица по отношению к нему (и, вероятно, ко всем людям его социального статуса) не является справедливым, а Жуковский всегда чуток к ней. В балладном мире поэта герой-грешник должен быть непременно наказан за свои злодеяния. Только лишь раскаяние дает сумеречную надежду преступнику в художественном мире Жуковского спасти свою душу от мук ада. Любопытно, но после встречи значительного лица с призраком Башмачкина справедливость, действительно, отчасти восстанавливается. Значительное лицо теперь тщательно обдумывает слова критики в адрес служащих и даже начинает прислушиваться к мнению подчиненных. Таким образом, Башмачкин после своей кончины стремится восстановить свой «рыцарский» статус. Чиновник возвращается к истинному служению и становится поборником справедливости, а не просто разбойником, который потакает своим страстям.

В контексте событий гоголевской повести вновь актуализируется божья воля, универсальная справедливость, свойственная художественному миру Жуковского. Значительное лицо, возмнив себя владыкой человеческих судеб, наказывается за гордыню и гнев, обращенный на ближних. Ему угото-

вана участь героинь баллад Жуковского. В этой связи символично, что его шинель отбирает именно призрак (выходец с того света).

Таким образом, в повести «Шинель» также обнаруживается достаточное количество мотивов произведений Жуковского.

Заключение

Таким образом, «петербургский период» творчества Гоголя тесно связан с творческой деятельностью Жуковского. Гоголь знакомится с лирикой и публицистикой поэта, активно рефлексировал над прочитанным. Кроме того, писатель посещает знаменитые петербургские «субботы у Жуковского», общается с ним лично, считает поэта наставником. Важно подчеркнуть, что Гоголь непосредственно воспринимает эстетику и поэтику Жуковского, после чего репродуцирует отдельные аспекты творчества поэта в своих произведениях.

Рассматривая повести Гоголя «Невский портрет», «Портрет», «Шинель», мы убедились в том, что Гоголь в «Петербургских повестях» еще следует романтическим принципам (и во многом этому содействует творчество Жуковского-романтика, деятельность поэта в «петербургский» период Гоголя, безусловно, воспринималась как образец для начинающих писателей).

Наиболее репрезентативный пример этого – повесть «Невский проспект». Она (как одна из первых «Петербургских повестей») вбирает в себя основные принципы романтизма, однако нетрудно разглядеть романтические принципы и в повестях «Портрет» и «Шинель».

Прежде всего отметим тему «рыцарства». Она крайне значима для Жуковского, проходит рефреном в лирике поэта и, конечно, значима для поэта при переводе «Дон Кишота». У Гоголя происходит попытка прозаизации рыцарства, однако писатель

не умаляет значения рыцарства, а, напротив, усиливает его значимость (ратная государственная служба на местах).

Другим важным аспектом является мотив сна у Гоголя и Жуковского: он довольно частотен в творчестве романтиков. В повестях «Портрет» и «Невский проспект» он занимает значительное место, вносит мистический компонент и ноту таинственности в тексты Гоголя. Однако сон у Гоголя – инициальный этап дисгармонического процесса, предвестник трагических событий, распада личности и мира. Для Жуковского же сон тождествен гармонии, он желанен и привносит в жизнь героев долгожданную встречу.

Неестественен для Жуковского и урбанистический топос, используемый Гоголем в «Петербургских повестях». Однако изредка Гоголь использует идиллические пейзажи-вставки, которые близки Жуковскому.

Отметим и специфику фантастического в «Петербургских повестях». Жуковский, как правило, прямолинеен при изображении фантастического, в частности, inferнального. Гоголь же все заметнее переходит к сокрытию подобных явлений, что в полной мере проявится в «Мертвых душах».

Наиболее же любопытной точкой пересечения Гоголя и Жуковского в проанализированных повестях, вероятно, следует считать принципы эстетики и аксиологию литературного творчества (калокагатия, миссия художника, «невыразимость» искусства, религиозные аспекты творчества и пр.).

Отметим определенный диссонанс в творческом сознании Гоголя. Он, безусловно, проявляет интерес к новым тенденциям в русской литературе (реализм), но все же еще колеблется. Писатель продолжает искать свое поприще в отечественной словесности и делает это не без чуткого наставничества Жуковского.

Список источников

1. Мусатова Т. Л. Новая книга о Гоголе в Риме (1837–1848). Мир писателя, «духовно-дипломатические дела», эстетика, поиски социального служения. Материалы и исследования. М.: БуксМАрт, 2020. Т. 2. 672 с.
2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. 728 с.
3. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. 840 с.
4. Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы. М.: Летний сад, 2009. 404 с.
5. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 12. 544 с.
6. Давыдов А. П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М.: Новый хронограф, 2018. 264 с.
7. Виролайнен М. Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб.: Пальмира, 2016. 495 с.
8. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.
9. Гоголь Н. В. Петербургские повести. СПб.: Наука, 1995. 296 с.
10. Станичук И. А. Феномен ночи в творчестве Н. В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 192 с.
11. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 400 с.
12. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 3. 456 с.

13. Лонсбери Э. Скучная культура, высокое искусство: Гоголь, Готорн и профессиональное писательство в России и Америке в XIX веке. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. 456 с.
14. Виноградов И. А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. М.: Вече, 2018. 320 с.
15. Иваницкий А. И. Спиритуализация власти и службы у позднего Гоголя: мотивные источники // Имагология и компаративистика. 2020. № 14. С. 168–185.
16. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 9. 536 с.
17. Виноцкий И. Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
18. Киселев В. С. Письма царственных особ к В. А. Жуковскому и семантика «семейственной монархии» // Имагология и компаративистика. 2020. № 14. С. 5–36.
19. Портер Дж. Экономика чувств: русская литература эпохи Николая I. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. 255 с.
20. Семенова С. Г. Русская литература XIX–XX веков: от поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма, 2016. 890 с.
21. Тодд У. М. Социология литературы: институты, идеология, нарратив. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2020. 352 с.
22. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 10. Кн. 1. 528 с.
23. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. М.: Юрайт, 2021. 228 с.

References

1. Musatova T. L. *Novaya kniga o Gogole v Rime (1837–1848). Mir pisatelya, “dukhovno-diplomaticheskiye dela”, estetika, poiski sotsial'nogo sluzheniya. Materialy i issledovaniya* [A new book about Gogol in Rome (1837–1848). The world of the writer, “spiritual and diplomatic affairs”, aesthetics, the search for social service. Materials and research]. Moscow, BuksMart Publ., 2020. 672 p. (in Russian).
2. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t. Tom 3* [Complete works: in 14 vols. Vol. 3]. Moscow, AN SSSR Publ., 1938. 728 p. (in Russian).
3. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 2* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 2]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 840 p. (in Russian).
4. Kotlyarevskiy N. A. Nikolay Vasil'evich Gogol'. 1829–1842. Ocherk iz istorii russkoy povesti i dramy [Nikolay V. Gogol. 1829–1842. An essay from the history of the Russian novel and drama]. Moscow, Letniy sad Publ., 2009. 404 p. (in Russian).
5. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 12* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 12]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. 544 p. (in Russian).
6. Davydov A. P. *Dusha Gogolya. Opyt sotsiokul'turnogo analiza* [The soul of Gogol. Experience of socio-cultural analysis]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2018. 264 p. (in Russian).
7. Virolaynen M. N. *Istoricheskiye metamorfozy russkoy slovesnosti* [Historical metamorphoses of Russian literature]. Saint Petersburg, Pal'mira Publ., 2016. 495 p. (in Russian).
8. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 1]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 760 p. (in Russian).
9. Gogol' N. V. *Peterburgskiy povesti* [Petersburg Stories]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1995. 296 p. (in Russian).
10. Stanichuk I. A. *Fenomen nochi v tvorchestve N. V. Gogolya. Dis. kand. filol. nauk* [The phenomenon of the night in the works of N. V. Gogol. Diss. . cand. philol. sci.]. Tver', 2014. 192 p. (in Russian).
11. Anoshkina-Kasatkina V. N. *Russkiy romantizm. V. A. Zhukovskiy, A. S. Pushkin* [Russian Romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin]. Moscow, IPU MGOU Publ., 2014. 400 p. (in Russian).
12. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 3* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 3]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 456 p. (in Russian).
13. Lonsberi E. *Skudnaya kul'tura, vysokoye iskusstvo: Gogol', Gotorn i professional'noye pisatel'stvo v Rossii i Amerike v XIX veke* [Scanty culture, high art: Gogol, Hawthorne and professional Writing in Russia and America in the XIX century]. Saint Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2021. 456 p. (in Russian).
14. Vinogradov I. A. *Strasti po Gogolyu. O dukhovnom nasledii pisatelya* [The passion for Gogol. About the spiritual heritage of the writer]. Moscow, Vechе Publ., 2018. 320 p. (in Russian).
15. Ivanitskiy A. I. *Spiritualizatsiya vlasti i sluzhby u pozdnego Gogolya: motivnye istochniki* [Spiritualization of Power and Service in the Late Gogol: Motivic Sources]. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*, 2020, no. 14, pp. 168–185 (in Russian).
16. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 9* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 9]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2012. 536 p. (in Russian).

17. Vinitskiy I. Yu. *Dom tolkovatelya: Poeticheskaya semantika i istoricheskoye voobrazheniye V. A. Zhukovskogo* [The House of the Interpreter: Poetic Semantics and Historical Imagination of V. A. Zhukovsky]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2006. 328 p. (in Russian).
18. Kiselev V. S. Pis'ma tsarstvennykh osob k V. A. Zhukovskomu i semantika "semeistvennoy monarkhii" [Letters of royal persons to V. A. Zhukovsky and the semantics of the "family monarchy"]. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*, 2020, no. 14, pp. 5–36 (in Russian).
19. Porter Dzh. *Ehkonomika chuvstv: russkaya literatura epokhi Nikolaya I* [The Economy of Feelings: Russian Literature of the Era of Nicholas I]. Saint Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2021. 255 p. (in Russian).
20. Semenova S. G. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: Ot poetiki k miroponimaniyu* [Russian Literature of the XIX–XX centuries: From Poetics to Worldview]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Paradigma Publ., 2016. 890 p. (in Russian).
21. Todd U. M. *Sotsiologiya literatury: instituty, ideologiya, narrativ* [Sociology of literature: institutions, ideology, narrative]. Saint Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2020. 352 p. (in Russian).
22. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochinenii i pisem: v 20 tomakh. Tom 10. Kniga 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 10. Book 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014. 528 p. (in Russian).
23. Goncharov S. A. *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste* [Gogol's creativity in a religious and mystical context]. Moscow, Yurait Publ., 2021. 228 p. (in Russian).

Информация об авторе

Щуков Д. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Shchukov D. A., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 06.02.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 821.111.0

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-121-136>

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ РОМАНА Б. ДИЗРАЭЛИ «ГЕНРИЕТТА ТЕМПЛ: ИСТОРИЯ ЛЮБВИ» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XIX ВЕКА

Юлия Петровна Ажель

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, azhei@tpu.ru

Аннотация

Введение. Освещение женской проблематики являлось одной из доминирующих тем в творчестве целого ряда английских писателей XIX в. и давало ключ к пониманию места женщины в социуме и ее роли в развитии общественного прогресса. В рамках освещения женского вопроса в викторианском романе актуальным представляется обращение к творчеству Б. Дизраэли (1804–1881). Воплощение женских образов в романе «Генриетта Темпл: история любви» (1837) является показательным с точки зрения эволюции представлений о роли женщины и ее жизненных установок.

Цель – анализ стратегий интерпретации главных женских персонажей романа «Генриетта Темпл: история любви» в русских переводах с учетом актуальных тенденций литературно-общественного процесса России 1850–1860-х гг.

Материал и методы. Материалом исследования послужили оригинальный текст романа «Henrietta Temple: a love story», а также его анонимные переводы, опубликованные в журналах «Библиотека для чтения» в 1859 г. и «Переводы отдельных романов» типографии Н. С. Львова в 1867 г. В работе использовались историко-литературный, сравнительно-типологический и структурный методы. Для выявления особенностей интерпретации главных женских образов романа был проведен анализ оригинального текста романа и его переводов с привлечением методики, включающей пять основных параметров образа: интродукция персонажа, словесный портрет, речевая характеристика, описание поступков и авторское отношение.

Результаты и обсуждение. С перевода романа «Генриетта Темпл: история любви» началось знакомство русского читателя с творчеством Б. Дизраэли. Сочинение английского писателя, созвучное общим тенденциям в русской литературе середины XIX в., было дважды анонимно переведено с разницей в восемь лет. Каждый из переводов стал отражением не только основных принципов художественного перевода и литературных норм своего времени, но и позиции, занимаемой переводчиком по отношению к вопросу о роли женщин и их прав в русском обществе. В данном аспекте интерес представляет интерпретация ключевых женских персонажей романа Б. Дизраэли, демонстрирующих различные характеры и жизненные установки. В центре повествования находятся образы героинь, вовлеченных в любовный треугольник: Генриетты Темпл и Кэтрин Грандисон, а также образ матери главного героя Констанции Армайн.

Заключение. Как показывает анализ, не все параметры образов главных героинь романа Дизраэли нашли свое отражение в переводах. Особенность русской версии, опубликованной в «Библиотеке для чтения» в 1859 г., заключалась в том, что переводчик, действуя в рамках норм переводческого дела в России середины XIX в. и политики журнала, существенно редуцировал оригинальный текст романа, что привело к значительному упрощению и схематизации образов «новых» героинь, в частности Генриетты. Автору русской версии романа, опубликованной в «Переводах отдельных романов» в 1867 г., в большей степени удалось воспроизвести пять основных параметров художественного образа героинь и воссоздать образ женщины нового типа, способной отстаивать свои интересы и реализовывать себя в полезной деятельности.

Ключевые слова: перевод, художественный образ, эмансипация, женский вопрос, интродукция, речевая партия, описание поступков, авторское отношение

Для цитирования: Ажель Ю. П. Интерпретация женских образов романа Б. Дизраэли «Генриетта Темпл: история любви» в русских переводах XIX века // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2022. Вып. 4 (222). С. 121–136. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-121-136>

INTERPRETATION OF FEMALE IMAGES OF THE NOVEL 'HENRIETTA TEMPLE: LOVE STORY' BY BENJAMIN DISRAELI IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE XIXTH CENTURY

Yuliya P. Azhel

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, azhei@tpu.ru

Abstract

Introduction. The coverage of the women's issue was one of the predominant themes in the works of famous English writers of the XIXth century and gave the key to understanding the place of a woman in the society and her

© Ю. П. Ажель, 2022

role in the development of the social progress. In this context, an appeal to the fiction of B. Disraeli (1804–1881) is relevant. The objectification of female images in his novel 'Henrietta Temple: a Love Story' (1837) is illustrative in terms of evolution of the woman role and her life attitudes.

Aim and objectives. The aim of the research is the study of the translation peculiarities of the novel's key female characters taking into account the current trends in the literary and social processes of Russia in the 1850s – 1860s.

Material and methods. The research material included the original text of 'Henrietta Temple: a love story', as well as its anonymous translations published by 'Library for Reading' [Biblioteka dlya Chteniya] in 1859 and 'Translations of individual novels' [Perevody Otdel'nyh Romanov] in 1867. Historical literary, comparative, typological, and structural methods were used in the research. To identify the peculiarities of the main female images interpretation, an analysis of the original text and its translations was carried out using a methodology including five main image parameters, such as character introduction, verbal portrait, speech characteristics, description of actions and author's attitude.

Results and discussion. First acquaintance of the Russian reader with the fiction by B. Disraeli began with the translation of the novel 'Henrietta Temple: a Love Story' 1859. The novel of the English writer was consonant with the general trends in Russian literature of the mid-19th century and was twice anonymously translated. Each of the translations reflected not only the basic principles of literary translation, but also the position taken by the translator in relation to the issue of the role of women and their rights in Russian society. In this aspect, the interpretation of the key female characters of B. Disraeli's novel is of interest. At the center of the narrative there are female characters involved in a love triangle: Henrietta Temple and Catherine Grandison, as well as the image of the main character mother, Constance Armine.

Conclusion. The analysis demonstrates that not all the parameters of the Disraeli's female images are reflected in Russian translations. The peculiarity of the version published in the 'Library for Reading' [Biblioteka dlya Chteniya] in 1859 was that the translator significantly reduced and simplified the original text of the novel due to the journal policy and translation norms, which led to simplification of new woman images, in particular Henrietta. The author of the translation published in 1867 managed to better reproduce five main parameters of the female images and recreate a new ideal of a woman capable of defending her interests and realizing herself.

Keywords: translation, artistic image, emancipation, women's issue, character introduction, speech characteristics, description of actions, author's attitude

For citation: Azhel Yu. P. Interpretatsiya zhenskikh obrazov. romana B. Dizraeli "Genrietta Templ: istoriya lyubvi" v russkikh perevodakh XIX veka [Interpretation of Female Images of the Novel 'Henrietta Temple: Love Story' by Benjamin Disraeli in Russian Translations of the XIXth Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 121–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-121-136>

Введение

Викторианская эпоха по праву считается веком романного мышления и представляет собой одну из самых значительных страниц в истории европейской литературы, изучению которой посвящено большое количество отечественных и зарубежных исследований. Несомненно, одной из доминирующих тем в литературном процессе Англии эпохи викторианства стала характерная для социокультурного сознания Западной Европы XIX в. женская тема, до сих пор являющаяся во многом дискуссионной. Освещение женской проблематики занимало важное место в творчестве целого ряда английских писателей и писательниц викторианского периода (Т. Гарди, Э. Троллопа, О. Уайльда, сестер Ш. и Э. Бронте, Дж. Элиот и др.) и во многом давало ключ к пониманию места женщины в социуме, ее прав, свобод и роли в развитии общественного прогресса.

По мнению исследователя Н. В. Шаминой, своеобразие формирования и воплощения женской темы в английском романе в значительной степени предопределило творчество Дж. Остен, которое, не подпадая под хронологические границы викторианской эпохи, тем не менее оказало заметное влияние на произведения ее последователей [1, с. 19].

На наш взгляд, интерпретация женских образов в романе Б. Дизраэли «Генриетта Темпл: история любви» также представляет интерес с точки зрения эволюции роли женщины и ее жизненных установок в английском обществе первой половины XIX в. и в определенной степени задает вектор для дальнейшего рассмотрения этой проблематики в английской литературе последующих десятилетий.

Роман «Генриетта Темпл: история любви», впервые опубликованный в 1837 г., сразу же снижал популярность среди читателей. Несмотря на неоднозначные критические отзывы, сочинение Дизраэли имело коммерческий успех, неоднократно переиздавалось на родине писателя и во многих европейских странах. Повышенный интерес к роману был во многом обусловлен потребностями историко-культурного процесса викторианского общества. Экономический расцвет Англии остро поставил проблему нищеты, привел к усилению социальных конфликтов и развитию чартистского движения, а научные достижения опровергли незыблемость библейских истин. Ввиду того, что монархия, политическая идеология и религиозные институты того времени оказались не способны обеспечить уверенность англичан в завтрашнем

дне, своеобразной альтернативой главенства церкви и монархии в жизни отдельных людей стала семья и нравственные ценности, на которых она основывалась [2, с. 3]. Эта тенденция привела к сосредоточенности английского романа XIX в. на «камерных» темах («дружба», «любовь», «семья») и активному использованию опыта сентиментализма, связанного в Европе с именами Ричардсона, Стерна и Руссо [3, с. 4].

Являясь художником, чутко реагирующим на запросы своего времени, и стремясь удовлетворить вкусы своей читательской аудитории, состоящей по большому счету из «дамского мира», Б. Дизраэли создал роман, основой сюжета которого стало чувство, а литературная оригинальность заключалась в «точной передаче языка любви без авторских прикрас» [4, с. 32]. Однако сюжет произведения, основанный на развитии любовных взаимоотношений между мужчиной и женщиной, не являлся единственной темой сочинения Дизраэли. Несмотря на легкомысленное, на первый взгляд, содержание, автор затронул в нем такие значимые социальные проблемы своей эпохи, как место католической знати в английском обществе того времени, судьба аристократии, роль женщины в социуме.

К неоспоримым достоинствам произведения можно отнести и яркие, многогранные женские образы, созданные английским писателем. Следуя традиции «фешенебельных» романов, в которых гарантом светских успехов молодого человека было покровительство знатной дамы, Дизраэли ввел в свой роман женские персонажи, благодаря «направляющей» руке которых происходит процесс взросления и духовного формирования главного героя, Фердинанда Армайна [5, с. 91]. Являясь второстепенными по отношению к протагонисту произведения, героини тем не менее выполняют роли менторов, провозглашающих общенравственные, а зачастую и политические истины.

Целью настоящего исследования является анализ интерпретации ключевых женских персонажей романа «Генриетта Темпл: история любви» в русских переводах с учетом актуальных тенденций литературно-общественного процесса России 1850–1860-х гг.

Материалы и методы

Материалом исследования выступает оригинальный текст романа “Henrietta Temple: a love story”, а также его анонимные переводы, опубликованные в журналах «Библиотека для чтения» и «Переводы отдельных романов» типографии Н. С. Львова. В работе используются историко-литературный, сравнительно-типологический и структурный методы. Для выявления особенно-

стей интерпретации главных женских характеров романа Дизраэли проводится анализ оригинального текста и его переводов с привлечением методики, включающей пять основных параметров образа: интродукция персонажа, словесный портрет, речевая характеристика, описание поступков и авторское отношение [6].

Результаты и обсуждение

С перевода романа «Генриетта Темпл: история любви» начинается знакомство русского читателя с творчеством Б. Дизраэли. Отечественные переводчики обращаются к произведению английского писателя дважды: в 1859 г. и 1867 г., спустя более чем два десятилетия после его написания. Дизраэли, создавший к этому времени свою знаменитую «младоанглийскую» трилогию, находится на пике литературной популярности у себя на родине и в Европе. Рецензенты также не обходят его творчество стороной. Начиная с 1847 г. имя писателя неоднократно упоминается на страницах отечественных периодических изданий, и к моменту появления первого перевода романа «Генриетта Темпл» за Дизраэли в России закрепляется репутация популярного английского писателя-беллетриста [7, с. 89; 8, с. 92–97]. О рецепции творчества Дизраэли как представителя массовой литературы свидетельствует выбор романа для перевода, сочетающего в себе традиции сентиментализма, зарисовки быта и нравов викторианского «света», интересный любовный сюжет и трансляцию традиционных семейных ценностей, а также характер отечественных изданий, опубликовавших его анонимные русские версии. Многотиражный ежемесячный журнал энциклопедического типа «Библиотека для чтения» – журнал, активно популяризовавший европейские литературные новинки и являвшийся индикатором массового читательского вкуса 1850–60-х гг., первым представил анонимную версию романа «Henrietta Temple: a love story» под заглавием «Генриетта Темпл: роман в шести книгах» в 1859 г. в приложении к февральскому номеру. Его основатель О. И. Сенковский заложил основы устойчивого интереса к женской тематике, ставшей чрезвычайно популярной в русской литературе второй половины XIX в., и отбирал для издания беллетристические произведения, ориентированные в большей степени на женскую и отчасти молодежную аудиторию» [9, с. 111–119]. Его преемник, знаток английской литературы, писатель, переводчик, критик А. В. Дружинин, ставший редактором «Библиотеки» в 1856 г., настаивал на «необходимости художественного направления как самого важного для русской литературы», подразумевая, что в него входят «и реализм (как способ изображения жизни), и романтическая одухотво-

ренность (психологизм) изображения, и тончайшая связь с духовно-нравственными инстинктами человека, и защита свободы, красоты, возбуждение и поэтизация творческих возможностей личности и ... совершенство форм художественных творений» [10, с. 17]. Роман Дизраэли был напечатан в одном ряду с модной беллетристикой того времени – произведениями Э. Булвер-Литтона, Жюль Сандо, А. Дюма-сына и др., пройдя «адаптивное транскодирование» в соответствии с требованиями редактора журнала и «горизонтом ожидания» читателей [11, с. 130–133].

С полным переводом романа, выпущенного отдельной книгой, русский читатель смог ознакомиться спустя восемь лет на страницах журнала «Переводы отдельных романов» типографии Н. С. Львова (1867–1888), занимающегося распространением развлекательной авантюрно-приключенческой и салонно-светской беллетристики. Основной целью издательства была реализация функции эскапизма – отвлечения читателей от суровой действительности и многочисленных проблем, потрясших российское общество после введения эмансипационной, судебной и военной реформ в 1860-х гг. [12, с. 187]. Появление каждого нового перевода романа «Henrietta Temple: a love story» демонстрировало литературные нормы и эволюцию переводческих принципов в России середины XIX в. Порожденные одним оригиналом, русскоязычные версии существовали в тесной взаимосвязи, но при этом каждый перевод обладал относительной самостоятельностью и индивидуальностью, так как воспринимался читателем сквозь призму личностного взгляда переводчика-литератора [13, с. 111–112].

Немаловажную роль в выборе произведения для перевода сыграло созвучие романа «Генриетта Темпл: история любви» общим тенденциям, характерным для русской литературы, прежде всего массовой, середины XIX в. [14, с. 153]. В этот период не только сохранялся, но и продолжал заметно расти интерес к европейской литературе сентиментализма, о чем свидетельствует увеличивающееся число переводов произведений Л. Стерна, Ж. Ж. Руссо и др. В 1850 г. в журнале «Современник» был опубликован историко-литературный очерк А. В. Дружинина под названием «Кларисса Гарлов, Самуила Ричардсона», в котором автор анализирует роман, написанный в середине XVIII в. и говорит о том, что идейно и тематически роман Ричардсона о трагической судьбе Клариссы, отстаивающей свою личностную свободу, созвучен идеям и темам, ставившимся и развивавшимся в отечественной литературе 50-х гг. [10, с. 18–19].

Кроме того, на 1850–60-е гг. пришелся пик развития жанра семейного романа («Семейная хрони-

ка» С. Т. Аксакова (1852), «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Н. Толстого (1852–57 гг.) и т. д.), что было созвучно творчеству Дизраэли, в котором образ семьи всегда занимал важное место и являлся средоточием его художественного мира [15, с. 223]. Формирование нового идеала женщины, равной мужчине в социальном, профессиональном и образовательном аспектах, стало чрезвычайно актуальным в середине XIX в. в России и обеспечило популярность роману Дизраэли «Генриетта Темпл», акцентировавшему внимание читателя на проблемах брака и семьи, положении женщин в обществе. Взгляд Н. И. Пирогова на женский вопрос, заключающийся в том, что «женщина должна занять подобающее место в жизни и понять свое высокое назначение: сочувствовать людям, растить детей, быть спутницей мужчины в жизни и борьбе» [16, с. 559–597] во многом совпадал с ролью, отведенной женщине в романе Дизраэли: «Как много министерских мест не было бы никогда завоевано, если бы полный надежд дух женщины и ее верная любовь не поддерживали борца! Любящая, умная и преданная подруга, обнаруживающая живой политический интерес и преданность делу, – более драгоценное сокровище, чем сады и дворцы; и без такой музыки не многие мужчины добиваются успеха в жизни, и никто из них не чувствует себя удовлетворенным» [17, с. 94].

Идеи женской эмансипации, ставшие неотъемлемой частью самосознания эпохи после окончания Крымской войны, нашли отражение в русских романах того времени. Первым отечественным писателем, обозначившим появление «новой» женщины, был признан И. С. Тургенев, в произведениях которого «независимые и активные героини стремились сами определить свою судьбу», а Елена Стахова стала символом женской эмансипации в России [18, с. 112]. «Библией для всех продвинутых женщин, стремящихся к независимости» был назван роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863), разрушивший многие стереотипы и роли, отведенные русским женщинам в традиционном обществе: «Это не просто история о том, как молодая женщина выбирает мужчину для любви, но и о том, как она находит полезную и приносящую удовлетворение работу, которая является ее собственным, а не чужим делом» [18, с. 155]. В этом контексте женские образы сильных и независимых героинь, представленные Дизраэли в романе «Генриетта Темпл: история любви», безусловно, представляли интерес для отечественной аудитории.

Стоит отметить, что вопрос о роли женщин и их прав в русском обществе активно обсуждался на страницах художественных и публицистических сочинений. Среди разнообразия мнений, бытовавших в социуме середины XIX в., можно выделить два

основных направления: «эмансипаторы», выступающие за освобождение женщин от семейных и материнских обязанностей, ратующие за их экономическую независимость и возможность участия в общественной деятельности, и «консерваторы», не разделяющие идеологию освободителей [19, с. 119]. Принимая во внимание тот факт, что женские персонажи романа Дизраэли отличались от традиционных представлений о героине, переводчикам приходилось определяться со своей точкой зрения, что не могло не отразиться на интерпретации женских образов, созданных английским писателем.

Редактор «Библиотеки для чтения» А. В. Дружинин в борьбе за идеи равенства мужчин и женщин принадлежал к числу так называемых «консерваторов», выступавших против женской эмансипации и требующих от женщин выполнения их непосредственных обязанностей жены и матери [20, с. 28]. Дружинин не верил в формирование нового идеала женщины, которая была бы равна мужчине, поскольку «многие женщины изучали рисование и музыку с детства, однако, среди них не было великих художников и композиторов» [20, с. 29]. Как следствие, образы героинь романа Дизраэли, обладающие собственным мнением и готовые отстаивать свою свободу, при переводе претерпели некоторые смысловые трансформации.

Только в 1867 г., когда журнал «Переводы отдельных романов» выпустил свой анонимный перевод, русские читатели получили доступ к переводной версии произведения, в большей степени похожей на авторский текст. В целом русский вариант сочинения Дизраэли, предложенный в 1867 г., отличался основательностью, полнотой и представлял собой подробный перевод оригинала, сохранивший особенности нарратива, авторский стиль и позицию писателя по отношению к героям. Появление более позднего перевода совпало с периодом реформ и социальных перемен в России, которые нашли свое отражение в литературе в виде новых типов главных героев: нигилистов, разночинцев, изгоев и независимых женщин [19, с. 124]. В свете подобной тенденции русская версия романа «Генриетта Темпл: история любви», представленная в 1867 г., демонстрировала более «эмансипированную» позицию, проявляющуюся в тщательной передаче многогранных образов героинь произведения.

Действие романа «Генриетта Темпл: история любви» сосредоточено вокруг главного героя, Фердинанда Армайна, для которого восстановление фамильного гнезда является своеобразной метафорой самореализации как личности и достойного члена общества. Находясь на военной службе на Мальте, герой ведет расточительный образ жизни. Чтобы расплатиться с долгами и оправдать надежды родителей, Фердинанд принимает решение

жениться на своей кузине Кэтрин Грандисон, унаследовавшей огромное состояние после смерти деда. Отметив помолвку, Фердинанд возвращается в свое родовое имение, где знакомится с прекрасной незнакомкой Генриеттой Темпл и влюбляется в нее с первого взгляда. Таким образом, основной конфликт романа сводится к нравственному выбору протагониста между чувством и долгом. Поиск баланса между разумом и миром эмоций и страстей, определяющих поступки главного героя, сближает роман «Генриетта Темпл: история любви» с традициями просветительского сентиментального романа, в частности, с произведениями С. Ричардсона, сюжеты которого с небольшими вариациями не раз обыгрываются в сочинении Дизраэли. В центре повествования находятся два женских образа, вовлеченных в любовный треугольник, а также образ матери главного героя, которые вызывают интерес своими характерами и жизненными установками.

Примечательно, что уже с первых глав романа можно составить определенное представление о характере Констанции Армайн, матери Фердинанда, основываясь на описании ее отношений с мужем. При этом нарратор не акцентирует внимание на ее портретной характеристике, сообщая лишь общие сведения о том, что она была «поразительно красива» [17, с. 11].

In the second year of their marriage Lady Armine presented her husband with a son. < > The affairs of Sir Ratcliffe did not improve. However, by strict economy and temporary assistance from his lawyer, Sir Ratcliffe, during the first ten years of his marriage, managed to carry on affairs; and though occasional embarrassments sometimes caused him fits of gloom and despondency, the sanguine spirit of his wife, and the confidence in the destiny of their beautiful child which she regularly enforced upon him, maintained on the whole his courage. All their hopes and joys were indeed centred in the education of the little Ferdinand¹ [17, p. 17].

Перевод 1859 г.:

На второй год после свадьбы, у леди Армайн родился сын. И так вся гордость, все надежды сэра

¹ Дословный перевод здесь и далее – мой (Ю. А.). Дословный перевод не передает просторечие, диалект, грамматические неправомерности, присутствующие в подлиннике.

На второй год их брака леди Армайн подарила своему мужу сына. < > Дела сэра Рэтклифа не улучшились. Однако, благодаря строгой экономии и временной помощи своего адвоката, сэру Рэтклифу в течение первых десяти лет его брака удавалось вести дела; и хотя временные затруднения иногда вызывали у него приступы уныния и отчаяния, жизнерадостность его жены и уверенность в судьбе их прекрасного ребенка, которую она регулярно внушала ему, в целом поддерживали его мужество. Действительно, все их надежды и радости были сосредоточены на воспитании маленького Фердинанда.

Ратклифа сосредоточились на этом ребенке. < > Дела сэра Ратклифа нисколько не поправлялись. И так, дела были в прежнем положении и сэр Ратклиф часто падал духом и призадумывался над печальной развязкой всех своих обстоятельств. Но в эти минуты обыкновенно являлась утешительницей леди Констанция и убеждала мужа, что судьба Фердинанда будет необыкновенно блестящая, что род их возвысится опять в лице его и что для них настанут счастливые дни. И сэр Ратклиф опять ободрялся, веря с женой до фанатизма в блестящую будущность сына [21, с. 14].

Перевод 1867 г.:

На втором году брака леди Армайн подарила мужу наследника. < > Однакожь, благодаря самой строгой бережливости и незначительным пособиям, сэр Ратклиф, в первые 10 лет своей женитьбы, успевал сводить концы с концами. И хотя эти временныя затруднения и порождали в нем минуты грусти и уныния, но живой ум жены его и вера в судьбу их прекрасного младенца, которую она всячески старалась в нем поддерживать, так ли, сям ли, продолжали подкреплять его мужество. Действительно, все их надежды, все их радости сосредоточивались в воспитании малютки Фердинанда [22, с. 21–22].

Приведенный фрагмент как нельзя лучше иллюстрирует общепринятый викторианский идеал женской добродетели [23, с. 157]. Констанция является образцовой женой и матерью, разделяет все стремления и надежды своего мужа, ради него мирится с бедностью и отсутствием возможности бывать в свете. Однако будучи не в состоянии изменить сложившуюся ситуацию она откладывает удовлетворение своих тщеславных амбиций до взросления ее единственного сына, сделав его своим инструментом для достижения целей. Начиная с экспозиции произведения становится очевидной миссия по возрождению рода и восстановлению фамильного замка любой ценой, возложенная родителями на Фердинанда с самого его рождения.

Очевидно, что оба переводчика постарались передать главную мысль фрагмента, однако сопоставление переводов с подлинником демонстрирует разные переводческие подходы к передаче иронической интонации автора. Анонимный переводчик ранней версии скорее эмоционально пересказывает содержание оригинального текста, нежели переводит его, достаточно свободно обращаясь с материалом, опуская ненужные, с его точки зрения, детали. Он по большей части игнорирует стилистические и синтаксические особенности авторского текста, добиваясь иронического эффекта за счет приема распространения при описании воодушевляющей роли Констанции: «являлась **утешительницей**», «убеждала мужа, что род их **возвы-**

сится опять в лице его и что для них **настанут счастливые дни**», «веря **до фанатизма в блестящую будущность сына**». Пытаясь воссоздать высокопарность и динамику авторского стиля, переводчик помимо клишированных фраз прибегает к использованию синтаксического повтора выражения «И так», слов «вся-все».

Интерпретация этого фрагмента переводчиком журнала «Переводы отдельных романов» является более адекватной подлиннику. Благодаря бережному воспроизведению специфики оригинала ему в большей степени удается передать эмоциональный и иронический эффект отрывка. Он верно воспринимает идею текста Дизраэли, передавая выражение «*managed to carry on affairs*» фразеологизмом «сводить концы с концами». Тем не менее к концу фрагмента наблюдается некоторая неестественность, когда переводчик интерпретирует выражение «*the sanguine spirit*» (жизнерадостность, оптимизм) как «живой ум», приписывая Констанции качество, не заложенное автором, переходит к использованию просторечной лексики: «так ли, сям ли», «малютка», что мешает в итоге добиться стилистического впечатления оригинального текста.

Первоначальные сведения о леди Армайн, содержащие формулу ее будущего поведения, подкрепляются собственно прямой речью героини, которая реализуется в диалогах с другими персонажами. Особый интерес представляет сцена прощания Констанции с сыном накануне его отъезда на службу в Королевский стрелковый полк.

Lady Armine, without speaking, knelt down by his bedside and took him in her arms. She buried her face in his breast. He felt her tears upon his heart. He could not move; he could not speak. At length he sobbed aloud.

'May our Father that is in heaven bless you, my darling child; may He guard over you; may He preserve you!' Very weak was her still, solemn voice. < > 'I knew not the strength of a mother's love. Alas! what mother has a child like thee? O! Ferdinand, my first, my only-born: child of love and joy and happiness! oh! must we indeed part?

'It is too cruel,' continued Lady Armine, kissing with a thousand kisses her weeping child. What have I done to deserve such misery as this? Ferdinand, beloved Ferdinand, I shall die.' < >

'My own, own mother, what shall I say? what shall I do? I love you, mother, with all my heart and soul and spirit's strength: I love you, mother. There is no mother loved as you are loved! < > Mother, let me get up and call my father, and tell him I will not go.'

'Good God! what words are these? Not go! 'Tis all your hope to go; all ours, dear child. < >

'Mother, dearest mother, think of my father; think how much his hopes are placed on me; think, dearest

mother, how much I have to do. All now depends on me, you know. I must restore our house. ' < >

'But will you be the same Ferdinand to me as before? Ay! There it is, my child. You will be a man when you come back, and be ashamed to love your mother. Promise me now,' said Lady Armine, with extraordinary energy, 'promise me, Ferdinand, you will always love me. Do not let them make you ashamed of loving me. They will joke, and jest, and ridicule all home affections. You are very young, sweet love, very, very young, and very inexperienced and susceptible. Do not let them spoil your frank and beautiful nature. Do not let them lead you astray'. Trust me, oh! yes, indeed believe me, darling, you will never find friends in this world like those you leave at Armine. < > Mind, you have eight packages; I have written them down on a card and placed it on the hall table. And take the greatest care of old Sir Ferdinand's sword ¹ [17, с. 30–31].

¹ Леди Армайн, не говоря ни слова, опустилась на колени у кровати сына и обняла его. Она уткнулась лицом ему в грудь. Он чувствовал, как капали ее слезы ему прямо на сердце. Он не мог пошевелиться, не мог говорить. Наконец он громко зарыдал.

– «Пусть наш Отец Небесный благословит тебя, мое дорогое дитя; пусть он защитит и сохранит тебя!» – ее торжественный голос был очень тихим. – Я не знала всей силы материнской любви. Увы! какая мать может похвастаться таким сыном! О! Фердинанд, мой первый, мой единственный сын: дитя любви, радости и счастья! о! неужели мы должны расстаться?»

«Это слишком жестоко», продолжала леди Армайн, осыпая бесчисленными поцелуями свое плачущее дитя: «что я сделала, чтобы заслужить такое горе? Фердинанд, любимый Фердинанд, я умру!» < >

– Матушка, моя дорогая, моя родная, что я должен говорить? что делать? Я люблю тебя, матушка, всем своим сердцем и силой души моей, всеми моими мыслями! Я люблю тебя, мама! Нет матери, которую любили бы так, как любят тебя! < > Матушка, позволь мне позвать отца и сказать ему, что я не поеду.

– Боже милостивый! что ты говоришь? Не поеду! В этом отъезде все твои надежды; все наши, дорогое дитя. < >

– Мама, дорогая мама, подумай об отце; подумай, как много он возлагает на меня надежд; подумай, матушка, как много мне нужно сделать. Теперь все зависит от меня, ты же знаешь. Я должен восстановить наш дом.

– Но останешься ли ты для меня тем же Фердинандом, что и раньше? Ах! Вот что важно, дитя мое. Ты станешь мужчиной, когда вернешься и будешь стыдиться любить свою мать. Обещай мне сейчас, – сказала леди Армайн напористо, – обещай мне, Фердинанд, что ты всегда будешь любить меня. Не позволяй другим заставить тебя стыдиться своей любви ко мне. Они будут шутить, и подшучивать, и высмеивать твои домашние привязанности. Ты очень молод, дорогой, очень, очень молод, очень неопытен и уязвим. Не позволяй им испортить твою открытую и прекрасную натуру. Не позволяй им сбить тебя с пути истинного. Поверь мне, о! верь мне, дорогой, ты никогда в жизни не найдешь таких друзей, как те, которых ты оставляешь в Армайне. < > < > Помни: с тобою восемь тюков; я все переписала и положила список в прихожей на столе. И тщательно заботься о старинной шпаге сэра Фердинанда.

Перевод 1859 г.:

Леди Армайн, не говоря ни слова, стала на колени перед его кроватью и обняла его. Она спрянула свое лицо у него на груди. Слезы ее падали ему прямо на сердце. Он не мог двигаться, не мог говорить. Наконец он громко зарыдал.

– Да благословит тебя Господь Бог, мое дорогое дитя! Да будет Он твоим хранителем и защитником! – Она говорила слабым, но торжественным голосом. < > ... ангел мой, я не знала силы материнской любви. Да и у какой матери есть такой ребенок, как ты? О! Фердинанд, ты мое первое, мое единственное дитя; ты моя радость, мое счастье; < > И неужели же ... неужели мы должны расстаться?

– Это слишком жестоко, – продолжала леди Армайн, целуя тысячу раз своего плачущего сына. Что я сделала, чтобы заслужить такое наказание? Фердинанд, милый мой Фердинанд, я умру. < >

– Милая, добрая маменька! Что мне сказать? Что мне делать? Я люблю вас и сердцем, и душою, и всеми силами моего ума. Я люблю вас, маменька. Нет матери, которая бы так была любима своим сыном, как вы мной. < > Маменька, позвольте я встану и пойду скажу батюшке, что я не поеду.

– О, Боже мой! Что ты говоришь? Не поедешь? Но ведь уехать – вся твоя надежда, все наши надежды, мое дорогое дитя.

– Маменька, друг мой, подумайте о батюшке; подумайте, что все его надежды сосредоточены на мне; подумайте, милая маменька, какая трудная обязанность лежит на мне, сколько я должен сделать. Вы знаете, что теперь все от меня зависит. Я должен восстановить наш дом. < >

– Но будешь ли ты для меня тем же Фердинандом, как прежде. Вот в чем дело, дитя мое! Ты уже будешь мужчиной, а не мальчиком, когда возвратишься, и будешь стыдиться любить мать. Обещай мне теперь, – сказала леди Армайн с удивительной энергией, – обещай мне, Фердинанд, что ты всегда будешь любить меня. Ты не научишься у товарищей стыдиться любви к матери? Скажи мне, они не научат тебя этому? Они будут шутить над всеми домашними привязанностями. Ты еще очень, очень молод, мой ангел, да, очень молод и очень неопытен и впечатлителен. Смотри, чтобы они не испортили твоей прямой, прекрасной натуры. Смотри, чтобы они не свели тебя с прямого пути. Верь мне, о! верь мне, друг мой, ты никогда больше в жизни не встретишь таких истинных друзей, как те, которых ты оставляешь здесь. < > Не забудь, что у тебя всего восемь тюков; я их все записала на бумаге, и положила эту записку в зале, на столе. И, ради Бога, больше всего береги шпагу сэра Фердинанда [21, с. 35–36].

Перевод 1867 г.:

Не говоря ни слова, леди Армайн стала на колени у кровати, обняла сына и скрыла лицо свое на груди его. Он не мог пошевелиться, не мог говорить. Он чувствовал, как падали ей слезы на его сердце. Наконец, он громко зарыдал.

«Да благословит тебя Отец Небесный, любитель души моей! Да сохранит Он тебя от всякого зла!» И как слабо звучал ее тихий, торжественный голос. «Я не знала еще всей силы материнской любви. Увы! Какая мать может похвалиться таким сыном! < О, неужели, мы, в самом деле, должны разстаться?»

«Это слишком жестоко», продолжала леди Армайн, осыпая безчисленными поцелуями свое плачущее дитя: «что я сделала, чтобы заслужить такое горе? Фердинанд, возлюбленный Фердинанд, я умру!» <

– Матушка, моя дорогая, моя родная, что я должен говорить? что делать? Я люблю тебя, матушка, всею силой души моей, всем сердцем, всеми моими мыслями! Люблю тебя, матушка! Никогда мать не была любима, как ты! < Матушка, позволь мне позвать отца и сказать ему, что я не поеду.

– Господи! что это ты говоришь! не ехать! В этом отъезде все твои надежды. И все-наши, дитя мое! <

– Матушка, милая матушка, подумай об отце. Вспомни, что он полагает во мне все свои надежды. Подумай, милая матушка, какие предстоят мне обязанности. Теперь все лежит на мне, ты знаешь! Я должен поддержать наш дом. <

«Но останешься ли ты для меня все тем же Фердинандом? Ах! вот что важно, душа моя. Ты возмужаешь, когда воротись, и будешь стыдиться твоей любви к матери: обещай мне теперь, Фердинанд», продолжала леди Армайн с необыкновенною силой, «обещай, что ты никогда не перестанешь любить меня. Не позволяй другим заставлять тебя стыдиться своей любви к матери. < Не позволяй им портить твои благородные, превосходные качества. Не давай сбивать себя с толку. < Верь мне, о верь мне, любитель души моей, в целом мире не найдешь ты таких друзей, как те, что ты оставляешь в Армайне. < Помни: с тобою восемь ящиков; я все переписала и положила записку в зале на столе. И, как можно, береги старинную ипагу сэра Фердинанда» [22, с. 48–49].

Приведенный диалог леди Армайн с сыном отличается повышенной эмоционально-экспрессивной тональностью, которая достаточно точно передана в обоих переводах. Обращения Фердинанда к матери «*my own mother*», «*dearest mother*», демонстрирующие, с одной стороны, близость их отношений, с другой – принятые нормы этикета (сдер-

жанные, официальные формы общения), переводчики воспроизводят, используя неформальные, ласковые варианты: «дорогая матушка», «маменька» и т. п. Интересно решение переводчиков передачи устаревшего обращения леди Армайн к сыну «*a child like thee*», характерное для религиозных текстов и свидетельствующее о том, что мать боится своего сына. За неимением эквивалентного слова в русском языке переводчик первой русской версии прибегает к использованию выражения «ангел мой», придавая фрагменту нужную эмоциональную и смысловую окраску, тогда как более поздний переводчик не уделяет авторскому замыслу должного внимания, оставляя в тексте лишь обращения «дитя мое», «сокровище мое», «возлюбленный Фердинанд».

При этом, описывая мать главного героя как женщину самоотверженную и добродетельную, Дизраэли несколько «снижает» ее образ, иронично подчеркивая в сцене прощания ее эгоистичную натуру, что находит отражение в обоих переводах: «Обещай мне теперь, < обещай мне, Фердинанд, что ты всегда будешь любить меня». Чрезмерная взволнованность речи Констанции, переданная переводчиками за счет сохранения повторов как на лексическом («очень молод», «очень неопытен»; «моя радость», «мое счастье»; «не мог двигаться», «не мог говорить»), синтаксическом («обещай мне», «скажи мне», «верь мне», «смотри», «не забудь») и ритмическом уровнях, характеризует героиню как неуравновешенную особу, стремящуюся играть доминирующую роль в жизни Фердинанда. Достаточно явное ироническое отношение автора к своей героине, правильно интерпретированное обоими переводчиками, проявляется в просьбе матери бережно относиться к багажу сразу после демонстрации ее преувеличенных страданий, вызванных приближающейся разлукой.

Ключевыми поступками леди Армайн в рамках сюжетной канвы романа можно считать ее решение женить сына на Кэтрин Грандисон, уход за больным Фердинандом, ее согласие на брак с Генриеттой после получения той наследства. Такой ограниченный набор поступков, тщательно переданный в русских версиях романа, можно считать отражением традиционной роли женщины в английском обществе первой половины XIX в. Активно вмешиваясь и влияя на происходящее в своей семье, она не имеет возможности реализовать свою энергию за ее пределами.

Для введения главной героини романа, Генриетты Темпл, Дизраэли прибегает к классическому способу интродукции – подробной портретной характеристике:

To his surprise, as he was about to emerge from a berceau on to a plot of turf, in the centre of which grew

*a large cedar, he beheld a lady in a riding-habit standing before the tree, and evidently admiring its beautiful proportions. Her countenance was raised and motionless. It seemed to him that it was more radiant than the sunshine. He gazed with rapture on the dazzling brilliancy of her complexion, the delicate regularity of her features, and the large violet-tinted eyes, fringed with the longest and the darkest lashes that he had ever beheld. From her position her hat had fallen back, revealing her lofty and pellucid brow, and the dark and lustrous locks that were braided over her temples. The whole countenance combined that brilliant health and that classic beauty which we associate with the idea of some nymph tripping over the dew-bespangled meads of Ida, or glancing amid the hallowed groves of Greece. Although the lady could scarcely have seen eighteen summers, her stature was above the common height; but language cannot describe the startling symmetry of her superb figure*¹ [17, с. 46].

Перевод 1859 г.:

Выходя из густой беседки на открытый луг, где рос великолепный, громадный кедр, он увидел леди в амазонском платье. Она стояла перед деревом и видимо любовалась его гигантскими размерами. Стояла она неподвижно и с поднятой головой. Видение это показалось Фердинанду ослепительнее солнечного света. Он с восторгом смотрел на ее нежный цвет лица, на ее правильные черты, на большие бархатистые глаза, на длинные и такие темные ресницы, каких он никогда не видывал. От ее позы с нея несколько спала шляпа, из-под которой виднелся высокий лоб и черные, блестящие густые волосы. Все ее существо дышало, как будто блестящим здоровьем и классической красотой. Ей было не более 18 лет: она была очень высокого роста и необыкновенно стройна [21, с. 52].

Перевод 1867 г.:

Но, каково же было его удивление, когда, готовясь переступить из-под густых ветвей дерев на

зеленую площадку, в середине которой возвышался гигантский кедр, он заметил женщину в амазонке. «Лицо ее было поднято вверх и оставалось неподвижно в этом положении; ему показалось, что оно превосходило солнце своим блеском. Он с восторгом любовался ослепительным цветом ее лица, нежными и правильными чертами, большими темно-коричневыми глазами, опущенными самыми длинными и темными ресницами, какие только ему случалось видеть. От положения головы ее шляпа свалилась с нея назад, открыв широкое, как бы прозрачное чело, и черные, блестящие волосы, заплетенные на висках. Вся наружность ее соединяла в себе цветущее здоровье с классической красотой, которую мы привыкли наделять нимф, прибегающих едва слышными шагами по блистающим росой полям Иды, или посещающих, лучезарные, священные роции Греции. Этой девушке, по-видимому, едва исполнилось восемнадцать лет. Она была немного повыше среднего роста; но никакой язык не в состоянии описать удивительной стройности ее гордой фигуры» [22, с. 76–77].

Стоит отметить, что в интродукции образа Генриетты автор сообщает достаточное количество сведений о своей героине, реализуя основные аспекты образа литературно-художественного персонажа. Читатель имеет возможность узнать возраст Генриетты, ее социальный статус, а также получить достаточно подробное описание ее внешности. С первых строк становится очевидно, что в образе Генриетты автор пытается представить величественно прекрасную, достойную восхищения героиню, поэтическая внешность которой призвана продемонстрировать ее духовное совершенство. О цельной и чистой натуре героини свидетельствует и ее «архитектурная» фамилия Темпл (англ. «temple» – храм). Одной из наиболее ярких художественных деталей внешности героини являются глаза фиолетового оттенка (*large violet-tinted eyes*), подчеркивающие привлекательность и неповторимость ее обладательницы. Делая акцент на античной правильности ее черт и совершенстве всего облика, Дизраэли сравнивает Генриетту с волшебной древнегреческой нимфой. Стоит отметить, что в стремлении гармонизировать окружающий мир, наполнить его красотой и идиллическим спокойствием писатель неоднократно обращается к античной культуре. Своих персонажей, связанных с античными прототипами, Дизраэли наделяет грацией, высоким чувством нравственности, достоинством и глубиной мироощущения. Пластическая красота, скульптурность в изображении героев, природная и социальная идиллия во многом определяют своеобразие его произведений [24, с. 102]. Особые отноше-

¹ К его удивлению, когда он собирался выйти из беседки на открытый луг, в центре которого рос большой кедр, он увидел леди в костюме для верховой езды, стоявшую перед деревом и, очевидно, восхищаясь его необыкновенными пропорциями. «Лицо ее было поднято и неподвижно. Ему казалось, что она сияет ярче, чем солнце. Он с восторгом смотрел на ослепительный блеск ее лица, нежную правильность черт и большие фиолетовые глаза, обрамленные самыми длинными и темными ресницами, которые он когда-либо видел. Ее шляпа откинулась назад, открывая высокий прозрачный лоб и темные блестящие локоны, заплетенные на висках. Ее внешность сочетала в себе то исключительное здоровье и ту классическую красоту, которая ассоциируется у нас с представлением о нимфе, перемещающейся по покрытым росой медовым полям Иды или сверкающих среди священных роций Греции. Несмотря на то, что леди едва ли исполнилось восемнадцать лет, она была выше среднего роста; но язык едва ли мог описать поразительную гармонию ее великолепной фигуры.

ния связывают Генриетту с солнечным светом, необходимым атрибутом истинно романтической героини, с которым сравнивает каждое ее появление очарованный ею Фердинанд. В описании девушки также реализована категория социокультурной принадлежности, так как наряд Генриетты: шляпа и «амазонка» — элегантный дамский костюм для верховой езды, подчеркивают ее благородное происхождение.

Для реализации образа Генриетты переводчик «Библиотеки для чтения» тщательно передает атрибутивные словосочетания, характерные для подобного вида портретизации. При этом в данном фрагменте ярко проявляется тенденция переводчика произвольно сокращать оригинальный текст и вводить свои собственные детали для придания русской версии романа большей эмоциональной окраски. Так, он игнорирует интерпретацию античных мотивов, особенный цвет глаз героини в переводе утрачивается, локоны трансформируются в «*блестящие густые волосы*». В целом для перевода данного отрывка характерно использование романтических книжных клише: «*видение ослепительнее солнечного света*», «*нежный цвет лица*», «*большие бархатистые глаза*» и т. п., которые не могут служить средством отражения внутреннего мира Генриетты и, безусловно, обедняют образ главной героини.

Версия для «Переводов отдельных романов» отличается вниманием к деталям, однако, стараясь воспроизвести синтаксический рисунок английских предложений, анонимный переводчик впадает в буквализм, что приводит к тяжеловесности фраз и нарушению естественного звучания описания молодой героини. Предложение '*Her countenance was raised and motionless*' передается буквально «*Лицо ее было поднято вверх и оставалось неподвижно в этом положении*», а английская конструкция '*from her position her hat had fallen back*' — как «*от положения головы ее шляпа свалилась с нея назад*». Как и в первом переводе, в более поздней версии заметны отступления от оригинального текста за счет введения дополнительных деталей и простонародных выражений: '*the large violet-tinted eyes*' приобретают в переводе классический «*темно-коричневый*» оттенок, выражение '*lofty and pellucid brow*' приобретает значение «*широкое, как бы прозрачное чело*». Передавая выражение '*the whole countenance*' (лицо, лик) как «*вся наружность ее*» и игнорируя повтор '*that*', переводчик снижает романтизацию отрывка и пафос оригинала. При этом переводческой удачей можно назвать воспроизведение авторского сравнения героини с греческой ним-

фой, важное для формирования образа Генриетты. Столь бережное отношение переводчика к античной образности в романе Дизраэли обусловлено тем, что во второй половине XIX в. русское общество переживало новый виток интереса к античности как к набору культурно-исторических знаков, медицинских терминов и типов поведения человека, а И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. П. Чехов и др. использовали античные традиции на уровне сюжетостроения и образных средств в своих произведениях [24, с. 102–103]. Для передачи колорита подлинника оба переводчика интерпретируют словосочетание '*a riding-habit*' (костюм для верховой езды) как «*амазонское платье*» и «*амазонка*», не прибегая к приему описательного перевода, так как подобный наряд набирает популярность среди отечественных модниц и, несомненно, им знаком.

С момента появления Генриетты в романе отчетливо ощущается ее несоответствие господствующей в социуме системе морали и ценностей. Ее поведение, «замечательное откровенностью манер и простотой», разительно контрастирует с «искусственными манерами и разговорами», принятыми в высшем свете того времени [17, с. 53]. Генриетта Темпл воплощает собой новый тип женщины, нехарактерный для викторианского литературного канона. С одной стороны, ей присущи все женские добродетели, востребованные данной эпохой: она умело ведет домашние дела, наделена любовью к природе и творчеству, обладает хорошим воспитанием и добрым нравом. Но одновременно с этим Генриетта наделена качествами, отличающими ее от идеала викторианской женщины: она независима и естественна в своем поведении, чувственна и эмоциональна, обладает своим мнением и проявляет самостоятельность суждений. Генриетта демонстрирует дерзость и смелость в речах не только в общении с отцом, но и с Фердинандом, заявляя, например, что его «меланхолия проистекает из праздности» [17, с. 64].

Для более рельефного раскрытия образа героини Дизраэли прибегает к использованию такого художественного приема, как восприятие ее образа глазами другого персонажа, в данном случае Фердинанда:

A female friend, amiable, clever, and devoted, is a possession more valuable than parks and palaces; and, without such a muse, few men can succeed in life, none be content. The plans and aspirations of Henrietta had relieved Ferdinand from a depressing burthen. Inspired by her creative sympathy, a new scene opened to him, adorned by a magnificent perspective. His sanguine imagination sought refuge in a trium-

*phant future. < > Henrietta Temple was to be the fountain, not only of his bliss, but of his prosperity*¹ [17, с. 94].

Перевод 1859 г.:

Энергетический ум Генриетты как будто пробудил Фердинанда от долгого сна. В нем заговорили разом: самоуверенность, пылкость, деятельность; перед ним открылось целое поле блестящих надежд в будущем. < > Генриетта могла бы ему доставить не только нравственное блаженство, но и блестящую внешнюю обстановку; энергия этой женщины могла так сильно содействовать его планам и действиям [21, с. 103].

Перевод 1867 г.:

Дружба любезной, умной и преданной женщины – вот сокровище, драгоценнее всех парков и палат. Без поддержки этой музы, немногие из мужчин имели бы успех в свете, и ни один из них не остался бы доволен судьбою. Доверчивость Генриетты, рассказ о ее планах и стремлениях как будто сняли с груди Фердинанда тяжелое бремя. Ее творческое сочувствие воодушевило его; перед ним открывался новый путь, с великолепной перспективой на конце. Пламенное воображение витало в победоносном будущем. < > Генриетте Темпл суждено было создать не только блаженство души его, но и благосостояние его дома [22, с. 171–172].

Перевод представленного фрагмента как нельзя лучше демонстрирует тенденции, касающиеся идей женской эмансипации, которые процветали в российском обществе середины XIX в. Если в более позднем переводе авторский посыл, касающийся вдохновляющих способностей женщины, передан в полном объеме, то в переводе 1859 г. данный контекст значительно нивелирован, что неудивительно, принимая во внимание позицию редактора «Библиотеки» А. В. Дружинина, противника гендерного равноправия. Предложение *'A female friend, amiable, clever, and devoted, is a possession more valuable than parks and palaces; and, without such a muse, few men can succeed in life, none be content'* оказывается полностью опущено. Уверенность Фердинанда в том, что Генриетта принесет ему не только счастье, но и успех, приобретает в переводе характер желаемого действия: *'Henrietta Temple was to be the fountain, not only of his bliss, but of his prosperity'* – «Генриетта могла бы ему до-

¹ Подруга, любезная, умная и преданная, является более ценным достоянием, чем парки и дворцы; и без такой музы немногие мужчины могут преуспеть в жизни, и никто не будет удовлетворен. Планы и устремления Генриетты освободили Фердинанда от удручающего бремени. Вдохновленный ее творческим сочувствием, он увидел новую сцену, украшенную великолепной перспективой. Его пламенное воображение искало убежища в триумфальном будущем. < > Генриетта Темпл должна была стать источником не только его блаженства, но и его процветания.

ставить не только нравственное блаженство, но и блестящую внешнюю обстановку; энергия этой женщины могла так сильно содействовать его планам и действиям». Автор русской версии романа 1867 г. переводит данный отрывок практически дословно, лишь изредка отклоняясь от оригинала. Тем не менее переводчик допускает некоторые смысловые трансформации, передавая выражение *'few men can succeed in life'* как «немногие из мужчин имели бы успех в свете»; предложение *'Henrietta Temple was to be the fountain, not only of his bliss, but of his prosperity'* как «Генриетте Темпл суждено было создать не только блаженство души его, но и благосостояние его дома», акцентируя внимание читателя на том, что женщина вполне может быть полезна мужчине в частной сфере жизни, не распространяя при этом свое влияние на его карьеру, социальные и политические убеждения.

Одним из приемов создания художественного образа Генриетты служит ее речевой портрет, представленный в романе как в форме диалога, так и в форме внутреннего монолога. Через внутреннюю речь героини автор раскрывает читателю ее истинные мысли и чувства, способствуя формированию целостности ее образа. Особое внимание Дизраэли уделяет описанию состояния влюбленности Генриетты после знакомства с Фердинандом.

*What was she five days past? Is it possible that she lived before she met him? Of what did she think, what do? Could there be pursuits without this companion, plans or feelings without this sweet friend? Life must have been a blank, vapid and dull and weary. < > All that had been uttered before she listened to Ferdinand seemed without point; all that was done before he lingered at her side, aimless and without an object*² [17, с. 85].

Перевод 1867 г.:

Что же такое она была пять дней назад? Возможно ли, чтобы она жила прежде, чем встретила с ним? О чем думала она, что делала? Могли ли существовать занятия без этого собеседника, – планы или чувства, без этого нежного друга? Жизнь должна являться ей бледною, несною, скучною и утомительною. < > Все, что говорено было до той минуты, как она услышала речи Фердинанда, казалось ей безцветным и безцельным;

² Какой она была пять дней назад? Возможно ли, что она жила до того, как встретила его? О чем она думала, что делала? Могли ли быть занятия без этого спутника, планы или чувства без этого милого друга? Жизнь, должно быть, была пустой, скучной, скучной и утомительной. < > Все, что было сказано до того, как она услышала Фердинанда, казалось бессмысленным; все, что было сделано до того, как он задержался рядом с ней, бесцельно и беспредметно.

все, что было сделано прежде, чем он проводил с нею дни, казалось бедно и безпредметно [22, с. 153].

Эмоциональное описание душевного состояния Генриетты не находит отражения в переводе «Библиотеки», в результате чего речевая партия героини утрачивает значимые для раскрытия ее образа лингвопоэтические характеристики. Перевод 1867 г., в свою очередь, воспроизводит данный фрагмент в деталях, передавая синтаксические конструкции, образность и экспрессию оригинального текста. Использование приема расширения (*'listened to Ferdinand'* – «услыхала речи Фердинанда», *'without point'* – «безцветным и безцельным», *'at her side'* – «проводил с нею дни»), свойственного автору версии 1867 г., добавляет описанию эмоциональности и способствует формированию эмпатии у читателя. В целом для речевого портрета Генриетты, имеющей возможность «с самого раннего возраста пользоваться уроками самых лучших профессоров» и практикующей чтение книг, характерно соблюдение норм литературного языка и использование лексического многообразия, что свидетельствует о высоком уровне образованности героини [17, с. 54].

Визуальный образ Генриетты в романе, подкрепленный ее речевой партией, безусловно, связан с проявлением к ней авторского отношения. Очевидно, что Дизраэли искреннее восхищается своей героиней, отдавая дань ее интеллекту и выдающимся внешним данным. Вопреки викторианской культуре Дизраэли наделяет Генриетту сексуальностью и чувственностью, что вкупе с ее невинностью и неопытностью делает героиню чрезвычайно притягательной для мужчин.

Лучшему пониманию создаваемого автором образа Генриетты способствует описание ее действий и поступков. Поведение Генриетты, ее активная жизненная позиция дополняют портрет свободной, волевой, энергичной молодой девушки, не готовой мириться с подчиненным положением женщины в социуме. Сохраняя сюжетные линии произведения, переводчикам удается передать образ героини в данном аспекте достаточно полно. Тем не менее в более ранней версии перевода логика поведения Генриетты не всегда очевидна за счет редукции ее речевой партии и описания внутренних психологических процессов, способных пролить свет на мотивы ее поведения, тогда как перевод 1867 г. обеспечивает лучшее понимание образа главной героини благодаря полноте воспроизведения.

Другим, не менее значимым женским персонажем романа «Генриетта Темпл: история любви» является Кэтрин Грандисон, кузина Фердинанда Армайна. Если Генриетта воплощает в романе прева-

лирующую чувственность и эмоциональность, то образ Кэтрин олицетворяет собой распространенную в период викторианства модель «ангелоподобной, асексуальной, невинной молодой женщины», которой свойственна кротость и сдержанность [23, с. 158]. Именно такое первое впечатление о кузине Фердинанда читатель может составить во второй книге романа при интродукции ее образа в произведение.

His cousin Katherine was about his own age; mild, elegant, and pretty. Being fair, she looked extremely well in her deep mourning. She was not remarkable for the liveliness of her mind, yet not devoid of observation, although easily influenced by those whom she loved, and with whom she lived. < > Poor inexperienced, innocent Katherine! Her cousin in four-and-twenty hours found it quite impossible to fall in love with her; and so he determined to make her fall in love with him. He quite succeeded. She adored him! [17, с. 54].

Перевод 1859 г.:

Кузина Катерина была его лет, чрезвычайно кроткая, хорошо образованная и очень хорошенькая. Траур ей очень был к лицу и придавал ей еще более привлекательности. Она не отличалась особенной быстротою соображения, но ум ее был здрав и светел; замечательно в ней было то, что она чрезвычайно легко поддавалась влиянию тех, кого любила и с кем жила. < > Бедная, неопытная, невинная Катерина! Она и не подозревала в чем дело: кузен ее в двадцать четыре часа решил, что нет никакой возможности влюбиться в нее, и потому дал себе слово влюбить ее в себя. Это ему вполне удалось. Она его боготворила [21, с. 44–46].

Перевод 1867 г.:

Кузина его Кэтрин была ему ровесница; хорошенькая, маленькая девушка, изящно воспитанная. У ней не было чрезвычайной живости ума, но она не лишена была наблюдательности, хотя легко поддавалась влиянию тех, кого любила и с кем жила. < > Бедная, невинная, неопытная Кэт! Не прошло суток, как Фердинанд решил, что влюбиться в кузину для него совершенно невозможно, но за то положил непременно долгом очаровать ее собою. Это удалось ему как нельзя лучше. Девочка всем сердцем принялась обожать кузена [22, с. 64–65].

¹ Его кузина Кэтрин была примерно его ровесницей, кроткая, элегантной и хорошенькой. Будучи светловолосой, она выглядела очень хорошо в своем глубоком трауре. Она не отличалась живостью ума, но не была лишена наблюдательности, хотя легко поддавалась влиянию тех, кого любила и с кем жила. < > Бедная, неопытная, невинная Кэтрин! Ее кузен за двадцать четыре часа понял, что влюбиться в нее совершенно невозможно, и поэтому решил заставить ее влюбиться в себя. Ему это вполне удалось. Она обожала его.

Первое описание Кэтрин Грандисон способствует созданию идеального викторианского «домашнего» образа, милого, но невыразительного. Для этого автор использует такие прилагательные, как *'mild', 'pretty', 'innocent', 'poor'*. Показательно, что оба переводчика избавляются от прилагательного *'elegant'*, преобразуя его в «хорошо образованная» и «изящно воспитанная». Автор русской версии, опубликованной в «Переводах отдельных романов», делает акцент на невинности и неопытности героини, опуская предложение о внешней привлекательности Кэтрин: *'Being fair, she looked extremely well in her deep mourning'*, но добавляет при этом от себя такие характеристики, как «маленькая девушка», «девочка». Заменяя полное имя героини «Кэтрин» на уменьшительную форму «Кэт» в версии 1867 г. или русифицированный вариант «Катерина» в 1859 г., переводчики дорисовывают в воображении читателя образ простушки, не способной заинтересовать Фердинанда как личность или как привлекательная молодая женщина, что в целом соответствует замыслу автора: *'Her cousin in four-and-twenty hours found it quite impossible to fall in love with her'*.

Впечатление от заурядности и покорности Кэтрин усиливается через восприятие ее Фердинандом: он не считает нужным «разыгрывать сцену, чтобы сделать ей предложение», «утомляется ухаживаниями» спустя два месяца после помолвки, про себя именуя кузину «моя собственная Кейт», решается на тайную помолвку с Генриеттой, не задумываясь о чувствах своей невесты [17, с. 41]. Однако постепенно происходит раскрытие характера Кэтрин: от дышащей очарованием молодости и чистоты юной девушки до «новой» женщины викторианской эпохи. Данное становление не является очевидным, так как автор практически не обращается к психологическому портрету героини, но прослеживается в поступках девушки и ее речевом портрете. Так, благородное поведение Кэтрин после разрыва помолвки, свобода от предрассудков общества, поддержка кузена в решении его финансовых проблем, желание помочь Фердинанду в воссоединении с Генриеттой в ущерб своим чувствам – все это рисует благородную и волевою натуру девушки, которую герой впоследствии называет «самой великодушной, самой благожелательной из всех представительниц своего пола» [17, с. 171]. Новизна взглядов Кэтрин обнаруживается в диалоге с Генриеттой, предметом которого становится модель брака, в котором супруги имеют равные права и уважают друг друга.

I should like to marry a very clever man,' said Katherine. 'I could not endure marrying a fool, or a commonplace person; I should like to marry a person very superior in talent to myself, some one whose

*opinion would guide me on all points, one from whom I could not differ. But not Ferdinand; he is too imaginative, too impetuous; he would neither guide me, nor be guided by me'*¹ [17, с. 194].

Перевод 1859 г.:

Я бы хотела выйти за очень образованного человека, очень ученого, – сказала Катерина. – Я бы ни за что не вышла за обыкновенного человека, каких много. Я бы хотела выйти за человека, который стоит гораздо выше меня во всех отношениях, мнение которого могло бы руководить меня. А за Фердинанда я бы не пошла потому, что он слишком впечатлителен, необуздан, пылок. Он бы не мог руководить меня и не захотел бы, чтобы я руководила [21, с. 231].

Перевод 1867 г.:

Я бы желала выйти замуж за человека очень благоразумного. Разумеется, ни за что в мире не согласилась бы за дурака или за человека совершенно пошлого. Я бы желала, чтоб муж мой превосходил меня дарованиями, чтобы его мнение могло руководить меня во всех случаях жизни, и чтобы мы не слишком разнились в наших суждениях. За такого бы, – пожалуй, но не за Фердинанда. У него слишком пылкое воображение, слишком страстный характер; он не хотел бы ни руководить меня, ни быть мною руководимым [22, с. 362].

Речевая партия героини в приведенном фрагменте работает на раскрытие современного образа мысли Кэтрин. Представленные переводы демонстрируют интерпретацию, близкую к оригиналу с незначительными погрешностями. Переводчик «Библиотеки» старательно воссоздает синтаксический рисунок фрагмента, но при этом речь Кэтрин передается в просторечном регистре, не характерном для дам «высшего света» («за Фердинанда я бы не пошла», «не мог руководить меня»). Переводчик версии 1867 г. также не соблюдает заданный автором регистр («ни за что в мире не согласилась бы за дурака»), добавляет речи Кэтрин экспрессии, вставляя контекстуальные детали от себя: *'a very clever man'* – «очень **благоразумный** человек», *'a commonplace person'* – «**пошлый** человек». Тем не менее неточности, допущенные в переводах, не мешают читателю увидеть в героине формирующийся идеал «новой» женщины XIX в., бросающей вызов традиционным представлениям, она

¹ Я хотела бы выйти замуж за очень умного человека, – сказала Кэтрин. 'Я бы не вынесла замужества с дураком или заурядным человеком; я хотела бы выйти замуж за человека, превосходящего меня по таланту, за того, чье мнение руководило бы мной во всех вопросах, за того, с кем бы я не слишком расходилась во мнениях. Но не Фердинанд; у него слишком богатое воображение, он слишком импульсивен; он не стал бы ни руководить мной, ни быть руководимым мной.

желает социального и межличностного равноправия: «руководить и быть руководимой».

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, необходимо отметить, что не все параметры женских образов главных героинь романа Б. Дизраэли, отражающих как авторский поиск идеала, так и современные писателю социальные тенденции английского общества, были переданы в русскоязычных переводах. Осознанно или нет, переводчики внесли свой вклад в обсуждение насущного в то время вопроса о женской эмансипации. Так, продиктованное нормами переводческого дела в России середины XIX в. и политикой журнала стремление переводчика «Библиотеки для чтения» сократить и упростить оригинальный текст, превратить его в коммерческий продукт проявилось в том, что он опустил целые фрагменты, раскрывающие речевую партию Генриетты, ее психологический портрет, исказил описание внешности героини, избавился от античных реминисценций, в результате чего образ уникальной, «новой» героини был в значительной степени упрощен и лишен метафоричности, некоторые поступки утратили свою логику и внутреннюю мотивацию. Выступая с позиции «консерваторов», переводчик отразил независимость и индивидуальность героини лишь в той степени, чтобы дать ей свободу самой «выбрать мужчину для любви»; ситуация, знакомая русскому читателю благодаря Наталье, персонажу И. С. Тургенева из романа «Рудин» (1856). Образ Кэтрин «пострадал» при переводе в меньшей степени благодаря тому, что его раскрытие из нерешительной девушки в уверенную в себе молодую женщину основано по большому счету на высказываниях и поступках героини, сопровождающихся оценочными комментариями автора. Однако интерпретацию образа Кэтрин в переводе 1859 г. также нельзя назвать полноценной, так как попытка адаптации текста для массового читателя привела к искажению речевого портрета

героини. Как видно из анализа, речь Кэтрин в переводе зачастую воспроизводится в разговорном регистре с использованием русификации, что трудно сопоставимо с английскими реалиями высшего общества. Наиболее полно в раннем переводе оказался передан образ матери Фердинанда, Констанции Армайн, символизирующей «уходящую натуру», базирующуюся на традиционных ценностях.

Перевод 1867 г. стал более полной и адекватной интерпретацией оригинального текста произведения Дизраэли, опубликованной в период активного воплощения образа «новых» женщин в русских романах И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского и т. д. Вслед за Дизраэли переводчик журнала «Переводы отдельных романов» воспроизвел пять основных параметров художественного образа героинь: интродукция персонажа, словесный портрет, речевая характеристика, описание поступков и авторское отношение, подчеркнув, с одной стороны, традиционность образа Констанции, уходящего корнями в сентиментализм, и «новые», отличительные характеристики Генриетты и Кэтрин, сочетающие в себе викторианский идеал женственности и индивидуальности – с другой. Принимая во внимание тот факт, что образ «новой» женщины, предложенный Дизраэли, будет востребован отечественным читателем в контексте поиска современной литературной героини, переводчик поздней версии практически не отступает от оригинального текста. Лишь в некоторых случаях его приверженность к дословному воспроизведению лексики, копированию синтаксических конструкций и использованию русификации вносит незначительный диссонанс в образы героинь, но не влияет при этом на передачу авторского замысла. Сопоставление текстов оригинала романа «Генриетта Темпл: история любви» и его переводов наглядно демонстрирует, что автору русской версии 1867 г. в большей степени удастся воссоздать образ женщины нового типа, способной отстаивать свои интересы и реализовывать себя в полезной деятельности.

Список источников

1. Шамина Н. В. Женская проблематика в викторианском романе 1840–1870-х годов (Джейн Остен, Шарлотта и Эмили Бронте, Джордж Элиот): дис. ... канд. филол. наук. Казань 2006. 235 с.
2. Царева А. П. Английская дворянская семья во второй половине XVIII – начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 26 с.
3. Жиликова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 272 с.
4. Брандес Г. Лорд Биконсфильд // Литературные характеристики (Английские писатели) СПб.: Типография Книгоиздательского Т-ва «Просвещение», 1908. Т. 15. 402 с.
5. Проскурнин Б. М. Английский политический роман XIX века: очерки генезиса и эволюция. Пермь: Изд-во Перм. ун-та., 2000. 286 с.
6. Борисова Е. Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология, лингвопоэтика, перевод: дис. ... д-ра филол. наук. Самара 2010. 383 с.

7. Ажель Ю. П. Основные этапы восприятия творчества Бенджамина Дизраэли в России 1840–1915-х гг.: к постановке вопроса // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 86–95.
8. Матвеев И. А., Хрулева О. С. Восприятие творчества Б. Дизраэли журналом «Отечественные записки» в 1840–70-е гг. в контексте еврейского вопроса в России // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 92–97.
9. Щербакова Г. И. Журнал О. И. Сенковского «Библиотека для чтения» 1834–1856 годов и формирование массовой журналистики в России: дис. ... д-ра филол. наук. СПб 2005. 417 с.
10. Шевцова-Щеблыкина Л. И. Литературно-критическая деятельность А. В. Дружинина в 40–50-е годы XIX века. М.; Пенза: Минитипография, 2001. 243 с.
11. Тасенко П. С., Нелюбова Н. Ю., Ершов В. И. Использование приема адаптации при переводе текстов художественной литературы (на примере перевода на русский язык романов «Дама с камелиями» и «Грозовой перевал») // Вестник РУДН. Сер. «Лингвистика». 2016. Т. 20, № 2. С. 128–141.
12. Матвеев И. А., Миронова В. Е. Сквозь призму эпохи: социолингвистические аспекты перевода рассказа Артура Конан Дойла «Союз рыжих» Н. К. Чуковским // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22, № 3 (200). С. 184–197. doi 10.15826/izv2.2020.22.3.052
13. Кондарина И. В. Рецепция романистики Ч. Диккенса в России в 1850–1950-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 189 с.
14. Матвеев И. А., Ажель Ю. П. Переводима ли пародия?: русские переводы повести У. Теккерея «Записки Желтоплюша» 1850–60-х гг. // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 3. С. 150–163. doi: 10.26170/FK20-03-13
15. Ермакова Е. В. Художественный мир романов Бенджамина Дизраэли. Пермь: Издат. центр Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2016. 248 с.
16. Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Морской сборник. Июльская книга. М.: Красная звезда, 1856. № 9. С. 559–597.
17. Disraeli B. Henrietta Temple: A Love Story. «Public Domain». URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/36363270/48986720/&art=36363270&user=458665514&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения: 27.02.2022).
18. Joe Andrew. Women in Russian Literature 1780–1863. THE MACMILLAN PRESS LTD, 1988. 218 p.
19. Irina A. Matveenko, Anna A. Syskina, Irina A. Aizikova, Vitaly S. Kiselev & Sue Lonoff. Female Images in Jane Eyre and The Woman in White in Russian Translations of the 1840–60s // Brontë Studies. 2017. 42:2. P. 118–129, DOI: 10.1080/14748932.2017.1280939 (дата обращения: 27.02.2022).
20. Дружинин А. В. Коррер Белль и его два романа «Shirley» и «Jean Eyre» // Библиотека для чтения. 1852. Т. 116, ч. 2. Декабрь. Отд. 5. С. 23–54.
21. Темпл Г. Приложение к журналу «Библиотека для чтения». СПб., 1859. С. 284.
22. Темпл Г. Журнал романов и повестей. Издание Н. С. Львова. СПб., 1867. С. 458.
23. A Concise Companion to The Victorian Novel edited by Francis O’Gorman. Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 280.
24. Рылова О. Н. Из истории изучения античной литературы в школе // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: материалы VII Всерос. научно-практ. конф. молодых ученых, 21–22 апреля 2006 г. Вып. 7, ч. 2. Томск: ТГУ, 2007. С. 100–106. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000376916> (дата обращения: 27.02.2022).

References

1. Shamina N. V. *Zhenskaya problematika v viktorsianskom romane 1840–1870-kh godov (Dzhejn Osten, Sharlotta i Emili Bronte, Dzhordzh Eliot)*. Dis. kand. filol. nauk [Women’s Issues in the Victorian Novel of the 1840s–1870s (Jane Austen, Charlotte and Emily Bronte, George Eliot). Diss. cand. philol. sci.]. Kazan, 2006. 235 p. (in Russian).
2. Tsareva A. P. *Angliyskaya dvoryanskaya sem’ya vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX veka. Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [English noble family in the second half of the XVIII–early XIX century. Abstract of theis cand. his. sci.]. Moscow, 2012. 26 p. (in Russian).
3. Zhilyakova E. M. *Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego Dostoevskogo (1844–1849)* [Traditions of sentimentalism in the works of early Dostoevsky (1844–1849)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1989. 272 p. (in Russian).
4. Brandes G. *Literaturnye kharakteristiki (Angliyskiye Pisateli): Lord Bikonsfil’d* [Literary characteristics: (Eng. Writers): Lord Beaconsfield]. Saint Petersburg, Prosveshcheniye Publ., 1908. 402 p. (in Russian).
5. Proskurnin B. M. *Angliyskiy politicheskiy roman XIX veka: ocherki genezisa i evolyutsiya* [English Political Novel of the XIX Century: Essays of Genesis and Evolution]. Perm, Perm University Publ., 2000. 286 p. (in Russian).
6. Borisova E. B. *Khudozhestvennyy obraz v britanskoy literature XX veka: tipologiya, lingvopoetika, perevod. Dis. dokt. filol. nauk* [Artistic image in the British literature of the XX century: typology, linguopoetics, translation. Diss. doct. philol. sci.]. Samara, 2010. 383 p. (in Russian).
7. Azhel Yu. P. Osnovnye etapy vospriyatiya tvorchestva Bendzhamina Dizraeli v Rossii 1840–1915-kh gg.: k postanovke voprosa [The main stages of the perception of Benjamin Disraeli’s work in Russia in the 1840s–1915s: statement of the question]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Phology*, 2019, vol. 11, is. 3, pp. 86–95 (in Russian).

8. Matveyenko I.A., Khruleva O.S. Vospriyatiye tvorchestva B. Disraeli zhurnalom 'Otechestvennyye zapiski' v 1840–70-e gg. v kontekste evreyskogo voprosa v Rossii [Reception of Disraeli's novels on the pages of 'Native Notes' in 1840–70 I the context of the Jewish issue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i isskustvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2019, issue 33, pp. 92–97 (in Russian).
9. Shcherbakova G. I. *Zhurnal O. I. Senkovskogo "Biblioteka dlya chteniya" 1834–1856 godov i formirovaniye massovoy zhurnalistiki v Rossii. Dis. dokt. filol. nauk* [O.I. Senkovsky's journal "Library for Reading" of 1834–1856 and the formation of mass journalism in Russia. Diss. doct. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2005. 417 p. (in Russian).
10. Shevtsova-Shcheblykina L. I. *Literaturno-kriticheskaya deyatel'nost' A. V. Druzhinina v 40–50-e gody XIX veka* [Literary and critical activity of A. V. Druzhinin in the 40–50s of the XIX century]. Moscow, Penza, Minitipografiya Publ., 2001. 243 p. (in Russian).
11. Tasenko P. S., Nelyubova N. Yu., Ershov V. I. Ispol'zovaniye priyema adaptatsii pri perevode tekstov khudozhestvennoy literatury (na primere perevoda na russkiy yazyk romanov "Dama s kameliyami" i "Grozovoy pereval") [The use of adaptation techniques in the translation of literary texts (for example, the translation into Russian of the novels 'The Lady with the Camellias' and 'Wuthering Heights')]. *Vestnik RUDN. Seriya "Lingvistika" – Russian Journal of Linguistics*, 2016, vol. 20, no. 2, pp. 128–141 (in Russian).
12. Matveyenko I. A., Mironova V. E. Skvoz' prizmu epokhi: sotsiolingvisticheskiye aspekty perevoda rasskaza Artura Konan Doyla "Soyuz ryzhikh" N. K. Chukovskim [Through the prism of the Epoch: sociolinguistic aspects of the translation of Arthur Conan Doyle's short story 'The Union of Redheads' by N. K. Chukovsky]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya. 2: Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2020, vol. 22, no. 3 (200), pp. 184–197 (in Russian). doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.052
13. Kondarina I. V. *Retseptsiya romanistiki Ch. Dikensa v Rossii v 1850–1950-kh gg. Dis. kand. filol. nauk* [Reception of Romanistics by Ch. Dickens in Russia in the 1850s–1950s. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow 2004. 189 p. (in Russian).
14. Matveyenko I. A., Azhel Yu. P. Perevodima li parodiya?: russkiye perevody povesti U. Tekkera "Zapiski Zheltoplyusha" 1850–60-kh gg. [Can a Parody Be Translated? The Russian Translations of W. Thackeray's Parody "Yellowplush Papers" of the 1850–1860s.]. *Filologicheskiy klass – Philological Class*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 150–163 (in Russian). doi: 10.26170/FK20-03-13 (accessed 27 February 2022).
15. Ermakova E. V. *Khudozhestvennyy mir romanov Bendzhamina Dizraeli* [The Artistic World of the Novels of Benjamin Disraeli. Monograph]. Perm, Perm University Publ., 2016. 248 p. (in Russian).
16. Pirogov N. I. Voprosy zhizni [Questions of life]. *Morskoy sbornik. Iyul'skaya kniga* [Marine collection. July Book]. Moscow, Krasnaya Zvezda Publ., 1856, no. 9, pp. 559–597 (in Russian).
17. Disraeli B. *Henrietta Temple: A Love Story*. "Public Domain". URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/36363270/48986720/&art=36363270&user=458665514&uilang=ru&catalit2&track_reading (accessed 27 February 2022).
18. Joe Andrew. *Women in Russian Literature 1780–1863*. THE MACMILLAN PRESS LTD, 1988. 218 p..
19. Irina A. Matveyenko, Anna A. Syskina, Irina A. Aizikova, Vitaly S. Kiselev & Sue Lonoff. Female Images in Jane Eyre and The Woman in White in Russian Translations of the 1840–60s. *Brontë Studies*, 2017, 42:2, pp. 118–129. doi: 10.1080/14748932.2017.1280939 (accessed 27 February 2022).
20. Druzhinin A. V. Korrer Bell i dva yego romana "Shirley" i "Jean Eyre" [Curren Bell and his TwoNovels 'Shirley' and 'Jane Eyre']. *Biblioteka dlya chteniya*, 1852, vol. 116, part 2, pp. 23–54 (in Russian).
21. Templ G. *Prilozheniye k zhurnalu "Biblioteka dlya chteniya"* [Henrietta Temple. Appendix to the magazine 'Library for reading']. Saint Petersburg, 1859. P. 284 (in Russian).
22. Templ G. *Zhurnal romanov i povestey* [Henrietta Temple. Journal of novels and novellas]. Ed. N. S. Lvov. Saint Petersburg, 1867. P. 458 (in Russian).
23. *A Concise Companion to The Victorian Novel* edited by Francis O'Gorman. Blackwell Publishing Ltd. 2005. p. 280
24. Rylova O. N. Iz istorii izucheniya antichnoy literatury v shkole [From the history of studying ancient literature at school]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh, 21–22 aprelya 2006 g. Vypusk 7, chast' 2* [Actual problems of linguistics and literary studies: materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists, 21–22 April 2006. Issue 7, part. 2]. Tomsk, TSU Publ., 2007. Pp. 100–106 (in Russian). URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000376916> (accessed 27 February 2022).

Информация об авторе

Ажель Ю. П., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Azhel Yu. P., Postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; принята к публикации 01.06.2022
The article was submitted 10.04.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 821.131.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-137-146>

С. Я. МАРШАК КАК ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ ДЖ. РОДАРИ

Назрин Расим кызы Эфендиева¹, Ирина Анатольевна Поплавская²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск*

¹ *nastyae fendieva@gmail.com*

² *poplavskaj@rambler.ru*

Аннотация

Введение. Диалог русской и западноевропейской литературы, переводы иноязычных текстов и их ассимиляция в принимающей культуре, создание национальных мирообразов – все эти вопросы являются актуальными в современном литературоведении, переводоведении, страноведении. Эстетические принципы С. Я. Маршака при переводе поэзии и прозы итальянского писателя Дж. Родари соответствуют его концепции перевода-портрета и органично вписываются в историю русской и итальянской литературы для детей середины XX в.

Цель видится в раскрытии взаимосвязи между принципами Маршака-переводчика и их преломлением в переводах поэзии и прозы Дж. Родари, адресованных ребенку-читателю.

Материал и методы. Материалом исследования являются критические статьи С. Я. Маршака, стихотворения Дж. Родари «Чем пахнут ремесла?», «Венеция» и прозаическая повесть-сказка «Приключения Чиполлино», переведенная З. М. Потаповой и отредактированная С. Я. Маршаком. В работе используются рецептивный и имагологический подходы, сравнительно-типологический, сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, а также контекстуальный анализ и контент-анализ оригинальных произведений Родари и их русских аналогов-переводов.

Результаты и обсуждение. Выделяются разные типы переводов – «адресный» перевод К. И. Чуковского, «перевод-портрет» и перевод-редактирование С. Я. Маршака. В соответствии с поэтикой итальянской поэзии для детей и итальянской литературной сказки анализируются переводы С. Я. Маршаком стихотворений Дж. Родари и перевод-пересказ повести «Приключения Чиполлино». Выявляются фольклорные истоки итальянской детской литературы, связь сказки о мальчике-луковке с традициями «commedia dell'arte» и с волшебной сказкой, раскрываются особенности читательской рецепции ребенка, осмысливается «двойная» эстетическая позиция автора, пишущего для детей: «взрослое» сознание, воскрешающее в себе сознание и мировосприятие ребенка. Рассматриваются и сравниваются переводческие принципы С. Я. Маршака-поэта и С. Я. Маршака-прозаика. Подчеркивается роль произведений Дж. Родари в формировании русско-итальянских литературных и культурных взаимосвязей и в становлении отечественной литературы для детей.

Заключение. Анализируется близость переводческих принципов Дж. Родари и С. Я. Маршака, выясняется соотносительность переводческих стратегий русского автора с традициями отечественной переводной литературы. Раскрывается роль С. Я. Маршака и М. Горького в открытии Государственного издательства детской литературы в 1933 г. Определяется круг писателей, заложивших основы советской литературы для детей в первой половине XX в. Выявляется связь переводческих принципов С. Я. Маршака с концепцией современного адаптивного перевода Г. М. Кружкова. Для полноты рецепции русской литературы для детей привлекается статья М. И. Цветаевой «О новой русской детской книге».

Ключевые слова: *С. Я. Маршак, Дж. Родари, перевод, поэзия, проза, «Приключения Чиполлино», литература для детей, рецепция, русско-итальянские литературные взаимосвязи*

Для цитирования: Эфендиева Н. Р., Поплавская И. А. С. Я. Маршак как переводчик поэзии и прозы Дж. Родари // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 137–146. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-137-146>

S. YA. MARSHAK AS A TRANSLATOR OF POETRY AND PROSE BY G. RODARI

Nazrin R. Efendiyeva¹, Irina A. Poplavskaya²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *nastyae fendieva@gmail.com*

² *poplavskaj@rambler.ru*

© Н. Р. Эфендиева, И. А. Поплавская, 2022

Introduction. The dialogue of Russian and Western European literature, translations of foreign texts and their assimilation in the host culture, the creation of national world images – all these issues are relevant in modern literary criticism, translation studies, and country studies. The aesthetic principles of S. Ya. Marshak in translating the poetry and prose of the Italian writer J. Rodari correspond to his concept of translation-portrait and organically fit into the history of Russian and Italian literature for children in the middle of the 20th century.

The *purpose* of the article is seen in the disclosure of the relationship between the principles of Marshak-translator and their refraction in translations of poetry and prose by J. Rodari, addressed to the child reader.

Material and methods. The material of the study is critical articles by S. Ya. Marshak, poems by G. Rodari “What do crafts smell like?”, “Venice” and the prose story-tale “The Adventures of Cipollino”, translated by Z. M. Potapova and edited by S. Ya. Marshak. The work uses receptive and imagological approaches, comparative-typological, comparative-historical and comparative-comparative methods, as well as contextual and content analysis of Rodari’s original works and their Russian counterparts-translations.

Results and discussion. There are different types of translations – “address” translation by K. I. Chukovsky, “translation-portrait” and translation-editing by S. Ya. Marshak. In accordance with the poetics of Italian poetry for children and the Italian literary fairy tale, S. Ya. Marshak’s translations of G. Rodari’s poems and the translation-retelling of the story “The Adventures of Cipollino” are analyzed. The folklore origins of Italian children’s literature are revealed, the connection of the fairy tale about the onion boy with the traditions of “commedia dell’arte” and with a fairy tale, the features of the reader’s perception of the child are revealed, the “double” aesthetic position of the author writing for children is comprehended: “adult” consciousness, resurrecting in itself the consciousness and worldview of the child. The translation principles of S. Ya. Marshak-poet and S. Ya. Marshak-prose writer are considered and compared. The role of the works of G. Rodari in the formation of Russian-Italian literary and cultural relationships and in the formation of Russian literature for children is emphasized.

Conclusion. The closeness of the translation principles of J. Rodari and S. Ya. Marshak is analyzed, the correlation of the translation strategies of the Russian author with the traditions of Russian translated literature is clarified. The role of S. Ya. Marshak and M. Gorky in the opening of the State Publishing House of Children’s Literature in 1933 is revealed. The circle of writers who laid the foundations of Soviet literature for children in the first half of the 20th century is determined. The connection between the translation principles of S. Ya. Marshak and the concept of modern adaptive translation by G. M. Kruzhkov is revealed. For the completeness of the reception of Russian literature for children, the article by M. I. Tsvetaeva “On the new Russian children’s book” is used.

Keywords: S. Ya. Marshak, G. Rodari, translation, poetry, prose, *The Adventures of Cipollino*, literature for children, reception, Russian-Italian literary relationships

For citation: Efendiyeva N. R., Poplavskaya I. A. S. Ya. Marshak kak perevodchik poezii i prozy Dz. Rodari [S. Ya. Marshak as a Translator of Poetry and Prose by G. Rodari]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 137–146. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-137-146>

Введение

С. Я. Маршак (1887–1964) известен как поэт, драматург, переводчик, литературный критик, автор воспоминаний «В начале жизни». Его переводы сонетов У. Шекспира, лирики Р. Бернса, Д. Г. Байрона, Дж. Китса, Р. Браунинга, Р. Киплинга, У. Йейтса и др. признаны лучшими в отечественной литературе. Особое место в творчестве Маршака занимают переводы произведений известного итальянского журналиста и писателя-сказочника Джанни Родари (1920–1980). Среди них стихотворения из поэтических сборников для детей «Чем пахнут ремесла?», «Книга городов», «Поезд стихов», редактирование перевода З. М. Потاپовой «Приключений Чиполлино». В этой связи актуальным представляется выявление эстетических принципов Маршака-переводчика и их преломление в переводе стихотворных и прозаических произведений итальянского писателя.

Цель настоящей статьи видится в осмыслении критических статей Маршака, посвященных проблемам перевода, использовании их основных по-

ложений при переводе поэзии и прозы Родари, сравнении стихотворных и прозаических принципов Маршака-переводчика, раскрытии особенностей детской читательской рецепции произведений итальянского писателя в русской литературе 1950-х гг.

Материал и методы

Материалом статьи являются критические работы Маршака-переводчика, стихотворение Родари «Чем пахнут ремесла?», произведение «Венеция» из поэтического сборника «Книга городов», перевод-редактирование сказки «Приключения Чиполлино», призванных раскрыть формирование образа Италии в отечественной литературе и особенности русско-итальянских литературных и культурных взаимосвязей 1950–1960-х гг.

В статье под переводом подразумевается и «некая интеллектуальная деятельность, т. е. процесс», и «результат этого процесса, продукт деятельности, иначе говоря, речевое произведение, созданное переводчиком» [1, с. 7]. Отличительная же особен-

ность художественного перевода видится в том, что в нем «сквозь призму двойной субъективности мировосприятия, субъективности автора и переводчика» [1, с. 316, 319] воссоздается новый художественный текст на языке реципиента. Исходя из понимания перевода как творческой процессуальной деятельности и как результата этой деятельности, в работе используются рецептивный и имагологический подходы, сравнительно-типологический, сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, а также контекстуальный анализ и контент-анализ оригинальных произведений Родари и их русских аналогов-переводов.

Результаты и обсуждение

Как известно, произведения Родари, переведенные Маршаком, были адресованы прежде всего детской аудитории. В советской литературе начиная с 1920-х гг. стала складываться новая традиция перевода произведений для детей. У истоков ее стояли К. И. Чуковский (1882–1969) и Маршак, которые перевели в это время знаменитые «Сказки просто так» («Just so stories») Кипплинга. В процессе совместной работы над сказками Кипплинга, в которых переводчиком прозаического текста был Чуковский, а стихотворения переводил Маршак, начали формироваться их переводческие стратегии. Так, перевод Чуковского можно назвать «адресным» переводом [2, с. 13]. Этот тип перевода учитывает прежде всего особенности детской рецепции художественного текста. Маленького читателя, по мнению Чуковского, не интересуют эпитеты, ему «нужны не качества, а действия», поэтому в произведениях для детей стиль должен быть динамичным и стремительным [3, с. 231]. Во многом этот подход к переводу литературы для детей оказывается близок и Маршаку. Для Маршака в литературной сказке главной должна быть сюжетная динамика, а не описания и подробности. В критической статье «О сказках Пушкина» он пишет о том, что словесный строй пушкинских сказок органично соответствует «требованиям читателя-ребенка, не останавливающегося на описаниях и подробностях и жадно воспринимающего в рассказе действие» [4, с. 15]. Внутренняя (сюжетная) и внешняя (структурная) завершенность литературной сказки, ее связь с национальной фольклорной традицией, интерес ребенка к волшебной сказке и к сказке-были, воспитательная функция произведений для детей – эти положения Маршака-критика были отражены в его статьях «О сказках Андерсена», «Сказка, возбуждающая народное чувство», «Маяковский – детям» и др. Наиболее полно переводческие принципы Маршака были изложены им в статье «Искусство поэтического портрета». С его точки зрения, удачным можно считать тот перевод,

в котором происходит совпадение переводимого текста с жизненным и эстетическим опытом переводчика. Маршак пишет: «Чтобы по-настоящему, не одной только головой, но и сердцем понять мир чувств Шекспира, Гёте и Данте, надо найти нечто соответствующее в своем опыте чувств», поэтому настоящий художественный перевод можно сравнить не с фотографией, а с портретом» [4, с. 345]. Биографическая и эстетическая «пережитость» переводимого текста переводчиком, внутренняя «отзывчивость» переводимого произведения автору перевода позволяет говорить об особом «переводе-портрете» в творчестве Маршака [2, с. 14]. Такими «переводами-портретами» в его творчестве можно назвать переводы произведений Родари.

Обратимся к переводам стихотворений итальянского поэта-сказочника. Стихотворение «Чем пахнут ремесла?» («Gli odori dei mestieri») вошло в известный сборник Родари под названием «Книжка веселых стихов» («Il libro delle filastrocche»), изданный в Италии в 1950 г. Впервые переводы стихотворений из этого цикла увидели свет на страницах «Литературной газеты» за 1952 г. В газетной публикации были представлены 15 стихотворений в переводе Маршака. Среди них «Чем пахнут ремесла?», «Какого цвета ремесла?», «Рыбак», «Служанка», «Городской трамвай», «Старье берем!», «Метельщик», «Человек на подъемном кране», «Почтальон», «Лудильщик», «Субботний вечер», «Славный корабль», «Точильщик», «Старый каменщик», «Лето в городе» [5, с. 1]. Данная публикация сопровождалась заметкой Маршака «Почему я перевел стихи Джанни Родари?». В ней переводчик отмечает фольклорную основу стихов Родари, которые проникнуты «ритмом народной детской песни». В этом смысле стихи для детей итальянского поэта соотносятся со стихами русских поэтов, адресованных детской аудитории. Примером могут служить «Маяковский и наши лучшие из современных поэтов, пишущих для детей», которые «приняли, как наследие, опыт народной поэзии, лубка, считалки, дразнилки» [5, с. 2]. Говоря о поэтике этого цикла стихотворений, Маршак отмечает сочетание в нем «серьезной и значительной темы» «с живым и своеобразным юмором», с «причудливой игрой», которые «как нельзя более соответствуют детскому восприятию, детскому голосу» [5, с. 2]. В заключение русский поэт говорит о принципах перевода данных стихотворений Родари. Он пишет: «В некоторых из своих переводов я отошел от буквальной точности, стремясь передать самую сущность свежих и непосредственных стихов итальянского поэта. Но иначе, я думаю, и нельзя переводить свободные и причудливые, часто основанные на забавной рифме стихи для детей» [5, с. 3]. Здесь Маршак говорит о своего рода

«портрете» отдельных стихотворений, при переводе которых оказывается важнее следовать их духу, сущности, а не «буквальной точности».

Оценивая перевод стихотворения «Чем пахнут ремесла?», современная итальянская исследовательница отмечает в нем отступления, связанные с передачей особого «лирического настроения» оригинала. Они связаны с тем, что Маршак «удлиняет список ремесел, обогащая его таким образом четырьмя фигурами: плотником, стекольщиком, шофером и рыбаком; кроме того, заменяет бакалейщика кондитером» [6, с. 76]. Ср.:

Мимо столярной
Идешь мастерской, –
Стружкою пахнет
И свежей доской. <...>
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой. <...>
Куртка шофера
Пахнет бензином. <...>
Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только безделье

Не пахнет никак [7, с. 746–747].

Важно отметить, что если в оригинальном тексте всего 10 стихов, то в переводе Маршака их 32. Можно сказать, что русский переводчик продолжает тему труда, заявленную у Родари, присоединяя другие рабочие профессии, описывая детали их ежедневных занятий и ольфакторные впечатления от них и создавая таким образом более универсальную картину мира. Кроме того, в оригинале используется смежная рифмовка, а в переводе – перекрестная, когда текст разбивается на 7 четверостиший, в которых рифмуются 2 и 4 стихи, а 1 и 3 не рифмуются, что напоминает русские детские песенки-считалки.

В поэтический сборник Родари «Книга городов» (1952) вошли такие знаменитые стихотворения, как «Открытки с видами городов», «Мастер плетеной мебели из городка Беллуно», «Неаполь без солнца», «Площадь Мастаи», «Венеция». Все они были переведены на русский язык Маршаком. Книга представляет собой своеобразный художественный путеводитель по городам Италии, в котором всем известные «знаковые» объекты городов («Милан с прославленным собором. // Рим: Капитолий, Купол, Форум. // Неаполь с морем и вулканом...») соединяются с выразительными бытовыми зарисовками, позволяющими «Узнать, как дела у людей обстоят, // Что делают люди, о чем говорят...». Обратимся к сравнительному анализу стихотворения «Венеция». У Родари: «Venizia» («Венеция»).

Il ponte di Rialto (Мост Риальто)
Guarda nella laguna (Смотря в лагуну),

E vede un altro ponte (Видит в нем другой мост)
Con sopra un'altra luna (В сиянии лунном.)
Qual e il ponte vero? (Где же настоящий мост?)
Qual e la vera luna? (Где же настоящая луна?) [8, с. 25].

В стихотворении Родари речь идет о знаменитом мосте Риальто, находящемся на Большом канале в Венеции. В основе его лежит образ зеркального отражения, благодаря чему происходит удвоение и моста, и луны. Кроме того, водное зеркало «меняет верх на низ, высоту на глубину, как бы нейтрализуя соответствующую оппозицию, совмещая ее полюса» [9, с. 12]. Так рождается целостный двухмерный образ, который соответствует детскому взгляду на мир. В оригинальном стихотворении всего 5 стихов, в котором рифмуются 1, 3 и 5 стихи. Оно завершается выразительным двустихием с вопросительными интонациями, передающими нетождественное тождество образа и его отражения. Перед нами стихотворение-загадка, которое, как писал Родари в своей известной книге «Грамматика фантазии», в концентрированной, почти символической форме отражает детский опыт познания действительности. Ведь «само присутствие ребенка в мире – тайна, в которую ему еще предстоит проникнуть, загадка, которую еще надо отгадать с помощью вопросов, прямых и наводящих» [10, с. 25].

В переводе Маршака количество стихов увеличивается до 8. В нем создается более обобщенный образ моста и его отражаемого в воде двойника. Ср.:

Глядит в лагуну старый мост,
И так вода ясна,
Что в ней встает такой же мост,
Такая же луна.

Светла, как небо, глубина,
Полна таких же звезд...
Где ж настоящая луна?
Где настоящий мост? [7, с. 767].

Для этого переводчик использует олицетворение («глядит в лагуну старый мост»), сравнение («светла, как небо, глубина»), лексический повтор («такой же мост», «такая же луна», «таких же звезд»), параллелизм вопросительных синтаксических конструкций. Можно сказать, что эстетический принцип удвоения как отражения предмета в воде представлен в самой структуре перевода через обращение к художественным тропам, двум четверостишиям с перекрестной рифмовкой с мужскими клаузулами. Наконец, сам образ зеркала и связанный с ним принцип отражения может служить моделью знака (словесного или иконического), моделью творчества и художественного перевода вообще [9, с. 8]. Сближая творчество итальян-

ского поэта и русского переводчика, Е. Г. Эткинд пишет о том, что Родари в стихотворениях смотрит на мир глазами ребенка, и «этим удивленно-детским взглядом <...> и непосредственностью отношения к простому, конкретному слову-предмету, этой поэзией будничности, волшебной преображающей <...> самые, казалось бы, привычные вещи, Джанни Родари близок С. Маршаку» [11, с. 366]. По мнению же А. А. Аникста, Маршак остается поэтом «и тогда, когда создает оригинальные стихи, и тогда, когда переводит других поэтов». В своих оригинальных стихах для детей так же, как и в переводных, он «всегда исходит из своего глубоко знания детской души. <...> Мы ощущаем в его «переводах» его взгляд на жизнь, его личность, на них лежит печать его поэтической индивидуальности» [12].

В историю отечественной литературы для детей Маршак вошел и как редактор-переводчик знаменитого романа Родари «Приключения Чиполлино». Впервые «Роман о Чиполлино» («Il romanzo di Cipollino») был опубликован на страницах детской еженедельной газеты «Пионер» («Il pioniere») в 1951 г. Начиная с 1955 г. этот роман выходил под другим названием – «Приключения Чиполлино» («Le avventure di Cipollino») [13, с. 69]. На русском языке перевод романа о мальчике-луковке был издан в 1953 г. Этот перевод был выполнен Потаповой и отредактирован Маршаком. Продолжая традиции русской литературной сказки, сложившейся в первой половине XX в. благодаря роману «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Н. Толстого и повести «Три толстяка» Ю. К. Олеси, «Приключения Чиполлино» стали одним из самых популярных произведений у советского читателя [14, с. 345]. Изданию «Приключений Чиполлино» на русском языке предшествовала статья Потаповой «Первые победы Чиполлино (Заметки о детской литературе в Италии)», опубликованная на страницах «Литературной газеты». Полемизируя с засильем массовой продукции американской культуры и литературы в Италии, автор пишет о том, что созданию современной итальянской литературы для детей во многом помогает советская детская книга, к которой, в частности, относятся изданные в Италии «Педагогическая поэма» А. С. Макаренки и «Сын полка» В. П. Катаева. Родари воспринимается Потаповой как «создатель новой демократической детской книги в Италии», а в его романе «Приключения Чиполлино» «фантазия и мягкий юмор переплетаются <...> с весьма реальными мрачными фактами итальянской действительности» [15, с. 3]. Не случайно в конце произведения «Чиполлино и его друзья свергают тирана Лимона и устанавливают счастливое царство республики», сам же Чиполлино становится «жи-

вым персонажем, любимым героем итальянских школьников» [15, с. 3]. Говоря о роли детской книги в современной Италии, Потапова цитирует в этой связи статью Родари в газете «Вие нуове», посвященную выставке истории детской книги, прошедшей в Риме в 1952 г. В ней итальянский писатель говорит о том, что «детям нужно вернуть народную сказку со всей ее наивностью, юмором и фантазией, – сказку, которую вытеснила «эра комиксов» [15, с. 4]. Восприятие творчества Родари в советской России 1950-х гг. дополняется его интервью, которое было опубликовано в журнале «Иностранная литература» в 1979 г. [16, с. 273–275]. В нем, высоко оценивая роль детской книги в настоящем, писатель говорил о появлении в будущем специалистов по детской коммуникации и отводил книге роль посредника между мирами маленьких и взрослых [6, с. 73].

Вернемся к роману «Приключения Чиполлино». Его перевод Потаповой, отредактированный Маршаком, принес «головокружительный успех» творчеству «итальянского Андерсена» в СССР. Впоследствии к переводу произведений Родари на русский язык обращались также поэт Я. Л. Яким (1923–2013) и известная итальянистка И. Г. Константинова, которая перевела такие его произведения, как «Джельсомино в Стране лжецов», «Сказки по телефону», «Планета рождественских елок», «Путешествие Голубой Стрелы» и др. В 2020 г. в связи со столетним юбилеем Родари вышел новый перевод Константиновой «Приключений Чиполлино». Этому переводу было посвящено интервью с нею, опубликованное в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Объясняя, почему она раньше не переводила «Приключения Чиполлино», Константинова говорит: «...зачем переводить после блестящего пересказа Самуила Маршака? <...> «Приключения Чиполлино» были переведены Златой Потаповой, но перевод оказался слабый, и издательство попросило Маршака отредактировать его, а он взял и пересказал сказку совершенно по-своему. Где-то в позапрошлом году я перечитала ее по-итальянски и поняла, что могу сделать свою редакцию... Все-таки тому переводу больше полувека» [17]. Обращает на себя внимание то, что Константинова называет отредактированный перевод Маршака пересказом, выполненным «совершенно по-своему». Сравнительный анализ сказки Родари «Приключения Чиполлино» и двойной перевод-редактирование, перевод-пересказ Потаповой и Маршака позволили выявить и в оригинальном, и в переводном тексте традиции «commedia dell'arte», черты авантюрной повести, структурные элементы сюжета волшебной сказки, включающие в себя, согласно В. Я. Проппу, такие составные элементы: герой покидает дом – герой испытывается, подвер-

гается нападению, чем подготавливается получение им волшебного средства или помощника, – герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу – герой возвращается [18, с. 38, 39, 48, 52].

Сравнивая оригинал Родари с переводом-редактированием Потаповой-Маршака, можно сделать вывод о том, что русские переводчики часто прибегали к опущению, дополнению или замене отдельных элементов текста на равноценный оригиналу эквивалент, в частности, это касается названия отдельных глав, которым в переводе сообщается более обобщенный смысл и акцентируется их связь с сюжетным развитием сказки и с ситуацией рассказывания. Ср.: Глава 3. «Многоножка» – «Тысяченок» думает: что за хлопоты детей к сапожнику водить» (Родари). – «Глава 3, в которой рассказывается о профессоре Груше, о Луке Порее и о Тысяченокках» (Потапова, Маршак). Или Глава 6. «Барон Апельсин с фасолинкой, носильщиком живота» (Родари). – «Глава 6, в которой рассказывается о хлопотах, которые доставили графиням их родственники – герцог Мандарин и барон Апельсин» (Потапова, Маршак) [19, с. 195].

Отметим еще одну важную особенность, которая сохранилась в переводе «Приключений Чиполлино». Это вкрапления итальянских слов, передающих реалии итальянской действительности: барон, лира, кавалер, сольдо, синьор и т. д. [19, с. 197]. Сохранение иноязычных слов в переводе позволяет читателю не только познакомиться с но-

вым для него миром, но и в значительной степени расширить свой кругозор. Ср.: «Только у кума Тыквы несколько *сольдо* заводилось; графиням Вишням за консультацию по делу о вторжении – десять тысяч *лир*; *синьор* Зеленый Горошек, деревенский адвокат; барон Апельсин двоюродный брат покойного мужа *синьоры* графини старшей; в один не прекрасный день *кавалер* Помидор прикатил к карете и т. д.» [20, с. 9, 17, 63].

Для выявления особенностей русского перевода-редактирования обратимся к 7 главе «Приключений Чиполлино» (таблица).

Сопоставление названия 7 главы позволяет сделать вывод об относительной самостоятельности отечественных переводчиков, которые добавляют несколько уточняющих дополнений («*внимание*», «*объявление*»). Тем самым номинация данной главы в русском переводе указывает на особенности дальнейшего сюжетного развития романа и в определенной мере выполняет прогностическую функцию.

Описывая замок с окружающим его парком, Родари говорит о «знаке», который относится ко всем находящимся как вне, так и внутри парка героям. Потапова и Маршак акцентируют в своем переводе фактор границы – ворота парка, возле которых висело объявление, «*на одной стороне написано: «Вход воспрещен», а на другой: «Выход воспрещен»*». Здесь образ ворот получает и идейный, и сюжетный, и символический смысл.

Особенности перевода оригинала и перевода-редактирования

G. Rodari	З. М. Потапова, С. Я. Маршак
Capitolo VII «Ciliegino, per una volta, a don si rivolta Prezzemolo». Перевод: «Вишенка впервые обращается к дону Петрушке». Il Castello era un po' in cima alla collina ed era circondato parco da un gran. C'era un cartello che da una parte diceva: «Vietato l'ingresso» – e dall'altra parte diceva invece: «Vietata l'uscita» [21, p. 16]. Перевод: «Замок находился на вершине холма и был окружен большим парком. Там был знак, на котором с одной стороны было написано: «Вход воспрещен», а с другой стороны – «Выход воспрещен»	Глава VII «Вишенка на объявление синьора Петрушки не обращает внимания». Замок графинь Вишен на вершине холма стоял. Его огромный парк окружал. У ворот парка объявление висело, на одной стороне которого написано: «Вход воспрещен», а на другой: «Выход воспрещен» [20, с. 28]
Mentre dunque Ciliegino nel parco passeggiava, si sente chiamare da due voci come campanelli squillanti. – Signor Visconte! Signor Visconte! Si mise gli occhiali e vide un ragazzo della sua età, malvestito piuttosto ma dal viso chiaro e simpatico, e una ragazzina di forse dieci anni, coi capelli raccolti in un codino che le stava sempre in piedi sulla testa [21, p. 17]. Перевод: «Итак, пока Вишенка прогуливался по парку, он услышал, как его зовут два звенящих голоса, похожих на колокольчики. – Господин Виконт! Господин Виконт! Он надел очки и увидел мальчика своих лет, довольно бедно одетого, но с ясным и приятным лицом, и девочку лет десяти, с волосами, собранными в косу, прямо стоящими на голове	Итак, Вишенка предаваясь своим мыслям гулял по парку. Как вдруг услышал он, что его зовет кто-то тоненьким голосом: – Синьор Вишенка! Синьор Вишенка! Вишенка обернулся и увидел за оградой примерно одних с ним лет мальчика, бедно одетого, с веселым и смущенным лицом. За мальчиком шла лет десяти девочка. Волосы были у нее заплетены в косичку, которая была похожа на хвостик редиски [20, с. 29]

В переводе-пересказе Потаповой-Маршака встречи Вишенки и Чиполлино происходит отклонение от оригинала, которое не искажает его смысл, но имеет несколько другие эстетические задачи. Так, и в оригинале, и в переводе социальный статус героев раскрывается через диалог-обращение и внешние детали (например, описание одежды мальчика). Вместе с тем в оригинале Чиполлино обращается к Вишенке: «Господин Виконт!». Известно, что виконт – это заместитель графа, вице-граф, поэтому можно предположить, что либо Чиполлино не знает социального статуса Вишенки, либо знает, но относится к нему иронически, с усмешкой. В русском переводе присутствует нейтральное обращение: «Синьор Вишенка!». Также в русском переводе происходит пространственная конкретизация этой встречи, передающая естественную реакцию Вишенки на обращение к нему Чиполлино. Ср. у Родари: «Итак, пока Вишенка по парку прогуливался, он услышал, как его зовут два звенящих голоса...»; у Потаповой-Маршака: «Вишенка *обернулся и увидел за оградой* мальчика примерно одних с ним лет...».

Описывая Редиску, волосы которой, как указывается в оригинале, «собранные в косу», «прямо стояли на голове», Потапова-Маршак переводят это место по-своему. В русском тексте говорится о том, что ее косичка «*была похожа на хвостик редиски*». Здесь акцентируется игровое отношение переводчиков к персонажу, а также используются эмоционально окрашенные слова, совпадающие по смысловому содержанию, но различающиеся по эмоционально-экспрессивной окраске и стилистическому оформлению.

Таким образом, сопоставительный анализ оригинала сказки Родари и перевода Потаповой-Маршака позволил рассмотреть ряд ключевых моментов перевода и выявить основные закономерности передачи текста оригинала на русский язык. Можно утверждать, что перевод «Приключений Чиполлино» не следует рабски за оригиналом, наоборот, русские авторы делают попытку творчески переосмыслить оригинал, не нарушая при этом исходный текст. Перевод доносит до своих маленьких читателей содержание итальянской сказки, знакомит с развитием сюжета, характерами главных героев, основной проблематикой произведения. Перевод-редактирование Потаповой-Маршака представлял собой шаг вперед и по точности понимания авторского замысла, и по своим художественным достоинствам.

Заключение

В интервью Родари журналисту Бернардини итальянский писатель на вопрос о том, можно ли создать в переводе произведение, эквивалентное

подлиннику, отвечает: «В прозе можно представить такой перевод, который, возможно, и не передаст всю ценность оригинала, но будет отличаться красотой» [16, с. 275]. В этом смысле переводы на итальянский язык «Илиады» Винченцо Монти (1754–1828) и «Энеиды» Аннибале Каро (1507–1566) не воспринимаются только как переводы Гомера, но в большей мере как «классические итальянские тексты». Поэтический же перевод, – говорит Родари, – «это совсем не то, что прозаический, потому что поэзия относится к такому виду творчества, которое отталкивается от музыки языка, от его звуков и слов» [16, с. 276]. Этому взгляду Родари на перевод во многом соответствует и позиция Маршака как переводчика поэзии и прозы итальянского сказочника. В статье «Мысли о словах» Маршак, говоря о языке, отмечает, что «в нем самом есть уже все элементы искусства: и стройная синтаксическая архитектура, и музыка слова, и словесная живопись. <...> Все, из чего возникла поэзия, заключено в самом языке: и образы, и ритм, и рифма, и аллитерации» [4, с. 258, 259]. Отсюда можно сделать вывод об известной «непереводимости» поэзии, в то время как в прозе художественный «словарь-оркестр» позволяет переводчику достичь известной эквивалентности в переводе, если он использует «не застывшие термины, а живые, играющие образы, зримые, внятные, рожденные реальностью и рождающие реальность» [4, с. 255]. Итак, в переводческих стратегиях Родари и Маршака есть нечто общее, которое оказывается важнее, чем противопоставление различий [22, с. 27].

Переводы Маршаком поэзии и прозы Родари воспринимаются как основа для формирования русско-итальянских литературных и культурных взаимосвязей во второй половине XX в., как творческое продолжение лучших традиций русской переводной литературы XIX столетия от В. А. Жуковского до А. В. Дружинина и П. И. Вейнберга [23], как факт становления и развития литературы для детей и организации издательства детской литературы в советской России.

Переводы Маршаком произведений итальянского писателя дополняются его личными впечатлениями от Италии, которую ему удалось посетить в 1933 г. В это время в Сорренто вместе с Горьким Маршак обсуждал программу открытия издательства детской литературы в СССР. Позднее он писал: «Помню часы, которые мы проводили за работой в горьковском кабинете, из больших окон которого был виден – на фоне синего неба – дымящийся Везувий». В письме Горького и Маршака, написанном в Центральный комитет партии, «было предусмотрено все, без чего не могло бы жить и развиваться большое издательство, – полиграфиче-

ская база, бумажные фабрики и т. д.». Оба писателя считали, что «по-настоящему воспитывает юного человека только подлинно художественная, поэтическая книга – в прозе и в стихах. Каждая книга, выходящая для детей, должна быть событием [24, с. 270, 271]. Итогом этой встречи стало учреждение в сентябре 1933 г. на базе детского сектора издательства «Молодая гвардия» и школьного сектора Государственного издательства художественной литературы издательства для детей «Детгиз», первым главным редактором которого стал Маршак. По поводу открытия Государственного издательства детской литературы в СССР Горький обратился со страниц газеты «Правда» к советским детям. В своем обращении он писал: «Дорогие ребята! На мой вопрос: какие вы читаете книги и какие хотели бы читать, я от вас получил более двух тысяч единоличных и коллективных писем. <...> Теперь «Детиздат» знает, что ему нужно делать, и вы скоро интересные книги получите» [25, с. 3]. Обращение Горького предвляло публикацию в газете статьи Маршака под названием «Дети отвечают Горькому». Маршак в ней говорил о том, что «вся деятельность нового издательства – Детгиза – ответы на письма детей <...> перед началом большой работы над детской книгой». Сама же «всесоюзная

переписка» «больше всего похожа на простой, разговор между литературой и ее читателем» [26, с. 48].

Современный теоретик и практик перевода Г. М. Кружков сравнил процесс перевода с пересаживанием растения из родной почвы в чужую. И чтобы это растение-перевод не завяло, «переводчику нужно заменить утраченные связи на новые – уже в литературе-восприимнице» [27, с. 257], укоренить его в традициях литературы-реципиента. Можно сказать, что перевод стихотворений и прозы для детей итальянского писателя Родари вписывается в собственное поэтическое творчество Маршака, автора оригинальных стихотворений «Тихая сказка», «Угомон», «От одного до десяти», «Вакса-Клякса», «Веселое путешествие от А до Я», «Барaban и труба», в его литературную обработку известной словацкой сказки «Двенадцать месяцев», в традицию детской отечественной литературы советского периода, представленной именами К. И. Чуковского, А. Н. Толстого, Б. С. Житкова, А. П. Гайдара, В. В. Бианки, М. М. Пришвина и др. Важно отметить, что любимой книгой для детей на русском языке М. И. Цветаева считала «Детки в клетке» Маршака. В целом же, по ее мнению, «русская дошкольная книга – лучшая в мире» [28, с. 24].

Список источников

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
2. Пичугина В. С., Поплавская И. А. «Сказки просто так» («Just so stories») Д. Р. Киплинга в русской издательской и переводческой рецепции // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 411. С. 12–22.
3. Поплавская И. А., Эфендиева Н. Р. Итальянская литературная сказка в русской критической рецепции XIX–XXI вв. (Дж. Базиле, К. Гоцци, К. Коллоди, Дж. Родари) // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 442. С. 52–60.
4. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1988. 352 с.
5. Маршак С. Я. Сочинения: в 4 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957–1960. Т. 4.
6. Литературная газета. 1952. № 141 (3014). 22 ноября.
7. Кавацца А. Писатель из Омении: заметки и размышления о Джанни Родари // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7, № 3. С. 71–80.
8. Маршак С. Я. Сочинения: в 4 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957–1960. Т. 3.
9. Miroslav Sasek. Questa è Venezia. Rizzoli, 2006. 65 pp.
10. Левин Ю. И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 831. Труды по знаковым системам. Зеркало. Семиотика зеркальности. Т. XXII. Тарту: изд-во Тарус. гос. ун-та, 1988. С. 6–24.
11. Родари Д. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй / пер. с итал. Ю. А. Добровольской. М.: Прогресс, 1990. 191 с.
12. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 431 с.
13. Аникст А. А. Высокое искусство С. Маршака // Маршак С. Я. Избранные переводы. М.: Гос. изд-во дет. лит., 1959. 512 с. URL: <http://s-marshak.ru/articles/anikst.htm> (дата обращения 15.01.2022).
14. Бегак Б. Игра и жизнь // За горами, за морями. М.: Дет. лит.-ра, 1982. 126 с.
15. Зарубежные детские писатели в России: Библиографический словарь / под общ. ред. И. Г. Минераловой. М.: Флинта, 2005. 517 с.
16. Литературная газета. 1952. № 143 (3016). 27 ноября.
17. Родари Д., Бернардино Д. Говорит Джанни Родари // Иностранная литература. 1979. № 6. С. 273–275.
18. Счастье луковое. Ирина Константинова – о новом переводе «Приключений Чиполлино» // Санкт-Петербургские ведомости. 2020. № 196 (6974). 28 октября. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/schaste-lukovoe-irina-konstantinova-o-novom-perevode-priklyucheni-chipollino/> (дата обращения 15. 01. 2022).

19. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
20. Эфендиева Н. Р., Поплавская И. А. Особенности переводческой рецепции сказки Дж. Родари «Приключения Чиполлино» в русской литературе XX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11 (113), ч. 4. Ноябрь. С. 193–198.
21. Родари Дж. Приключения Чиполлино / пер. З. М. Потапова. М.: Эксмо детство, 2015. 264 с.
22. Rodari G. Le avventure di Cipollino. Einaudi ragazzi, 1960. 74 p.
23. Костюкова Т. А., Шульгин А. Православная педагогика в современной духовной и культурно-исторической ситуации // Вестник Томского гос. пед. ун-та, 2010. С. 25–29.
24. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 299 с.
25. Жизнь и творчество Маршака. Маршак и детская литература / сост. Б. Галанов, И. Маршак, М. Петровский. М.: Детская лит., 1975. 495 с.
26. Правда. 1934. № 135 (6021). 18 мая.
27. Кружков Г. М. Пересадка поэтических растений. К вопросу об адаптации перевода // Иностранная литература. 2021. № 2. С. 257–263.
28. Цветаева М. И. О новой русской детской книге // Детская литература. 1966. № 6. С. 23–24.

References

1. Garbovskiy N. K. *Teoriya perevoda: uchebnik* [Translation Theory: Textbook]. Moscow, MGU Publ., 2007. 544 p. (in Russian)
2. Pichugina V. S., Poplavskaya I. A. “Skazki prosto tak” (“Just So Stories”) D. R. Kiplinga v russkoy izdatel'skoy i perevodcheskoy retseptsii XX–XXI vekov [Fairy tales just like that (“Just So Stories”) by D. R. Kipling in Russian publishing and translation reception of the XX–XXI centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2016, no. 411, pp. 12–22 (in Russian).
3. Poplavskaya I. A., Efendiyeva N. R. Ital'yanskaya literaturnaya skazka v russkoy kriticheskoy retseptsii XIX–XXI vv. (G. Bazile, C. Gottsi, C. Kollodi, G. Rodari) [Italian literary tale in Russian critical reception of the 19th – 21st centuries (G. Bazile, C. Gozzi, C. Collodi, G. Rodari)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, no. 442, pp. 52–60 (in Russian).
4. Chukovskiy K. I. *Vysokoye iskusstvo* [High art]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988. 352 p. (in Russian).
5. Marshak S. Ya. *Sobraniye sochineniy: v 4 tomakh*. Tom 4 [Collected works: in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1957–1960 (in Russian).
6. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper]. 1952. No. 141 (3014). November 22 (in Russian).
7. Kavatsitsa A. Pisatel' iz Omen'i: zametki i razmyshleniya o Dzhanni Rodari [Writer from Omegna: notes and reflections on Gianni Rodari]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nyye i gumanitarnyye issledovaniya – Research result. Social studies and humanities*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 71 – 80 (in Russian).
8. Marshak S. Ya. *Sobraniye sochineniy: v 4 tomakh*. Tom 3 [Collected works: in 4 volumes. Vol. 3]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1957–1960 (in Russian).
9. Miroslav Sasek. *Questa è Venezia*. Rizzoli, 2006. 65 p.
10. Levin Yu. I. Zerkalo kak potentsial'nyy semioticheskiy ob'yekt [Mirror as a potential semiotic object]. *Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 831. Trudy po znakovym sistemam. Zerkalo. Semiotika zerkal'osti* [Scientific Notes of the Tartu State University. Issue 831. Proceedings on sign systems. Mirror. Semiotics of mirroring. Volume XXII]. Tartu, Tartu State University Publ., 1988. Pp. 6–24 (in Russian).
11. Rodari G. *Grammatika fantazii. Vvedeniye v iskusstvo pridumyvati istorii* [Grammar of Fantasy. An introduction to the art of making up stories]. Moscow, Progress Publ., 1990 (in Russian).
12. Etkind Ye. G. *Poeziya i perevod* [Poetry and translation]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 431 p. (in Russian)
13. Anikst A. A. *Vysokoye iskusstvo S. Marshaka* [The high art of S. Marshak]. *Marshak S. Ya. Izbrannyye perevody* [Marshak S. Ya. Selected translations]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo detskoy literatury Publ., 1959. 512 p. (in Russian). URL: <http://s-marshak.ru/articles/anikst.htm> (accessed 15 January 2022).
14. Begak B. *Igra i zhizn'* [Game and Life]. *Za gorami, za moryami* [Beyond the Mountains, Beyond the Seas]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1982. 126 p. (in Russian).
15. *Zarubezhnyye detskiye pisateli v Rossii: Bibliograficheskiy slovar'* [Foreign children's writers in Russia: Bibliographic dictionary]. Ed. Mineralova I. G. Moscow, Flinta Publ., 2005. 345 p. (in Russian).
16. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper]. 1952, no. 143 (3016). November 27 (in Russian).
17. Rodari D., Bernardino D. Govorit Dzhanni Rodari [Gianni Rodari speaks]. *Inostrannaya literatura*, 1979, no. 6, pp. 273–275 (in Russian).
18. *Schast'ye lukovoye. Irina Konstantionva – o novom perevode «Priklucheniye Chipollino»* [Onion happiness. Irina Konstantinova – about the new translation of “The Adventures of Chipollino”]. *Sankt-Petersburgskie vedomosti*, 2020, no. 196 (6974), October 28 (in Russian). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/schaste-lukovoe-irina-konstantionva-o-novom-perevode-priklucheniye-chipollino> (accessed 15 January 2022).
19. Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 192 p. (in Russian).

20. Efendiyeva N. R., Poplavskaya I. A. Osobennosti perevodcheskoy retseptsii skazki Dzh. Rodari “Priklyucheniya Chipollino” v russkoy literature XX veka [Peculiarities of the translational reception of the fairy tale “The Adventures of Cipollino” by G. Rodari in Russian literature of the XX century]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Scientific Research Journal*, 2021, no. 11 (113), part 4. November, p. 193–198 (in Russian).
21. Rodari G. *Priklyucheniya Chipollino*. Perevod Z. M. Potapova [Adventures of Cipollino. Translation by Z. M. Potapov]. Moscow, Eksmo detstvo Publ., 2015. 264 p. (in Russian).
22. Rodari G. *Le avventure di Cipollino. Einaudi ragazzi*, 1960. 74 p.
23. Kostyukova T. A., Shul'gin A. Pravoslavnyaya pedagogika v sovremennoy dukhovnoy i kul'turno-istoricheskoy situatsii [Orthodox pedagogy in the modern spiritual, cultural and historical situation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, vol. 10, pp. 25–29 (in Russian).
24. Levin Yu. D. *Russkiye perevodchiki XIX v. i razvitiye khudozhestvennogo perevoda* [Russian translators of the 19th century and the development of literary translation]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 299 p. (in Russian).
25. *Zhizn' i tvorchestvo Marshaka. Marshak i detskaya literatura* [Life and work of Marshak. Marshak and children's literature]. Comp. B. Galanov, I. Marshak, M. Petrovsky. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1975. 495 p. (in Russian).
26. *Pravda* [Truth] 1934, no. 135 (6021). May 18 (in Russian).
27. Kruzhkov G. M. Peresadka poeticheskikh rasteniy. K voprosu ob adaptatsii perevoda [Transplantation of poetic plants. On the issue of translation adaptation]. *Inostrannaya literatura*, 2021, no. 2, pp. 257–263 (in Russian).
28. Tsvetayeva M. I. O novoy russkoy detskoy knige [About the new Russian children's book]. *Detskaya literatura*, 1966, no. 6, pp. 23–24 (in Russian).

Информация об авторах

Эфендиева Н. Р., соискатель, Национально-исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Поплавская И. А., доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Efendiyeva N. R., candidate, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Poplavskaya I. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 25.02.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-147-154>

АНОНИМНЫЕ ПОВЕСТИ О ПАРАШЕ СИБИРЯЧКЕ: К ВОПРОСУ О СЮЖЕТНОМ КОДЕ

Надежда Николаевна Пуряева^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, nadia_np@mail.ru

² Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, КНР

Аннотация

Введение. Нашумевшая в 1805 г. история Параша Луполова (в источниках встречаются варианты написания Луполова, Лупалова, Лупулова, Лопулова. Автор статьи использует написание Луполова как наиболее частотное), дочери ссыльного, которая пешком дошла из Сибири в Петербург и испросила у Александра I милости для своего осужденного отца, послужила основой целого ряда литературных произведений. В первой половине XIX в. сложился устойчивый «парашин сюжет», который стал настолько популярен, что воспроизводился не только в авторских, но и в анонимных произведениях беллетристики последней четверти XIX в. В истории развития «парашиного сюжета» можно выделить, по крайней мере, два периода: становление (первая половина XIX в.) и модификация (конец XIX – начало XX в.).

Цель – ввести в научный оборот обнаруженные анонимные повести на «парашин сюжет», выявить взаимосвязь этих текстов, проследить изменение в них сюжетного кода.

Материал и методы. В качестве материала исследования взяты четыре анонимных повести на «парашин сюжет», относящиеся к последней четверти XIX в. В работе использованы сравнительно-сопоставительный, структурный методы, метод интертекстуального анализа.

Результаты и обсуждение. Относящиеся ко второму периоду развития «парашиного сюжета» анонимные повести обнаруживают тесную взаимосвязь на уровне текста, позволяющую сделать предположение о последовательности их появления. Сюжетный код каждой из повестей демонстрирует лакуны, или «пустые места», которые задают вектор развития сюжета в каждом последующем варианте.

Заключение. Анонимные повести на «парашин сюжет» представляют собой последовательный этап развития данного сюжетного кода, заключающийся в постепенной его деформации как на уровне сюжетных элементов, так и на уровне идейного содержания.

Ключевые слова: парашин сюжет, сюжетный код, сюжетология, Параша Сибирячка, Параша Луполова, А. С. Пушкин, «Капитанская дочка», Н. А. Полевой, Л. А. Чарская

Для цитирования: Пуряева Н. Н. Анонимные повести о Параше Сибирячке: к вопросу о сюжетном коде // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 147–154. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-147-154>

ANONYMOUS SHORT-STORIES ABOUT PARASHA SIBIRYACHKA

Nadezda N. Puryayeva^{1,2}

¹ Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation, nadia_np@mail.ru

² Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, PRC

Abstract

Introduction. A sensational story of Parasha Lupolova, the daughter of an exile, who in 1805 walked on foot from Siberia to St. Petersburg to ask Alexander I for mercy for her convicted father, served as a basis for a number of literary works. A consistent plot (we further refer to it as “parasha’s plot”) based on this true story was formed in the first half of the XIX century. Eventually it became so popular that it was reproduced not only in the author’s, but also in anonymous works of fiction of the last quarter of the 19th century. At least two periods can be singled out in the history of the development of the “parasha’s plot”: period of formation (first half of the XIX century) and period of modification (late XIX – early XX centuries).

Aim and objectives. Among the aims of the article are: to introduce into scientific circulation the discovered anonymous stories based on “parasha’s plot”; to study interconnections of these texts; to trace changes in the plot code of

these anonymous stories; and finally – to establish whether the patterns of plot development are universal for all so-called secondary texts, regardless of the source of their plot.

Material and methods. As material for the study, four anonymous stories on the “parasha’s plot” related to the last quarter of the 19th century were taken. The work uses comparative and structural methods, as well as the method of intertextual analysis.

Results and discussion. Anonymous stories based on the “parasha’s plot” reveal a close interconnection at the textual level, which suggests a sequence in which they emerged. The plot code of each of the stories demonstrates deformations or “empty spaces” (lacunae), which define the direction for the development of the plot in each subsequent version.

Conclusion. Anonymous stories which belong to the second period of “parasha’s plot” development represent its integral stage, which consists in its gradual deformation both at the level of plot elements and at the level of ideological content. At the same time, the modifications of the plot code in the anonymous stories confirm the regularities revealed in the analysis of the plot codes of the secondary texts regardless of their plot origin.

Keywords: “parasha’s plot”, plot code, Parasha sibiryachka, Parasha Lypolova, Alexander Pushkin, “The Captain’s Daughter”, Nikolai Polevoi, Lydia Charskaya

For citation: Puryayeva N. N. Anonimnye povesti o Parashe Sibiryachke: k voprosu o syuzhetnom kode [Anonymous Short-Stories about Parasha Sibiryachka]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 147–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-147-154>

Введение

Исследование сюжетных кодов – одно из активно развивающихся направлений современного литературоведения. Сюжетные коды принято связывать прежде всего с конкретными авторами или произведениями: «онегинский» код [1], «печоринский» код [2], «дантов» код [3], «жуковский код» [4] и т. д. К настоящему времени разработано представление о структуре сюжетных кодов (понятия ядра и периферии [5]), выявлены закономерности изменения сюжетной фабулы во времени [6].

Статья посвящена выявлению закономерностей беллетристического сюжетообразования посредством анализа развития отдельного *сюжетного кода*. Теоретической базой данного исследования являются концепции интертекстуальности и свертхтекстов, сформулированные в работах Р. Барта [7], В. Н. Топорова [8], Н. Е. Меднис [9].

«Парашин код» (или «парашин сюжет»¹) [10], основой которого стала реальная история Парашы Луполовой [11], складывался в первой половине XIX в. в таких произведениях, как роман С. Коттен «Елисавета Л*, или Нешастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного. Истинное происшествие» (1806, русский перевод в 1807) [12]; повесть К. де Местра «Молодая сибирячка» (1825, русский перевод в 1840) [13]; пьеса Н. А. Полевого «Параша Сибирячка» (1840) [14]. Сюда же можно отнести либретто одноименной оперы Д. Струйского, созданное на основе пьесы Н. А. Полевого в том же 1840 г.

Этот период (первая половина XIX в.) можно считать этапом становления «парашиного сюжета», в течение которого сложился устойчивый ком-

плекс фабульно-сюжетных мотивов: зафиксированная географическая локализация (путешествие из Сибири в Москву или Петербург), миссия героини (восстановить справедливость), постоянные сюжетные компоненты (эпизод с разбойниками, герой-помощник, торжество справедливости в развязке (монарх дарует милость)). Сюжет приобрел устойчивые черты и четкую структуру, что дает основания считать его *сюжетным кодом*.

Причины интереса французских авторов к истории Парашы Луполовой рассмотрены в исследованиях Е. П. Гречаной [15], В. Е. Багно [16].

Из перечисленных произведений первого этапа наибольший «импакт» для русской ветви «парашиного сюжета» имела пьеса Н. А. Полевого. Она пользовалась продолжительным успехом и шла в столичных и провинциальных театрах до конца XIX в., что способствовало распространению и популяризации «парашиного» сюжетного кода.

«Парашин сюжет» получил дальнейшее развитие и в западно-европейских литературе и искусстве. Об этом см., например: [17, 18].

Свидетельство того, сколь прочно история Луполовой вошла в круг дидактических сюжетов для детей, находим в романе Е. А. Тур «Княжна Дубовина» (1886). Для главной героини, юной княжны Анны, Параша – безусловный нравственный ориентир в ее собственных жизненных перипетиях, а история ее сверстницы-сибирячки – самая любимая: в романе описывается, с каким нетерпением княжна ждет театрального представления пьесы Н. А. Полевого. Таким образом, к концу XIX в. «парашин сюжет» стал прецедентным и воплощал пример нравственного подвига дочерней любви.

Цель статьи – проследить изменение сюжетного кода в анонимных повестях, содержащих «парашин сюжет», а также прояснить, являются ли зако-

¹ Понятия «сюжетный код» и «устойчивый сюжет» используются в статье в качестве синонимов.

номерности развития сюжетных кодов универсальными, т. е. распространяются ли они не только на сюжеты, восходящие к произведению или автору, но и на сюжеты, имеющие иное происхождение.

Материал и методы

В качестве материала для анализа используется «парашин сюжет» и его бытование в анонимных повестях последней четверти XIX в. В статье они собраны и проанализированы впервые. В работе использованы сравнительно-сопоставительный, структурный методы, метод интертекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

Дидактичность «парашиного сюжета» и успех пьесы Н. А. Полевого способствовали его востребованности в беллетристике последней четверти XIX – начала XX в. Примерно в 1870–1890-е гг. появилось, по крайней мере, четыре анонимных повести на этот сюжет, вышедшие в дешевых популярных изданиях: «Параша-Сибирячка. Историческая повесть» (Киев, издательство Т. А. Губанова, [19]) (далее – вариант 1); «Параша-Сибирячка, или Несчастный „ох!“, а за несчастного – Бог. Русская народная историческая былина из времен царствования императора Александра I-го» (Москва, издательство Е. А. Губанова [20]) (далее – вариант 2); «Параша-Сибирячка, или До Бога высоко, а до царя далеко. Историческая русская былина из времен царствования императора Александра I» (Москва, издательство А. и В. Абрамовых [21]) (далее – вариант 3); «Параша Сибирячка. Роман в четырех частях из времен Екатерины Великой» (Москва, т-во И. Д. Сытина [22]) (далее – вариант 4).

Сюжет получил развитие и в авторских произведениях – например, повестях А. Е. Салиас «Моряшка сибирячка» и Л. А. Чарской «Сибирочка».

Этот период (с последней четверти XIX в. до 1917 г.) можно считать вторым этапом развития «парашиного сюжета».

Затруднительно установить точное время создания каждой из рассматриваемых анонимных повестей. Однако сопоставительный анализ текстов показывает их тесную связь, которая позволяет сделать предположение о последовательности их появления относительно друг друга. Данная гипотеза положена в основу предложенной ниже нумерации вариантов.

Вариант 1 представляет собой авантюрную версию сюжета. В нем введена довольно подробная предыстория событий (карточный долг отца и ложное обвинение в убийстве), которая существенно расходится с известными фактами биографии реальной Луполовой, однако совпадают с фабулой

пьесы Н. А. Полевого. В целом в этом варианте заметно значительное влияние текстов К. де Местра и Н. А. Полевого, что, однако, не исключает появление новых, ранее не встречавшихся сюжетно-фабульных элементов. Так, приводится портрет героини, имеющий потенциал для любовно-авантюрного поворота сюжета: «А Параша росла меж тем, из девочки расцветая в пышную красавицу-девушку, умницу, рукодельницу не по летам» [19, с. 20]. Однако далее в тексте ее внешность нигде не описывается и сюжетно не используется. Анонимный автор вводит еще один новый сюжетный элемент – сон Параша, в котором она видит свою встречу с императором и успешный исход своего путешествия. Сон выполняет функцию решающего аргумента в пользу путешествия героини. С другой стороны, в повести опущен значимый для идейной стороны сюжета эпизод с разбойниками, который присутствовал и у С. Коттен, и у К. де Местра. Остальные фабульные элементы, присущие «парашиному коду», сохраняются.

Таким образом, пользуясь классификацией Р. Г. Назирова [6], в отношении варианта 1 можно говорить о свободном переложении (парафразе) и сокращении фабулы (редукции), а также включении в нее новых элементов (инклюзии).

Еще одна черта модификации фабулы – изменение места действия и его менее конкретная временная привязка. Маршрут Параша в варианте 1 – *Ишим – Камышев – Екатеринбург – Нижний Новгород – Москва*. Изменившаяся география является контаминацией произведений К. де Местра и Н. А. Полевого, а также нововведений автора. Что касается временной локализации сюжета, события происходят во времена Александра I, однако в этом варианте не приводится ни одной точной даты.

В целом в варианте 1 по сравнению с «парашиным сюжетом» в том виде, в котором он сложился в первой половине XIX в., наблюдается довольно заметная деформация сюжетного кода, а дидактическая тональность текста становится менее выраженной, чем в произведениях первого периода.

Последнее отчасти компенсируется иллюстрацией на обложке издания. Зачастую характерной частью оформления дешевых изданий являлась иллюстрация на обложке или титульном листе, отражавшая кульминационный эпизод сюжета и выступавшая как визуализированная аннотация к тексту. В данном случае иллюстрация на обложке (группа фигур, в том числе родители Параша, собравшиеся у постели умирающей) напоминает распространенный иконографический сюжет усновения. Таким образом, акцент смещен на праведную кончину героини, как бы компенсируя некоторую развлекаемость текста.

Варианты 2 и 3 тесно связаны между собой на уровне текста. В качестве примера сопоставим фрагменты, описывающие жизнь Параша с родителями.

Из варианта 2: «Получая ничтожное жалование, достаточное только для скудного дневного пропитания, каких-нибудь копеек десять в сутки, отец ее не мог нанять прислуги, и молоденькая дочь должна была нести все заботы по хозяйству: мыть белье, готовить кушанье, ходить за огородом и проч.; мать ее, убитая горем и уже немолодая, не могла заменить ее. Но Параша с христианской покорностью переносила тяжесть своего положения; она свелась с нуждою и горем, и конечно, навсегда готова была покориться своей участи...» [20, с. 11–12].

Из варианта 3: «Получая ничтожное жалование, достаточное только для скудного дневного пропитания, каких-нибудь копеек десять в сутки, отец ее не в состоянии был нанимать прислугу, и молоденькой дочери, заботливо лелеянной им до настоящего времени, приходилось принять на себя все заботы и попечения о хозяйстве: мыть белье, готовить кушанье, ходить за огородом, присматривать и вести хозяйство и прочее. Мать ее, убитая горем и уже немолодая, не могла заменить ее. Она и без того была слабого здоровья, несчастье окончательно повлияло на ее слабую натуру и она впала в какое-то нравственное умопомрачение. Жизнь тяжелым гнетом налегла на страдалицу, и мало было минут отрады, и то в церкви, когда телом и душой преклонялась она перед Богом, ниспославшим ей тяжелое испытание. Параша с христианской покорностью переносила тяжесть своего положения; несмотря на молодые, неопытные годы она свелась уже с нуждою и горем, и конечно, навсегда готова была покориться своей участи» [21, с. 19–20].

В варианте 3 наблюдается расширение текста за счет более подробных описаний, введения авторских рассуждений, а также включения поэтических текстов, видимо, тоже принадлежащих перу самого автора. Например:

из варианта 2: «Светлый образ Лупуловой с ее нежной привязанностью к своим родителям, христианской преданностью Божественному промыслу и непреклонной твердостью воли в перенесении несчастий (так редко встречающуюся в ее возрасте) видится во всех обстоятельствах, рассказанных в этой книге и навеивает отрадную и тихую думу на душу читателя.

Прасковья Григорьевна Лупулова родилась в городе Елизаветграде Херсонской губернии...» [20, с. 7–8];

из варианта 3: «Светлый образ Лупуловой с ее нежной привязанностью к своим родителям, хри-

стианской преданностью Божественному промыслу и непреклонной твердостью воли в перенесении несчастий (необыкновенной в ее нежном возрасте) видится во всех обстоятельствах, рассказанных в этой книге и навеивает отрадную и тихую думу на душу читателя.

Устала думать и страдать

Глухой тоской, тоской по воле...

Ах, что б мне сделать, чтоб унять

Души мученья, сердца боли!

Прочтя эту книгу, невольно удивляешься Лупуловой. Сколько приходилось ей выстрадать в жизни и какое должна была она иметь терпение, чтобы с покорностью перенести годы испытаний и притом в ее далеко не опытные, молодые годы. Пример ее поистине и трогателен, и назидателен!

Прасковья Григорьевна Лупулова родилась в городе Елизаветграде Херсонской губернии...» [21, с. 15].

Сопоставление вариантов 2 и 3 выявляют небольшие фактические расхождения, например, в варианте 2 французский автор назван «...гр. Ксавье де-Метра» [20, с. 6], а в варианте 3 – «граф Квасье де Метра» [21, с. 14]; в варианте 2 годом начала ссылки отца Лупуловой указан 1798 г. [20, с. 8], а в варианте 3 – 1799 г. [21, с. 16]. Эти расхождения вызваны, вероятно, погрешностями при переписывании или наборе текста, различий же на уровне фабулы, а также трактовки истории Лупуловой не наблюдается. Таким образом, текст варианта 3 – это расширенный, литературно доработанный текст варианта 2.

Вариант 3 больше по объему, его текст разделен на 5 глав, каждой из которых предпослан эпиграф, поэтический или прозаический. Единственное композиционное различие – авторское отступление, посвященное Сибири, которое в варианте 2 помещено ближе к концу текста [20, с. 24–27], а в варианте 3 вынесено в главу 1 и существенно расширено [21, с. 6–11]. Автор варианта 3 составляет обширную компиляцию из различных источников, в которых упомянута Сибирь, начиная с текста конца XVI – начала XVII в. «Сказание о человецех незначимых на восточной стране и о языцех разных» и заканчивая разнородными текстами XIX в., среди которых переписка М. М. Сперанского с дочерью, сочинения некоего г. Герсевича, а также фрагменты, приведенные без ссылки на источники. Автор варианта 3 сетует на отсутствие полноценного исторического описания Сибири, отмечая, что лишь в последнее время стали появляться «живые и интересные статьи о Сибири гг. Потанина, Д. Завалишина, Максимова и других» [21, с. 12].

Тексты Коттен, Местра и Полевого упомянуты в обоих вариантах¹, при этом особо выделена повесть Местра: «Советуем прочесть ее, если она попадет вам в руки: по истинности происшествия, рассказанного в ней она может составить приятное чтение» [20, с. 6–7].

Как уже было сказано выше, фабула вариантов 2 и 3 полностью совпадает. Довольно подробно изложена предыстория событий (сообщается дата рождения героини – 1784 г.; отец – венгр на российской военной службе, разжалованный и сосланный за неизвестное преступление), особенностью повествования является установка на фактографичность. Указанное в повести время действия совпадает с историей реальной Параши Луполовой, хотя приведенные факты – результат вольной трактовки предыстории, изложенной у Местра, а также немногой информации, известной о Луполовой по журнальным и газетным заметкам 1805–1806 гг.

В повествовании отсутствует описание самого путешествия, однако можно проследить маршрут: *Ишим – Екатеринбург – Вятка – Казань – Петербург*. В столицу героиня прибывает 5 августа 1804. Далее сообщается, что император Александр I простил ее отца и наградил саму Парашу (2 тысячи руб.). В отличие от произведений Коттен и Полевого, встреча с императором не описана, т. е. в этом автор следует за версией Местра. Затем читатель узнает, что героиня ушла в монастырь новгородской епархии, где умерла в декабре 1809 г.

Отсутствие описания путешествия влечет за собой опущение, как и в варианте 1, эпизода с разбойниками.

Как и в произведениях первого периода, в вариантах 2 и 3 нет портрета героини, приводится лишь ее характеристика: «Вообще Лупулова держала себя чрезвычайно скромно и осторожно, но без всякой застенчивости; в речах ее не было изысканности, но виден был природный и здравый ум и смысл» [21, с. 35]. Наиболее показательным является речевой портрет Параши, представленный в катехизисной форме. Так, на расспросы, как она не побоялась подобного путешествия, героиня отвечала: «А чего мне бояться? Я уверена, что Господь Бог не оставит меня; я считала себя, как и была на самом деле, несчастною, а подобные

всегда возлагают надежду на Господа» [21, с. 34]. На похвалы себе отвечала: «За что же тут хвалить меня? Разве дочь не должна терпеть за родителей?» [21, с. 34–35]; на вопрос, за что сослали отца – «родители никогда не могут быть виновны в глазах своих детей» [21, с. 35].

Среди модификаций фабулы в варианте 2 можно отметить ее сокращение (редукцию) и незначительное изменение места действия; остальные сюжетные элементы сохранены.

Примечательно, что почти полностью совпадают и иллюстрации на обложках вариантов 2 и 3: они изображают оставленный за рамками повествования эпизод встречи с императором.

В целом оба варианта более точно воспроизводят «парашин код» в том виде, в которой он сложился в первой половине XIX в., при этом имеют явную установку на фактографическую достоверность. Стиль повествования ближе к публицистическому, чем к художественному.

Особняком стоит вариант 4, сюжет которого представляет собой контаминацию с фабулой романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». О влиянии истории Параши Луполовой на замысел «Капитанской дочки» А. С. Пушкина см. [23, 24].

В варианте 4 изменены время и место действия: события перенесены во вторую половину XVIII в. (1766–1776 гг.) и разворачиваются преимущественно в Оренбургской губернии (*крепость Каменная – Оренбург – Ишим*), затем в Петербурге.

Текст романа разделен на 4 части, в свою очередь подразделенные на главы со сквозной нумерацией – их 19. Названия глав в некоторых случаях совпадают или явно навеяны названиями в романе «Капитанская дочка», например: глава III – «Крепость»; глава VI – «Первая любовь»; глава XII – «Осада».

В этой версии повествования отец Параши – Григорий Федорович Лопулов – капитан пехотного полка, едет к новому месту назначения комендантом крепости Каменная, одной из крепостей в Оренбургской губернии на границе с киргизской степью. Завязка, развитие сюжета и развязка, а также система персонажей в значительной степени повторяют схему пушкинского романа. При этом Лопулов совмещает сюжетные «позиции» Петра Гринёва и Ивана Кузьмича Миронова. Его супруга – Мария Егоровна – до известной степени повторяет черты характера Василисы Егоровны. В сюжет введен верный товарищ-слуга – капрал Петр, «аналог» Савельича; гарнизон крепости, как и в «Капитанской дочке», составляют старики (есаул Иван Иваныч, поручик Карп Карпыч), а также сосланный за дуэль прапорщик Семеновского полка Владислав Станиславович Потоцкий. Образы Потоцкого и Швабрина имеют сходную предысторию:

¹ «Участь этой девицы возбудила живое участие тогдашнего общества: о ней писали почти во всех европейских журналах. Французская писательница Котен написала роман под названием «Елизавета, или пример детской любви», заимствовав содержание его из жизни и приключений Луполовой; Полевой составил драматическое произведение «Параша Сибирячка», несколько раз игранное на сцене и всегда трогавшее русскую публику до слез; г. Ксавье де-Метра изложил историю Луполовой в простом рассказе без преувеличений под заглавием «Молодая сибирячка» [20, с. 5–6].

столичная светская жизнь, ссылка за участие в дуэли. В разворачивающихся событиях романа Потоцкий позиционируется как вполне положительный герой настолько, что отношения между ним и дочерью Лопулова Парашей составляют любовную линию романа.

Сюжетная линия, связанная с Пугачевым, повторяет пушкинский текст: начинается со встречи в степи (правда, Лопулов в благодарность дарит незнакомцу не заячий тулуп, а халат), затем продолжается уже после захвата крепости мятежниками, когда Пугачев старается склонить Лопулова на свою сторону. После подавления восстания Лопулова привлекают к суду за вызвавшую подозрение снисходительность Пугачева к нему, осуждают и ссылают в Ишим. Суд происходит в Оренбурге, где в то же самое время снимают наказание с Потоцкого, который теперь может вернуться в Петербург. Он предлагает Параше ехать с ним, однако верная чувству долга перед родителем она следует за отцом. С этого момента (глава XVII «Самоотречение» [22, с. 198–203] и глава XVIII «Геройство сибирячки» [22, с. 204–209]) текст варианта 4 почти дословно повторяет вариант 3 с небольшими изменениями: смягчен религиозный пафос. Параша отправляется из Ишима в Петербург, при этом путешествие, как и в варианте 3, подробно не описано.

Затем повествование вновь возвращается к сюжетной схеме «Капитанской дочки»: в конце сентября 1776 г. героиня случайно встречает императрицу в Летнем саду и подает ей прошение о помиловании отца. Императрица разбирает дело (3 дня), милует, дарит 2 тысячи рублей. Лопуловы решают поселиться в Твери, родители через некоторое время умирают, а Параша уходит в монастырь тверской епархии. В финале романа сообщается, что Потоцкий, приехав в Петербург, через год женился на другой.

Примечательно, что на иллюстрации обложки, как и в вариантах 2 и 3, отражен эпизод встречи с монархом, в данном случае – Екатериной II.

В варианте 4 отсутствуют прямые отсылки, а также аллюзии на тексты-предшественники, использовавшие «парашин сюжет», за исключением уже упоминавшегося цитирования варианта 3.

В целом вариант 4 является, видимо, самым поздним и представляет собой уже переосмысленную версию «парашиного сюжета». Его отличают замена места действия и исторического фона, пе-

реакцентировка и замена развязки, редукция фабулы и ее смешение с другой фабулой (фузия). Собственно «парашин код» составляет небольшую часть фабулы: 2 полные главы из 19, а также фабульные элементы (уход героини в монастырь) в заключительной главе.

Дидактический пафос текста значительно снижен, повествование имеет в значительной степени авантюрно-развлекательный характер.

Заключение

Сопоставление текстов четырех анонимных повестей дает основание для следующих выводов:

Рассматриваемые повести обнаруживают тесную взаимосвязь как на уровне текста, так и по степени деформации сюжетного кода. Лакуны в сюжетном коде более раннего варианта задают вектор развития каждого последующего.

Вариант 1, видимо, является наиболее ранним. Он в значительной степени опирается на тексты Местра и Полевого и передает несколько сокращенный вариант сюжетного кода, а повествование имеет авантюрный характер.

Варианты 2 и 3, имеют установку на восполнение искажения, что объясняет нацеленность повествования в них на фактографическую точность. Эти варианты наиболее близки к «парашиному сюжету» в том виде, в котором он сложился на первом этапе своего развития. Повествование в них ближе к публицистике.

Наконец, вариант 4 предлагает иной вектор развития сюжета: к последней четверти XIX в. «парашин сюжет» уже осознавался как прецедентный, и его дальнейшее развитие двинулось в сторону слияния с другими литературными сюжетами, в данном случае устоявшаяся фабула «парашиного сюжета» соединилась с другой устоявшейся фабулой – «Капитанской дочки».

Дидактический пафос «парашиного сюжета» последовательно снижается от варианта 1 к варианту 4.

Таким образом, особенностью второго периода развития «парашиного кода» является тенденция к его деформации как на уровне сюжетных элементов, так и на уровне идейного содержания. Этот вектор стал определяющим в дальнейшем развитии «парашиного сюжета» уже в авторских текстах массовой литературы конца XIX – начала XX в. – произведениях Е. А. Салиас и Л. А. Чарской.

Список источников

1. Пономарева А. А. Онегинский код в беллетристике 1850-х годов: к постановке вопроса // Сибирский филол. журнал. 2015. № 3. С. 99–105.
2. Пономарева А. А. Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов // Вестник Псковского гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 65–73.
3. Силард Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб, 2002. С. 162–205.

4. Анисимова Е. Е. «Душа морозная Светланы – в мечтах таинственной игры»: эстетические и биографические коды Жуковского в рассказе Бунина «Натали» // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2011. № 2 (14). С. 78–84.
5. Николаева Е. Г. Элементы кода повести Пушкина «Пиковая дама» в творчестве Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 207 с.
6. Назиров Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1995. 46 с.
7. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. 616 с.
8. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб, 2003. 612 с.
9. Меднис Н. Е. Сверхтексты русской литературы. Новосибирск, 2003. 170 с.
10. Пуряева Н. Н. Об одном источнике сюжета повести Л. А. Чарской «Сибирочка» // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 1. С. 99–106.
11. Савченкова Т. П. Ишим и литература. Век XIX. Очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты. Ишим, 2004. 312 с.
12. Коттен С. Елисавета Л*, или Несчастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного: Истинное происшествие / Соч. г-жи Готтень. М., 1807. 12 (14 см). 93 с.
13. Ксаверий Местр. Молодая сибирячка: Истинное происшествие, пер. с фр. А. Попова, СПб., 1840. 141 с.
14. Полевой Н. А. Параша Сибирячка // Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого: Ч. 1–4. СПб., 1842. Ч. 1. 436 с.
15. Гречаная Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М., 2002. С. 186–192.
16. Багно В. Е. Русская тема и русские темы в зарубежной художественной литературе (опыт систематизации) // Русская литература. 2019. № 3. С. 22–30.
17. Груцынова А. П. «Из Сибири в Москву»: русская история в датском переводе // Альманах современной науки и образования. 2013. № 3 (70). С. 48–51.
18. Шигаева Е. Ю. «Сибирская» опера Доницетти // Израиль XXI. Музыкальный журнал. 2018. № 1 (63). С. 1–8.
19. Параша-Сибирячка: Историческая повесть. Киев: Т. А. Губанов, 1899. 108 с.
20. Параша-Сибирячка, или Несчастный «Ох!», а за несчастного – Бог: Русская народная историческая былина из времен царствования императора Александра I-го. Москва: Издание книгопродавца Е. А. Губанова, 1893. 35 с.
21. Параша-Сибирячка, или До Бога высоко, а до царя далеко: Историческая русская былина из времен царствования императора Александра I. М.: Издание книгопродавцов А. и В. Абрамовых. 1882. 38 с.
22. Параша Сибирячка: Роман в четырех частях из времен Екатерины Великой. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1896. 216 с.
23. Тахо-Годи М. А. «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра. URL: http://www.darial-online.ru/2004_4/taho-god.shtml (дата обращения: 08.04.2021).
24. Федорова А. В. Капитанская дочка Прасковья Луполова // Портретная галерея повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Четвертые научные Пушкинские чтения. Оренбургский государственный аграрный университет, Научно-исследовательский центр истории и культуры народов Южного Урала, Историко-литературный музей «Капитанская дочка». 2013. С. 75–81.

References

1. Ponomareva A. A. Onegin'skiy kod v belletristike 1850-kh godov: k postanovke voprosa [The Onegin Code in the Fiction of the 1850s: Stating the Question]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 3, pp. 99–105 (in Russian).
2. Ponomareva A. A. Literaturnyye syuzhetnyye kody v belletristike 1850-kh godov [Literary plot codes in 1850s fiction]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki – Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2017, no. 6, pp. 65–73 (in Russian).
3. Silard L. Dantov kod russkogo simvolizma [Dante's code of Russian symbolism]. Silard L. *Germetizm i germeneytika* [Hermeticism and hermeneutics]. Saint Petersburg, 2002, pp. 162–205 (in Russian).
4. Anisimova E. E. “Dusha moroznaya Svetlany – v mechtakh tainstvennoy igry”: esteticheskiye i biograficheskiye kody Zhukovskogo v rasskaze Bunina “Natali” [“The frosty soul of Svetlana is in the dreams of a mysterious game”: Zhukovsky's aesthetic and biographical codes in Bunin's story “Natalie”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 2 (14), pp. 78–84 (in Russian).
5. Nikolayeva E. G. Elementy koda povesti Pushkina “Pikovaya dama” v tvorchestve Dostoyevskogo. Dis. ... kand. filol. nauk. [Elements of the code of Pushkin's story “The Queen of Spades” in the work of Dostoevsky. Diss. ... cand. philol. sci.]. Tomsk, 2007. 207 p. (in Russian).
6. Nazirov R. G. *Traditsii Pushkina i Gogolya v russkoy proze. Sravnitel'naya istoriya fabul. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Traditions of Pushkin and Gogol in Russian prose. Comparative history of plots. Diss. doct. of philol. sci.]. Yekaterinburg, 1995. 46 p. (in Russian).
7. Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, 1989. 616 p. (in Russian).

8. Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury. Izbrannyye trudy* [Petersburg text of Russian literature. Selected works]. Saint Petersburg, 2003. 612 p. (in Russian).
9. Mednis N. E. *Sverkh teksty russkoy literatury* [Supertexts of Russian literature]. Novosibirsk, 2003. 170 p. (in Russian).
10. Puryaeva N. N. Ob odnom istochnike syuzheta povesti L. A. Charskoy "Sibirochka" [About One Source of the Plot of Lidya Charskaya's "Sibirochka"]. *Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 99–106 (in Russian).
11. Savchenkova T. P. *Ishim i literatura. Vek XIX. Ocherki po literaturnomu krayevedeniyu i teksty-raritety* [Ishim and literature. XIX Century. Essays on literary local history and rarity texts]. Ishim, 2004. 312 p. (in Russian).
12. Cotten S. *Yelisaveta L*, ili Neshchastiya semeystva, soslannago v Sibir' i potom vozvrashchennago: Istinnoye proizshestviye* [Elisabeth L*, or Unhappiness of the family exiled to Siberia and then returned: The true occurrence]. Moscow, 1807. 93 p. (in Russian).
13. Ksaveriy Mestr. *Molodaya sibiryachka: Istinnoye proisshestviye* [A young Siberian: A true incident]. Perevod s frantsuskogo A. Popova [Translated from French by A. Popov], Saint Petersburg, 1840. 141 p. (in Russian).
14. Polevoy N. A. *Parasha Sibiryachka* [Parasha Sibiryachka]. *Dramaticheskiye sochineniya i perevody N. A. Polevogo* [Dramatic works and translations of N. A. Polevoi]. Parts 1–4. Saint Petersburg, Part 1, 1842. 436 p. (in Russian).
15. Grechanaya E. P. *Literaturnoye vzaimovospriyatiye Rossii i Frantsii v religioznom kontekste epokhi (1797–1825)* [Mutual literary perception of Russia and France in the religious context of the epoch (1797–1825)]. Moscow, 2002. Pp. 186–192 (in Russian).
16. Bagno V. E. Russkaya tema i russkiye temy v zarubezhnoy khudozhestvennoy literature (opyt sistematizatsii) [Russian Theme and Russian Themes in Foreign Fiction (An Experience of Systematization)]. *Russkaya literatura*, 2019, no. 3, pp. 22–30 (in Russian).
17. Grutsynova A. P. "Iz Sibiri v Moskvu": russkaya istoriya v datskom perevode ["From Siberia to Moscow": Russian history in Danish translation]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2013, no. 3 (70), pp. 48–51 (in Russian).
18. Shigayeva Ye. Yu. "Sibirskaya" opera Donitsetti ["Siberian" opera by Donizetti]. *Izrail' XXI. Muzykal'nyy zhurnal*, 2018, no. 1 (63), pp. 1–8 (in Russian).
19. *Parasha-Sibiryachka: Istoricheskaya povest'* [Parasha The Siberian: Historical happening]. Kyiv, T. A. Gubanov Publ., 1899. 108 p. (in Russian).
20. *Parasha-Sibiryachka, ili Neschastnyy "Okh!", a za neschastnogo – Bog: Russkaya narodnaya istoricheskaya bylina iz vremen tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I* [Parasha The Siberian, or Unfortunate – "Oh!", And for the unfortunate – God: Russian folk historical epic from the reign of Emperor Alexander I]. Moscow, Izdaniye knigoprodavtsa E. A. Gubanov Publ., 1893. 35 p. (in Russian).
21. *Parasha-Sibiryachka, ili Do Boga vysoko, a do tsarya daleko: Istoricheskaya russkaya bylina iz vremen tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I* [Parasha The Siberian, or High to God, and far from the Tsar: Historical Russian epic from the reign of Emperor Alexander I]. Moscow, Izdaniye knigoprodavtsov A. and V. Abramovykh Publ., 1882. 38 p. (in Russian).
22. *Parasha Sibiryachka: Roman v chetyrekh chastyakh iz vremen Yekateriny Velikoy* [Parasha The Siberian: A novel in four parts from the time of Catherine the Great]. Moscow, tovarishchestvo I. D. Sytin Publ., 1896. 216 p. (in Russian).
23. Takho-Godi M. A. "Kapitanskaya dochka" Pushkina i "Molodaya sibiryachka" Ksav'ye de Mestra ["The Captain's Daughter" by Pushkin and "The Young Siberian Woman" by Xavier de Maistre] (in Russian). URL: http://www.darial-online.ru/2004_4/tahogod.shtml (accessed April 08 2021).
24. Fedorova A. V. Kapitanskaya dochka Praskov'ya Lupolova [Captain's daughter Praskovya Lupolov]. Portretnaya galereya povesti A. S. Pushkina "Kapitanskaya dochka". Chetvertye nauchnyye Pushkinskiye chteniya. Orenburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, Nauchno-issledovatel'skiy tsentr istorii i kul'tury narodov Yuzhnogo Urala, Istoriko-literaturnyy muzey "Kapitanskaya dochka" [Portrait gallery of A. S. Pushkin's story "The Captain's Daughter". Fourth Scientific Pushkin Readings]. Orenburg State Agrarian University, Research Center for the History and Culture of the Peoples of the Southern Urals, Historical and Literary Museum "The Captain's Daughter". 2013. Pp. 75–81 (in Russian).

Информация об авторе

Пуряева Н. Н., доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991); Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (улица Гоцзидасюэюань, дом 1, район Лунган, Даюнь-синьчэн, г. Шэньчжэнь, Провинция Гуандун, КНР 518172).

Information about the author

Puryaeva N. N., Associate Professor, Moscow State University named after M.V.Lomonosov (Leninskiye gory, 1, str. 51, Moscow, Russian Federation, 119991); Shenzhen MSU-BIT University (International University Park Road, 1, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, PRC, 518172).

Статья поступила в редакцию 26.03.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 26.03.2022; accepted for publication 01.06.2022

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-155-167>

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ В КИТАЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Лю Вэньцзя

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
liuwenjia111@mail.ru

Аннотация

Введение. В результате многовекторного сотрудничества Китая на международной арене в рамках инициативы «Один пояс – один путь» стала очевидной востребованность специалистов межъязыковой коммуникации, способных обеспечивать перевод в комбинации китайского языка с другими языками. В этой связи актуальность подготовки переводческих кадров возросла с новой силой. Приведено описание, дан сравнительный анализ вступительных испытаний, программ подготовки и основных языковых комбинаций, по которым ведется обучение, показаны пути оптимизации процесса подготовки переводчиков, усовершенствования соответствующих образовательных программ в Китае.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные труды русского и китайских исследователей о переводе и синхронном переводе, а также электронные ресурсы, официальные документы официальных сайтов китайских вузов. В исследовании используется метод сравнительного анализа, чтобы отчетливо показать ситуацию развития подготовки переводчиков в Китае на современном этапе.

Результаты и обсуждение. В течение последних нескольких лет появились специализированные программы МТИ на уровне магистратуры для подготовки переводчиков. Речь идет о программах обучения устному переводу в китайских школах. Они играют важную роль в процессе жесткого отбора абитуриентов на конкурсной основе. Такой отбор привел к необходимости более детального анализа магистерских программ обучения устному переводу в китайских вузах. Приводится срез современной ситуации по подготовке переводчиков. Рассматриваются отдельные передовые университеты и институты подготовки устных и письменных переводчиков в Китае. Иначе говоря, обучение переводу, подготовка переводчиков в Китае на современном этапе характеризуются бурным развитием, не так богатым опытом преподавания, официальной поддержкой и централизованным планированием государства. Вступительные испытания программы МТИ (магистр перевода) в китайских вузах всего делятся на два этапа: письменный экзамен (идейно-политическая теория и специализированные дисциплины) и устный экзамен. Таким образом китайские вузы проверяют компетенции и навыки абитуриентов и решают их конкретные направления в специальности после приема в магистратуру.

Заключение. В Китае на государственном уровне бурно развиваются программы МТИ и ВТИ. В настоящий момент во многих университетах ведется подготовка устных переводчиков. В ведущих учебных заведениях страны, таких как Пекинский университет иностранных языков, Шанхайский университет иностранных языков, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли и др., уже сформированы совершенные программы подготовки: в бакалавриате и магистратуре студенты получают профессиональное образование по теории и практике устного перевода. Опираясь на обширные данные по частотности комбинаций в магистерских программах по устному и письменному переводу, можно утверждать, что английский является всеобщим языком, а статус русского языка еще нужно повышать.

Ключевые слова: устный перевод, образование в Китае, школы перевода, магистр устного перевода, вступительные испытания, образовательные программы по переводу

Для цитирования: Лю Вэньцзя. Обучение переводу в Китае на современном этапе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 155–167. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-155-167>

PEDAGOGY

INTERPRETING TRAINING IN CHINA AT THE PRESENT STAGE

Liu Wenjia

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, liuwenjia111@mail.ru

Abstract

Introduction. The purpose of the article is the analysis of training translators and interpreters, as well as entrance tests of the master's interpreting programs in China. As the result of the comprehensive cooperation between China and the whole world, within the Belt and Road Initiative, the demand for multilingual communication specialists, who can provide translation between Chinese and other languages of the world has become obvious. In this regard, the urgency of training translators as well as interpreters has increased with a new force.

Aim and objectives. The article is giving description as well as comparative analysis of entrance tests, training programs and the main language combinations, finding the ways of optimizing the training of translators, interpreters, at the same time improving the relevant educational programs in China.

Material and methods. The research material was the scientific works of Russian and Chinese researchers on translation studies and simultaneous interpreting, as well as electronic resources, official documents of the official websites of Chinese universities. The study uses the method of comparative analysis to clearly show the situation of the development of training translators and interpreters in China at the present stage.

Results and discussion. In recent years, specialized programs have been developed at master's level for training translators and interpreters – MTI. Here we are going to talk about the interpreting training programs in Chinese schools, which play an important role in the process of rigorous selection of candidates on the basis of competition. This selection has led to the need for more detailed study of master's interpreting programs in Chinese universities. This article provides a cross-section of the current situation about training interpreters, overviewing training interpreters in some Chinese leading universities and institutes, giving the description and comparative analysis of entrance tests, training programs and the main language combinations, in which training is implemented. In other words, training translators and interpreters in China at the present stage is characterized by rapid development, not so rich teaching experience, official support and centralized planning of the nation. In this case, the entrance tests of the MTI (Master of Translation and Interpreting) program in Chinese universities are generally divided into two stages: a written exam (ideological and political theory and specialized disciplines), and an oral exam. In this case, Chinese universities check the competencies as well as skills of applicants and decide their specific directions in the specialty after admission to the master's degree.

Conclusion. MTI and BTI programs are rapidly developing at the national level in China. Currently, many universities are training interpreters. In the leading educational institutions of the country, such as Beijing University of Foreign Languages, Shanghai International Studies University, Guangdong University of Foreign Studies, etc., perfect training programs have already been formed: undergraduate and graduate students receive professional education in the theory and practice of interpreting. Based on extensive data on the frequency of combinations in master's programs in interpreting and translation, it can be confirmed that English is a universal language, and the status of the Russian language still needs to be improved.

Keywords: *interpreting, education in China, schools of translation and interpreting, master of interpreting, entrance tests, educational programs of interpreting*

For citation: Liu Wenjia. Obucheniye perevodu v Kitaye na sovremennom etape [Interpreting Training in China at the Present Stage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 155–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-155-167>

Введение

Современный этап обучения устному переводу в Китае насчитывает не более 20 лет. Согласно плану учреждения специализированной ученой степени МТИ при Комитете по присуждению ученых степеней Государственного совета Китайской Народной Республики (КНР), цель программы МТИ (магистр перевода) – содействовать связям между Китаем и зарубежными странами, подготовить специалистов прикладной отрасли – переводчиков-

профессионалов, осуществляющих деятельность на высоком уровне [1].

По мере углубления сложности и изменчивости международной обстановки, а также расширения и интенсификации межкультурной коммуникации растущий спрос на высококачественный устный перевод конференций создал благоприятные условия для оформления востребованной профессии переводчика. Это, в свою очередь, поставило перед профессиональным и академическим сообществом

вопрос о подготовке специалистов данного профиля.

В этой статье мы сосредоточимся на современных государственных программах обучения устному переводу в Китае, предварив исследование кратким обзором.

Сегодня в китайских университетах, занимающихся подготовкой переводчиков на государственном уровне, есть два типа программ: ВТИ (бакалавр перевода) и МТИ (магистр перевода). В 2005 году программа ВТИ появляется в сообщении об учреждении специализированной ученой степени ВТИ при Министерстве образования КНР [2]. В 2007 г. план учреждения специализированной ученой степени МТИ опубликовали в Министерстве образования КНР. Он был сфокусирован на особенностях подготовки профессиональных переводчиков и основном тезисе: те, кто отлично владеет иностранными языками, не могут быть автоматически признаны переводчиками-профессионалами в силу отсутствия у них специальных компетенций.

На сегодняшний день преподавание устного перевода в Китае бурно развивается и совершенствуется, оно направлено на подготовку высококлассных переводчиков. Отметим, что в плане учреждения специализированной ученой степени МТИ при Комитете по присуждению ученых степеней Государственного совета КНР записано: «Учреждение специализированной ученой степени МТИ призвано способствовать двум важным тенденциям – профессионализации перевода и стандартизации рынка перевода» [1].

В плане учреждения специализированной ученой степени МТИ при Комитете по присуждению ученых степеней Государственного совета КНР отражается и стандарт высококвалифицированных переводчиков: 1) владение родным и иностранными языками на высоком уровне; 2) владение переводческими компетенциями на высоком уровне; 3) специализированное знание во многих сферах и предметных областях, таких как «Управление компьютерной информацией и перевод», «Медицинский научно-технический перевод», «СМИ-перевод», «Юридический перевод и научно-технический перевод», «Коммерческий перевод» и т. д. [1]. Отмечается, что подобная тенденция подготовки переводчиков отражается и в учебных планах университетов программы ВТИ, например, в Пекинском университете иностранных языков [3], Университете внешней экономики и торговли [4], Тяньцзиньском университете иностранных языков [5]. В учебных планах этих университетов определены обязательные дисциплины подготовки переводчиков на уровне бакалавриата: «Введение в перевод», «Китайская и зарубежная культура», «Межкультурная коммуникация», «Китайская и за-

рубежная история перевода», «Аудирование и устная речь», «Аналитическое чтение», «Письменная речь» и «Практикум по переводу». Учебный план программы ВТИ на официальном сайте Тяньцзиньского университета иностранных языков очень насыщен и включает следующие дисциплины: «Устный перевод (средний уровень)», «Устный перевод (продвинутый уровень)», «Перевод с листа», «Практикум по устному последовательному переводу», «Практикум по письменному переводу», «Устный синхронный перевод» и др.

МТИ – это государственная образовательная программа по подготовке профессиональных переводчиков в Китае. Данная программа основана на специально созданной системе обучения студентов. Н. К. Гарбовский указывает, что именно методики, разработанные ведущими *переводческими вузами*, занимают главное место в обучении переводу [6, с. 688]. В Китае три крупных университетских центра подготовки переводчиков-профессионалов: Пекинский университет иностранных языков (Северный Китай), Шанхайский университет иностранных языков (Южный Китай) и Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли (Южный Китай). У каждого центра своя традиция, располагающая специализированной системой подготовки устных переводчиков-профессионалов. В Китае много и других учебных заведений, которые готовят устных переводчиков-профессионалов. В своих работах Ч. Вэйхэй и Ж. Чэн подчеркивают, что в специализированной ученой степени программы МТИ отмечаются прикладные, специализированные и профессиональные особенности [7, с. 4].

Материал и методы

Источниками исследования послужили научные труды по переводоведению и синхронному переводу [6, 7], а также электронные ресурсы, открытые официальные документы, извлеченные из официальных сайтов китайских вузов, Китайского государственного комитета по обучению письменному и устному переводу, Китайской информационной сети приема в магистратуру, Китайской информационной сети приема в бакалавриат, Министерства образования КНР.

В исследовании используется метод сравнительного анализа, чтобы отразить различия и сходства в подготовке переводчиков по программе МТИ Китая.

Результаты и обсуждение

Согласно перечню, приведенному на сайте Китайского государственного комитета по обучению письменному и устному переводу, в стране всего 259 университетов и институтов могут обучать студентов по программе МТИ [8].

Представим все эти данные в виде табл. 1.

Таблица 1

Провинция/Город/Автономный район	Количество университетов, где открыта программа МТИ
Аньхой	9
Пекин	25
Чунцин	7
Фузянь	4
Ганьсу	3
Гуандун	7
Гуанси	8
Гуйчжоу	3
Хайнань	2
Хэбэй	9
Хэнань	12
Хэйлунцзян	7
Хубэй	18
Хунань	11
Цилинь	8
Цзянсу	15
Цзянси	9
Ляонин	12
Внутренняя Монголия	3
Нинся	1
Шаньдун	16
Шаньси	3
Шэньси	17
Шанхай	16
Сычуань	11
Тяньцзинь	8
Тибетский автономный район	1 (провинция Шэньси)
Синьцзян	2
Юньнань	5
Чжэцзян	7

Данные таблицы ясно отображают географические зоны, в которых открыты программы обучения переводу. Так, высококвалифицированные преподавательские кадры, обширные учебные платформы концентрируются в крупнейших городах Китая, для которых характерно экономическое процветание, транспортное удобство, многочисленное население и беспрепятственный доступ к информации. Это столица, политический центр – Пекин; международный мегаполис – Шанхай; международный бизнес-центр и транспортный узел – Гуанчжоу. Вместе с тем инициатива «Один пояс – один путь» нуждается в подготовке высококвалифицированных переводчиков в самых разных регионах Китая.

Помимо перечисленных выше вузов, в Китае еще 158 университетов и институтов готовят переводчиков, но уже на уровне бакалавриата. Проанализировав значительный объем данных на официальном сайте Китайской информационной сети приема на программы бакалавриата [9] и информа-

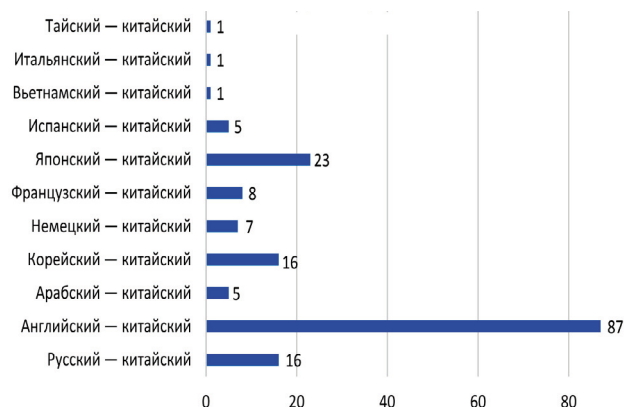
ционных сетей приема на программы магистратуры, можно представить итоги анализа, отражающие распределение программ подготовки переводчиков по уровням (бакалавриат, магистратура, бакалавриат + магистратура) в указанных выше 259 университетах и институтах в виде следующей диаграммы (рис. 1, а, б):

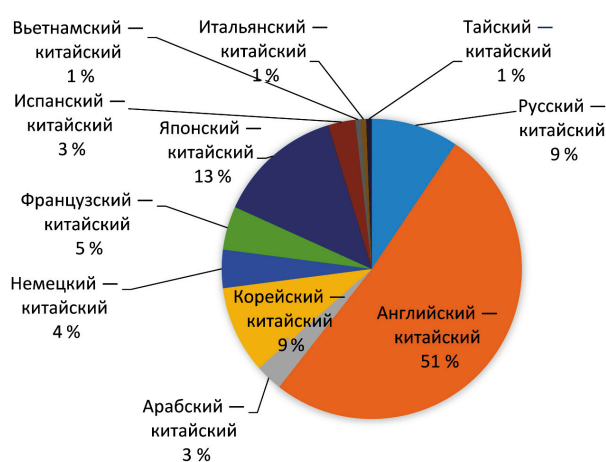
Рис. 1

Данные на официальном сайте Китайской информационной сети приема в магистратуру свидетельствуют о том, что сейчас программа МТИ в Китае находится на этапе бурного развития [10].

В 2020 г., согласно перечню программ устного перевода МТИ, подготовка переводчиков велась по 11 языковым комбинациям, которые распределились по университетам следующим образом: русский – китайский (16), английский – китайский (87), арабский – китайский (5), корейский – китайский (16), немецкий – китайский (7), французский – китайский (8), японский – китайский (23), испанский – китайский (5), вьетнамский – китайский (1), итальянский – китайский (1), тайский – китайский (1) (рис. 2, а, б).

а

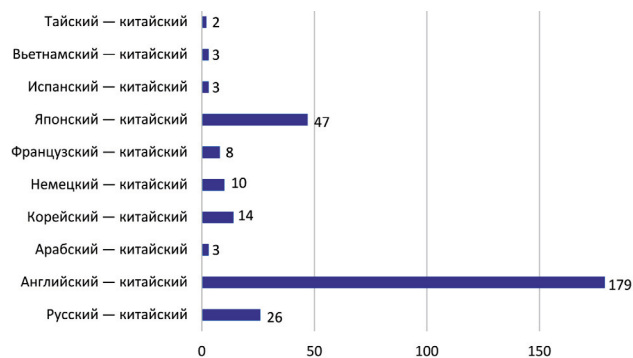
б

Рис. 2. Частотность языковых комбинаций с китайским языком в магистерских программах по устному переводу (MTI)

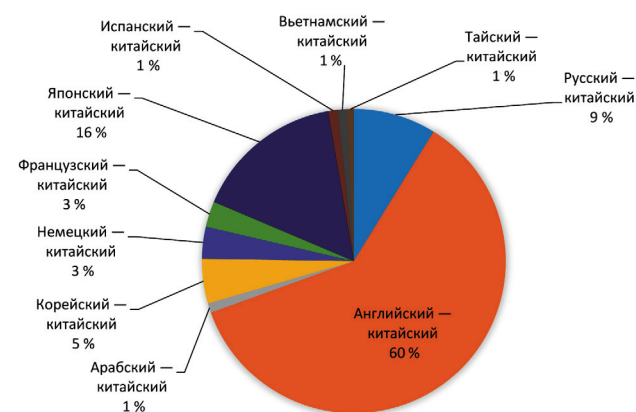
Согласно перечню программ письменного перевода МТИ, подготовка переводчиков велась по 10 языковым комбинациям, которые распределились по университетам и институтам следующим образом: русский — китайский (26), английский — китайский (179), арабский — китайский (3), корейский — китайский (14), немецкий — китайский (10), французский — китайский (8), японский — китайский (47), испанский — китайский (3), вьетнамский — китайский (3), тайский — китайский (2). Самой частотной является комбинация английский — китайский по устному и письменному переводу, далее идут японский — китайский, русский — китайский, корейский — китайский и др. (рис. 3, а, б).

Согласно официальным сайтам этих 259 университетов и институтов, на которых можно увидеть структуру факультетов, на сегодняшний день в Китае открыто 10 Высших школ перевода (табл. 2).

Высшие школы перевода созданы для подготовки устных и письменных переводчиков в соответствии с Китайским государственным профессиональным стандартом.

а

б

Рис. 3. Частотность языковых комбинаций с китайским языком в магистерских программах по письменному переводу (MTI)

Таблица 2

Провинция/Город	Количество Высших школ перевода
Пекин	3
Хэйлунцзян	1
Ляонин	1
Шанхай	1
Гуадун	1
Шэньси	1
Чунцин	1
Тяньцзинь	8

Некоторые из указанных выше университетских Высших школ перевода, а именно Пекинский университет иностранных языков, Шанхайский университет иностранных языков, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Университет внешней экономики и торговли, Хэйлунцзянский университет, Сианьский университет иностранных языков, нацелены на подготовку высококвалифицированных переводчиков высшего уровня.

Следует отметить, что научно-образовательные центры программы МТИ созданы и в Шэньсийском

педагогическом университете [11], Педагогическом университете Внутренней Монголии [12], Юго-Восточном университете [13] и др.

По действующим «Правилам управления приемной работой общегосударственного магистра в 2021 году» Министерства образования Китая вступительные испытания делятся на первое и второе испытания. Второе испытание предполагает проверку у абитуриентов инновационного потенциала, специальной подготовленности и всесторонних качеств [14]. Во вступительных испытаниях по программе МТИ в Китае основной акцент сделан на владение абитуриентами родным и иностранными языками.

В 2020 г. в магистратуре по устному переводу английского языка Пекинского университета иностранных языков студентам предлагались специализации по следующим направлениям: «Устный перевод английского языка», «Устный конференциальный перевод в комбинации китайский язык – английский язык», «Устный и письменный перевод в комбинации китайский язык – английский язык», «Устный синхронный перевод в комбинации китайский язык – английский язык», «Мультиязычный устный перевод русского/французского/немецкого/японского/испанского/арабского/корейского, английского и китайского языков», «Устный конференциальный перевод в комбинации китайский язык – английский язык» (программа двойного диплома). Первое испытание для поступления на программу по этим специализациям включает следующие дисциплины: «Политика», «Английский язык (уровень магистратуры перевода)», «Основы перевода английского языка», «Китайское письмо и энциклопедическое познание». Второе испытание (собеседование) также включает «Устный экзамен по иностранным языкам» [15].

В 2020 г. магистратура устного перевода Шанхайского университета иностранных языков предлагала следующие специализации: «Устный перевод английского языка» (Конференциальный перевод / Устный и письменный перевод), «Устный перевод русского языка» (Мультиязычный устный перевод русского, китайского и английского языков), «Устный перевод японского языка» (Устный перевод японского – китайского / Мультиязычный устный перевод японского, английского и китайского языков), «Устный перевод французского языка» (Устный перевод французского – китайского), «Устный перевод немецкого языка» (Мультиязычный устный перевод немецкого, китайского и английского языков), «Устный перевод корейского языка» (Мультиязычный устный перевод корейского, китайского и английского языков), «Устный перевод испанского языка» (Мультиязычный устный перевод испанского, китайского и английского язы-

ков), «Устный перевод арабского языка» (Мультиязычный устный перевод арабского, китайского и английского языков).

Вступительные испытания на эти программы проводятся в два этапа. Первый этап включает экзамены по следующим дисциплинам: «Идейно-политическая теория», «Основы иностранного языка», «Основы перевода», «Китайское письмо и энциклопедические познания». На втором этапе сдают «Общий перевод – двусторонний перевод и энциклопедическое познание». Следует отметить, что для направлений «Устный перевод русского языка», «Устный перевод японского языка» (только Мультиязычный устный перевод японского, английского и китайского языков), «Устный перевод немецкого языка», «Устный перевод корейского языка», «Устный перевод испанского языка», «Устный перевод арабского языка» компетенции в английском языке проверяют лишь на втором испытании [16].

Первое вступительное испытание в Высшей школе перевода Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли включает проверку знаний по следующим дисциплинам: «Идейно-политическая теория», «Иностранный язык (английский/русский/японский/французский/немецкий/корейский/испанский) уровня магистратуры», «Основы перевода», «Китайское письмо и энциклопедическое познание». На втором испытании абитуриент должен продемонстрировать свои знания и навыки по следующим дисциплинам: «Комплексный экзамен по переводу (устному и письменному)», «Собеседование», «Основы устного перевода», «Двусторонний перевод» [17].

На первом вступительном испытании на программу «Устный перевод японского/корейского» (Устный синхронный перевод) Университета внешней экономики и торговли в Пекине нужно сдать следующие дисциплины: «Идейно-политическая теория», «Иностранный язык (японский/корейский)», «Основы перевода японского/корейского языка», «Китайское письмо и энциклопедическое познание».

Первое испытание для поступления на программу «Устный перевод английского языка» (Коммерческий устный перевод / Международный конференциальный устный перевод – абитуриенты должны участвовать в совместном собеседовании Университета внешней экономики и торговли и Главного департамента устного перевода ЕС) включает проверку знаний по следующим дисциплинам: «Идейно-политическая теория», «Английский язык (уровень магистратуры)», «Основы перевода английского языка», «Китайское письмо и энциклопедическое познание».

Второе испытание в Университете внешней экономики и торговли – это собеседование. Поступая на программу «Устный перевод японского/корейского» (Устный синхронный перевод), абитуриенты читают языковые материалы, кратко излагают их смысл, отвечают на вопросы, свободно высказывают свое мнение. Вступительные испытания по направлению «Устный перевод английского языка» (Коммерческий устный перевод / Международный конференциальный устный перевод) включают «Устный последовательный перевод» (англо-китайский и китайско-английский). Помимо прочего, абитуриенты должны ответить на вопросы, касающиеся знаний специализированной дисциплины [18].

Для поступления на программу магистратуры по устному переводу в Хэйлунцзянский университет необходимо сдать следующие дисциплины: «Идейно-политическая теория», «Иностранный язык (английский/русский)», «Основы перевода английского/русского языка в комбинации с китайским языком», «Китайское письмо и энциклопедическое познание». На втором испытании по направлению «Устный перевод английского языка» проверяют такие компетенции, как передача устной речи, устный перевод (англо-китайский и китайско-английский), плюс «Идейно-политическая аттестация». Второе испытание по направлению «Устный перевод русского языка» состоит из проверки знаний по таким дисциплинам, как «Звуки речи», «Перевод после прослушивания / Перевод с листа», «Чтение и выражение», «Свободная беседа», «Общая оценка поведения» и «Идейно-политическая аттестация» [19].

Одним из крупнейших университетов в Китае является Сианьский университет иностранных языков. Экзамены сдают по следующим дисциплинам: «Идейно-политическая теория», «Иностранный (английский/русский/японский/французский) язык», «Основы перевода английского/русского/японского/французского языка в комбинации с китайским языком», «Китайское письмо и энциклопедическое познание». Следует отметить, что второе испытание по направлению «Устный перевод английского языка» состоит из письменного экзамена и собеседования. На письменном экзамене по английскому языку сначала слушают текст, а потом его записывают (аудирование), на собеседовании делают перевод с листа (китайско-английский / англо-китайский) [20].

В 2020 г. первое вступительное испытание по направлению «Устный перевод английского языка» в Шэньсийском педагогическом университете включало такие дисциплины, как «Идейно-политическая теория», «Иностранный язык (английский)», «Основы перевода английского языка»,

«Китайское письмо и энциклопедическое познание» [21]. А на втором испытании абитуриент должен был продемонстрировать знания в формате «Собеседования по специальностям», «Аттестации всесторонних качеств и оценка психологического здоровья» [22].

Первое испытание в Педагогическом университете Внутренней Монголии по направлению «Устный перевод» проходит по следующим дисциплинам: «Идейно-политическая теория», «Иностранный (английский/русский) язык», «Основы перевода английского/русского языка в комбинации с китайским языком», «Китайское письмо и энциклопедическое познание». Второе испытание состоит из «Собеседования по всесторонним качествам» и «Собеседования по специальным знаниям» [23].

В 2020 г. первое испытание в Цзиндэчжэньском институте керамики по направлению «Устный перевод» включало такие дисциплины, как «Идейно-политическая теория», «Магистр перевода английского языка», «Основы перевода английского языка» и «Китайское письмо и энциклопедическое познание». Второе испытание состояло в проверке знаний по «Устному переводу английского языка» и «Аудированию английского языка» [24].

Вышеуказанная информация отчетливо демонстрирует, что в Китае обучение переводу на уровне магистратуры ведется не только в языковых вузах, но и в отраслевых университетах, таких как университет транспорта, авиационный университет, университет науки и техники, институт керамики, морской университет, университет морского хозяйства, строительный университет, нефтехимический университет и т. д. Почему в течение последних лет появляется такая тенденция? По данным официального сайта Министерства образования КНР, высшее образование Китая трансформируется от элитного к массовому образованию [25]. С непрерывным углублением интернационализации у Китая возникает большая востребованность в специалистах-переводчиках, в то же время отчетливо отражается жесткая конкуренция между университетами. В таком случае программа МТИ (магистр перевода) широкомасштабно открывается и в специализированных университетах иностранных языков, и в отраслевых вузах, чтобы привлекать еще больше новых студентов (абитуриентов). В связи с увеличением количества вузов и обучающихся в программе МТИ появляется проблема качества образования: некоторые университеты уже формируют совершенную систему подготовки переводчиков на уровне магистратуры, а другие еще находятся в начальном этапе – им необходимо приобрести опыт обучения и оптимизировать свою структуру курсов программы МТИ.

Это является проблемой, требующейся решения для развития образования Китая. Ведущая цель образования в Китае – это его доступность. Именно поэтому отраслевые вузы также открывают программы МТИ, чтобы удовлетворить повышенную потребность в переводчиках.

С текущей актуальной ситуацией ВТИ и МТИ в китайском образовательном пространстве мы можем предложить следующие варианты оптимизации процесса подготовки переводчиков:

Проблема качества образования: несбалансированное распределение образовательных ресурсов. Сейчас много университетов, институтов принимают абитуриентов на программы подготовки бакалавров, магистров перевода, однако высококачественные учебные ресурсы, преподавательские кадры, платформы, стажировки в международных организациях, шансы внешнего обмена и сотрудничества в основном сосредоточены в экономически развитых областях и городах, таких как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу и т. д. В этих мегаполисах университеты, институты имеют богатый опыт подготовки профессиональных конференционных переводчиков по требованиям рынка труда. А по сравнению с этим, хотя сейчас в Китае бурно развиваются программы МТИ и ВТИ, для многих вузов, которые впервые открывают такие программы, их опыт в подготовке высококвалифицированных переводчиков действительно недостаточный. В таком случае для оптимизации процесса подготовки переводчиков нужно еще дальше укреплять, углублять и расширять обмен и сотрудничество между университетами, институтами.

Особенно необходимо увеличивать взаимодействие между вузами, которые впервые открывают программы МТИ и ВТИ, и университетами, которые уже создали совершенную систему подготовки переводчиков. Такое взаимодействие в основном подразделяется на две части: очное + дистанционное. Что касается очного обмена и сотрудничества, то те университеты, которые впервые открывают программы подготовки переводчиков, смогут командировать преподавателей и студентов в вузы, которые имеют богатый опыт обучения переводу. Желательно, чтобы такой очный обмен и сотрудничество не ограничивались посещением занятий, лекций, семинаров, мероприятий – это лишь позволит преподавателям и студентам познакомиться с внешней формой программ подготовки переводчиков. Лучше вести общение, обсуждение между обеими сторонами более длительное время. За это время те университеты, институты, у которых отсутствует богатый опыт подготовки переводчиков, смогут системно, глубоко и широко посмотреть, ощутить и участвовать в процессе подготовки переводчиков в тех вузах, которые имеют совершен-

ную систему образования. Например, преподаватели сначала смогут услышать занятие синхронного перевода в аудиториях, внимательно изучить методы обучения синхронному переводу в первокурсных вузах. После занятий преподаватели смогут обмениваться мнениями об обучении. В таком процессе обе стороны обсудят конкретные учебные планы своих кафедр, смогут сравнить сходства и различия и вместе найти путь оптимизации процесса подготовки переводчиков. После 1–2 месяцев прошедшие стажировку преподаватели начинают обучать устному синхронному переводу, тесно общаться с теми студентами, которые уже несколько лет получают профессиональное образование в области перевода. А студенты, проходящие обучение по обмену, занимаются с преподавателями из ведущих вузов, обращают внимание не только на содержание занятий, методы обучения, соответствующие упражнения, учебные материалы и ресурсы, стажировку на международных конференциях и организациях, внеклассные мероприятия (круглый стол, практика в переводческих компаниях, телеканалах, мастер-классы по синхронному переводу, международный семинар, разговорный клуб, научно-образовательный форум, международная научная конференция и т. д.), но и на идею обучения переводчика в первокурсных вузах: как они обучают студентов, которые на начальном этапе почти с нулевыми знаниями в переводе, на следующем этапе студенты постепенно осознают свою будущую профессиональную карьеру – как нужно самосовершенствоваться? Такая идея подготовки переводчика постоянно увеличивает профессиональный потенциал, заставляет студентов применять полученные знания в практике перевода.

Для дистанционного взаимодействия сначала нужно строить реальную-виртуальную платформу, на которой между университетами, институтами будут проходить крупномасштабные научные конференции. На фоне текущего санитарно-эпидемиологического кризиса в связи с пандемией коронавируса (COVID-19) виртуальные платформы смогут высокоэффективно обеспечивать непрерывность, продолжительность академического обмена. В таком случае те массовые научные форумы, круглые столы, на которых вузы, учреждающие совершенную систему подготовки переводчиков, представят доклады, в которых поделятся опытом подготовки. В то же время университеты, которые впервые открывают программы МТИ и ВТИ, активно представляют проблемы, недостатки, впечатления, мнения, учебные планы по подготовке переводчика. После этого все университеты, институты вместе обсуждают, как усовершенствовать образовательные программы для подготовки профессиональных переводчиков.

Следует отметить, что кроме дистанционных конференций, форумов нужно развивать виртуальные платформы для совместного использования ресурсов, включающих традиционные и новейшие материалы. Например, электронные версии монографий, учебных пособий по теории и практике перевода, словарей по терминологии перевода; массовые открытые онлайн-курсы (МООС), на которых преподаватели и студенты смогут вести обсуждение в реальном времени [26]; одновременная трансляция синхронного перевода на международных конференциях; видеозапись на занятии синхронного перевода в аудитории; видеоконференции о переводе; материалы, сборники международных научных форумов, конференций по теме перевода; статьи журналов о переводе. Иначе говоря, такие виртуальные платформы требуют непрерывного дополнения, углубления, расширения классических и новейших электронных ресурсов, поэтому их нужно совместно исследовать и развивать, регулярно тестировать, обслуживать те электронные системы, объединяющие университеты, институты, которые открывают программы МТИ и ВТИ.

О влиянии русского языка для программы МТИ в Китае (рис. 2 (а, б), рис. 3 (а, б)) следует отметить, что влияние русского языка (в устном переводе – 16; в письменном переводе – 26) требует дальнейшего повышения. Следует отметить, что программа «Один пояс – один путь» требует постоянного углубления, расширения межкультурной коммуникации между Россией и Китаем. В таком случае нужно готовить высококвалифицированных переводчиков в комбинации русский – китайский. Пути оптимизации процесса подготовки переводчиков-русистов являются дальнейшим углублением и расширением обмена и сотрудничества между русскими вузами, где готовят переводчиков, и китайскими университетами, институтами, которые принимают бакалавров, магистров перевода. Обмен и сотрудничество направлены на распространение влияния классической и современной русской теории и практики перевода. Например, на уровне теории – традиционная теория устного перевода Г. В. Чернова, А. Ф. Ширяева, Р. К. Миньяр-Белоручева, соответствующее наследие и развитие в современных русских монографиях, учебных пособиях, статьях о устном переводе; на уровне практики – богатый опыт подготовки переводчиков в русских вузах. Для совершенствования образовательных программ ВТИ и МТИ в Китае мы сможем приглашать русских преподавателей, профессиональных переводчиков, которые имеют богатый опыт в теории и практике обучения переводчиков, участвовать в научных конференциях, форумах, обсуждать с китайскими коллегами актуальные вопросы обучения переводу, проводить круглые сто-

лы, читать лекции и вести семинары о практике перевода в России.

Следует отметить, что для крупномасштабных научных конференций, форумов, лекций, семинаров (очные + дистанционные) и т. д. не нужно ограничиваться только преподавателями, студентами, обучающимися по специальности «русский язык», те китайские преподаватели, студенты, которые изучают английский, французский языки и т. д., тоже могут участвовать в таких научных семинарах, знакомиться с русской системой подготовки переводчиков. На тех международных конференциях, круглых столах тоже нужен синхронный перевод и последовательный перевод в комбинации русский – китайский/английский/французский и т. д., чтобы высокоэффективно обеспечить обмен мнений обеих сторон, в то же время распространять, углублять влияние русской теории и практики подготовки переводчика среди китайских преподавателей, студентов по специальности «русский язык» и других европейских, азиатских языков. В таком процессе лучше задействовать и русских, и китайских переводчиков (русских и китайских студентов-переводчиков) для устного перевода и письменного перевода (для перевода материалов, доклада конференций с русского языка на китайский/английский/французский и т. д.). Благодаря обмену мнениями о работе переводчика, выступлениям и материалам конференций и обсуждению теории и практики перевода профессиональные переводчики обмениваются опытом, студенты-переводчики применяют теорию, которую они изучают на занятиях, в практике перевода. Китайские переводчики, студенты (работают в комбинации русский – китайский или другие иностранные языки – китайский) смогут благодаря таким шансам (общение с русскими переводчиками, студентами) лучше познакомиться с русской системой подготовки переводчиков. В таком процессе российские методы обучения переводу смогут найти широкое применение в Китае.

Следует отметить, что синхронный перевод возможно вести в двух видах: прямой УСП (Устный синхронный перевод) и УСП эстафетный. Прямой УСП предпочитает выражать на ПЯ (Переводящем языке) в одной языковой комбинации (с русского на китайский/английский/французский и т. д.). А по сравнению с этим в УСП эстафетном переводчик сможет работать по таким языковым комбинациям: русский → английский → французский → другие европейские и азиатские языки → китайский (или так: русский → китайский → другие европейские и азиатские языки). Благодаря такому процессу и сами русские и китайские профессиональные переводчики, и студенты-переводчики, и участники международных конференций

смогут более ясно, отчетливо ощутить практику перевода на основе теории, в то же время усилить впечатление на русском языке. Хотя тех китайских переводчиков, преподавателей, студентов, которые изучают другие европейские и азиатские языки, можно воодушевить на изучение русского языка. Таким образом, возможно постоянно расширять влияние русского языка в Китае, широко распространять русские теории перевода.

Что касается вступительных испытаний по программам устного перевода МТИ в Китае, следует отметить, общую структуру дисциплин первого письменного испытания, таких как «Идейно-политическая теория», «Иностранный язык (уровень магистратуры перевода)», «Основы перевода иностранного языка», «Китайское письмо и энциклопедическое познание», которые были учреждены государственным стандартом. А во втором испытании обычно рассматриваются общие структуры дисциплин, такие как «собеседование» (аудирование + говорение + чтение + письмо), «устный перевод». Абитуриентам программ устного перевода МТИ (магистр) нужно участвовать в государственном экзамене (первое испытание) → университетском экзамене (второе испытание). Следует отметить, что в 2022 г. на уровне приема аспирантов в Китае начинается такая новая тенденция: Министерство образования КНР с 2017 г. совершенствовало механизм приема и отбора по принципу «заявка-аттестация», чтобы укреплять комплексную оценку, всестороннюю проверку профессиональной подготовленности, уровня обученности, научно-исследовательской способности, инновационного потенциала и личностных качеств [27]. До настоящего времени (2022 г.) официальные документы при Министерстве образования КНР о дальнейших правилах применения пока не опубликованы. Однако для тех престижных китайских вузов, которые находятся в списке «Университеты мирового класса и первоклассные специальности» (双一流 – 世界一流大学和一流学科建设), у них

имеется большая автономия при приеме аспирантов по принципу «заявка-аттестация».

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что инициатива «Один пояс – один путь» затрагивает многие страны. Именно поэтому подготовка переводчиков в комбинации китайский – русский чрезвычайно актуальна в последние годы. Рассматривая вступительные испытания по программе МТИ, мы можем сделать вывод, что знание родного языка имеет первостепенное значение в образовании переводчика, поскольку через предмет «Китайское письмо и энциклопедическое познание» абитуриенты смогут показать свой уровень знаний и понимание традиционной классической китайской культуры. Анализ официальных документов при Министерстве КНР о приеме аспирантов позволяет прогнозировать, что в будущем принцип подготовки переводчиков на уровне аспирантуры в китайских вузах станет основным течением. Относительно путей оптимизации процесса подготовки переводчиков, усовершенствования образовательных программ в данной статье мы в основном остановились на двух проблемах: 1) несбалансированное распределение учебных ресурсов между вузами; 2) влияние русского языка в программе МТИ еще требует дальнейшего повышения. Для этих двух проблем мы предоставляем соответствующие варианты оптимизации.

Следует отметить, обучение переводу в Китае обусловлено стремительным развитием мира, тесным взаимодействием стран. Это происходит из-за того, что мир все больше становится неделимым: межкультурная коммуникация, охватывающая различные географические районы, активно стимулирует развитие и совершенствование подготовки переводчиков-профессионалов. Несмотря на то, что история обучения переводу в Китае достаточно молода, она займет особое место в общемировом цивилизационном процессе.

Список источников

1. 中华人民共和国教育部. Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_833/200703/t20070330_82704.html (дата обращения: 20.02.2022).
2. 海南大学教务处. Учебная часть Хайнаньского университета. URL: <https://ha.hainanu.edu.cn/jwc/info/1023/4029.htm> (дата обращения: 25.03.2022).
3. 北京外国语大学英语学院. Официальный сайт Института английского языка Пекинского университета иностранных языков. URL: <https://seis.bfsu.edu.cn/info/1076/1488.htm> (дата обращения: 10.01.2022).
4. 对外经济贸易大学英语学院. Официальный сайт Института английского языка Университета внешней экономики и торговли. URL: <http://sis.uibe.edu.cn/zysz/bksj/zyjs/index.htm> (дата обращения: 15.01.2022).
5. 天津外国语大学英语学院. Официальный сайт Института английского языка Тяньцзиньского университета иностранных языков. URL: <http://english.tjfsu.edu.cn/list.jsp?urltype=tree.TreeTempUrl&wbtreeid=1075> (дата обращения: 09.01.2022).

6. Гарбовский Н. К. О переводе. М.: «ФОРУМ», 2016. 752 с.
7. 仲伟合, 詹成. 同声传译. 北京: 外语教学与研究出版社, 2015. 349 p. Ч. Вэйхэй, Жан Чэн. Синхронный перевод. Пекин: Обучение и исследования иностранных языков, 2015. 349 с.
8. 全国翻译专业学位研究生教育指导委员会. Официальный сайт Китайского государственного комитета по обучению письменному и устному переводу. URL: <http://cnti.gdufs.edu.cn/info/1017/1955.html> (дата обращения: 02.01.2022).
9. 中国本科生招生信息网. Официальный сайт Китайской информационной сети приема в бакалавриат. URL: <https://gaokao.chsi.com.cn/zyk/zybk/schools.action?specialityId=73383587&ssdm> (дата обращения: 01.04.2022).
10. 中国研究生招生信息网. Официальный сайт Китайской информационной сети приема в магистратуру. URL: https://yz.chsi.com.cn/zsm/zyfx_search.jsp (дата обращения: 18.01.2022).
11. 陕西师范大学外国语学院. Официальный сайт Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета. URL: <http://www.wyxy.snnu.edu.cn/kxyj.htm> (дата обращения: 29.01.2022).
12. 内蒙古师范大学外国语学院. Официальный сайт Института иностранных языков Педагогического университета Внутренней Монголии. URL: <http://fls.imnu.edu.cn/zjwy/xujj1.htm> (дата обращения: 27.01.2022).
13. 东南大学外国语学院. Официальный сайт Института иностранных языков Юго-Восточного университета. URL: <https://sfl.seu.edu.cn/9846/list.htm> (дата обращения: 01.02.2022).
14. 中华人民共和国教育部. Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_778/s3113/202009/t20200903_484958.html (дата обращения: 07.01.2022).
15. 北京外国语大学研究生院. Официальный сайт Института магистратуры и аспиранта Пекинского университета иностранных языков. URL: <https://graduate.bfsu.edu.cn> (дата обращения: 19.02.2022).
16. 上海外国语大学研究生院. Официальный сайт Института магистратуры и аспиранта Шанхайского университета иностранных языков. URL: <http://graduate.shisu.edu.cn> (дата обращения: 19.02.2022).
17. 广东外语外贸大学研究生院. Официальный сайт Института магистратуры и аспиранта Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. URL: <https://gwyjs.gdufs.edu.cn> (дата обращения: 08.02.2022).
18. 对外经济贸易大学研究生院. Официальный сайт Института магистратуры и аспиранта Университета внешней экономики и торговли. URL: <http://yjsy.uibe.edu.cn/cms/index.do> (дата обращения: 22.02.2022).
19. 黑龙江大学研究生院. Официальный сайт института магистратуры и аспиранта Хэйлунцзянского университета. URL: <http://yjsy.hlju.edu.cn/index.htm> (дата обращения: 23.02.2022).
20. 西安外国语大学研究生院. Официальный сайт Института магистратуры и аспиранта Сианьского университета иностранных языков. URL: <http://gs.xisu.edu.cn> (дата обращения: 21.02.2022).
21. 陕西师范大学研究生院. Официальный сайт Института магистратуры и аспиранта Шэньсийского педагогического университета. URL: <http://newyjs.snnu.edu.cn> (дата обращения: 17.02.2022).
22. 陕西师范大学外国语学院. Официальный сайт Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета. URL: <http://www.wyxy.snnu.edu.cn/info/1044/2583.htm> (дата обращения: 03.01.2022).
23. 内蒙古师范大学研究生院. Официальный сайт Института магистратуры и аспиранта Педагогического университета Внутренней Монголии. URL: <http://yjsc.imnu.edu.cn> (дата обращения: 10.02.2022).
24. 景德镇陶瓷大学研究生院. Официальный сайт Института магистратуры и аспиранта Цзиндэжэньского института керамики. URL: <http://yjsy.jci.edu.cn/index.htm> (дата обращения: 21.02.2022).
25. 中华人民共和国教育部. Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201909/t20190924_400593.html (дата обращения: 11.02.2022).
26. 中国大学MOOC (慕课). Официальный сайт Китайского массового открытого онлайн-курса (MOOC). URL: <https://www.icourse163.org/course/XJTU-1207427806> (дата обращения: 08.04.2022).
27. 中华人民共和国教育部. Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_xueshengsi/201911/t20191101_406454.html (дата обращения: 01.03.2022).

References

1. *Ofitsial'nyy sayt Ministerstva obrazovaniya KNR* [Official site of Ministry of Education of the People's Republic of China] (in Chinese). URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_833/200703/t20070330_82704.html (accessed 20 February 2022).
2. *Uchebna chast' Khaynan'skogo universiteta* [Office of Academic Affairs of Hainan University] (in Chinese). URL: <https://ha.hainanu.edu.cn/jwc/info/1023/4029.htm> (accessed 25 March 2022).
3. *Ofitsial'nyy sayt Instituta angliyskogo yazyka Pekinskogo universiteta inostrannyh yazykov* [Official site of School of English and international studies in Beijing Foreign Studies University] (in Chinese). URL: <https://seis.bfsu.edu.cn/info/1076/1488.htm> (accessed 10 January 2022).

4. *Ofitsial'nyy sayt Instituta angliyskogo yazyka Universiteta vneshney ekonomiki i trgovli* [Official site of School of international studies in University of International Business and Economics] (in Chinese). URL: <http://sis.uibe.edu.cn/zysz/bksjy/zyjs/index.htm> (accessed 15 January 2022).
5. *Ofitsial'nyy sayt Instituta angliyskogo yazyka Tyan'czin'skogo universiteta inostrannykh yazykov* [Official site of School of English studies in Tianjin Foreign Studies University] (in Chinese). URL: <http://english.tjfsu.edu.cn/list.jsp?urltype=tree.TreeTempUrl&wbtreid=1075> (accessed 09 January 2022).
6. Garbovskiy N. K. *A perevode* [About translation]. Moscow, Foulm Publ., 2016. 752 p. (in Russian).
7. Zhong Weihe, Zhan Cheng. *Sinkhronnyy perevod* [Simultaneous Interpreting]. Beijing, Obucheniye i issledovaniya inostrannykh yazykov, 2015. 349 p. (in Chinese).
8. *Ofitsial'nyy sayt Kitayskogo gosudarstvennogo komiteta po obucheniyu pis'mennomu i ustnomu perevodu* [Official site of China national committee for translation&interpreting education] (in Chinese). URL: <http://cnti.gdufs.edu.cn/info/1017/1955.html> (accessed 02 January 2022) (in Chinese).
9. *Ofitsial'nyy sayt Kitayskoy informatsionnoy seti priema v bakalavriat* [Official site of China undergraduate Enrollment Information Network] (in Chinese). URL: <https://gaokao.chsi.com.cn/zyk/zybk/schools.action?specialtyId=73383587&ssdm> (accessed 01 April 2022).
10. *Ofitsial'nyy sayt Kitayskoy informatsionnoy seti priema v magistraturu* [Official site of China Graduate Enrollment Information Network] (in Chinese). URL: https://yz.chsi.com.cn/zsm/zyfx_search.jsp (accessed 18 January 2022).
11. *Ofitsial'nyy sayt Instituta inostrannykh yazykov Shen'siyskogo pedagogicheskogo universiteta* [Official site of School of international studies in Shaanxi Normal University] (in Chinese). URL: <http://www.wyxy.snnu.edu.cn/kxyj.htm> (accessed 29 January 2022).
12. *Ofitsial'nyy sayt Instituta inostrannykh yazykov Pedagogicheskogo universiteta Vnutrenney Mongolii* [Official site of The college of foreign languages in Inner Mongolia Normal University] (in Chinese). URL: <http://fls.imnu.edu.cn/zjwy/xyj1.htm> (accessed 27 January 2022).
13. *Ofitsial'nyy sayt Instituta inostrannykh yazykov Yugo-Vostochnogo universiteta* [Official site of School of foreign languages in Southeast University] (in Chinese). URL: <https://sfl.seu.edu.cn/9846/list.htm> (accessed 01 February 2022).
14. *Ofitsial'nyy sayt Ministerstva obrazovaniya KNR* [Official site of Ministry of Education of the People's Republic of China] (in Chinese). URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A15/moe_778/s3113/202009/t20200903_484958.html (accessed 07 January 2022).
15. *Ofitsial'nyy sayt Instituta magistra i aspiranta Pekinskogo universiteta inostrannykh yazykov* [Official site of Graduate school in Beijing Foreign Studies University] (in Chinese). URL: <https://graduate.bfsu.edu.cn> (accessed 19 February 2022).
16. *Ofitsial'nyy sayt Instituta magistra i aspiranta Shan'hai'skogo universiteta inostrannykh yazykov* [Official site of Graduate school in Shanghai International Studies University] (in Chinese). URL: <http://graduate.shisu.edu.cn> (accessed 19 February 2022).
17. *Ofitsial'nyy sayt Instituta magistra i aspiranta Guandun'skogo universiteta inostrannykh yazykov i mezhdunarodnoy trgovli* [Official site of Graduate school in Guangdong University of Foreign Studies] (in Chinese). URL: <https://gwyjs.gdufs.edu.cn> (accessed 08 February 2022).
18. *Ofitsial'nyy sayt Instituta magistra i aspiranta Universiteta vneshney ekonomiki i trgovli* [Official site of Graduate school in University of International Business and Economics] (in Chinese). URL: <http://yjsy.uibe.edu.cn/cms/index.do> (accessed 22 February 2022).
19. *Ofitsial'nyy sayt Instituta magistra i aspiranta Kheyluntszyanskogo universiteta* [Official site of Graduate school in Heilongjiang University] (in Chinese). URL: <http://yjsy.hlju.edu.cn/index.htm> (accessed 23 February 2022).
20. *Ofitsial'nyy sayt Instituta magistra i aspiranta Sian'skogo universiteta inostrannykh yazykov* [Official site of Graduate school in Xi'an International Studies University] (in Chinese). URL: <http://gs.xisu.edu.cn> (accessed 21 February 2022).
21. *Ofitsial'nyy sayt Instituta magistra i aspiranta Shen'siyskogo pedagogicheskogo universiteta* [Official site of Graduate school in Shaanxi Normal University] (in Chinese). URL: <http://newyjs.snnu.edu.cn> (accessed 17 February 2022).
22. *Ofitsial'nyy sayt Instituta inostrannykh yazykov Shen'siyskogo pedagogicheskogo universiteta* [Official site of School of international studies in Shaanxi Normal University] (in Chinese). URL: <http://www.wyxy.snnu.edu.cn/info/1044/2583.htm> (accessed 03 January 2022).
23. *Ofitsial'nyy sayt Instituta magistra i aspiranta Pedagogicheskogo universiteta Vnutrenney Mongolii* [Official site of Graduate school Inner Mongolia Normal University] (in Chinese). URL: <http://yjsc.imnu.edu.cn> (accessed 10 February 2022).
24. *Ofitsial'nyy sayt Instituta magistra i aspiranta Czindeczhen'skogo instituta keramiki* [Official site of Graduate school in Jingdezhen Ceramic University] (in Chinese). URL: <http://yjsy.jci.edu.cn/index.htm> (accessed 21 January 2022).
25. *Ofitsial'nyy sayt Ministerstva obrazovaniya KNR* [Official site of Ministry of Education of the People's Republic of China] (in Chinese). URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201909/t20190924_400593.html (accessed 11 February 2022).
26. *Ofitsial'nyy sayt Kitayskogo massovogo otkrytogo onlayn-kursa (MOOS)* [Official site of Chinese massive open online courses] (in Chinese). URL: <https://www.icourse163.org/course/XJTU-1207427806> (accessed 08 April 2022).

27. *Ofitsial'nyy sayt Ministerstva obrazovaniya KNR* [Official site of Ministry of Education of the People's Republic of China] (in Chinese). URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_xueshengsi/201911/t20191101_406454.html (accessed 01 March 2022).

Информация об авторе

Лю Вэньцзя, соискатель, Высшая школа перевода (факультета) МГУ имени М. В. Ломоносова (ул. Кравченко, 7, Москва, Россия, 119415).

Information about the author

Liu Wenjia, applicant at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (ul. Kravchenko, 7, Moscow, Russian Federation, 119415).

Статья поступила в редакцию 23.06.2021; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 23.06.2022; accepted for publication 01.06.2022

УДК 378

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-168-175>

КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЯ В МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ольга Николаевна Игна

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, onigna@tspu.edu.ru

Аннотация

Введение. В связи с актуализацией компетентностного и контекстного подходов в современном педагогическом образовании прослеживается повышение научно-практического интереса к применению кейс-технологии в методической подготовке учителей, в том числе учителей иностранных языков (ИЯ). Несмотря на наличие отдельных научных исследований по использованию кейс-технологии в названной подготовке, на практике она используется недостаточно широко, отождествляется с другими технологиями. Отдельные методические кейсы, содержащиеся в научных трудах, недостаточно целесообразны для реализации и недостаточно удачны по формулировкам.

Цель – уточнив специфику кейс-технологии в педагогической теории и образовательной практике, обобщить основные положения по разработке и применению кейсов в методической подготовке учителей ИЯ и проблемы, возникающие у студентов при их решении.

Материал и методы. В процессе исследования применялись следующие методы: анализ научной и учебной литературы по проблеме исследования; наблюдение; обобщение; решение кейсов. Материалом исследования выступили педагогические кейсы и кейсы для методической подготовки учителей ИЯ, содержащиеся в специальных сборниках, научных статьях и источниках сети Интернет.

Результаты и обсуждение. Охарактеризована кейс-технология в педагогическом образовании и в методической подготовке учителей. Обобщены положения по разработке и применению кейсов в методической подготовке учителей ИЯ (цели применения, типы и виды, источники разработки, объем, формы предъявления, варианты структуры, этапы решения, требования к кейсам и др.), приведены примеры менее и более удачных формулировок кейсов для методической подготовки учителей ИЯ, а также авторских кейсов, обозначены проблемы реализации кейс-технологии в методической подготовке учителей ИЯ.

Заключение. На сегодняшний день актуальны изучение проектирования и разработка сборников кейсов для названной подготовки с учетом выявленных проблем и научно обоснованных положений по их разработке и применению, потенциала для развития методической компетенции будущих учителей ИЯ.

Ключевые слова: кейс-технология, методическая подготовка, учителя иностранных языков, педагогический кейс, методический кейс

Для цитирования: Игна О. Н. Кейс-технология в методической подготовке учителей иностранных языков // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 168–175. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-168-175>

CASE TECHNOLOGY IN THE METHODOICAL TRAINING OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

Olga N. Igna

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, onigna@tspu.edu.ru

Abstract

Introduction. There is an increase in scientific and practical interest in the use of case technology in the methodical teachers' training, including teachers of foreign languages (FL). Despite the existence of separate scientific studies on the use of case technology in this training, it is not widely used. Separate methodological cases contained in scientific papers are not sufficiently expedient for implementation and insufficiently successful in terms of wording.

The purpose is to clarify the specifics of case technology in pedagogical theory and educational practice, to summarize the main provisions for the development and application of cases in the methodical training of FL teachers and the problems that students face when solving them.

Material and methods. The following methods were used: analysis of scientific and educational literature; observation; generalization; case solving. The material of the study was pedagogical cases and methodical cases.

Results and discussion. The article characterizes case technology in teachers' education and methodical training. The provisions on the development and application of cases in the methodical training of FL teachers are summarized; examples of less and more successful case formulations for methodological training of foreign language teachers, as

well as author's cases are given; the problems of the implementation of case technology in the methodical training of teachers of FL are indicated.

Conclusion. Today, the study of design and development of collections of cases for the named training is relevant, taking into account the identified problems and scientifically based provisions for their development and application, the potential for developing the methodical competence of future FL teachers.

Keywords: case technology, methodical training, teachers of foreign languages, pedagogical case, methodical case

For citation: Igna O. N. Keys-tekhnologiya v metodicheskoy podgotovke uchiteley inostrannykh yazykov [Case technology in the methodical training of foreign language teachers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 168–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-168-175>

Введение

Современная педагогическая наука предлагает ряд технологий для методической подготовки учителей, к которым относятся цифровые технологии; проектная задача, имитационно-моделирующая технологии; мастер-класс и пр. [1–3]. Особое место в данном ряду принадлежит *кейс-технологии* (синонимы: метод кейсов, ситуационная методика, ситуационный анализ, кейс-стади (case study)), которая, как известно, предполагает получение нового знания, компетенции «путем организации индивидуального и группового анализа конкретной ситуации через определение проблем, скрытых в ситуациях, поиск критериев эффективного решения и выработку плана действий по решению проблемы» [4, с. 9]. История ее возникновения и применения в различных областях знаний на сегодняшний день описана достаточно полно [5].

В педагогической теории и образовательной практике кейс-технология обнаруживает следующую специфику и проблемы реализации:

1. Существует мнение, что кейс-технология уже интегрирует в себе различные методы обучения (моделирование, игровые методы, мозговые штурмы, дискуссии, проблемный метод и пр.) [5–7]. Не разделяя данное мнение, уточним, что скорее в ней прослеживаются элементы, характеристики задачной, игровой, имитационной, проектной технологий, технологии дебатов и пр. Так, с задачной технологией кейс-технология сближает необходимость поиска и формулировки решения. Наличие в установке кейса проблемной ситуации, относящейся к будущей педагогической деятельности обучающихся, связывает данную технологию с имитационной технологией. С проектной деятельностью названную технологию объединяет то, что решение кейса, как правило, уже представляет собой мини-проект. Разбор кейса, дискуссия по поводу приемлемого решения присущи и для технологии дебатов. Использование вымышленных (придуманных) ситуаций, игровой характер формулировок кейсов вызывает ассоциацию с игровой технологией. Таким образом, кейс-технология может трансформироваться в другую (смежную) технологию.

2. Оценка качества и целесообразности кейса затруднительна, поскольку такая оценка возможна только со стороны высокопрофессиональных экспертов, и здесь возможны разные варианты решения. В некоторых кейсах решение «лежит на поверхности», не требует усилий со стороны обучающихся и не мотивирует к изучению проблемы. Каким параметрам соответствует хороший педагогический кейс, какие кейсы полезны для будущих педагогов, сколько кейсов и в каком объеме стоит включать в педагогическую дисциплину, кто должен разрабатывать кейсы – эти вопросы остаются основной для дискуссий.

3. Существующие публикации и пособия, содержащие педагогические кейсы, описывающие их конструирование и применение, далеко не всегда приемлемы для полноценного использования в педагогической подготовке учителей, поскольку непрозрачны принципы группировки кейсов, их цели, уровни сложности, временные рамки применения и т. д. Разработчикам далеко не всегда удается четко выделить типичные профессиональные педагогические ситуации, дифференцировать категории «проблема», «задача», «ситуация».

В связи с актуализацией компетентного и контекстного подходов в современном педагогическом образовании прослеживается повышение научно-практического интереса к применению кейс-технологии и в методической подготовке учителей, в том числе учителей иностранных языков (ИЯ). Несмотря на наличие отдельных научных исследований по использованию кейс-технологии в названной подготовке, на практике она используется недостаточно широко, отождествляется с другими технологиями. Отдельные методические кейсы, содержащиеся в научных трудах, недостаточно целесообразны для реализации и недостаточно удачны по формулировкам.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы, уточнив специфику кейс-технологии в педагогической теории и образовательной практике, обобщить основные положения по разработке и применению кейсов в методической подготовке учителей ИЯ и проблемы, возникающие у студентов при их решении.

Материалы и методы

В процессе исследования применялись методы анализа русскоязычной и иноязычной научной литературы по проблеме исследования (применение педагогических и методических кейсов в подготовке учителей (И. П. Андриади, С. Ю. Темина [8]; Л. И. Бобылёва [9]; Е. Н. Красикова [6, 10]; Н. Майер [11]; А. Е. Ниязова [12], О. Г. Смолянинова, Л. Н. Храмова, З. У. Колокольникова, С. В. Митросенко, О. Б. Лобанова [13]; J. Burton [14]; K. Kelch, M. Malupa-Kim [15]; B. B. Levin [16]; I. Schritteser [17] и др.), их виды, классификации, особенности конструирования и разработки (Е. Н. Красикова [6; 10]; М. Г. Савельева [18] и др.); наблюдения; обобщения; решения кейсов. Материалами исследования послужили сборники педагогических кейсов (В. А. Бейзеров [19]; М. Г. Голубчикова, С. А. Харченко [7]; Т. А. Наумова, Е. В. Мухачёва, А. Е. Причинин [20] и др.), примеры кейсов для методической подготовки учителей иностранных языков (Л. И. Бобылёва [9], Н. Майер [11], А. Е. Ниязова [12] и др.), видеокейсы, находящиеся в свободном доступе в сети Интернет.

Результаты и обсуждение

Очевидно, что *кейсы для методической подготовки учителей (методические кейсы)*, с одной стороны, выступают разновидностью педагогических кейсов и, соответственно, разрабатываются и применяются по схожему алгоритму, с другой стороны, должны иметь предметно-ориентированную направленность, отражать компоненты методической компетенции, соотноситься с тенденциями и проблематикой предметной области. Методические кейсы также называют профессионально-методическими и учебно-методическими, что не меняет их сути. Применение кейс-технологии в методической подготовке учителей иностранных языков «помогает развернуть содержание образования в динамике, придать целостность и личностный смысл усваиваемому материалу, обеспечить формирование высококвалифицированных специалистов» [9, с. 74].

Анализ немногочисленных научных работ по использованию кейсов в методической подготовке учителей иностранных языков (ИЯ) (Л. И. Бобылёва [9], Е. К. Красикова [6, 10], Н. Майер [11], С. Н. Макеева [21], А. Е. Ниязова [12] и др.) и собственный опыт педагогической деятельности позволили обобщить *основные положения по разработке и применению кейсов в обозначенной подготовке*:

Цели применения – развитие методических умений (планирования и анализа уроков), исправление методических ошибок; формирование дидактических, академических, перцептивных, ком-

муникативных, прогностических способностей; формирование профессиональных аналитических, практических, творческих, коммуникативных, социальных навыков и навыков самоанализа.

1. Типы и виды кейсов – индивидуальные и групповые; сюжетные и бессюжетные; практические, обучающие, исследовательские; по организации урока и по формированию навыков и речевых умений; направленные на активизацию мотивационного, процессуального, результативного, рефлексивного компонентов содержания подготовки учителя ИЯ; вопросные кейсы и кейс-задания.

Источники – ситуации, возникающие в процессе профессионально-методической деятельности учителя, преподавателя ИЯ; спорные методические вопросы с приведением или без приведения фактов.

2. Объем – большой (примерно равен объему курсовой работы), средний (несколько страниц (примерно равен объему реферата)), краткий (до одной страницы).

3. Формы предъявления – текст, наглядный материал, видеоматериал с приложениями и без приложений.

4. Варианты структуры – описание методической ситуации, материал для решения, критерии оценки; сюжетная, информационная и методическая части.

5. Варианты уровней моделей – уровень класса, группы и отдельного обучающегося.

6. Варианты этапов решения – подготовительный, исполнительский, итоговый; «разворачивание» и описание проблемы, описание аргументированного решения (концепции), обоснование показателей эффективности предложенного решения.

7. Критерии оценивания решения – доказательность, обоснованность, подкрепление примерами/данными/фактами, четкое соответствие решения формулировке задачи, ясность и логичность изложения, точность применения методической терминологии, реалистичность возможного применения решения.

8. Требования к кейсу – реальность и актуальность проблемной ситуации; опора на практический опыт, факты, доказательства; концентрация содержания; обоснованность, концептуальные основания; ориентация на актуализацию методических знаний и умений и развитие методического мышления.

Отдельно стоит отметить такое требование к кейсу, как соблюдение формата: кейс – именно проблемная ситуация, предполагающая поиск решения посредством глубокой аналитической работы, отбора и изучения подтверждающих решение фактов, документов и пр. То есть кейс не должен представлять собой поверхностный вопрос, ре-

зультирующий обывательским умозаключением, поскольку это несопоставимо с конструктивным научно и профессионально обоснованным решением.

Кейсы для методической подготовки учителей иностранных языков отличаются от кейсов для подготовки учителей других учебных предметов тем, что могут формулироваться не только на родном, но и на иностранном языке и использоваться не только в цикле методических дисциплин, но и на занятиях по практике речи. Основой разработки может выступать иноязычная учебная литература, программная документация, материалы зарубежных образовательных сайтов и др. для сопоставления соответствующих методических подходов, приемов, явлений, терминологии, ознакомления с зарубежными методическими разработками в области преподавания иностранных языков, лучшими образовательными практиками в данной сфере.

Вопрос **о приемлемом количестве кейсов** для методической подготовки открыт: это могут быть небольшие кейсы по каждому тематическому разделу методической дисциплины или 1–2 больших и сложных кейса за весь курс изучения данной дисциплины. Поскольку методическая подготовка будущих учителей предусматривает выполнение курсовой работы методической направленности, то такую научно-исследовательскую работу вполне можно заменить кейсом, что придаст ей практическую направленность, реалистичность, подлинную проблемность и актуальность, больше заинтересует студентов и вовлечет их в процесс решения.

Ответ на **вопрос об авторстве кейсов** неоднозначен. Сборники методических кейсов, как например компонента УМК по методике обучения, лучше разрабатывать авторам данного УМК. Отдельные самостоятельные учебные издания в виде сборника кейсов должны разрабатываться лучшими учеными в области методики преподавания. Преподавательские кейсы также возможны и целесообразны, если они соотносятся с содержанием программы обучения, разработаны с учетом соответствующих научно-теоретических положений. «However, case studies which are written by the teacher educator or teacher <...> have the benefit of being tailored to their specific needs and being directly aligned to course content or institutional/programmatic context» [15, с. 13]. (Перевод: «Тем не менее кейс-стади, написанные педагогом-преподавателем или учителем <...>, имеют преимущество в том, что они адаптированы к их конкретным потребностям и непосредственно связаны с содержанием курса или институциональным/программным контекстом».)

Важно не только «придумать» кейс, но и точно его сформулировать. Далее представлены примеры недостаточно удачных и удачных формулировок, сопровождаемые комментарием.

Примеры недостаточно удачных формулировок кейса:

Пример 1. «Сценарные уроки иностранного языка: необходимость или мода?» [9]. (Комментарий: формулировка не содержит выраженной проблемы; не учитывается отсутствие у студентов опыта разработки и реализации таких уроков; не отражена специфика предметной области.)

Пример 2. «Каким должен быть современный учебник иностранного языка?» [9]. (Комментарий: не учитывается отсутствие у студентов компетенций и опыта разработки учебников; не уточнена целевая аудитория (для кого предназначен учебник).)

Пример 3. «Посмотрите видеозапись фрагментов уроков и определите, какие ошибки допускает учитель. Работе какого учителя Вы отдадите предпочтение? Аргументируйте свой выбор» [12]. (Комментарий: Недостаточно удачна формулировка первой части кейса. Не указано, о каких ошибках идет речь (речевых, методических или других).)

Примеры удачных формулировок кейса:

Пример 1. «Как и зачем учить детей иностранным языкам» (<https://www.youtube.com/watch?v=TWVEopf9Vfk>). (Комментарий: привлекательна форма подачи кейса (видеоматериал); представлен конкретный опыт работы; проблема интересна, понятна и актуальна.)

Пример 2. «Что, на ваш взгляд, может представить наибольшую трудность при формировании фонетических навыков для русскоговорящих учащихся, начинающих изучать английский язык? Определите пути преодоления этих трудностей» [9]. (Комментарий: проблема четко соответствует содержанию одного из изучаемых тематических разделов по методике обучения иностранным языкам, а именно «Обучение фонетике»; учитывается возможность опоры на личный опыт изучения иностранного языка; проблема поставлена достаточно конкретно; при решении кейса возможно применение комплекса методов исследования (например, наблюдение, анкетирование, беседа с учителями и пр.).)

Пример 3. «Проанализируйте формулировки целей уроков и определите, какая цель реализуется на уроке английского языка (практическая, образовательная, развивающая, воспитательная)» [12]. (Комментарий: данный кейс предусматривает изучение конкретных планов уроков, направлен на развитие умений целеполагания, обучение дифференциации видов целей урока, что традиционно вызывает сложности у будущих учителей.)

Пример 4. «Одной из важнейших проблем образования является обеспечение его качества и доступности. Во многих регионах России не хватает учителей иностранных языков. Эта проблема особенно актуальна для сельской местности. Предложите концепцию онлайн-курса для подготовки обучающихся к сдаче ЕГЭ по английскому языку для одного из регионов нашей страны. Укажите параметры проектирования, определите длительность курса и его содержание. Обоснуйте свой выбор» (Всероссийский чемпионат кейсов CUP CASE MISIS – 2022). (Комментарий: проблема актуальна, ее формулировка понятна, подробна и конкретна; учитывается опыт обучающихся (подготовка к ЕГЭ); возможна групповая работа над решением; предусматривается обращение к современным технологиям обучения.)

Тематика, в рамках которой могут быть разработаны кейсы для методической подготовки учителей иностранных языков, в первую очередь зависит от содержания той или иной методической дисциплины, базовых учебников по методике. Большую роль здесь играют также личный педагогический и научный опыт разработчика, актуальные методические вопросы. «Personal experience with pedagogical content and other professional issues are also ideal catalysts for or foundations of case studies. Examples include: • Classroom management • Student resistance to pedagogical change • Administrative duties • Implementing new curriculum • Textbook adaptation • Culture shock among students • Teacher “successes” and “failures” [15, с. 14]. (Перевод: «Личный опыт работы с педагогическим содержанием и другие профессиональные вопросы также являются идеальным катализатором или основой кейс-стади. Примеры включают: • Управление классом • Сопротивление обучающихся педагогическим изменениям • Административные обязанности • Внедрение новой учебной программы • Адаптация учебника • Культурный шок у обучающихся • «Успехи» и «неудачи» учителей».)

Типы и виды методических кейсов могут быть весьма разнообразными. Далее приведены ***примеры авторских вопросных кейсов для методической подготовки учителей иностранных языков с учетом региональных и локальных образовательных реалий.***

Пример 1. Сегодня много частных школ иностранных языков, и дополнительное иноязычное образование пользуется спросом. Какую школу иностранных языков г. Томска Вы бы посоветовали для старшеклассников с низким уровнем владения иностранным языком и почему? Оцените методический потенциал подхода(ов) к обучению и учебную литературу, используемых в данной школе.

Пример 2. Знаете ли Вы учителей иностранных языков Томской области, победивших на региональном (областном) этапе, участвовавших или победивших на всероссийском этапе конкурса «Учитель года»? В чем заключается их методическое мастерство? Какие их методические приемы обучения иностранным языкам Вы считаете особенно эффективными?

Пример 3. Известный отечественный ученый в области методики преподавания иностранных языков, профессор Радислав Петрович Мильруд, рассматривая в своих публикациях такой феномен, как «методическая культура», утверждал, что культура обучения иностранному языку может иметь отличительные признаки в зависимости от региона и приводил в пример отдельные регионы нашей страны. Можно ли это применить к Томскому региону? Аргументируйте. Если да, то охарактеризуйте культуру обучения иностранным языкам в Томском регионе.

Пример 4. Студенты нашего университета (будущие учителя иностранных языков) постоянно участвуют в региональных и всероссийских олимпиадах по иностранным языкам и методике их преподавания. Формат заданий по методике преподавания в них периодически меняется. Какие из данных заданий (олимпиады последних 5 лет) Вы считаете наиболее показательными для оценки уровня методической готовности учителей иностранных языков? Какие еще задания Вы бы внесли в данный перечень?

Пример 5. Что стоит изменить в организации и содержании программы пройденной Вами педагогической практики, чтобы она была более продуктивной для Вас; позволила актуализировать в полной мере самые значимые методические умения учителя иностранного языка, Ваш творческий и педагогический потенциал?

Опыт автора статьи по применению кейсов в процессе методической подготовки учителей иностранных языков позволил выявить следующие ***проблемы, возникающие у студентов в процессе их решения:***

- обучающимся трудно отказаться от изначально предложенных ими решений кейса, даже если в итоге они оказываются недостаточно удачными;
- не всегда решение четко соотносится с задачей кейса;
- иногда задача, сформулированная в кейсе, уже давно решена и реализована, слишком проста и очевидна;
- ограничение объема текста решения кейса вынуждает отказываться от части важного содержания;
- поставленная в кейсе проблема порой слишком глобальна и не позволяет отразить ее в ограни-

ченном объеме текста. Случается и ограниченность, однобокость заявленной в кейсе проблемы;

– возможна неравнозначность оценки разделов (этапов) решения кейса;

– постановка проблемы иногда не соответствует профессиональному, научно-исследовательскому опыту и компетенциям студентов;

– у студентов присутствуют трудности в компрессии текста, научном обосновании проблемы кейса; им не хватает широты профессионального кругозора, погруженности в проблему и заинтересованности в решении.

Заключение

Кейс-технология пока не получила широкого применения в методической подготовке учителей иностранных языков, однако она достаточно хорошо обоснована на научном уровне. На сегодняшний день актуальны дальнейшее изучение проектирования, разработки и практическая реализация сборников кейсов для названной подготовки с учетом преимуществ, потенциала кейс-технологии для развития методической компетенции будущих учителей иностранных языков.

Список источников

- Игна О. Н. Признаки тенденции технологизации в отечественном языковом образовании // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 102–110.
- Игна О. Н. Методика и технология обучения: понятийно-функциональное соотношение // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 3 (22). С. 257–260.
- Игна О. Н. Технологизация профессионально-методической подготовки учителя: автореф. д-ра ... канд. пед. наук. Томск, 2014. 42 с.
- КЕЙС-СТАДИ: принципы создания и использования: учебно-метод. пособие. Тверь: СКФ-офис, 2015. 114 с.
- Зайцев В. С. Кейсовое обучение студентов в вузе: учебно-метод. пособие. Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2018. 31 с.
- Красикова Е. Н. Кейс-метод в структуре и содержании методической компетенции лингвиста-преподавателя: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2009. 24 с.
- Голубчикова М. Г., Харченко С. А. Кейс-технологии в профессиональной подготовке педагогов: учеб. пособие. Иркутск: ВСГАО, 2012. 116 с.
- Андриади И. П., Темина С. Ю. Основные направления применения кейс-технологий в профессиональной подготовке учителя // Эксперимент и инновации в школе. 2010. № 3. С. 2–4.
- Бобылева Л. И. Использование кейс-технологии в процессе профессионально-методической подготовки будущего учителя иностранного языка // Инновационные подходы в образовательном процессе высшей школы: национальный и международный аспекты: электронный сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 8–9 февр. 2018 г. / под. ред. Ю. П. Голубева, Н. А. Борейко. Новополоцк, 2018.
- Красикова Е. Кейс-метод как метод формирования методической компетенции учителя иностранного языка // Просвещение. Иностранные языки. 2012. URL: <http://iyazyki.prosv.ru/2012/06/case-study/> (дата обращения: 29.04.2022).
- Майер Н. Кейс-метод у методичній підготовці майбутнього викладача іноземних мов і культур // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету. Серія: Педагогіка. 2017. № 4. С. 134–145.
- Ниязова А. Е. Активизация процесса профессиональной подготовки учителя иностранного языка посредством «кейс-метода» // Язык и культура. 2014. № 2 (26). С. 163–173.
- Смолянинова О. Г., Храмова Л. Н., Колокольникова З. У., Митросенко С. В., Лобанова О. Б. Реализация кейс-технологий в профессиональной подготовке будущего педагога // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20683> (дата обращения: 29.04.2022).
- Burton J. Learning from teaching practice: A case study approach // Prospect. 2000. Vol. 15, № 3. P. 15–21.
- Kelch K., Malupa-Kim M. Implementing Case Studies in Language Teacher Education and Professional Development // ORTESOL Journal. 2014. Vol. 31. P. 10–18.
- Levin B. B. Using the case method in teacher education: The role of discussion and experience in teachers' thinking about cases // Teaching and Teacher Education. 1995. № 11. P. 63–79.
- Schritteser I. The role of case study in teacher education: An attempt to bridge the gap between action and reflection // Global Education Review. 2014. № 1 (4). P. 187–194.
- Савельева М. Г. Педагогические кейсы: конструирование и использование в процессе обучения и оценки компетенций студентов: учебно-метод. пособие. Ижевск: УдГУ, 2013. 94 с.
- Бейзеров В. А. 105 кейсов по педагогике. Педагогические задачи и ситуации: учебное пособие. М.: Флинта, 2015. 100 с.
- Сборник ситуационных педагогических задач / сост. Т. А. Наумова, Е. В. Мухачёва, А. Е. Причинин. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2020. 68 с.
- Макеева С. Н. Кейс-метод в исследовании методической компетенции учителя иностранного языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Ч. 3, № 5 (59). С. 198–201.

References

1. Igna O. N. Priznaki tendentsii tekhnologizatsii v otechestvennom yazykovom obrazovanii [Features of technologisation as a tendency in domestic language education]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2013, no. 3 (23), pp. 102–110 (in Russian).
2. Igna O. N. Metodika i tekhnologiya obucheniya: ponyatiyno-funktsional'noye sootnosheniye [Instructional methodology and instructional technology: conceptual and functional relationship]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture, education*, 2010, no. 3 (22), pp. 257–260 (in Russian).
3. Igna O. N. *Tekhnologizatsiya professional'no-metodicheskoy podgotovki uchitelya*. Avtoref. dis. dokt. kand. ped. nauk [Technologization of professional and methodological training of a teacher. Abstract of the thesis doctor. ped. sci.]. Tomsk, 2014. 42 p. (in Russian).
4. *KEYS-STADI: printsipy sozdaniya i ispol'zovaniya: uchebno-metodicheskoye posobiye* [CASE STUDY: principles of creation and use: teaching aid]. Tver, SKF office Publ., 2015. 114 p. (in Russian).
5. Zaytsev V. S. *Keysovoye obucheniye studentov v vuze: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Case study of students at the university: teaching aid]. Chelyabinsk, “Biblioteka A. Millera” Publ., 2018. 31 p. (in Russian).
6. Krasikova E. N. *Keys-metod v strukture i sodержanii metodicheskoy kompetentsii lingvista-prepodavatelya*. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Case method in the structure and content of the methodological competence of a linguist-teacher. Abstract of the thesis cand. ped. sci.]. Stavropol, 2009. 24 p. (in Russian).
7. Golubchikova M. G., Kharchenko S. A. *Keys-tekhnologii v professional'noy podgotovke pedagogov: uchebnoye posobiye* [Case technologies in the professional training of teachers: textbook]. Irkutsk, FGBOU VPO “VSGAO”, 2012. 116 p. (in Russian).
8. Andriadi I. P., Temina S. Yu. Osnovnye napravleniya primeneniya keys-tekhnologiy v professional'noy podgotovke uchitelya [The main areas of application of case technologies in teacher training]. *Ekspеримент i innovatsii v shkole*, 2010, no. 3, pp. 2–4 (in Russian).
9. Bobyleva L. I. *Ispol'zovaniye keys-tekhnologii v protsesse professional'no-metodicheskoy podgotovki budushchego uchitelya inostrannogo yazyka* [The use of case technology in the process of professional and methodological training of a future teacher of a foreign language]. *Innovatsionnye podkhody v obrazovatel'nom protsesse vysshey shkoly: natsional'nyy i mezhdunarodnyy aspekty: elektronnyy sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Innovative approaches in the educational process of higher education: national and international aspects: electronic collection of articles of international scientific-practical conference]. Novopolotsk, 2018. 1 electron. opt. disk (CD-ROM). (in Russian).
10. Krasikova E. Keys-metod kak metod formirovaniya metodicheskoy kompetentsii uchitelya inostrannogo yazyka [Case method as a method of forming the methodological competence of a foreign language teacher]. *Prosveshcheniye. Inostrannyye yazyki* [Education. Foreign languages]. 2012 (in Russian). URL: <http://iyazyki.prosv.ru/2012/06/case-study/> (accessed 29 April 2022).
11. Majer N. Keys-metod u metodichnij pidgotovci majbutn'ogo vkladacha inozemnih mov i kul'tur [Case-study in the methodological training of the future teachers of foreign languages and cultures]. *Naukovi zapiski Ternopil's'kogo nacional'nogo pedagogicheskogo universitetu. Seriya: pedagogika – Scientific notes of Ternopil National Pedagogical University. Series: Pedagogy*, 2017, no. 4, pp. 134–145 (in Ukrainian).
12. Niyazova A. E. Aktivizatsiya protsesa professional'noy podgotovki uchitelya inostrannogo yazyka posredstvom “keys-metoda” [Activation of the process of professional training of a foreign language teacher through the “case method”]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2014, no. 2 (26), pp. 163–173 (in Russian).
13. Smolyaninova O. G., Khramova L. N., Kolokol'nikova Z. U., Mitrosenko S. V., Lobanova O. B. Realizatsiya keys-tekhnologiy v professional'noy podgotovke budushchego pedagoga [Implementation of case technologies in the professional training of a future teacher]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*, 2015, no. 4 (in Russian). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20683> (accessed 29 April 2022).
14. Burton J. Learning from teaching practice: A case study approach. *Prospect*, 2000, vol. 15, no. 3, pp. 15–21.
15. Kelch K., Malupa-Kim M. Implementing Case Studies in Language Teacher Education and Professional Development. *ORTESOL Journal*, 2014, vol. 31, pp. 10–18.
16. Levin B. B. Using the case method in teacher education: The role of discussion and experience in teachers' thinking about cases. *Teaching and Teacher Education*, 1995, no. 11, pp. 63–79.
17. Schritteser I. The role of case study in teacher education: An attempt to bridge the gap between action and reflection. *Global Education Review*, 2014, no. 1 (4), pp. 187–194.
18. Savel'eva M. G. *Pedagogicheskiye keysy: konstruirovaniye i ispol'zovaniye v protsesse obucheniya i otsenki kompetentsiy studentov: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Pedagogical cases: construction and use in the process of teaching and assessing students' competencies: a teaching aid]. Izhevsk, UdGU Publ., 2013. 94 p. (in Russian).
19. Beyzerov V. A. *105 keysov po pedagogike. Pedagogicheskiye zadachi i situatsii: uchebnoye posobiye* [105 cases on pedagogy. Pedagogical tasks and situations: textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2015. 100 p. (in Russian).
20. *Sbornik situatsionnykh pedagogicheskikh zadach* [Collection of situational pedagogical problems]. Comp. T. A. Naumova, E. V. Mukhacheva, A. E. Prichinin. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2020. 68 p. (in Russian).

21. Makeyeva S. N. Keys-metod v issledovanii metodicheskoy kompetentsii uchitelya inostrannogo yazyka [Case method in the study of the methodological competence of a foreign language teacher]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2016, part 3, no. 5 (59), pp. 198–201 (in Russian).

Информация об авторе

Игна О. Н., профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Igna O. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 07.05.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 07.05.2022; accepted for publication 01.06.2022

НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

«Вестник Томского государственного педагогического университета. **Tomsk State Pedagogical University Bulletin**» – рецензируемый научный журнал, основан в 1997 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базы данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, ERIHPLUS, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://vestnik.tspu.edu>

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. **Tomsk**

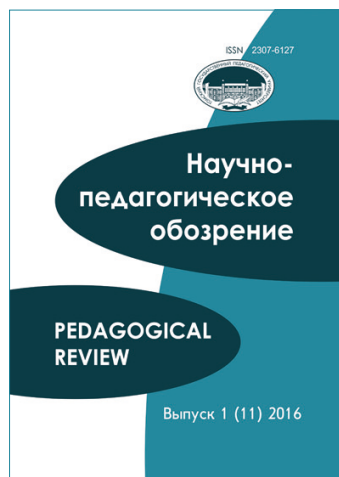
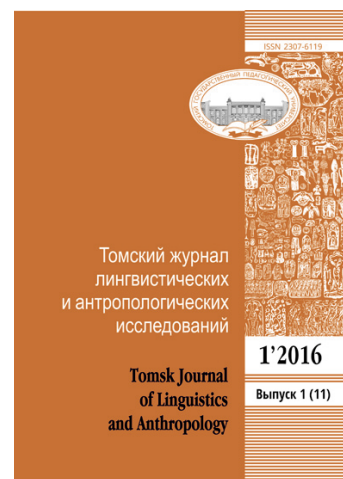
Journal of Linguistics and Anthropology» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 4 раза в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Издание включено в индекс научного цитирования Web of Science ESCI с 10.09.2017 г., включено в RSCI на базе Web of Science.

Также журнал состоит в базах данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, ERIHPLUS, EBSCO, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://ling.tspu.edu.ru>

E-mail: tjla@tspu.edu.ru

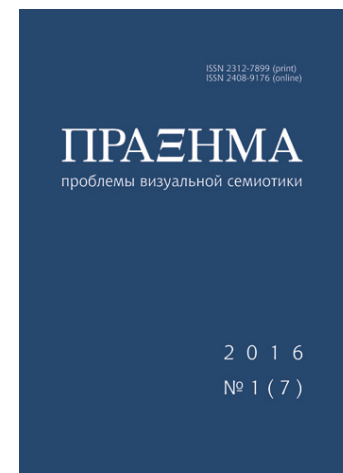

«Научно-педагогическое обозрение. **Pedagogical Review**» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базу данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://npo.tspu.edu.ru>

E-mail: npo@tspu.edu.ru

Научный журнал «Праксема. Проблемы визуальной семиотики» основан в 2014 г., выпускается 4 раза в год. Включен в базы данных ULRICHSWEB, SJR, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С 2018 г. журнал включен в базу индексируемых периодических изданий Scopus.

Электронная версия: <http://praxema.tspu.edu.ru>

E-mail: inir@tspu.edu.ru

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

